

А • РЕДКАЯ КНИГА РЕДКАЯ КНИГА
КАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ
• РЕДКАЯ КНИГА РЕДКАЯ КНИГА

КОНЕЦ РОССИЙСКОЙ МОНАРХИИ

КОНЕЦ РОССИЙСКОЙ
МОНАРХИИ

Солнце склонялось к западу, и воздух был окрашен в цвета сангвины и золота. Казалось, они пропитали и небо, и землю. Солдаты, все, как один, встали на колени, сняли фуражки и пели молитву... Солнце медленно склонялось, и в какой-то момент были видны лишь спины коленопреклоненных солдат, припавших к земле, словно целуя ее. Теперь все было окрашено в цвет крови, и поднимающийся от влажной земли туман придавал зрелищу вид огромной пылающей и дымящейся раны.

Из воспоминаний итальянского скульптора Пьетро Каноники о военном параде по случаю визита в Россию президента Франции Раймона Пуанкаре в июле 1914 года

КОНЕЦ РОССИЙСКОЙ МОНАРХИИ

РЕДКАЯ

КНИГА

КОНЕЦ РОССИЙСКОЙ МОНАРХИИ

А.Д. БУБНОВ

В ЦАРСКОЙ
СТАВКЕ

Ю.Н. ДАНИЛОВ

НА ПУТИ
К КРУШЕНИЮ

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2002

К64   **Конец российской монархии.** А.Д. Бубнов. В царской Ставке; Ю.Н. Данилов. На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. — М.: Воениздат, 2002. — 415 с., ил. («Редкая книга»).

ISBN 5-203-01917-7

В книгу вошли мемуары двух офицеров русской армии — адмирала А.Д. Бубнова и генерала от инфантерии Ю.Н. Данилова. Занимая ответственные должности в Ставке Верховного главнокомандующего в годы Первой мировой войны, они оба оказались в гуще трагических событий, охвативших Россию в начале XX века.

Адмирал Бубнов, курировавший Черноморский театр военных действий и занимавшийся непосредственной разработкой Босфорской десантной операции, стремится разобраться в причинах неудач, постигших русскую армию, которые он связывает прежде всего с начавшейся революцией. Эти же вопросы волнуют и генерала Данилова, повествующего о кризисной ситуации в стране, первой русской революции, работе Государственной думы и многом другом.

И те и другие мемуары написаны в эмиграции. Их авторам не суждено было возвратиться на Родину. Но их книги вернулись к российскому читателю и, безусловно, вызовут большой интерес у любителей русской истории.

ББК 63.3(2)52

ISBN 5-203-01917-7   © Предисловие Н.А. Черкашина, 2002

© Составление, оформление. Воениздат, 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гражданская война в России, разделившая русскую армию на белых и красных, вынудила многих офицеров, не признавших власть большевиков, эмигрировать за рубеж. Любя всем сердцем Россию, сражавшиеся за нее на фронтах Первой мировой, они, оказавшись в изгнании, пытались осмыслить трагические события, приведшие к крушению казавшейся незыблемой русской монархии.

Читателю предоставляется возможность познакомиться с мемуарами двух высших офицеров, стоявших на вершине военной пирамиды дореволюционной России. Контр-адмирал Александр Дмитриевич Бубнов и генерал от инфантерии Юрий Никифорович Данилов в годы Первой мировой войны вместе служили в Ставке Верховного главнокомандующего (первый — начальник Военно-морского управления, второй занимал должность генерал-квартирмейстера). Поэтому вполне логично, что их книги вышли под одной обложкой. Такое объединение позволяет наиболее полно представить себе сферу деятельности Ставки как на сухопутном, так и на морском театре военных действий.

Свидетели и участники одних и тех же событий, адмирал Бубнов и генерал Данилов, люди, посвятившие свою жизнь ратному делу, на многое смотрят одними и теми же глазами, хотя какие-то вещи оценивают по-разному.

Кто же они, авторы предлагаемых читателю записок?

Имя адмирала А.Д. Бубнова, написавшего книгу «В царской Ставке», пожалуй, известно лишь узкому кругу специалистов. Тем не менее с полной уверенностью можно утверждать, что он — один из выдающихся офицеров Российского флота, впоследствии оказавшийся незаслуженно забытым, как многие десятки и сотни верных сынов нашего Отечества.

Александр Дмитриевич Бубнов родился 16 мая 1883 г.* в семье дворянина Херсонской губернии. Его отец инженер-капитан Д.И. Бубнов был производителем работ в Управлении строительства варшавских укреплений. Мать, Елизавета Ивановна,

* Все даты в данном издании приведены по старому стилю. (Примеч. ред.)

урожденная Смит, дочь шведско-норвежского и австрийского вице-консула в Кронштадте.

В 1903 г., окончив Морской кадетский корпус, Бубнов поступает на крейсер «Генерал-адмирал» вахтенным начальником. В русско-японскую войну (1904—1905) в составе 2-й Тихоокеанской эскадры под командованием вице-адмирала З.П. Рожественского на эскадренном броненосце «Орел» он совершает переход на театр военных действий. В Цусимском сражении Бубнов получает тяжелое ранение, попадает в японский плен.

После освобождения Александр Дмитриевич плавал на учебных судах «Воин», «Петр Великий», на линейном корабле «Цесаревич», крейсере «Россия». Некоторое время он служил в Морском генеральном штабе. Затем поступил на военно-морское отделение Николаевской морской академии.

Первую мировую войну Бубнов встретил старшим офицером крейсера «Диана», вскоре перешел в штаб Верховного главнокомандующего. Там занимал должность флаг-капитана, а позже начальника Военно-морского управления при Верховном главнокомандующем, курировал Черноморский театр военных действий и занимался непосредственной разработкой Босфорской десантной операции.

В июле 1917 г. Бубнов становится контр-адмиралом, но начавшаяся революция прерывает его карьеру. Как и многие другие морские офицеры, он не признает власть большевиков и в декабре этого же года уходит в отставку. Некоторое время преподает в Морской академии, а затем переходит на службу к белым. Адмирал А.В. Колчак включает его в качестве морского эксперта в состав русской делегации Зарубежной России, участвующей в Версальской мирной конференции.

«Будучи начальником штаба Черноморского флота, помимо своей воли в начале 1920 г., — пишет историк-архивист А.Е. Иоффе, — Бубнов оказался втянутым в конфликт между А.И. Деникиным и П.Н. Врангелем, в связи с чем 8 февраля Деникин уволил его в отставку».

После окончания Гражданской войны Бубнов уехал за границу. Поселившись в Югославии, он участвовал в создании нового военно-морского училища в Дубровнике. В течение 20 лет преподавал в качестве ординарного профессора в Югославской морской академии, а также состоял действительным членом Русского научного общества в Белграде. Когда в 1941 г. гитлеровцы оккупировали страну, он ушел на пенсию и больше не принимал участия в каких-либо политических событиях. По-

сле войны он работал в гимназии в Кранье, где преподавал русский язык.

Из научных трудов Бубнова наиболее известны его книги: «Высшая тактика» (1911), в основе которой лежит курс, прочитанный автором в Николаевской морской академии; «История военно-морского искусства» в трех томах (1930—1933), вышедшая в Югославии на сербскохорватском языке; «Русская морская проблема», изданная в Праге в 1929 г.; «Проблема Босфора» на французском языке (1935). Монография «Стратегия. Ведение войны на море» стала предметом пристального внимания высших чинов Британского адмиралтейства.

Последние годы жизни Александр Дмитриевич посвятил переводу с сербскохорватского языка на русский своего главного труда — «Истории военно-морского искусства». Книга эта адресована русским читателям, и ее можно рассматривать как своего рода духовное завещание адмирала российским морякам.

2 февраля 1963 г. А.Д. Бубнов скоропостижно скончался в Кранье.

Биография Ю.Н. Данилова, автора книги «На пути к крушению», подробно восстановлена историком В.А. Авдеевым, занимавшимся исследованием жизни и деятельности этого выдающегося офицера русской армии.

Юрий Никифорович Данилов родился 13 (25) августа 1866 г. в Киеве. Его родители были потомственные дворяне, что и предопределило дальнейшую судьбу мальчика. Данилов получил военное образование во Владимирском кадетском корпусе (Киев) и Михайловском артиллерийском училище (Петербург). Уже в юности он выделялся среди своих сверстников. «В нем соединились отличные способности с трудолюбием. Всегда серьезный, как бы сосредоточенный в себе, он туго сходил с товарищами и только с некоторыми держался свободно и приветливо», — вспоминал его однокашник К.К. Эггер.

По окончании в 1886 г. училища в чине поручика Данилов был назначен в 27-ю артиллерийскую бригаду, дислоцировавшуюся в Вильно (Вильнюс). В 1889 г. он поступил в Академию Генерального штаба, которую окончил в 1892 г., и был назначен на должность командира роты в Киевском военном округе.

«В то время командующим этим округом был хорошо известный в русской армии и за рубежом выдающийся военный деятель и педагог генерал М.И. Драгомиров, — пишет военный историк В.А. Авдеев. — В обучении и воспитании солдат командир роты следовал драгомировской методике». Успешно пройдя цензовое командование ротой, штабс-капитан Данилов был переведен в Генеральный штаб с назначением помощником старшего

адъютанта штаба Киевского военного округа. Здесь он занимался вопросами мобилизации. Так, в конце 1895 г. Данилов участвует в работе особых комиссий по проверке подготовительных мобилизационных работ гражданских учреждений и их готовности к проведению самой мобилизации. Итогом участия в деятельности этих комиссий явилась разработка совместно с капитаном Писаревским и публикация в 1897 г. пособия по службе мобилизации. Книга получила высокую оценку Драгомирова и вскоре вышла вторым изданием.

Это обстоятельство способствовало скорому продвижению Данилова по служебной лестнице. Он прошел последовательно все ступени штабной службы, сначала в мобилизационном отделе, затем начальником отдела образования и устройства войск и, наконец, начальником оперативного отделения главного штаба. Одновременно в этот период Данилов занимался преподавательской деятельностью в военных училищах и офицерских школах, вел практические занятия в Академии Генерального штаба, а также активно выступал на страницах военной периодической печати.

После выделения самостоятельного Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) он, к тому времени уже полковник, в мае 1906 г. назначается на должность помощника 1-го обер-квартирмейстера Генерального штаба. Однако уже в конце года Данилов получает в свое командование 166-й Ровенский пехотный полк в Киеве. В октябре 1908 г. в его служебной карьере происходит очередной поворот: он возвращается в ГУГШ на должность 1-го квартирмейстера, а с 1909 г. становится обер-квартирмейстером, т. е. лицом, отвечающим за разработку планов стратегического развертывания вооруженных сил России в случае войны. На этом посту полковник, а затем генерал Данилов оставался до начала Первой мировой войны.

2 августа (19 июля) Данилов назначается генерал-квартирмейстером при Верховном главнокомандующем. В первый год войны ему также приходилось выполнять обязанности начальника штаба, так как генерал Н.Н. Янушкевич, сознавая свою неподготовленность к штабной службе, самоустранился от оперативной работы. Именно Данилов был в этот период инициатором и составителем всех планов операций.

В августе 1915 г. после отставки Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича Данилов был назначен на должность командира 25-го армейского корпуса. С августа 1916 г. он — начальник штаба главнокомандующего армиями Северного фронта. После Февральской революции, назначенный командующим 5-й армией Северного фронта, активно сотрудничает с Временным правительством, готовится к наступлению на фронте. Но солдатские массы уже не хотели воевать. Все усилия

генерала Данилова не дали никаких результатов. Наступление 5-й армии провалилось.

После корниловского мятежа ряд высших офицеров был уволен из армии, Данилова же включили в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа, где его и застала Октябрьская революция.

В 1918 г. Данилов поступает в распоряжение ГУГШ и в начале марта в составе делегации от Советского правительства участвует в подписании Брестского мира. Относясь к этой миссии как к тягчайшей обязанности, так как был противником заключения Россией сепаратного мира, Данилов все же соглашается участвовать в переговорах, считая, что в условиях военного времени индивидуальные побуждения должны отступать перед задачами службы.

По возвращении в Петроград Юрий Никифорович вместе с группой генералов и офицеров занимался разработкой плана создания новой армии, который, однако, не был принят большевистским правительством.

Не найдя общего языка с большевиками и глубоко потрясенный унижительными условиями мира с Германией, он 25 марта 1918 г. подал в отставку и уехал из Петрограда сначала в Украину, а затем в район действий Добровольческой армии. В 1920 г. Данилов некоторое время занимал пост начальника военного управления в правительстве генерала П.Н. Врангеля, а после поражения белых в Крыму эмигрировал в Константинополь.

Скитаясь по Европе, он в конце концов осел во Франции, где занимался военно-научной литературной деятельностью. «Следует подчеркнуть, что научное и публицистическое наследие Данилова, созданное им в эмиграции, весьма обширно», — пишет В.А. Авдеев. К сожалению, ни одна из работ Данилова (а это, по подсчетам Авдеева, 16 научных трудов и более 60 различных статей) не была опубликована на Родине.

Умер Ю.Н. Данилов в Париже 3 февраля 1937 г.

Обе книги, с которыми предстоит познакомиться читателю, в первую очередь интересны как «повествование от первого лица». Написанные сквозь призму личных переживаний и наблюдений, они, безусловно, субъективны, как любые мемуары. В то же время и Ю.Н. Данилов, и А.Д. Бубнов видят свою задачу не только в том, чтобы как можно точнее изложить события, но и в том, чтобы проанализировать их, понять подоплеку различных политических движений, высказать свою точку зрения на ту или иную проблему, в частности на причины поражения России в Первой мировой войне, разобраться в роковых поворотах империи «на пути к крушению».

Сегодня, когда наконец-то стало возможным анализировать то, что произошло с Россией в 1917 г., без идеологических шор, объективно и беспристрастно, свидетельства таких очевидцев и участников судьбоносных событий, как Данилов и Бубнов, становятся ценнейшим подспорьем для вдумчивых исследователей.

История, как известно, развивается по спирали. Не повторяясь точь-в-точь, события нынешнего времени переключаются с делами дней минувших. И порой ключ к решению современных проблем можно отыскать в прошлом, если внимательно проанализировать аналогичные события давних лет.

Минуло почти столетие со времен начала Первой мировой войны, и уже стала достоянием истории босфорская проблема, которой посвящены многие страницы в записках адмирала Бубнова. Но разве не актуальны его размышления по этому поводу, когда сегодня российские танкеры не пропускаются через Черноморские проливы, когда чуть ли не каждодневно нарушается международный статус этой важнейшей для России морской артерии?

Разве не остается для нас, перешагнувших рубеж третьего тысячелетия, по-прежнему важной мысль, которую Ю.Н. Данилов считает главной, — мысль о том, что «основными причинами совершившегося крушения великой Российской Империи были внутренняя слабость ее государственности и ошибочность политики ее центральной власти, не желавшей считаться с голосами и настроениями широких народных масс»? И разве тема «роль личности в истории», красной нитью проходящая через повествование обеих книг, не продолжает волновать нас, живущих в России, где всегда очень многое зависит от человека, стоящего во главе государства, будь он император, вожьд или президент?

В конце хочется отметить, что обе работы, исполненные в дневниково-мемуарном жанре, написаны живым, простым и правильным русским языком, которым, увы, не владеют многие нынешние мемуаристы.

Есть все основания полагать, что настоящая книга станет не только настольным пособием для слушателей Военной академии Генерального штаба, но и мудрым собеседником для большинства офицеров Российской армии, всех тех, кому интересна и дорога история нашего Отечества и кого волнует ее будущее.

Николай Черкашин

А.Д. БУБНОВ

**В ЦАРСКОЙ
СТАВКЕ**

Адмирал А.Д. БУБНОВ

ОТ АВТОРА

Два органа верховной власти стояли во главе России во время Первой мировой войны: правительство и Верховное командование вооруженными силами, взаимоотношения которых были лишь весьма неполно и неопределенно установлены введенным наспех с началом войны «Положением о полевом управлении войск в военное время», каковое к началу войны не было еще окончательно разработано.

На этот недостаток «Положения» сознательно закрывали глаза, считая, что единство действий этих двух органов верховной власти будет в полной мере обеспечено личностью царя, так как предполагалось, что в случае большой войны он будет совмещать обе должности: главы государства и Верховного главнокомандующего вооруженными силами.

При этом, однако, упускалось из вида, что полное и успешное единство действий таких двух органов верховной власти могло бы быть вполне обеспечено лишь в том случае, если бы громадное бремя этих должностей нес на себе такой гениальный правитель, каким был Петр Великий.

Между тем император Николай II таким гением не был. Но и помимо этого он, вопреки предположениям, не принял на себя верховное командование вооруженными силами, и, таким образом, исчезла даже сама возможность полного единства действий обоих органов верховной власти, мыслимая лишь при объединении их в одних руках.

Поэтому-то в Англии и во Франции, победоносно окончивших войну, вся полнота гражданской и военной верховной власти была сосредоточена в так называемом Военном кабинете.

У нас же в то время как Верховное командование — сначала в лице великого князя Николая Николаевича¹, а затем в лице генерала Алексева², которому государь всецело вверил верховное управление вооруженными силами страны, — стремилось добиться победы, верховное управление Россией в лице престола и правительства вело ее своей пагубной внутренней политикой к гибели.

Оба органа верховной власти — правительство в столице и Верховное командование в Ставке — если и не вступили сразу же после начала войны в открыто неприязненные отношения, то, во всяком случае, вместо тесного единения начали подозрительно относиться друг к другу.

В Ставке стали прислушиваться и приглядываться к тому, что говорят и делают в столице, в правительственных и придворных кругах, а в столице стали наблюдать за тем, что думает и предпринимает Ставка.

При этом тесного единения не было не только между гражданским управлением государством и Верховным командованием. Отсутствовало оно и в чисто военной сфере, ибо военный министр, на котором лежала громадная и ответственная задача снабжения и укомплектования армии, не был подчинен Верховному главнокомандующему.

Между тем занимавший должность военного министра бездарный интриган и оппортунист генерал В.А. Сухомлинов³, пользовавшийся, к сожалению, расположением государя, занял по отношению к Ставке враждебную позицию, считая себя обойденным назначением великого князя Николая Николаевича, так как со свойственным ему тщеславию и самомнением полагал, что в случае непринятия на себя государем должности Верховного главнокомандующего на эту должность никто в России, кроме него, не имел права и не был бы способен ее выполнять.

И вот в столице — в известных кругах и при Дворе — начали шептаться о том, что громадная популярность в России великого князя может причинить вред престолу, и намекать на то, что в Ставке могут появиться на почве этой популярности узурпаторские тенденции.

Слухи эти, конечно, тотчас же дошли до Ставки, которая начала подозрительно относиться к разным мероприятиям правительства, рассматривая их как стремление ограничить свободу действий Верховного командования. В душе же рыцарски честного и преданного престолу великого князя слухи эти вызвали глубокое возмущение и обиду, побудив его — а по его указанию и Ставку — тщательно избегать всего, что могло бы дать этим слухам малейшую почву. Таким образом, Ставка оказалась вынужденной не поднимать некоторых вопросов и не предпринимать известных действий, которые, однако, могли бы успешно повлиять на ход войны.

В частности, великий князь за все время войны, которое он провел на посту Верховного главнокомандующего, тщательно из-

бегал общения с так называемыми общественными кругами, группировавшимися вокруг Государственной думы, в которых он пользовался большой популярностью. Между тем в той гигантской борьбе, которую в Первой мировой войне вела Россия, тесное единение общественности с армией должно было бы, несомненно, благоприятно влиять на ход этой борьбы.

Кроме того, великий князь никогда не посещал войска на фронте, всегда предоставляя это делать государю, так как опасался вызвать этим подозрение в искании популярности среди войск. Между тем посещение великим князем войск, среди которых он действительно пользовался легендарной популярностью, могло бы, особенно в критические моменты операций, значительно способствовать благоприятному их ходу.

Великий князь был также вынужден отказаться от категорического требования смены высших военных начальников, оказавшихся несоответствующими своему назначению, но пользовавшихся благоволением государя, и не мог решительно вмешиваться в дело снабжения армии, которое было в руках военного министра, подчиненного не ему, а государю.

Лишь впоследствии, когда стало совершенно очевидно, что верховное управление страной не способно справиться со своей задачей и его деятельность может привести к поражению в войне, великий князь во имя спасения родины отказался от чрезмерной осторожности в своих сношениях с ним и начал выступать с решительными требованиями различных мероприятий, но затем вскоре был сменен.

Таким образом, раздвоение верховного управления и отсутствие единства действий между обоими органами верховной власти отразились на свободе действий великого князя в деле выбора высшего командного состава, ограничили его влияние на дух вооруженных сил и способствовали отчуждению его от народа, на творческих и духовных силах которого основывалось спокойствие и плодотворная деятельность страны в тяжелую годину войны.

С самого начала войны симпатии и чаяния русской общественности разделились между этими двумя органами верховной власти: все честные и любящие свою родину люди, принадлежавшие по своим убеждениям к прогрессивно настроенным слоям общества, устремили взоры на Ставку, а всё, что было сосредоточено в «темных силах» распутинского толка, тесным кольцом охватило правительственные сферы и престол.

Между тем после принятия на себя государем должности Верховного главнокомандующего отчуждение Верховного командования от общественности еще больше увеличилось, ибо государь относился к ней с предубеждением.

Однако общественные круги, порвавшие связь с правительством, находившимся под влиянием «темных сил», ведших Россию к гибели, продолжали видеть в Ставке луч надежды на спасение и стремились через посредство штаба Верховного главнокомандующего воздействовать на государя, чтобы побудить его изменить пагубную для России внутреннюю политику престола и правительства.

Роль правительства и общественности во время Первой мировой войны и их влияние на ее трагический исход в известной мере уже выяснены, но далеко еще не ясны роль и влияние Верховного командования на течение войны и ее исход. Особенно волнует вопрос: сделало ли Верховное командование, которое руководило вооруженными силами страны и к которому были обращены чаяния русского народа, все от него зависящее, чтобы предотвратить трагический исход войны.

Автор настоящих воспоминаний пробыв в Ставке в течение всей войны, находясь сначала на подчиненных, а затем на руководящих должностях. Он был свидетелем, а в некоторых случаях и участником принятия ряда неизвестных до сих пор истории решений, в значительной степени определивших исход войны, и составил определенное мнение о том, каково было и каковым могло бы быть влияние Верховного командования на этот исход, — иными словами, каковы были причины нашего поражения в Первой мировой войне, изложению чего и посвящены настоящие воспоминания.

Часть I

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ ПРИ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ НИКОЛАЕ НИКОЛАЕВИЧЕ

ВЫСТУПЛЕНИЕ ШТАБА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО НА ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Своим назначением в Ставку или, точнее говоря, в состав морского управления штаба Верховного главнокомандующего я был обязан тому, что в течение нескольких лет служил в Морском генеральном штабе и занимал кафедру общей тактики в Николаевской морской академии.

Назначение это застало меня в Кронштадте на крейсере «Диана», откуда я тотчас же выехал в Петербург, где Ставка формировалась.

В Петербурге мною было получено приказание обзавестись походным обмундированием защитного цвета и выбрать себе верховую лошадь в эскадроне Академии Генерального штаба. Последнее меня немало озадачило, так как, хотя мы, моряки, искони отличались неудержимым влечением к верховой езде, я все же не был вполне уверен, что не ударю в грязь лицом, следуя верхом в свите такого выдающегося кавалериста, каким был великий князь Николай Николаевич. Из этого затруднительного положения вывел меня командир эскадрона, дав мне старого и «мудрого» коня, который, по его словам, «из чувства собственного достоинства ни в коем случае меня не сконфузит».

Однако, как оказалось, условия ведения войны настолько изменились, что офицерам штаба Верховного главнокомандующего ни разу не пришлось садиться на лошадей. Впрочем, верховые

прогулки являлись для многих единственным отдохновением от напряженной работы, и в этом отношении мой «мудрый» конь сослужил мне во время войны хорошую службу.

Этот сам по себе незначительный случай показывает, сколь несовершенным в военных кругах было представление о ведении боевых действий в современных условиях накануне Первой мировой войны.

В течение нескольких дней, проведенных в Петербурге перед отъездом на фронт, я не мог не ощутить того глубоко сосредоточенного и озабоченного настроения, которое овладело всеми кругами столицы. На всех лицах выражалась скрытая тревога за будущее и смутно угадывались тяжелые предчувствия. Того радостного настроения, которое дает твердая уверенность в своих силах, не чувствовалось почти нигде. Все сознавали, что предстоит невероятно тяжелая борьба, и с болью в сердце провожали уходящих на фронт.

Правда, в первые дни войны замечался известный патриотический подъем под лозунгом единения царя с народом, выразившийся в патриотических манифестациях, но уверенности в прочности этого единения, вследствие известных всей России признаков разложения, подтачивавших престол и правительственные круги, ни у кого не было.

Единственная надежда была на великого князя Николая Николаевича. Его имя было у всех на устах, ему приписывалась некая чудодейственная мощь, которая благополучно выведет Россию из предстоящего ей тяжелого испытания. И мы, вступая в состав его штаба с сознанием, что на его личности покоятся все упования России, были проникнуты благоговейным к нему уважением и были готовы употребить все свои силы, чтобы облегчить ему сверхчеловечески трудную его миссию.

30 июля я получил распоряжение явиться на Царскосельский вокзал для отъезда в Ставку.

Время отправления поездов штаба Верховного главнокомандующего сохранялось в тайне, и на слабо освещенном перроне вокзала не было ни провожающих, ни публики. О том, что местом расположения Ставки будут Барановичи, большинство чинов штаба узнало лишь после того, как поезда выехали из Петербурга. Когда я прибыл на вокзал, он был пуст и безмолвен. Отсутствии привычных суеты и шума производило необычайное впечатление. У перрона стоял готовый к отходу поезд штаба Верховного главнокомандующего. Командант поезда направлял быстро входивших на перрон чинов штаба в отведенные им вагоны.

Надо всем царила какая-то торжественная строгость и сосредоточенность. В полночь, без всяких сигналов и никем не провожаемый, поезд тихо отошел от пустого перрона и, ускоряя ход, двинулся в путь.

Так началась жизнь Ставки Верховного главнокомандующего, которая до последнего дня пребывания на этом посту великого князя Николая Николаевича неизменно носила тот же характер молчаливо-строгой деловитости и проникновенной вдумчивости.

Штаб Верховного главнокомандующего был размещен в нескольких поездах. В первом находился великий князь Николай Николаевич, его брат великий князь Петр Николаевич⁴, ближайшая их свита: начальник штаба генерал Н.Н. Янушкевич⁵, генерал-квартирмейстер генерал Ю.Н. Данилов с офицерами оперативного отделения своего управления, протопресвитер военного духовенства отец Георгий Шавельский⁶ и представители союзных армий при Верховном главнокомандующем генералы маркиз де ла Гиш и сэр Хембери Вильямс.

Во втором поезде располагалось управление дежурного генерала во главе с генералом П.К. Кондзеровским, управление военных сообщений во главе с генералом И.А. Ронжиным, военно-морское управление во главе с контр-адмиралом Д.В. Ненюковым⁷, в составе которого был великий князь Кирилл Владимирович⁸, дипломатическая канцелярия во главе с Н.А. Базили⁹, временно замещавшим не успевшего прибыть князя Кудашева, гражданская канцелярия во главе с князем Оболенским и остальная часть управления генерал-квартирмейстера, не поместившаяся в первом поезде.

Эти два поезда собственно и составляли штаб Верховного главнокомандующего. В каждом из них был свой вагон-ресторан, и чинам штаба был обеспечен максимальный жизненный комфорт и удобства для работы, так как каждый имел отдельное купе.

В остальных поездах размещался служебный персонал штаба и охрана места расположения Ставки. В этих поездах штаб находился почти целый год, в течение которого Ставка оставалась в Барановичах.

В пути мы обогнали поезд великого князя Николая Николаевича, который задержался для совещания с главнокомандующим Северо-Западным фронтом генералом Я.Г. Жилинским¹⁰, и прибыли на станцию Барановичи раньше его. Всем нам было предложено выйти из вагонов и построиться на платформе вокзала для встречи великого князя. Здесь же должно было состояться представление чинов штаба великому князю: мы сами,

выйдя из вагонов, впервые познакомились со многими будущими сослуживцами, которых раньше не знали.

В ожидании великого князя образовались на платформе группы оживленно разговаривавших офицеров. Настроение было бодрое и приподнятое: 1-я армия только что с боем перешла немецкую границу и успешно продвигалась вперед, а начавшееся наступление в Галиции сулило нам победу. Обсуждался вопрос о продолжительности войны, и тех, кто осторожно определял ее в шесть месяцев, считали отъявленными пессимистами. Еще одно доказательство того, сколь ошибочно было, даже в руководящих военных кругах, представление о современных условиях войны.

Вскоре на станцию прибыл первый поезд и из него вышел на платформу великий князь. Строгим взглядом он окинул своих будущих сотрудников, быстрой походкой обошел строй, молча пожимая всем руки, и вернулся к себе в вагон. Поезд тут же тронулся, направляясь в месторасположение Ставки. Вслед за ним двинулись и мы.

Так, в строгой и сосредоточенной атмосфере, без лишних слов, началась повседневная работа штаба.

ЖИЗНЬ СТАВКИ

Ставка находилась вблизи местечка Барановичи, в районе казарм железнодорожной бригады. Окруженные лесом, они были пусты, так как занимавшая их бригада ушла на фронт. К этим казармам было проведено от железнодорожной магистрали несколько путей, на которые и стали поезда штаба.

На пути, ведущем к отдельно расположенному дому начальника бригады, стоял поезд Верховного главнокомандующего. В этом доме поместилось управление генерал-квартирмейстера, и к нему были проведены прямые провода связи с фронтом и Петербургом.

Ежедневно рано утром великий князь из своего вагона направлялся в сопровождении начальника штаба в управление, где, ознакомившись с донесениями, поступавшими за ночь с фронтов, принимал совместно с генерал-квартирмейстером оперативные решения. Донесения, поступающие в течение дня, докладывались великому князю в его вагоне, куда являлись к нему во всякое время для доклада начальники управлений штаба.

Таким образом, великий князь был осведомлен во всех подробностях о ходе военных действий и фактически, а не номинально ими руководил. Иногда он со своим поездом покидал на короткий срок Ставку и отправлялся на совещания к главнокомандующим фронтами, но за время своего пребывания на посту

Верховного главнокомандующего в Петербург или куда-либо в тыл не ездил.

Второй поезд стоял на другом пути в небольшом расстоянии от первого, и остальные управления штаба разместились в ближайших казарменных постройках бригады. Личное общение между управлениями штаба ограничивалось кратким изложением дела или получением справки. В управление же генерал-квартирмейстера чины штаба, не принимавшие непосредственного участия в оперативной работе, вообще не допускались.

Штаб Верховного главнокомандующего при великом князе был весьма немногочислен: в управлении генерал-квартирмейстера было около восьми офицеров Генерального штаба, а в каждом из остальных военных управлений, т. е. в управлениях дежурного генерала, военных сообщений и военно-морском было от четырех до шести офицеров, так что в непосредственной работе по Верховному управлению вооруженными силами России участвовало всего около 25 офицеров. Во всем же штабе, включая чинов дипломатической и гражданской канцелярии, офицеров для шифрования, адъютантов, офицеров на второстепенных или специальных должностях, было всего около шестидесяти человек, не считая офицеров частей, несших охрану Ставки и ее обслуживающих. В этом отношении штаб при великом князе был полной противоположностью штабу, который при государе разросся до нескольких сот человек.

Охранные части оцепили Ставку кольцом своих постов и в район ее расположения никого не пропускали, а окружающая лесная местность, скрывая Ставку от посторонних взоров, еще больше отчуждала нас от внешнего мира и способствовала строгому образу жизни, заведенному в ней с самого первого дня. Все это создавало спокойную обстановку для сосредоточенной работы и обеспечивало сохранение тайны.

Работа в штабе продолжалась с раннего утра до позднего вечера, а зачастую и ночью — с небольшими перерывами для завтрака и обеда, во время которых в вагон-ресторан нашего поезда сходились офицеры штаба. Служебные разговоры не допускались, и беседа велась на отвлеченные темы, не касающиеся ведения войны. Еда была простая, к столу подавалось только легкое белое или красное вино.

Каждый день известное число чинов штаба из нашего поезда приглашалось к столу великого князя в первый поезд. Вагон-ресторан в нем, как и все вагоны-рестораны, был разделен переборкой с дверью на два неравных отделения. В меньшем за столиком в углу сидел великий князь с начальником штаба и протоиереем отцом Шавельским, за столиком рядом с ним — представители союзных армий, а за остальными двумя сидели генерал-квартир-

мейстер и приглашенные гости. Остальные чины первого поезда располагались в большом отделении.

Великий князь входил в вагон-ресторан точно в назначенный час, пожимал руки сначала всем гостям, а затем переходил во второе отделение, чтобы поздороваться с теми чинами первого поезда, которых он в этот день не видел. Ввиду его высокого роста на верхней перекладине дверной рамы в переборке был прикреплен лист белой бумаги, чтобы обратить его внимание на необходимость наклонить голову.

Завтрак продолжался очень недолго — каких-нибудь полчаса с небольшим. Беседа за столом обычно носила не натянутый, но сдержанный характер. Когда дела на фронте шли благоприятно, великий князь принимал в ней живое участие и остроумно шутил, но, когда положение на фронте оставляло желать лучшего, он хмурился и завтрак проходил в молчании.

В тяжелые же периоды самсоновской катастрофы¹¹ и отступления из Галиции приглашения к столу великого князя прекратились.

Короткими перерывами в работе после завтрака и обеда мы пользовались для прогулок пешком и верхом по живописным окрестностям Ставки. Эти прогулки были единственным нашим развлечением.

Во время этих перерывов генерал-квартирмейстер Данилов обычно гулял по дорожке сада вдоль домика, где было его управление, и, покуривая сигару, обдумывал ведение операций. Великий князь, когда не гулял вместе с ним, строго наблюдал за тем, чтобы никто не нарушал размышлений Данилова во время этих прогулок.

Изредка мы, более молодые офицеры штаба, выезжали целым эскадром верхом на прогулку под командой общего любимца Ставки, весельчака и балагура, бывшего лихого кавалериста полковника Генерального штаба Муханова, который заставлял нас проделывать разные эволюции. Во время таких эволюций больше всего доставалось, конечно, нам, морякам, а особенно мне, ибо мой «росинант», не желая терять собственного достоинства, решительно никогда не торопился. Однако, к нашему удовольствию, доставалось от Муханова и его собратьям по оружию, особенно медлительному и мягкому полковнику Стаховичу. Прогулки эти своим весельем очень способствовали поддержанию хорошего настроения в Ставке.

Хотя великий князь весьма отрицательно смотрел на посещение родными и близкими членов штаба, все же изредка жены некоторых приезжали на краткие свидания со своими мужьями и, тщательно скрываясь, жили в плохонькой гостинице местечка Барановичи.

Однажды мы с женой на прогулке верхом в дальнем и глухом лесу неожиданно встретились с великим князем, который ехал верхом в сопровождении начальника штаба. Я обомлел. Однако великий князь отвернулся и, заговорив с начальником штаба, сделал вид, что нас не заметил. На следующий день за завтраком он посмотрел на меня иронически — тем дело и ограничилось.

Этот случай привожу лишь в опровержение распространяющихся некоторыми злонамеренными лицами слухов о якобы бессердечности и даже бесчувственности великого князя.

Иногда в Ставку приезжал государь со своей свитой и некоторыми министрами. Эти приезды всегда вносили тревожное настроение в жизнь Ставки, ибо они в большинстве случаев были вызваны решением каких-либо исключительно важных для ведения войны вопросов.

Зная умонастроение государя и некоторых его министров, мы всегда беспокоились за исход этих совещаний, опасаясь последствий столкновения взглядов между великим князем и окружением государя. С тревогой смотрели мы на медленно проходивший в Ставку мимо нас царский поезд, за которым как бы тянулась струя гнетущей атмосферы, окружавшей престол и известные столичные круги, и облегченно вздыхали, когда царский поезд покидал Ставку.

Во все остальное время Ставка жила своей обособленной строгой жизнью, работая в атмосфере возвышенных чувств. Вся Россия знала, что там, в этой Ставке, пользовавшейся в то время громадным авторитетом и уважением, живет и творит свое великое дело благородный вождь, на которого она возлагала все свои надежды.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

По своим личным качествам великий князь Николай Николаевич был выдающимся человеком, а среди членов императорской фамилии представлял собою отрадное исключение. По природе честный, прямой и благородный, он соединял в себе все свойства волевой личности, т. е. решительность, требовательность и настойчивость. Причем эти свойства проявлялись в нем иногда в чрезмерной форме, подчас создававшей ему репутацию суровой строгости. Все — не исключая министров и высших чинов государства — его побаивались, а нерадивые и неспособные люди панически боялись.

В этом отношении великий князь точно походил на адмирала З.П. Рожественского¹², благодаря личной железной воле которого, как ныне окончательно установлено историей, был осуществ-

лен во время русско-японской войны небывалый подвиг — поход на Дальний Восток 2-й Тихоокеанской эскадры.

При господствовавшем в царствование императора Николая II во всем государственном аппарате безволия и nepотизме¹³ наличие на посту Верховного главнокомандующего такой волевой личности, как великий князь Николай Николаевич, было одним из главных залогов благополучного исхода войны, и потому-то вся Россия встретила с таким единодушным восторгом назначение его на этот пост.

Помимо этого, великий князь, пройдя все ступени военной иерархии, был истинным знатоком военного дела, которое он искренно любил и которому посвятил всю свою жизнь. Имея высшее военное образование, он отдавал себе ясный отчет в задачах высшего командования и руководства военными операциями, чему способствовало продолжительное пребывание его в должности командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, а незадолго до войны и на должности председателя Совета государственной обороны.

Давно уже в России не было личности, в такой мере отвечающей по своим качествам должности Верховного главнокомандующего, как великий князь Николай Николаевич. Но, стоя во главе вооруженных сил России, он, к сожалению, не был — как уже в предисловии мною сказано — свободен в своих решениях. Он должен был считаться с государем, который со своим правительством распоряжался судьбами государства.

Хотя великий князь и считал, что многие действия правительства могут иметь отрицательное влияние на ход войны, хотя он и отдавал себе ясный отчет в пагубном влиянии на государя его супруги и распутинской камарильи, однако из-за верноподданнических чувств не считал себя вправе вмешиваться в категорической форме в верховное управление страной и в семейную жизнь государя.

Несомненно, при приездах государя в Ставку великий князь в своих разговорах с ним с глазу на глаз предостерегал его об этом. Но, зная чувства и идеологию великого князя, можно с уверенностью сказать, что, если он и излагал свои мнения в свойственном ему решительном тоне, то во всяком случае никогда не придавал им характера угрозы, которую ему приписывала народная молва, твердившая, что он требовал заточения государыни¹⁴ в монастырь.

Однако предостережения великого князя не только не достигали цели, но и имели в некотором отношении даже отрицательное действие. Государь, конечно, ставил о них в известность свою супругу, под чьим безграничным влиянием он находился, и этим еще больше усугублялась ее ненависть к великому князю. Госу-

дарыня издавна не любила великого князя, потому что видела в нем волевою личность, к тому же до нее доходили слухи о его огромной популярности, которую она считала опасной для престола. Эту мысль она внушала государю с самого начала войны, и разговоры великого князя с Николаем II заставляли ее еще более усилить свое воздействие на мужа, что в конце концов и привело к смене великого князя.

Презрение великого князя к Григорию Распутину¹⁵ было также известно государыне. Его якобы ответ на попытку Распутина приехать в Ставку для благословения войск: «Приезжай — повешу» — был сразу распространен народной молвой и встречен с всеобщим энтузиазмом, что не могло, конечно, не дойти до государыни. Однако вряд ли великий князь мог привести такую угрозу в исполнение, ибо никогда не решился бы нанести явный удар престижу царской семьи, и так уже поколебленному Распутиным.

Но энтузиазм, с которым по всей России была встречена эта легенда, как нельзя более ярко выражает глубину той духовной трагедии, которую переживала страна, вступая в гигантскую борьбу, благоприятный исход которой мог быть достигнут лишь при условии единодушного устремления всех духовных сил народа исключительно на борьбу с грозным внешним врагом.

С неспособными же военачальниками великий князь действительно расправлялся решительно и круто, но, конечно, никогда не применял физического воздействия, как это ему приписывала народная молва, так как это претило его благородной рыцарской натуре.

Нижеследующий случай покажет точку зрения великого князя в отношении его к командному составу.

В начале зимы 1914 г. немецкие крейсера «Гебен» и «Бреслау» начали сильно беспокоить своими внезапными бомбардировками части кавказской армии, опиравшиеся на Черноморское побережье.

Хотя деятельность Черноморского флота не отличалась особенной энергией, вызывая этим гнев и нарекания великого князя, однако за неимением в составе Черноморского флота достаточно быстроходных судов командующий флотом адмирал А.А. Эбергард¹⁶ не был в состоянии пресечь операции этих немецких крейсеров, о чем морское управление великому князю и докладывало.

Однажды после одной из таких операций ординарец великого князя принес нам поздно вечером в управление написанную лично великим князем телеграмму для отправки адмиралу Эбергарду.

В это время в управлении со мной был мой товарищ и друг В. Яковлев, так как адмирал Ненюков уехал по делам в Петер-

бург. Прочтя с ним эту телеграмму, мы пришли в ужас от резкости выражений, в которых она была составлена. Во флоте мы искони привыкли к совсем иным формам отношений между начальствующими лицами и их подчиненными, особенно на высоких должностях, а зная чрезвычайно благородный, честный и самолюбивый характер адмирала Эбергарда, сильно опасались, как бы эта телеграмма не вызвала катастрофу.

Посоветовавшись с Яковлевым, я решил попытаться попросить через начальника штаба великого князя смягчить выражения телеграммы. Когда я изложил генералу Янушкевичу свою просьбу, он гневно посмотрел на меня и с трепетом в голосе воскликнул: «Как вы осмеливаетесь вмешиваться в повеления великого князя! Да знаете ли вы, чем это вам угрожает?!» На это я ему ответил, что, зная характер адмирала Эбергарда, я опасаясь, что такая телеграмма может побудить его на самоубийство и что поэтому я настаиваю на своей просьбе.

Тогда генерал Янушкевич взял из моих рук телеграмму, посмотрел на меня с печальным сожалением и, сказав: «Хорошо, но за последствия я не ручаюсь», прошел в вагон великого князя. Через несколько минут он вернулся и, передав мне слова великого князя: «Когда дело идет о пользе Родины и успехе военных действий, я не щаю отдельных личностей», приказал отправить телеграмму без изменений.

К счастью, эта телеграмма не возымела того действия, которого мы опасались: адмирал Эбергард нашел в себе мужество перенести обиду во имя своего долга перед Родиной в войне.

Этот случай ясно показывает то возвышенное понимание великим князем своего долга как Верховного главнокомандующего, из коего вытекали его отношения к подчиненным без различия положения, которое они занимали, а также высокое сознание своего военного долга со стороны некоторых благородных личностей подчиненного ему командного состава.

Но в вопросе смены высшего командного состава великий князь не был вполне свободен. Тут ему приходилось считаться с волей государя. А так как симпатии Николая II распространялись нередко на совершенно неспособных генералов, сумевших завоевать его благосклонность угодничеством и интригами, то в вопросе устранения таких генералов великому князю подчас нелегко было добиться своей цели.

Несмотря на то что, например, пользовавшийся расположением государя генерал Ренненкампф¹⁷ доказал в Восточной Пруссии в начале войны свою несостоятельность, его удалось убрать лишь после того, как он, к всеобщему негодованию, скомпроме-

тировал успех Лодзинской операции, где мы — не будь его — могли бы сторицей искупить катастрофу самсоновской армии.

Нелегко было также доказать государю необходимость убрать генерала Сухомлинова, ответственного за недостаточное снабжение армии и обманувшего государя своими ложными докладами. И несмотря на то что после смены Сухомлинова ясно обнаружилась вся легкомысленная преступность его деятельности и весь причиненный им России вред, государыня старалась своим влиянием на императора смягчить ожидавшую генерала заслуженную кару.

Еще более тяжелым было положение великого князя, когда ему приходилось во имя успешного ведения войны поднимать вопрос о смене неспособных членов правительства, что составляло прерогативу государя.

Между тем трения, возникавшие между великим князем и государем в вопросах смены высших чинов военного и особенно гражданского управления, пользовавшихся расположением императора и поддержкой «темных сил», оставляли в скрытой и ревнивой к своим прерогативам психологии Николая II глубокий след и еще более отчуждали его от великого князя.

Так интригами, влиянием «темных сил» и работой разных лиц, снискавших себе недостойными путями расположение престола, создавались и углублялись трения между правлением страны и Верховным командованием ее вооруженных сил. А между тем в условиях современной войны «вооруженных народов», и особенно в тех условиях, в которых вела ее Россия, главным слагаемым не только успеха в войне, но и спасения государства должно было бы быть тесное единение этих двух органов верховной власти.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ ШТАБА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Ближайшими сотрудниками великого князя были начальник штаба генерал Янушкевич и начальники отдельных управлений штаба.

Генерал Янушкевич автоматически перешел согласно Положению о полевом управлении войск на должность начальника штаба Верховного главнокомандующего с должности начальника главного управления Генерального штаба, которую он занимал перед войной и на которую был назначен Сухомлиновым главным образом благодаря покладистости характера, если не сказать более, и отсутствию свободы мысли.

Став начальником штаба Верховного главнокомандующего, он растерялся, но все же имел гражданское мужество осознать

свою неспособность и уступил руководящую роль в верховном командовании генерал-квартирмейстеру Данилову.

Генерал Данилов (прозванный «черным» за цвет своих волос в отличие от другого, «рыжего» генерала Данилова — начальника тыла) был несомненно одним из самых образованных и знающих свое дело офицеров русского Генерального штаба. Строгий, требовательный в службе, он был грозой для подчиненных, но за искусственно созданной им самим несколько мрачной и недоступной наружностью скрывался блестящий, правда, едкий, но всегда любезный собеседник. Обладая твердостью характера, граничащею с упрямством, он, однако, не отличался особенной широтой взглядов, но, во всяком случае, генерал Данилов был во всех отношениях отличным сотрудником, являясь ближайшим подчиненным такого решительного вождя, как великий князь Николай Николаевич, который его ценил и уважал.

Все остальные ближайшие подчиненные великого князя также были на должной высоте.

Дежурный генерал Кондзеровский, в высшей степени симпатичный, вдумчивый человек, пользовался всеобщей любовью в армии и на своей должности распорядителя личного состава был, безусловно, незаменим. Начальник управления военных сообщений генерал Ронжин обладал широкими взглядами, имел блестящие способности. Большой знаток своего дела, он умело управлял военными сообщениями. Начальник военно-морского управления адмирал Ненюков соединял в себе свойства большого сибарита с ясностью ума и высокой духовной культурой. Управляющий дипломатической канцелярией Базили, человек исключительно выдающихся способностей, с полным правом считался одним из лучших молодых русских дипломатов.

Начальники отдельных управлений поддерживали между собой самые тесные отношения и были безгранично преданы великому князю, вследствие чего штаб представлял собой единое тело, одушевленное единством взглядов и был отличным органом для проведения в жизнь воли Верховного главнокомандующего.

Особняком стоял по своему положению протопресвитер военного духовенства отец Георгий Шавельский. Редко можно было встретить среди иерархов церкви столь пронизательного, мудрого и обаятельного человека. Прекрасно осведомленный о состоянии настроений народа благодаря обширной сети священников армии, куда вливались люди всех классов общества, он внимательно следил за развитием общественных настроений. Отдавая себе ясный отчет в крупных недостатках верховного управления государством, глубоко скорбел об этом душой и с тревогой взирал на будущее. Решительный противник Распутина и его приспеш-

ников, он мужественно предупреждал государя об опасностях, грозивших России в связи с разлагающим влиянием на правительство «темных сил».

Как вследствие своих высоких умственных и душевных качеств, так и вследствие возвышенного патриотизма отец Георгий имел большое влияние на великого князя, которому он был чрезвычайно предан, видя в нем спасителя России. Влияние это усиливалось тем, что для великого князя, который был глубоко верующим человеком, отец Георгий являлся духовным пастырем.

Таким образом, в деятельности великого князя по ведению войны и в его заботах о благе России два лица, занимавших место в непосредственной его близости, могли иметь на него влияние. Это генерал Данилов и отец Георгий.

Среди офицеров управления генерал-квартирмейстера особенно выделялись своими способностями полковники Щелоков, Скалон, Самойлов и капитан Андерс.

Щелоков вследствие весьма неприятных личных свойств был очень непривлекателен. Позднее, во время Гражданской войны, он был у большевиков начальником штаба Буденного и много содействовал успехам его конницы.

Полной ему противоположностью был необыкновенно благородный, честный и привлекательный Скалон. Командированный от штаба Верховного главнокомандующего в состав делегации для ведения мирных переговоров в Брест-Литовск, он не вынес позора Брестского мира и застрелился. Самойлов отличился во главе своего полка. Андерс во время Второй мировой войны командовал польским добровольческим корпусом в составе союзных войск на итальянском фронте.

В состав военно-морского управления входили: великий князь Кирилл Владимирович, назначенный впоследствии начальником морских батальонов на фронте; капитан 2 ранга А.В. Немитц¹⁸, впоследствии командир эскадренного миноносца в Черном море; автор настоящих воспоминаний, пробывший в Ставке до ее занятия большевиками, и его близкий друг старший лейтенант В.В. Яковлев¹⁹, назначенный впоследствии морским агентом в Румынию, на каковом посту он своими разведывательными сведениями о Турции и Болгарии весьма содействовал операциям Черноморского флота.

Мы трое раньше служили в Морском генеральном штабе, а Немитц и автор настоящих воспоминаний были профессорами Николаевской морской академии. Краткое время находился в нашем управлении и лейтенант Апрелев.

Всеобщей симпатией пользовались в Ставке доктор А.А. Козловский и начальник нашего автомобильного парка капитан

В.Р. Вреден. Козловский усердно и внимательно заботился о нашем здоровье, а гостеприимный, всегда благорасположенный Вреден, с которым все мы были в приятельских отношениях, доставлял многим из нас при общении с ним приятные минуты душевного отдохновения от напряженной нашей работы.

ВЫСШИЙ КОМАНДНЫЙ СОСТАВ

Личный состав, который при вступлении своем в должность Верховного главнокомандующего великий князь застал на высших командных постах армии, к сожалению, во многих случаях далеко не отвечал своему назначению. Особенно неудовлетворительным был высший командный состав Северо-Западного фронта в лице его главнокомандующего генерала Жилинского и командующих армиями этого фронта: 1-й — генерала Ренненкампа и 2-й — генерала Самсонова, что и явилось одной из главных причин происшедших в начале войны на этом фронте катастрофы армии генерала Самсонова и разгрома армии генерала Ренненкампа.

Все эти три генерала — типичный пример выдвижения в эпоху министра Сухомлинова на командные посты людей, не соответствующих своему назначению.

Генерал Жилинский, бывший некоторое время начальником Главного управления Генерального штаба, оказался выдвинутым на высшие командные посты благодаря отсутствию у него широкой инициативы и твердости характера, что делало его безопасным для Сухомлинова. Карьере генералов Самсонова и Ренненкампа положили начало «лихие» их действия во главе конных отрядов во время «боксерского» восстания 1901 г. и в ходе русско-японской войны (1904—1905). Но командные их способности не шли далее начальника кавалерийской дивизии, что ясно обнаружилось в самом начале Первой мировой войны и имело решительное влияние на ход наших операций в Восточной Пруссии.

Оба они не имели представления о руководстве крупными армейскими соединениями в условиях современной войны и применяли методы управления небольшим конным отрядом. В критические минуты операций отрывались от штабов и выпускали из рук оперативное руководство; при этом не умели поддерживать связь по фронту и организовать разведку, действовали вслепую и в результате неожиданно оказывались лицом к лицу с внезапно создавшейся катастрофической для них обстановкой.

На Юго-Западном фронте положение в отношении командного состава было значительно лучше, благодаря тому, что там на постах командующих армиями и командиров корпусов находились

такие выдающиеся генералы, как Щербачев, Брусилов²⁰, Плеве и Горбатовский, а также главным образом тому, что фактическое руководство операциями этого фронта находилось в руках самого выдающегося представителя нашего Генерального штаба генерала Алексеева.

Началу карьеры главнокомандующего этим фронтом генерала Н.И. Иванова²¹ положило усмирение им солдатских беспорядков при возвращении войск после русско-японской войны. Никакими стратегическими способностями он не отличался и образования Генерального штаба не имел, но все же был достаточно умен, чтобы всецело предоставить оперативное руководство Юго-Западным фронтом начальнику штаба генералу Алексееву. Вообще говоря, генерал Иванов представлял собой типичный пример, нередкий в то время, «дутых знаменитостей».

Причинами несоответствия своему назначению части высшего командного состава была, с одной стороны, система выдвижения на командные должности, при коей решающую роль нередко играли не стратегические способности, а «лихость», «беззаветная преданность» и ханжество; с другой же стороны — неудовлетворительная теоретическая и практическая подготовка перед войной командного состава к занятию высших командных должностей, на что столь ясно указывал в своих трудах талантливый профессор генерал Н.Н. Головин.

Только этим и можно объяснить нахождение на посту командира 1-го корпуса генерала Артамонова, сыгравшего такую печальную роль в катастрофе армии генерала Самсонова, карьера которого была основана на рассказах о том, как он переплыл при экспедиции в Абиссинию «Нил на крокодиле», а упрочилась перед войной ханжеством и строгим требованием, чтобы во всех помещениях подчиненных ему войсковых частей были иконы и лампы.

К каким последствиям привела такая система выбора начальников, автор настоящих воспоминаний мог лично убедиться при командировке из Ставки в Восточную Пруссию в начале войны.

Вскоре после начала наступления армии Самсонова, накануне ее катастрофы, я был срочно командирован Верховным главнокомандующим к генералу Ренненкампу с приказанием обратить его внимание на правый фланг вверенной ему 1-й армии и лично убедиться в надежности мер, принятых для его обеспечения.

Дело заключалось в том, что Верховное командование справедливо опасалось, как бы немцы, пользуясь своим господством на Балтийском море, на побережье коего правый фланг 1-й армии опирался, не сделали попытку нападения на этот фланг со стороны моря и этим бы лишили армию свободы маневрирова-

ния, когда эта свобода после начала наступления самсоновской армии была генералу Ренненкампфу особенно нужна для согласования с последней своих действий. Эти опасения были тем более обоснованны, что согласно поступившим в Ставку агентурным сведениям немцы спешно сосредоточивали в Кудиш-Гафе мелкосидящие суда, при помощи которых они могли предпринять десантную операцию не только против правого фланга 1-й армии, но и в ближайший ее тыл.

Между тем сведения, поступавшие о положении дел на правом фланге 1-й армии из штаба Северо-Западного фронта, или, вернее говоря, отсутствие этих сведений заставляло предполагать, что ни главнокомандующий войсками фронта, ни командующий 1-й армией не отдают себе ясного отчета об опасности этого положения.

Выехав из Ставки на автомобиле прямо в Восточную Пруссию, я принужден был оставить его в Ковно, так как загромождение шоссе дорог не позволяло быстрой езды, и отправился далее с этапным поездом в Инстербург. Приехав туда, прямо с вокзала я поспешил в гостиницу, где расположился генерал Ренненкампф со своей свитой.

Там застал такую картину: на застекленной веранде, сообщаемой широкими дверями с ресторанным залом, сидело за длинным обеденным столом человек двадцать офицеров, а во главе стола, у самых дверей, ведущих в ресторанный зал, расположился сам генерал Ренненкампф.

Посадив меня рядом с собой и поверхностно расспросив о цели моего приезда, генерал Ренненкампф продолжил разговоры с собравшимися на разные оперативные темы.

Осмотревшись, я был очень удивлен тем, что почти все сидевшие за столом — совсем молодые офицеры, по-видимому адъютанты и ординарцы командующего армией; штаб-офицеров Генерального штаба было среди них всего два.

К столу во время обеда часто подходил хозяйничавший у стойки ресторана буфетчик, с которым все говорили по-немецки, заказывая ему кушанья и пиво. Этот буфетчик был немец, и едва ли, судя по его интеллигентному лицу и выправке, не переодетый немецкий офицер. Его по непростительному недомыслию оставили на своей должности квартирьеры штаба при отводе гостиницы под помещение для командующего армией. Находясь за своей стойкой в ресторанном зале, он, конечно, хорошо слышал легкомысленно ведущиеся за столом командующего армией разговоры на оперативные темы и, как впоследствии обнаружилось, сообщал ночью их содержание в Кенигсберг по телефону, спрятанному под стойкой буфета.

По окончании обеда командующий армией направил меня в оперативное отделение своего штаба, расположенного тут же в гостинице. Там я застал двух офицеров Генерального штаба и из разговора с ними понял причину удививших меня ненормальных явлений.

Оказалось, что начальник штаба «рассорился» с командующим армией и остался в Шталлупенене вместе с некоторыми старшими чинами штаба, а в Инстербурге при генерале Ренненкампфе остались два пользовавшихся его особенными симпатиями офицера Генерального штаба и целый полк «примазавшихся» к нему адъютантов, ординарцев и «маменьких сынков» из влиятельных придворных кругов, способствующих его карьере. Этим отчасти объясняется то, что Ренненкампф не был немедленно смещен после разгрома его армии, в чем его вина была несомненна.

Полученные мною в оперативном отделении неопределенные сведения о положении на правом фланге армии меня не удовлетворили, и я решил на другой день утром доложить об этом генералу Ренненкампфу, а затем выехать к правому флангу на берег Кудиш-Гафе, чтобы лично убедиться в том, приняты ли для его укрепления меры.

Так как уже наступил вечер, я отправился в отведенную мне в верхнем этаже гостиницы комнату и, уставши с дороги, проспал в ней до позднего утра. Когда я проснулся, меня поразила полнейшая тишина в гостинице. Быстро одевшись, я спустился вниз. Проходя по коридорам, заметил группы немцев, служащих гостиницы, провожавших меня злобными, дерзкими взглядами, но никого из чинов штаба не повстречал.

Придя на веранду, где мы накануне обедали, застал там растерянного адъютанта командующего армией, который что-то искал. От него я узнал, что ночью были неожиданно получены сведения о разгроме армии генерала Самсонова, и одновременно с этим пришло донесение об обходе немцами левого фланга 1-й армии, вследствие чего генерал Ренненкампф на рассвете выехал со своей «свитой» из Инстербурга в Вержболово. Адъютант же этот остался для ликвидации каких-то дел, он-то и обнаружил тайную телефонную связь гостиницы с Кенигсбергом. Но было уже поздно — буфетчик сбежал.

Не теряя времени, мы с адъютантом побежали на вокзал, едва успев на последний этапный поезд, за которым уже было приказано взрывать станционные строения и мосты.

Приехав вечером в Вержболово, я застал там невообразимый хаос: вокзал был полон раненых из наспех эвакуируемых полевых госпиталей, все вокзальные пути забиты поездными составами, в скопившихся здесь отступающих тыловых частях царил

невероятный беспорядок. По платформе взволнованно ходил взад и вперед генерал Ренненкампф с ближайшими своими сотрудниками. Увидев меня, он начал объяснять, показывая какие-то телеграммы, что во всем виноват штаб фронта, не дававший ему никаких указаний о положении на фронте, и просил меня доложить об этом великому князю.

Вина главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала Жилинского в разгроме армии Ренненкампфа была, конечно, немалая, и он за это был смнен. Но это нисколько не умаляло вины и самого генерала Ренненкампфа, который своим легкомысленным отношением к командованию армией, неумением поддерживать связь со своим соседом генералом Самсоновым и организовать должную разведку поставил свою армию в критическое положение.

Совсем иначе обстояло дело с высшим командным составом флота.

В течение ряда лет до войны во главе морского ведомства стоял, безусловно, самый выдающийся морской министр, какого Россия когда-либо имела со времени Петра Великого, — незабвенный адмирал И.К. Григорович²².

Необыкновенно умный, прекрасно знающий свое дело, рыцарски благородный и честный человек, адмирал Григорович был замечательным знатоком людей и не боялся выдвигать на командные посты талантливых и заслуживающих того офицеров.

Окружив себя такими выдающимися сотрудниками, какими были начальник Морского генерального штаба адмирал А.И. Русин²³, помощник министра адмирал М.В. Бубнов²⁴ и командующий Балтийским флотом адмирал Н.О. Эссен²⁵, он неумоимо работал над воссозданием после войны с Японией русских морских сил и в короткий срок до Первой мировой войны достиг таких результатов, которые история справедливо назвала чудодейственными.

Значительную долю в этом успехе история также справедливо приписывает командующему Балтийским флотом адмиралу Эсену, герою русско-японской войны, энергичному и умному начальнику, посвятившему всего себя подготовке вверенного ему Балтийского флота к войне, в чем адмирал Григорович и его помощники оказывали ему всестороннюю поддержку.

Идя по стопам знаменитых русских адмиралов Ф.Ф. Ушакова, Д.Н. Сенявина и С.О. Макарова, он создал в Балтийском море свою, «эссенскую» школу, из которой вышли такие выдающиеся начальники, какими были адмиралы: А.В. Колчак²⁶ — впослед-

ствии назначенный командующим Черноморским флотом; А.И. Непенин²⁷, бывший последним командующим Балтийским флотом и погибший на этом посту от руки наемного убийцы в начале революции, а также П.Л. Трухачев²⁸, М.А. Кедров²⁹, А.В. Развозов³⁰ и многие другие.

Сплоченные единством мысли и проникнутые возвышенным пониманием своего долга, эти выдающиеся люди, чуждые всякого карьеризма и прислуживания, согласной работой довели подготовку морских сил до такого совершенства, что они не только безукоризненно исполнили все задачи, поставленные им планом войны, но и послужили в области артиллерии и минного дела примером даже для английского флота.

ПЛАН ВОЙНЫ И НАШИ СОЮЗНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Свобода действий верховного руководства военными операциями, особенно в начале войны, неминуемо бывает ограничена рядом факторов, вытекающих из замысла плана войны, различных союзных и дипломатических обязательств, особенностей подготовки вооруженных сил к войне и внутривойсковой обстановки.

Тяжелым бременем, легшим на плечи верховного руководства военными действиями наших вооруженных сил и ограничивавшим его свободу, были: 1) несоответствие своему назначению части командного состава; 2) недоверие к великому князю со стороны престола и некоторых правительственных кругов; 3) данное нами Франции обещание предпринять возможно скорее энергичное наступление против Германии; 4) обнаружившийся с самого начала войны недостаток снабжения армии боевыми припасами.

Несмотря на чинимые препятствия, великому князю все же удалось за время своего пребывания на посту Верховного главнокомандующего сменить не отвечающих своему назначению военных начальников и назначить на их места генералов, выказавших свои способности в начале войны, так что в момент ухода великого князя со своего поста высшее командование армии значительно больше отвечало своему назначению, чем то, которое великий князь застал во главе армии, принимая пост.

Но изменить к себе отношение престола и известных правящих кругов ему, несмотря на все предпринятые с этой целью меры — о чем подробно было уже сказано выше, — не удалось, и в конце концов ухудшавшиеся не по его вине отношения привели к его смещению.

Не мог, конечно, великий князь освободиться и от данного Россией обещания своей союзнице Франции; также бессилён был

он изменить критическое положение снабжения боевыми припасами, ибо таковое явилось следствием преступной непредусмотрительности правительства, и в частности военного министра генерала Сухомлинова, в деле подготовки армии к войне.

Вопрос снабжения боевыми припасами будет рассмотрен отдельно, здесь же речь пойдет об обязательствах, взятых на себя Россией по отношению к своей союзнице.

Как известно, в результате переговоров русского и французского генеральных штабов, имевших место после заключения франко-русского союза, Россия обязалась выделить с самого начала войны значительные силы для энергичных действий против Германии в целях облегчения положения на французском фронте. Это, конечно, шло в ущерб выполнению первоначальной главной задачи русской стратегии, состоявшей в уничтожении австрийских армий, сосредоточившихся в Галиции в целях вторжения в Россию. Наши силы разбрасывались по двум расходящимся операционным направлениям, что противоречило основным требованиям стратегии о сосредоточении максимума сил на главном направлении и выделении лишь минимума сил на другие.

В связи с этим наш Генеральный штаб подвергся жестокой критике не только со стороны талантливой военного писателя генерала Н.Н. Головина³¹, но и со стороны некоторых авторитетных французских военных писателей. При этом генерал Головин считал, что сосредоточением максимальных сил против Австрии и выделением лишь незначительного заслона против Германии удалось бы быстро достичь полного разгрома австрийской армии и тем самым облегчить положение на французском фронте, ибо Германия должна была бы оказать помощь гибнущему своему союзнику и срочно снять известное число сил с французского фронта для переброски их на Восток.

В действительности же, выделив значительные силы против Германии и предприняв наступление по двум операционным направлениям, мы, хотя и оказали французам существенную помощь ценой гибели самсоновской армии, сами лишились возможности нанести решительное поражение Австрии, вследствие чего война затянулась и привела Россию к гибели.

Эти рассуждения нельзя не признать правильными с точки зрения «отвлеченной стратегии».

Однако реальные события могли развиваться и по-другому. Достичь желанной цели, т. е. одержать победу над Тройственным союзом, Антанте удалось бы лишь в том случае, если бы немцы, не добившись успеха на французском фронте, перебросили с него значительные силы на Восток для оказания помощи своей союз-

нице Австрии в критический для нее момент. Но полной уверенности в этом у генеральных штабов Антанты быть не могло, ибо весьма возможно было предположить, что, несмотря на критическое положение своей союзницы, немцы не перебросят на Восток сколько-нибудь значительных сил до тех пор, пока не разгромят Францию и не принудят ее к капитуляции.

В этом случае Россия, ослабленная большими потерями в борьбе с Австрией, оказалась бы после разгрома Франции один на один с Германией, понесшей, правда, тоже потери в борьбе с французами, но относительно менее чувствительные, нежели русская армия, по причине значительно лучшего снабжения германской армии боевыми припасами и более быстрой и полной мобилизации всех ее сил.

С другой стороны, как показал опыт всех минувших войн, Германия при выдержке характера могла бы добиться капитуляции Франции в гораздо более короткий срок, чем Россия по отношению к Австрии, ибо на пути русской армии к жизненным центрам Австрии лежали труднопроходимые Карпаты, тогда как на пути германской армии к жизненным центрам Франции, после разгрома ее армии, препятствий не было никаких.

Сколь же на самом деле оказались для нас труднопроходимы Карпаты и сколь громадны были наши потери в Галиции, особенно принимая во внимание острый недостаток боевых припасов, ясно показал опыт войны.

Поэтому риск остаться один на один с германской армией был бы для нас слишком велик и чреват катастрофой. Значит, не только в интересах Франции, но и в наших собственных интересах было не допустить разгрома ее Германией. Для этого следовало оказать Франции возможно более энергичную поддержку, которая могла быть достигнута в значительно большей мере непосредственным давлением на Германию, нежели разгромом австрийской армии, которым Германия при выдержке характера могла бы пренебречь.

Опыт войны и показал, что именно непосредственное давление наше на Германию в Восточной Пруссии спасло Францию от разгрома.

Насколько же велика была вероятность, что Германия могла бы пренебречь во имя разгрома Франции критическим положением Австрии, ясно видно из того, что после войны все военные авторитеты, даже в самой Германии, поставили в большую вину германскому верховному командованию отсутствие выдержки характера при вторжении русской армии в Восточную Пруссию, выразившееся в переброске двух корпусов на наш фронт, чем Франция и была спасена.

Если сами немцы считали, что возможно пожертвовать во имя разгрома Франции Восточной Пруссией — этим центром германского милитаризма и политико-экономической ее мощи, — то что же говорить о вероятном влиянии на германскую стратегию потери Австрией Галиции или угрозы вторжения наших войск в Венгрию через Карпаты?

Не подлежит сомнению, что такая постановка вопроса служила предметом обсуждения русского и французского генеральных штабов перед войной и отразилась на составлении плана войны.

При этом Франция настаивала на возможно более энергичном давлении с нашей стороны на Германию, зная по собственному горькому опыту войны 1870 г. выдержку характера немецкого командования и не предполагая, конечно, что у фактического верховного руководителя всеми будущими операциями Германии Мольтке-младшего³² окажется в предстоящей войне неизменно меньше твердости характера, чем у его знаменитого дяди³³ в 1870 г.

К тому же было еще одно обстоятельство, которое указывало на необходимость усиления давления на Германию и заставляло нас еще более ее опасаться: незадолго до войны обнаружилось, что мощь германской армии значительно больше, чем это предполагалось. Из одного немецкого документа, добытого агентурным путем, следовало, что состав германской армии после полной мобилизации будет почти на 30% больше, чем ожидалось.

Данные этого документа показали в первый момент столь невероятными, что Главное управление Генерального штаба усомнилось в его подлинности, тем более что в нем значилось применение воздушных кораблей типа «Цеппелин» для военных целей. А сие показалось уже фантастическим, ибо никто не мог поверить, что германская техника шагнула столь далеко вперед.

Так как в этом документе приводились также данные, касающиеся боевого развертывания германского флота, Главное управление Генерального штаба для проверки его подлинности запросило мнение Морского генерального штаба об этих данных, каковы были найдены последним отвечающими действительности.

В конце концов после всестороннего рассмотрения этого документа пришли к заключению, что приведенные в нем сведения о мощи германской армии вполне правдоподобны.

Не подлежит сомнению, что все вышеприведенные соображения о германской стратегии подверглись всестороннему обсуждению на совещаниях генеральных штабов, причем были учтены новые данные о вероятной мощи германской армии, что в итоге и отразилось на последнем варианте нашего плана войны. Он был значительно более осторожный, чем план, выдвигаемый сторон-

никами так называемой милютинской стратегии, приверженцем которой был генерал Головин, подвергший после войны наш план и особенно его составителя генерала Данилова острой, но, по моему скромному мнению, необоснованной критике.

Генерал Головин, придерживаясь идеи милютинской стратегии конца прошлого столетия, считал, что мы должны сосредоточить почти все свои силы для разгрома австрийской армии, выдвинув против Германии лишь заслон, и убедить при этом Францию, что поражение Австрии приведет к облегчению положения на французском фронте, как сие было бы достигнуто непосредственным давлением с нашей стороны на Германию.

Что произошло, если бы германское верховное командование проявило «твердость характера» и после уничтожения Франции атаковало бы значительно превосходящими силами нашу армию, ослабленную большими потерями в боях с австрийцами и не вполне еще закончившую свою мобилизацию, — генерал Головин не учитывал.

Между тем наш «осторожный» план на опыте доказал свое полное соответствие сложившейся обстановке, ибо, не будь недостатка боевых припасов и революции, мы, действуя по этому плану, несомненно, вместе с нашими союзниками окончательно разгромили бы Германию и всех ее союзников.

Согласно замыслу нашего плана, разработанного после согласования с французским генеральным штабом, давление на Германию должно было осуществляться: сначала вторжением в Восточную Пруссию и занятием ее до нижнего течения Вислы, а затем наступлением в операционном направлении Познань — Берлин.

Для выполнения первой задачи предназначались 1-я и 2-я армии, которые должны были перейти в наступление тотчас же после начала войны, для второй — наступления на Берлин — 9-я армия, сосредоточившаяся в районе Варшавы и долженствовавшая согласовать свои действия с результатами операций первых двух армий в Восточной Пруссии.

Нельзя, однако, не признать и не согласиться в этом с генералом Головиным, что последний из этих способов давления на Германию — т. е. наступление на Берлин теми силами, которыми мы располагали в начале войны, — был весьма рискован и имел в данной обстановке скорее авантюристический, чем методический и стратегический, характер. Но именно этому способу французы придавали особое значение, считая его наиболее действенным, и с самого начала войны всеми путями воздействовали на императора Николая II, русское правительство и великого князя с тем, чтобы мы развили возможно скорей наши операции на этом направлении. Причем в дни кризиса на французском фронте эти

воздействия приняли чрезвычайно нервный и настоящий характер.

Вступая в должность Верховного главнокомандующего, великий князь, безусловно, во всех подробностях ознакомился с планом войны и хорошо знал о взятых нами на себя обязательствах по отношению к Франции. О коренном изменении плана войны, что повлекло бы за собой и изменение плана перевозок для сосредоточения, не могло быть и речи, но и помимо этого у наделенного рыцарски благородной душой великого князя не могла бы даже зародиться мысль о том, чтобы Россия уклонилась от взятых на себя обязательств.

Великий князь не мог не знать о предназначении 9-й армии, сосредоточившейся в районе Варшавы. Все прикосновенные к оперативной работе в штабе это знали. Поэтому очень странным кажется утверждение генерала Головина в его труде «Дни перелома Галицийской битвы» о том, будто бы великий князь оставался в неведении и будто бы Ставка «маскировала» (!) ему — по собственному выражению генерала Головина — это назначение, давая 9-й армии значение лишь стратегического резерва.

Если бы это было действительно так, то получалось, что великий князь лишь номинально исполнял свою высокую обязанность и что штаб, и в частности генерал Данилов, грубо говоря, втирал ему очки. Мы, бывшие сотрудники великого князя, можем категорически утверждать, что это ни в коем случае не могло иметь места. И не только потому, что великий князь непосредственно и фактически руководил военными действиями и лично входил во все подробности оперативной работы, — чему сам генерал Головин приводит в своем труде показательный пример и о чем будет сказано ниже, — но и потому, что, зная его характер, никто бы никогда не осмелился что-либо от него скрывать или что-либо ему «маскировать». Помимо этого, генерал-квартирмейстер Данилов столь глубоко почитал великого князя и между ними были столь доверительные отношения, что благородному Данилову никогда ничего подобного не могло прийти в голову.

Лишним доказательством того, что великий князь знал о назначении войск, сосредоточивавшихся в районе Варшавы, является приведенный самим же генералом Головиным факт повеления государя великому князю ускорить начало наступления в операционном направлении на Берлин, каковое явилось следствием данного русским императором обещания французскому послу Палеологу в ответ на настоятельные просьбы французского правительства оказать более энергичное давление на Германию.

Весьма вероятно, что великий князь отрицательно относился к возможности успешного развития наступательных действий в

этом операционном направлении, но, не наступи критический момент на нашем галицийском фронте, потребовавший его решительного вмешательства, вряд ли бы он уклонился от более энергичного давления на Германию в согласии с данным Россией и подтвержденным государем обещанием.

По получении в Ставке известия о катастрофе армии генерала Самсонова великий князь, сознавая опасность создавшегося положения (тем более что на правом фланге Галицийской битвы мы к тому времени не могли еще добиться решительного успеха), отдает приказ перебросить к этому фронту два корпуса из состава войск, группировавшихся в районе Варшавы.

Этим актом Верховного командования, предпринятым великим князем по личному почину, невзирая на повеление Николая II и давление на него представителей Франции, был в двухдневный срок достигнут решительный успех в ходе Галицийской битвы и миновала опасность, созданная поражением армии генерала Самсонова.

Это ясно показывает, что великий князь решительно руководил военными действиями, не поддаваясь никакому влиянию и давлению и принимая в критические минуты по собственному почину меры, вызываемые требованиями обстановки и имеющие целью обеспечить, невзирая ни на что, успех нашему оружию.

Впрочем, к этому моменту наступление наше на Восточную Пруссию и жертва армии Самсонова оказали уже желанное влияние на французский фронт, ибо Мольтке-младший, не добившись на этом фронте успеха, не выдержал и перебросил в Восточную Пруссию два корпуса, сняв их к тому же с самого опасного для французов правого, обходящего фланга.

Таким образом, отказ от развития наступательных действий в определенном направлении на Берлин после переброски части войск из района Варшавы в Галицию не мог иметь отрицательного влияния на обещание оказать поддержку Франции давлением на Германию, ибо это обещание было в достаточной мере выполнено наступлением русских войск на Восточную Пруссию, стоившим столь тяжелых жертв.

КАТАСТРОФА АРМИИ ГЕНЕРАЛА САМСОНОВА

Вскоре после первоначальных успехов армии генерала Ренненкампа в Восточной Пруссии разразилась страшная катастрофа армии генерала Самсонова, которая чрезвычайно тяжело отразилась на настроении великого князя и его штаба. И никакие последующие успехи в Галиции не могли сгладить наложен-

ный ею тяжелый отпечаток на ожидания и предположения Верховного командования.

Дабы ослабить губительное влияние этой катастрофы на дух армии и народа, Ставкой были приняты меры, чтобы скрыть ее размеры и условия, при которых она произошла. Но само Верховное командование ясно отдавало себе отчет в грандиозности этой катастрофы, яркой молнией осветившей крупные недостатки в подготовке русской армии к войне.

Изучение причин разгрома армии Самсонова привело штаб Верховного главнокомандующего к ряду печальных заключений.

Прежде всего выяснилась полная несостоятельность и неподготовленность большинства военных начальников к оперативному руководству крупными войсковыми соединениями.

Главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал Жилинский плохо разбирался в стратегической обстановке в Восточной Пруссии и не принял соответствующих мер для объединения действий армий генерала Самсонова и Ренненкампа. Этим генерал Ренненкампф объяснял свое бездействие во время наступления армии генерала Самсонова. Бездействие, которое общественное мнение назвало преступным и усмотрело в нем даже признаки измены, ибо главным образом из-за него немцам удалось нанести столь тяжелое поражение армии Самсонова.

Известная доля вины, падавшая на генерала Жилинского, не освобождала, однако, генерала Ренненкампа от ответственности за не проявление инициативы, пассивность, неумение оценить обстановку и недостаточное стремление к установлению оперативной связи с армией генерала Самсонова, в результате чего Гинденбург³⁴, оставив перед целой его армией одну лишь кавалерийскую завесу, беспрепятственно сосредоточил все свои силы против армии генерала Самсонова.

Бездействию армии генерала Ренненкампа много способствовали и невероятная его метода командования армией, и хаос, царивший в его штабе. Однако он не был тогда же смещен отчасти вследствие его настойчивых ссылок на вину генерала Жилинского, отчасти вследствие симпатий, которыми пользовался в придворных кругах, и отчасти вследствие опасения, как бы его немедленная смена не послужила подтверждением слухов о его измене, тем более что он носил немецкую фамилию.

При дальнейшем изучении причин катастрофы самсоновской армии выяснилось, что генерал в самый критический момент выпустил из рук оперативное руководство армией.

Не имея почти никаких сведений о противнике вследствие плохо организованной армейской разведки и расходясь во мнениях о ведении операций не только с главнокомандующим фрон-

том, но и с собственным своим начальником штаба, он, когда его присутствие в штабе армии было особенно необходимо, отправился на фронт, предоставив начальнику штаба оперативное руководство армией. Вследствие этого начальник штаба, не пользовавшийся достаточным авторитетом у командиров корпусов, лишился возможности прибегать для принятия быстрых оперативных решений к авторитету уехавшего на фронт командующего армией, сношения с коим часто прерывались по причине плохо налаженной связи и постоянных его перемещений с места на место.

Между тем в той обстановке, в которой происходило наступление армии генерала Самсонова, от быстроты оперативных решений командования армией зависел не только успех наступления, но и безопасность самой армии: корпуса, расходясь веером и постепенно ослабляя между собой оперативную связь, быстро двигались вперед навстречу неизвестно где находящемуся и что-то предпринимающему противнику. В таких условиях в любой момент могло внезапно создаться критическое положение, из коего армию возможно было вывести без катастрофы лишь быстрым и твердым оперативным руководством. Для этого прежде всего было необходимо постоянное, ежеминутное присутствие командующего армией в штабе.

Оторвавшись же от своего штаба и переместившись на один из участков фронта, генерал Самсонов утратил возможность лично влиять на общий ход операций и оказался беспомощным зрителем разгрома вверенной ему армии, что и привело его к трагическому решению свести счеты с жизнью.

Между тем корпуса, полагаясь на оперативное руководство командования армии и на армейскую разведку, быстро двигались вперед, часто утрачивая связь со штабом армии и с соседями не столько из-за недостатка средств связи, сколько вследствие неумения эту связь организовать. Не ведя впереди себя дальней разведки, они шли вслепую, как обреченные, прямо в пасть неприятелю.

Трагизм ситуации усугублялся еще и тем, что штабы некоторых войсковых частей, стремясь с помощью беспроволочного телеграфа восстановить утраченную связь, посылали депеши с точным указанием своих мест и оперативных предположений открыто, без шифровки, что в значительной мере содействовало окружению и разгрому немцами самсоновской армии. Беспроволочный телеграф позволил обнаружить крупный недостаток в подготовке войск к использованию современных боевых средств и низкий интеллектуальный уровень тех, кто ими пользовался.

При выяснении причин разгрома самсоновской армии Ставкой было обращено особое внимание на действия командира 1-го ар-

мейского корпуса генерала Артамонова, того самого, карьера коего была основана на ханжестве, хвастовстве и низкопоклонстве. Этот левофланговый корпус армии генерала Самсонова играл чрезвычайно важную роль в ее наступательной операции, так как помимо защиты фланга представлял точку опоры всего ее маневра.

Войдя в соприкосновение с противником, не превосходящим его в силах, генерал Артамонов совершенно растерялся и, несмотря на благоприятную боевую обстановку, оттянул без всяких оснований весь свой корпус на целый переход назад, не предупредив своевременно об этом ни штаб армии, ни своего соседа. Этим он внезапно обнажил фланг армии и дал немцам возможность пройти в глубокий тыл ушедших далеко вперед ее главных сил.

После самсоновской катастрофы генерал Артамонов был уволен со службы, хотя по справедливости его следовало бы отдать под суд, как того хотел великий князь Николай Николаевич.

Помимо вышеприведенной безотрадной картины командования и оперативного руководства выяснился также недостаток стойкости некоторых войсковых частей под огнем немецкой тяжелой артиллерии, чему в значительной мере способствовало почти полное отсутствие у нас соответствующих артиллерийских орудий, которые могли бы противостоять немцам.

Единственным утешительным фактом, установленным при изучении катастрофы армии генерала Самсонова, было героическое самопожертвование и безукоризненное исполнение своего долга младшим офицерским составом во главе с командирами полков и батарей.

Таким образом, изучение причин катастрофы армии генерала Самсонова выявило неспособность к руководству войсками большинства высших военачальников, недостаточное ведение разведки, неумение поддерживать связь и пользоваться для этого новейшими техническими средствами, хаотические методы командования и неудовлетворительную организацию оперативного руководства войсками в штабах высших войсковых соединений.

По выяснении этого штабом Верховного главнокомандующего были изданы инструкции и приняты решительные меры к устранению обнаруженных крупных недостатков, и в дальнейшем они больше не допускались.

ВЕРХОВНОЕ РУКОВОДСТВО ВОЕННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ

Своим решением перебросить два корпуса из состава войск, сосредоточенных в районе Варшавы, на правый фланг Юго-Западного фронта великий князь обеспечил нам победу в Гали-

цийской битве, следствием чего было поспешное отступление австрийской армии из Галиции за Карпаты. Во время этого отступления австрийцы потеряли сотни тысяч пленными, тысячи орудий, неисчислимое количество боевых запасов и принуждены были сдать нам после сравнительно короткой осады первоклассную крепость Перемышль. Однако это отступление не повлекло за собой полного разгрома австрийцев, как предполагалось замыслом плана войны, не столько вследствие порочности этого плана — как утверждает генерал Головин, — сколько вследствие неподчинения командования 3-й армии Юго-Западного фронта в критический момент Галицийской битвы оперативным указаниям штаба фронта.

Дело в том, что в то время как Галицийская битва на северном направлении, где действовала главная масса австрийских войск, достигла максимального напряжения, штаб фронта приказал 3-й армии, наступавшей в западном направлении с целью занятия главного города Галиции Львова, оставить против Львова заслон и переменить направление наступления на северо-запад, с тем чтобы выйти в тыл австрийцам, упорно сражавшимся на северном — главном — фазе битвы.

Вследствие болезни командующего 3-й армией генерала Н.В. Рузского³⁵ оперативное руководство находилось в руках начальника штаба генерала М.И. Драгомирова³⁶ и генерал-квартирмейстера полковника Бонч-Бруевича, того самого Бонч-Бруевича, который после захвата власти большевиками сыграл столь гнусную роль при ликвидации Ставки.

Генерал Драгомиров считал, что главная цель армии — занятие сильно укрепленного, по мнению штаба армии, Львова, для чего упорно группировал на львовском направлении главные силы своей армии, оставаясь глухим к указаниям штаба фронта о перемене наступления армии в северо-западном направлении. В этом ему усердно помогал полковник Бонч-Бруевич, роль коего была в высшей степени подозрительна. А именно, он по собственному почину остановил движение армии вперед как раз в тот момент, когда от быстрого ее наступления зависел исход сражения на северном фазе Галицийской битвы.

Призванный к ответственности, он объяснил свое распоряжение недоразумением. Но время было потеряно, и австрийцам удалось поспешным отступлением избежать катастрофы, которая им угрожала со стороны 3-й армии, будь она в руках другого командования.

Остановка в наступлении 3-й армии вызвала со стороны Верховного главнокомандующего повеление немедленно продолжать движение вперед; этим было ускорено отступление австрийцев, сопряженное для них с огромными потерями.

Случай этот показал, сколь внимательно и мудро следил Верховный главнокомандующий за развитием операций и сколь целесообразно было его руководство, а также выявил помимо недостатка так называемой оперативной дисциплины у высших начальников недостаток в разведывательной работе при подготовке к войне.

Дело в том, что Генеральный штаб считал Львов первоклассной крепостью с отличным гарнизоном, поэтому командование 3-й армии, стремясь занять город, пыталось сгруппировать на львовском направлении не только все свои силы, но и часть соседней 8-й армии.

По этой причине командование 3-й армии весьма неохотно реагировало на указания штаба фронта о выделении значительных сил для действий на северо-западном направлении и лишь после повторного категорического приказания выдвинуло туда армию.

Однако вскоре обнаружилось, что Львов — это не крепость и в нем вообще нет никакого гарнизона. К своему собственному удивлению и удивлению штаба армии, его заняла совершенно незначительная воинская часть. Все это лишний раз доказывает, какое пагубное влияние на ход операции может оказать предвзятое представление о противнике, основанное на ошибочных или недостаточных данных разведки мирного времени, ибо задержка у Львова уменьшила размер нанесенного нами противнику поражения в Галиции, каковое при своевременном выходе 3-й армии в тыл австрийцев могло бы обратиться для них в полную катастрофу.

После победы в Галицийской битве великий князь непрестанно настаивал на том, чтобы преследование отступавших из Галиции австрийцев велось самым энергичным образом, и Ставкой отдавались войскам Юго-Западного фронта многочисленные и неотступные повеления.

Надо сказать, что войска в максимальной мере отозвались на эти повеления Верховного главнокомандующего и, не щадя своих сил, без отдыха преследовали отступающего противника. Однако, несмотря на огромные потери, части отступавшей австрийской армии удалось достигнуть Карпат и укрепиться в их проходах.

Попытки русской армии овладеть этими проходами и ворваться в Венгрию не увенчались успехом отчасти вследствие трудности в преодолении этих проходов, особенно в осеннее и зимнее время, отчасти вследствие крайнего утомления наших войск после продолжительного преследования, а главным образом, из-за того, что в это время стало уже обнаруживаться грозное и чрева-

тое страшными для нас последствиями явление — недостаток боеприпасов, принудивший Верховное командование отдать распоряжение бросить патроны.

В верховном руководстве Галицийской битвой великий князь проявил крайнюю решимость, настойчивость и неуклонное стремление к достижению цели, сделав все возможное.

Обстановка значительно осложнялась обязательством поддержать нашу союзницу Францию, вследствие чего против австрийской армии были выделены сравнительно скромные силы, особенно на правом фланге нашего Юго-Западного фронта. Кроме того, в критический момент Галицийской битвы на общую обстановку повлияла катастрофа армии генерала Самсонова, и, наконец, несоответствие своему назначению командования 3-й армии не дало нам возможности нанести австрийцам решительное поражение.

Своими целесообразными и решительными указаниями великий князь, елико возможно, исправил эти недостатки и обеспечил максимум успеха, который в этой обстановке можно было получить. И военное отличие орденом св. Георгия 2-й степени за победу в Галицийской битве было лишь скромным воздаянием его заслуг в деле верховного командования и руководства военными действиями. Вместе с тем нельзя не отметить, что это трудное дело было ему значительно облегчено доблестью и безграничной жертвенностью наших войск.

После того как во Франции, на Марне, было остановлено немецкое наступление, главным образом благодаря мощному нашему содействию давлением на Германию, приведшему к гибели армии генерала Самсонова, немцы приступили к переброске с французского фронта нескольких корпусов на наш фронт для оказания помощи австрийской армии. Сосредоточив в короткий срок благодаря чрезвычайно развитой железнодорожной сети довольно значительные силы, они в середине сентября (когда не вполне была закончена мобилизация русской армии, так как сибирские войска еще не прибыли на фронт) перешли в энергичное наступление.

Оно развивалось в трех оперативных направлениях: в области Мазурских озер в восточном направлении к реке Неман; из Восточной Пруссии в южном направлении к Буго-Наревскому фронту и из Западной Пруссии в юго-восточном направлении к Варшаве.

Наступление немцев имело для нас угрожающий характер, потому что они могли выйти в глубокий тыл Юго-Западного

фронта и потому что сосредоточение войск на Северо-Западном фронте, как сказано выше, не было еще закончено.

Сразу же на всех трех направлениях немецкого наступления, к которому вскоре присоединилось еще и четвертое — из района Познани на восток к Варшаве и Ивангороду, — положение сделалось для нас критическим.

На первом из этих направлений после упорных боев в области Мазурских озер мы были отброшены на линию реки Неман, которую немцам, однако, не удалось перейти благодаря поддержке, которую оказали подоспевшими в последнюю минуту подкреплениями наши крепости Ковно и Гродно.

Более опасным было для нас немецкое наступление на Буго-Наревском фронте, особенно в части его, примыкающей к правому берегу Вислы, ибо при успехе оно давало возможность немцам отрезать весь Привисленский край со всеми нашими войсками, находившимися за Вислой и на левом ее берегу.

Поэтому немцы, сосредоточив на этом направлении весьма крупные силы, упорно добивались успеха повторными атаками. Временами положение — особенно в части фронта, прилегающей к Висле, — становилось критическим. К счастью, подоспевшим доблестным сибирским корпусам удалось ценою громадных потерь и истинного героизма остановить немецкое наступление и окончательно там закрепиться.

На Зависленском фронте, особенно на правом его участке, прилегавшем к Висле, где действовали главным образом конные наши части, положение сейчас же, после начала немцами наступления из Западной Пруссии и из района Познани, сделалось для нас весьма тяжелым.

Крупные немецкие силы, наступавшие в этом направлении, без затруднения отбросили сравнительно незначительные наши силы и быстро развили наступление к Варшаве в целях захвата варшавских мостовых переправ для переброски своих войск на правый берег Вислы и выхода в тыл нашим корпусам, упорно сопротивлявшимся на Буго-Наревском фронте.

Продвижение немцев на этом направлении было столь стремительным, что некоторые наши части начали отходить через варшавские мосты на правый берег Вислы и появилась опасность потери варшавской переправы.

Однако энергичным вмешательством Верховного главнокомандующего и своевременной переброской на этот участок фронта стратегических резервов удалось и здесь остановить немецкое наступление, сохранив на левом берегу Вислы значительный плацдарм для развертывания войск.

Именно тут и родилась легенда о том, что великий князь, стоя на варшавском мосту и физически расправляясь с высшими войсковыми начальниками, лично остановил отступление и обеспечил за нами варшавскую переправу.

Столь же опасным было для нас наступление значительных сил противника на участке Варшава, Ивангород, так как оно было оперативно согласовано с действиями австрийских войск на правом берегу Вислы в Западной Галиции.

Его целью было овладение переправами через Вислу в Ивангороде, чтобы иметь возможность, перебросив значительные силы на правый берег Вислы, ударить в тыл нашего фронта в Западной Галиции и вырвать из наших рук достигнутую в Галицийской битве победу.

Сколь важное значение придавало немецкое верховное командование действиям на этом направлении, видно по тому, что оно сейчас же после катастрофы армии генерала Самсонова доверило руководство действиями на этом направлении Гинденбургу и Людендорфу³⁷, поставив их во главе 9-й германской армии.

Для нас тяжесть действий усугублялась не только тем, что все наши силы были сосредоточены в районе Варшавы и на Буго-Наревском фронте, а на этом направлении остались слабые второочередные части, но еще и тем, что незадолго перед войной Ивангородская крепость, защищавшая переправы через Вислу, была разоружена и верки ее были частично разрушены.

Разоружение Ивангородской, равно как и Варшавской, крепости последовало в связи с перенесением в начале столетия нашего стратегического развертывания из Зависленской Польши в районы правого берега Вислы и с началом войны отказа от развития наступательных операций в Зависленской Польше, что было основным замыслом милютинской стратегии.

Отказ же от этой стратегии и принятие более осторожного плана войны, основанного на развертывании сил в Правобережной Польше (с опорой на крепость Брест-Литовск), явились следствием нашего ослабления в войне с Японией и сильного роста германской военной мощи.

Однако тотчас же после начала войны Верховный главнокомандующий обратил внимание на то, сколь важное значение будут иметь ивангородские мостовые переправы при развитии нашего наступления в Западной Галиции, и принял решение восстановить, елико возможно, боеспособность верков упраздненной крепости Ивангород, с тем чтобы воспрепятствовать или, во всяком случае, затруднить немцам овладение переправами.

Эта задача была возложена на одного из самых талантливых и энергичных военных инженеров — полковника Шварца. Он ра-

ботал денно и ночью, творил буквально чудеса и привел в кратчайший срок запущенные и разрушенные верки Ивангородской крепости в такое состояние, что, опираясь на нее, сравнительно незначительные наши воинские части не только оказали успешное сопротивление немцам, но и отбросили их назад.

Таким образом, благодаря твердости характера и хладнокровию Верховного командования, целесообразному введению в дело стратегических резервов, мудрому решению о восстановлении боеспособности Ивангородской крепости, а также благодаря доблести особенно сибирских войск нам удалось остановить так называемое осеннее немецкое наступление в Польше, имевшее целью облегчить критическое положение австрийской армии в Галиции. Немецкие войска принуждены были, не достигнув в Польше поставленной ими цели, отойти назад к своей государственной границе.

Русские войска последовали за отступавшим из Польши противником и, достигнув государственной границы, остановились, выжидая результата предпринятой операции для укрепления крайнего правого фланга в районе Немана. Операция увенчалась полным успехом, и нам даже удалось вновь занять часть области Мазурских озер и Восточной Пруссии. Успеху нашему много способствовало то обстоятельство, что немецкое командование после своего поражения в Польше предприняло перегруппировку сил для нового наступления и с этой целью перебросило часть сил из Восточной Пруссии в район Познань, Торн. Там сосредоточилась ударная группа в составе пяти с половиной корпусов, которая вскоре была усилена еще несколькими корпусами, переброшенными с французского фронта. В начале ноября эта ударная группа неожиданно перешла в энергичное наступление на юго-восточном направлении, имея целью выйти во фланг и тыл наших войск, расположенных в Польше.

Застигнутые врасплох, части русской армии начали быстро отходить, и вскоре три вырвавшихся вперед немецких корпуса достигли Лодзи, которую наши части собирались уже покинуть. Но решительным повелением Верховного главнокомандующего они были задержаны для сохранения Лодзи в наших руках до окончания операции по окружению немецких корпусов.

«Этим повелением, — пишет в своих воспоминаниях Людендорф, — был нам нанесен железной волей великого князя большой ущерб».

И действительно, не прояви генерал Ренненкампф, которому было поручено закрыть северный выход из окружения, полней-

шей неспособности и бестолковости, немцы в результате этой блестяще задуманной и твердой волей великого князя проведенной операции потерпели бы катастрофическое поражение с пленением нескольких корпусов. Однако из-за бездарности генерала Ренненкампа, который за это наконец был уволен со службы, окруженные немецкие корпуса хотя и с большими потерями, но все же у Бржезьян вырвались из окружения и присоединились к своей армии.

С душевным трепетом следя за развитием Лодзинской операции, мы в Ставке были настолько уверены в ее полном успехе, что начальникам военных сообщений было уже сделано распоряжение о подаче к Лодзи поездных составов для вывоза немецких пленных.

Лодзинской операцией закончилось так называемое зимнее наступление немцев в Польше, в котором они, так же как и в осеннем своем наступлении, не достигли поставленной цели. После этого обе стороны окопались, и до весны военные действия в Польше носили позиционный характер с боями лишь местного значения.

После вторичного неуспеха наступления в Польше немцы решили вновь сделать попытку нанести русской армии удар восточнее Вислы с целью отрезать Польшу и выйти таким образом в глубокий тыл наших главных сил. Для этого они в начале 1915 г. значительно усилили свою армию в Восточной Пруссии переброшенными с французского фронта корпусами и в начале февраля перешли в энергичное наступление из района Мазурских озер в направлении к Неману и на Буго-Наревском фронте в направлении к реке Бобр.

В результате упорнейших и кровопролитнейших боев, длившихся целых два месяца, немцы, не достигнув поставленной цели, принуждены были и здесь отказаться от продолжения своего наступления.

Во время этого наступления наши сибирские корпуса, занимавшие особенно важный в стратегическом отношении участок Буго-Наревского фронта, примыкавший к правому берегу Вислы, покрыли себя неуязвимой славой в боях под Праснышем, где не только отстояли свои позиции, отражая упорные и длительные атаки превосходящих сил противника, но и принудили его к отступлению.

Столь же успешным было сопротивление на остальном Буго-Наревском фронте, главным образом благодаря тому, что он опирался на крепость Осовец, которую немцам, несмотря на жесткие бомбардировки и повторные атаки, так и не удалось взять.

Менее благоприятно развивались операции на крайнем правом фланге: здесь мы были вновь отброшены из области Мазурских озер и после ожесточенной борьбы в Августовских лесах, где понесли громадные потери, прижаты к Неману. Однако подоспевшими подкреплениями, вышедшими из оставшейся в наших руках крепости Гродно, положение и на этом фронте было в известной степени восстановлено и упрочено.

Хотя во время этих наступательных операций немцев положение неоднократно становилось чрезвычайно напряженным и мы в Ставке переживали иногда тревожные дни, наше Верховное командование, так же как и в прежних операциях, сохраняло полное хладнокровие и твердость духа и мудрым расходом своих стратегических резервов привело эту борьбу к благоприятному для нас окончанию.

В то время как на Северо-Западном фронте развивались вышеописанные немецкие наступательные операции, имевшие целью облегчить катастрофическое положение Австрии, армии Юго-Западного фронта продолжали операции в Карпатах, хотя и в значительно сокращенном объеме вследствие тяжелых условий зимнего времени и крайнего утомления войск.

Между тем Германия считала положение австрийских войск в Карпатах, несмотря на переброску им в помощь нескольких корпусов с французского фронта, непрочным и опасалось, что русским войскам все же удастся весной прорваться через Карпаты и принудить Австрию к капитуляции. Во избежание сего немецким верховным командованием было принято решение перейти к позиционной войне на французском фронте и приступить к массовой перевозке войск на Восток в целях генерального наступления на русском фронте.

Это решение совпало с самым трагическим для нас моментом всей войны, когда боеспособность русской армии была значительно уменьшена громадными потерями кадрового состава и оказались исчерпаны почти все наши боеприпасы.

Сосредоточенная под командой генерала Макензена³⁸ в районе Кракова мощная ударная армия, составленная из корпусов, перебросенных с французского фронта, перешла 9 мая 1915 г. в стремительное наступление и глубоко пробила наш фронт в Западной Галиции, после чего началось общее отступление русских войск, продолжавшееся три месяца, в результате которого были оставлены вся Галиция, Польша и Курляндия, потеряны все крепости.

Будь в это время во главе русских войск самый великий военный гений, и он не смог бы остановить это отступление, так силь-

но упала боеспособность русской армии. Наше Верховное командование в это время принуждено было отдать распоряжение не расходовать в день более пяти (!) снарядов на орудие, а десятки тысяч солдат, присланных из запаса на пополнение потерь, не имели ружей.

Но несмотря на это, неся огромные потери во время отступления, русские войска, проявляя безграничную доблесть в арьергардных боях, отходили организованно, плечо к плечу, не теряя связи друг с другом. И немцам, по собственному их признанию, не удалось достигнуть поставленной цели — уничтожить русскую военную мощь и заставить капитулировать Россию.

Сие следует, помимо доблести войск, в значительной мере приписать хладнокровию и твердости воли Верховного главнокомандующего в эти трагические дни.

В начале августа немецкое наступление выдохлось, фронт стабилизировался, наши измученные войска окопались и начали заживать свои тяжелые раны.

При таком замечательном Верховном командовании, каковым оно было при великом князе Николае Николаевиче, и при такой доблести наших войск можно себе представить, сколь благоприятно и быстро могла бы закончиться борьба, будь снабжение армии боеприпасами широко обеспечено и их пополнение в должной мере организовано.

НЕХВАТКА БОЕВЫХ ПРИПАСОВ

С первых же дней войны особое внимание обратил на себя огромный расход боевых припасов, особенно артиллерийских снарядов, и это сильно озаботило Верховное командование. Немедленно приступили к выяснению возможности их пополнения, и вскоре обнаружилась весьма тревожная картина.

Оказалось, что даже те, более чем скромные нормы боевых запасов, кои были намечены планами военных заготовок, составленными на основании опыта русско-японской войны (где их расход был значительно меньше, чем оказался в мировой войне), не были достигнуты и что это было скрыто военным министром от государя и правительства. Вместе с тем обнаружилось, что наша промышленность совершенно не в силах пополнять огромный расход артиллерийских снарядов и винтовок, которые войска теряли десятками тысяч, и что не предпринято решительно никаких мер к увеличению производительности нашей промышленности в военное время.

Военный министр старался оправдаться тем, что никто не предвидел такого огромного расхода боевых припасов и не ожи-

дал, что война будет столь продолжительной. Однако же во Франции, где боевой запас рассчитывался на тех же основаниях, что и у нас, и в Германии, где он предусматривался на 30% больше нашего, установленные нормы были перед войной достигнуты полностью. Германия располагала для пополнения расхода своих боевых припасов промышленностью громадной производительности, а Франция могла легко прибегнуть к помощи извне благодаря своей тесной связи с Англией и Америкой.

Между тем Россия, не имея полностью даже тех боевых запасов, кои были предусмотрены установленными нормами, не располагала ни достаточно мощной промышленностью, ни возможностью в необходимой мере прибегнуть к помощи извне. В этом именно и оказалась легкомысленная непредусмотрительность военного министра и его полная неспособность вдумчиво оценить обстановку, в которой могла оказаться Россия в случае войны с Тройственным союзом.

Военный министр даже при поверхностном рассмотрении этой обстановки должен был бы понять, что в случае такой войны, когда Россия призовет под знамена многие миллионы, ее слабо развитая промышленность не будет в состоянии удовлетворить нужды армии, а между тем именно в такой войне снабжение извне окажется чрезвычайно затруднительным вследствие пресечения ее главных сообщений с границей. Поэтому он должен был своевременно поставить в известность правительство о сложившейся ситуации, с тем чтобы оно могло заблаговременно принять меры для увеличения военной производительности нашей промышленности и обеспечения снабжения боевыми припасами из-за границы.

Но так как военный министр не только скрыл от правительства истинное положение вещей, но и давал в этом отношении успокоительные заверения, оно узнало о катастрофическом состоянии снабжения армии боевыми припасами уже после начала войны и лишь тогда приняло меры, когда уже было слишком поздно.

При тех технических средствах, которыми Россия располагала, значительное увеличение производительности в короткий срок, особенно после начала войны, было совершенно невыполнимо. Для этого потребовались бы годы. Поэтому, приступив по силе возможности к развитию военной промышленности, мы вынуждены были одновременно обратиться за срочной помощью извне. Но тут мы сразу же столкнулись с трудностями, возникшими в результате непредусмотрительности военного министра.

Во-первых, оказалось, что своевременно не предпринято никаких мер для обследования производительности заграничной промышленности и не установлено предварительной связи с соответствующими

щими фирмами в целях использования их для нужд нашей армии в случае войны. Между тем с началом войны вся иностранная промышленность, включая и промышленность нейтральных держав, была завалена срочными заказами наших предусмотрительных союзников и не могла уже принять заказов от России.

Правительственным органам, на кои было возложено разрешение этого вопроса, пришлось бросаться во все стороны, и при этом они неминуемо попадали в руки разных международных аферистов, которые много обещали, но мало что исполняли. В результате терялось драгоценное время, а приобретенное таким путем сравнительно незначительное количество боевых припасов во многих случаях оказывалось неудовлетворительного качества. Производство и приобретение за границей необходимого количества боевых припасов удалось наладить после длительной и упорной подготовки лишь к осени 1915 г., т. е. уже после того, как закончилось общее наше отступление, вызванное, как мы знаем, катастрофическим недостатком боеприпасов и оружия.

Во-вторых, сразу же возник вопрос о способах доставки боевых припасов из-за границы.

Так как речь шла о громадных грузах и срочной их доставке, необходимо было располагать путями сообщения большой провозной способности и именно на тех кратчайших направлениях, которые связывали места погрузки за границей с местами выгрузки в России. Но с началом войны железнодорожная связь России с Западной Европой и морские сообщения по Балтийскому морю были прерваны. А когда через два месяца после начала войны выступила против нас Турция, оказались прерваны и морские сообщения через турецкие проливы. Между тем по всем этим сухопутным и морским путям проходило в мирное время 97% всех грузов, поступавших из-за границы в Россию.

Таким образом, вскоре после начала войны в нашем распоряжении остались для срочного ввоза лишь те пути, по коим обычно проходило 3% грузов. Это были: 1) связь с бассейном Атлантического океана через Ледовитый океан, Белое море, Архангельск и далее по Архангельской железной дороге; и 2) связь с бассейном Тихого океана и далее через всю Сибирь по Сибирской железной дороге.

Из этих двух путей сообщения первостепенную важность имел для нас первый, ибо в бассейне Атлантического океана находились главные заграничные поставщики России оружия и боеприпасов — Америка, Англия и Франция. В бассейне же Тихого океана находились второстепенные поставщики — Япония и слабо развитые в промышленном отношении западные штаты Северной Америки. Но даже с доставкой этой сравнительно не-

значительной части необходимых нам грузов Сибирская железная дорога едва справлялась вследствие своей малой провозной способности и огромных расстояний. К тому же на это требовалось очень много времени.

Оставшиеся же еще связи со Швецией и с Румынией не имели в снабжении нашей армии никакого значения, ибо Швеция была особо благорасположена к Германии и не пропускала в Россию никаких военных грузов, а через Румынию Россия не могла ни откуда получить боевых припасов.

Между тем связь со странами, расположенными в бассейне Атлантического океана, при посредстве коей предполагалось осуществлять доставку на фронт огромного количества боевых припасов, от которых зависело сохранение боеспособности армии, была в отчаянном состоянии. По этому пути в мирное время в Россию прибывало 0,01% грузов из-за границы. Провозная способность Архангельской железной дороги (удовлетворявшая в мирное время этому незначительному количеству грузов) едва достигала двух-трех пар поездов в сутки, а сама железная дорога, частично проложенная по топким пространствам северной тундры, была чрезвычайно ненадежна. Пропускная способность Архангельского порта, где не было никаких разгрузочных набережных, составляла один-два парохода в неделю, да и то в течение пяти-шести месяцев в году, ибо в остальное время года он замерзал.

Кроме всего прочего морской путь из Атлантического океана в Архангельск оказался под ударами немецких подводных лодок, а на севере не было у нас никаких морских вооруженных сил, ибо никто никогда даже не намекал морскому ведомству на то, что северный путь может иметь во время войны какое-либо значение для поддержания боеспособности нашей армии.

Так как почти все наши морские вооруженные силы оказались в начале войны запертыми в Балтийском и Черном морях, пришлось для охранения Северного морского пути обратиться за помощью к Англии, покупать суда в нейтральных государствах и отправить из Владивостока через Суэцкий канал небольшое число пригодных для сего судов из состава Владивостокской флотилии. На все это потребовалось немало времени, и прошло несколько месяцев, прежде чем охрана этого пути, несмотря на проявленную всеми органами и чинами морского ведомства невероятную энергию, была вполне организована.

На морское ведомство были также возложены работы по увеличению пропускной способности Архангельского порта, созданию нового разгрузочного порта в малозамерзаемом Кольском

заливе и, кроме того, заботы по закупке и постройке за границей мощных ледоколов для сколь возможно большего увеличения навигационного периода в Белом море.

И тут в борьбе с суровыми климатическими условиями, при отсутствии самых необходимых средств чины морского ведомства проявили энергию и просто чудеса находчивости, доведя порученные им дела в сравнительно незначительный срок до благополучного конца.

Одновременно с этим министерство путей сообщения вело энергичные работы по увеличению провозной способности Архангельской железной дороги и постройке железнодорожной ветки вокруг Белого моря к Кольскому заливу.

Хотя во всех работах по организации морской охраны и увеличению провозной способности морских и сухопутных путей сообщения были проявлены сверхчеловеческие усилия (в обычных условиях на это потребовалось бы много лет), они увенчались успехом лишь к концу 1915 г., т. е. много месяцев спустя после того трагического положения, в котором оказалась наша армия из-за недостатка боевых припасов.

То критическое положение, в котором оказалась Россия в отношении своих сообщений с заграницей во время войны, яснее всего показывает полнейшую непредусмотрительность, неспособность вдумчиво оценивать обстановку и отсутствие соответствующей объединенной деятельности в вопросе подготовки государства к войне. Для всякого хоть сколько-нибудь интеллигентного человека было ясно, что в случае войны с Германией и Австрией Россия неминуемо лишится всех своих железнодорожных сообщений с Западной Европой и морских сообщений по Балтийскому морю. А после младотурецкой революции и наложения Германией своих рук на Турцию не могло подлежать сомнению, что наши морские сообщения через турецкие проливы окажутся в случае войны с Германией под серьезнейшей угрозой. Таким образом, Россия могла оказаться почти совсем отрезанной от своих союзников и вообще от внешнего мира.

Даже если оставить в стороне капитальной важности вопрос о снабжении армии, правительство не имело права не задуматься серьезно о пагубном влиянии на экономическую и социальную жизнь страны (а следовательно, и на ее способность вести войну) потери путей сообщения, по коим совершалось 97% ее товарообмена с внешним миром. Оно не смело не задуматься над этим еще и потому, что в истории России уже был печальный опыт: во время Крымской войны (1854—1856) она была принуждена к капитуляции главным образом из-за прекращения товарообмена.

Если бы правительство отдавало себе во всем этом отчет, оно задолго до войны предприняло бы все меры к увеличению провозной способности северного пути. А так как этот путь, даже при максимальном своем развитии, далеко не был бы в состоянии восполнить потерю главных юго-западных путей, правительство должно было бы направить все свои дипломатические усилия к тому, чтобы сохранить в случае войны пути сообщения через турецкие проливы. Если бы не увенчались успехом дипломатические усилия, следовало бы принять меры для всесторонней и энергичной подготовки к решению этого вопроса в случае войны силой и дать в связи с этим определенные директивы военному и морскому ведомствам.

Между тем, как известно, правительство не предприняло до войны решительно никаких мер из вышеперечисленных, иными словами, проявило не только полную непредусмотрительность и неразумение, но и преступную небрежность в деле подготовки тяжелейшей войны, которая угрожала России.

Руководители нашей внешней политики рассматривали вопрос о турецких проливах как отдаленную цель русских национально-государственных стремлений, для достижения коей следовало бы выждать благоприятной обстановки, и выдвинули эту цель лишь спустя значительное время после начала войны.

Приблизительно так же относилось к решению этого вопроса и руководство нашими военными силами, связывая его с результатами победоносной войны против Тройственного союза. Таким образом, и руководители внешней политики, и командование вооруженных сил рассматривали вопрос о турецких проливах безотносительно к капитальной его важности для успешного ведения самой этой войны, ибо никто не поставил их своевременно в известность об этом и не потребовал от них принятия соответствующих мер. Сие же явилось прямым следствием отсутствия у нас объединенного кабинета министров, ответственного за целесообразное направление государственной политики и подготовку страны к войне.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА МОРЕ

Подготовка флота к войне не оставляла желать ничего лучшего. Боевые припасы, т. е. снаряды, самодвижущиеся мины, мины заграждения, уголь, нефть и все другое, необходимое для флота, были заготовлены в таком количестве, что за все время войны флот ни в чем не ощутил ни малейшего недостатка. Мало того, запасы эти были в таком изобилии, что представлялась возможность расширить поставленные флоту задачи, а некоторую, правда незначительную, часть своих запасов флот мог уступить армии.

Благодаря целесообразной и мудрой работе учрежденного после войны с Японией молодого Морского генерального штаба морские военные планы были всесторонне разработаны в полном соответствии с реальной обстановкой и приведены в тесное согласие с планами войны сухопутных сил, а обоим флотам — Балтийскому и Черноморскому — поставлены конкретные задачи, вытекающие из обстановки и требований армии.

Подготовка личного состава к войне была доведена до небывалого совершенства. Достижения наши на этом поприще (особенно разработанные методы стрельбы и употребление мин заграждения) даже были переняты нашими союзниками, в частности англичанами, которые считали их верхом совершенства.

С одной стороны, такой поистине исключительно замечательной подготовкой к войне, которой дивились не только наши союзники, но и противники, Россия обязана тому, что молодое поколение морских офицеров, прошедших через горнило тяжелого испытания войны с Японией, не пало духом, несмотря на перенесенные им унижения, а, умудренное горьким опытом и любя свой флот, дружно посвятило себя делу его возрождения. С другой стороны, решающая заслуга в деле этого возрождения принадлежит замечательным начальникам и руководителям, которые стояли в этот период времени во главе флота.

Можно с уверенностью сказать, что никогда в истории России не было во главе ее морского ведомства столь мудрого, благородного и просвещенного человека, каковым являлся незабвенный адмирал Иван Константинович Григорович. Чуждый каких-либо эгоистических или карьерных соображений, он выдвигал на руководящие посты и привлекал к работе возрождения флота лучшие силы личного состава, воодушевляя всех своим личным примером.

Находясь до назначения морским министром ряд лет на посту товарища морского министра, в руках коего была сосредоточена вся хозяйственная и техническая часть морского ведомства, именно адмирал Григорович довел материальную подготовку флота к войне до совершенства. Перейдя в 1911 г. на пост морского министра, он передал свою прежнюю должность адмиралу М.В. Бубнову, который безупречно продолжал это дело.

На пост начальника Морского генерального штаба, в руках которого была сосредоточена стратегическая подготовка к войне, Григорович привлек проникнутого сознанием своего долга адмирала Русина, который продолжил и во всех деталях закончил начатое его блестящими предшественниками, адмиралами Л.А. Брусиловым³⁹ и светлейшим князем А.А. Ливеном⁴⁰, дело стратегической подготовки и составления планов войны.

И, наконец, самым главным было то, что подготовка личного состава, его воспитание и образование находились на Балтийском море в руках командующего флотом, героя войны с Японией адмирала Эссена, который вложил в дело этой подготовки всю свою душу и обширные знания. Пользуясь среди личного состава великой любовью и популярностью, он создал свою замечательную школу и вписал свое имя в историю флота наравне с именами самых выдающихся наших флотоводцев — адмиралов Ушакова, Сенявина и Макарова.

И вот дружными и неутомимыми усилиями личного состава флота во главе с такими выдающимися и преданными своему делу начальниками, каковыми были адмиралы Григорович, Русин и Эссен, подготовка нашей морской силы за каких-нибудь восемь лет, истекших после ее поражения в войне с Японией, была доведена к Первой мировой войне до степени совершенства, граничащей действительно с чудом. Этим было воочию доказано, на что способен крепкий духом и проникнутый любовью к своему делу личный состав.

К началу войны флот не располагал еще современными судами, ибо находившиеся в постройке не были закончены, военные действия в первый период войны велись лишь устарелыми судами. Несмотря на это, моряки Балтики не только успешно выполнили поставленные перед ними задачи, но и сумели решить ряд других.

Основная цель Балтийского флота заключалась в том, чтобы воспрепятствовать с самого начала войны каким-либо наступательным действиям против Петербурга и ни в коем случае не допустить проникновения противника в глубь Финского залива со стороны моря. Для развития военных действий на сухопутном фронте успешное выполнение флотом этой задачи имело первостепенное значение, ибо позволяло немедленно перебросить на фронт четыре лучших наших корпуса, расположенных в мирное время в районе столицы и на берегах Финского залива.

Так как германский флот был неизмеримо сильнее нашего малочисленного Балтийского флота, составленного к тому же из устарелых судов, Морской генеральный штаб разработал глубоко продуманный и всецело отвечающий обстановке план, по которому флот должен был выполнить свою задачу, опираясь на заранее подготовленную и укрепленную позицию, расположенную поперек Финского залива, недалеко от его устья.

Эта позиция, устроенная на целесообразном месте и укрепленная минными заграждениями и фортификационными сооружениями, давала флоту столь мощную опору, что он действительно смог бы, опираясь на нее, не допустить прорыва к столице даже весьма значительных сил противника. И немцы, зная это и верно

оценивая мощь организованной нами таким образом обороны Финского залива, ни разу за всю войну не сделали даже попытки вести в нем какие-либо операции.

Но этим деятельность Балтийского флота не ограничилась: благодаря изобилию боевых запасов командование флота тотчас же после начала войны приступило к организации не предусмотренной для него планом войны обороны Рижского залива путем постановки у его входов минных заграждений, сооружения батарей и углубления стратегических фарватеров для действия частей флота в самом заливе.

К лету 1915 г. оборона Рижского залива настолько уже подвинулась вперед, что попытки германского флота действовать в этом заливе были отбиты со значительными для немцев потерями и больше до революции, расстроившей эту оборону, не повторялись. Между тем прочная оборона нашего флота в Рижском заливе имела весьма благоприятное влияние на обстановку, сложившуюся на крайнем правом фланге сухопутного фронта, ибо после общего отступления в 1915 г. оборона с моря не давала немцам возможности предпринять операции в тыл этого фланга из Рижского залива.

Помимо этой успешной оборонительной деятельности, освободившей Верховное командование от забот по обороне войсками побережья Балтийского моря и его заливов, части Балтийского флота предприняли в течение зимы 1914/15 года ряд наступательных операций в целях постановки минных заграждений в водах противника. Операции эти проводились относительно тихоходными и устарелыми судами, вдали от своих баз и в водах, где противник располагал огромным преимуществом сил новейшего типа, и по своей невероятной смелости превосходили все, что возможно себе вообразить, свидетельствуя о крепости духа и совершенстве подготовки личного состава Балтийского флота.

Весной 1915 г. на Балтийский флот начали поступать броненосцы новейшего типа, каковых к концу войны в составе флота было четыре. С вступлением их в строй вся система обороны Балтийского театра войны и правого фланга нашего сухопутного фронта получила вполне надежную и непоколебимую опору.

Тотчас же по вступлении в строй первых двух новых броненосцев командование Балтийского флота вознамерилось использовать их для наступательных операций в водах противника. Однако, так как немцы располагали двадцатью броненосцами новейшего типа, риск потери наших двух кораблей при исполнении операций, кои к тому же не могли иметь хоть сколько-нибудь решительных результатов, был слишком велик. Риск этот был совершенно недопустим еще и потому, что потеря кораблей

значительно ослабила бы всю систему обороны Балтийского театра войны как раз в самый критический момент, после общего отступления наших сухопутных сил и прихода их на правом фланге в район побережья Балтийского моря.

Принимая во внимание общую обстановку и те тяжелые последствия, к которым могло бы привести малейшее ослабление системы обороны Балтийского моря, Верховный главнокомандующий запретил командующему Балтийским флотом употреблять новые броненосцы для таких наступательных операций, кои были бы сопряжены с риском их потери. Это запрещение, прямо вытекающее из общей обстановки войны, а потому во всех отношениях необходимое и целесообразное, вызвало, однако, жестокие нарекания личного состава Балтийского флота на морское управление Верховного главнокомандующего, которое обвинили в том, что оно якобы «не сумело защитить боевые интересы флота».

Это ясно показывает, с одной стороны, сколь трудно бывает местным бойцам правильно оценить общую обстановку войны, а с другой стороны, сколь ответственна задача Верховного командования, коему подчас приходится во имя требований общего хода войны ограничивать смелые порывы личного состава.

Черноморскому флоту планом войны была поставлена задача обороны побережья и обеспечения наших морских сообщений на Черном море. Эта скромная задача была вполне по силам флоту, хотя он состоял из незначительного числа судов устарелого типа. Но их было достаточно, чтобы противостоять находящемуся в упадочном состоянии турецкому флоту до прихода в проливы немецких крейсеров «Гебен» и «Бреслау». Что касается обеспечения наших сообщений с внешним миром через турецкие проливы, то эта первостепенной важности задача, от выполнения которой зависело успешное ведение войны и которая, как мы увидим ниже, составляла национальную цель нашей государственной политики, Черноморскому флоту не ставилась и в мирное время никакой подготовки для ее решения не велось.

Тотчас после начала войны от прекрасно организованной разведки штаба Черноморского флота стали поступать достоверные агентурные сведения о том, что Турция деятельно готовится выступить против России, что она все больше подпадает под влияние Германии и что наступление оттягивается лишь потому, что ей необходимо привести в порядок (под руководством немцев и с помощью посылаемых из Германии боевых средств) совершенно пришедшую в упадок фортификационную оборону проливов Дарданеллы и Босфор.

Задолго до войны штаб Черноморского флота располагал точными, тщательно проверенными данными о весьма неудовлетворительном состоянии устаревшей обороны Босфора и на их основании полагал, что даже с наличными силами Черноморского флота возможно прорваться через Босфор к Константинополю, однако лишь при непременном условии предпринять эту операцию внезапно и, во всяком случае, пока немцы не успели еще привести оборону Босфора в некоторый порядок.

После прибытия 10 августа в Константинополь из Средиземного моря немецких быстроходных крейсеров «Гебен» и «Бреслау» успешное выполнение поставленной задачи сделалось чрезвычайно затруднительным, и командующий флотом, зная от агентурной разведки о временном ослаблении боеспособности этих крейсеров после их продолжительного пребывания в Средиземном море, возымел намерение немедленно прорваться через Босфор к Константинополю и уничтожить там крейсера. Этим Турция была бы удержана от выступления против нас, что имело бы весьма благоприятное влияние на ход войны.

Так как такая операция, направленная против пока еще нейтральной державы, выходила далеко за пределы прав Верховного главнокомандующего, командующий флотом обратился со срочной просьбой о разрешении этой операции непосредственно к государю. Наше правительство, будучи связано союзными обязательствами, не решилось на этот шаг самостоятельно и обратилось за согласием на него к нашим союзникам.

Однако дипломатия наших союзников питалась в это время иллюзией, что ей удастся, пользуясь своим, якобы решающим влиянием в Турции и широко применяя подкупы руководящих турецких кругов, удержать ее от вступления в войну на стороне Германии. Поэтому союзники не только категорически этому воспротивились, но и потребовали, чтобы Черноморский флот не предпринимал никаких действий, которые могли бы быть приняты Турцией за приготовления к войне против нее.

В связи с этим Верховное командование принуждено было на основании распоряжения правительства дать соответствующие директивы, и, таким образом, в угоду иллюзиям дипломатии, которую, как потом оказалось, турки, грубо говоря, водили за нос, нами был упущен чрезвычайно благоприятный случай решить одним ударом в самом начале боевых действий стратегический вопрос, от которого во многом зависел благоприятный для России исход войны.

И мало того: раз прорвавшись к Константинополю, флот, конечно, не ушел бы оттуда с пустыми руками, а остался бы там до тех пор, пока не решил бы поставленной ему еще Петром Великим на

ционально-государственной задачи овладения турецкими проливами. Увы, известная военная аксиома «упущенный на войне случай никогда больше не повторяется» полностью подтвердилась и на этот раз. Несмотря на все старания, мы в дальнейшем не смогли решить данную задачу, и это, безусловно, как мы увидим позже, способствовало возникновению революции и проигрышу войны.

Во всем этом мы имеем яркий пример того, какое отрицательное влияние на ведение войны могут иметь заблуждения дипломатии и как трудно бывает во всякой коалиции согласовать между собой действия, даже если это касается жизненных интересов отдельных ее членов.

В Ставке генерал-квартирмейстер Данилов и некоторые офицеры его управления скептически относились к Босфорской операции и вообще считали ее нецелесообразной и несвоевременной.

Такое непонимание исключительной важности решения вопроса о проливах, не только с точки зрения жизненных интересов России, но и с точки зрения непосредственных стратегических интересов самой войны, свидетельствует об отсутствии у наших сухопутных собратьев достаточной широты взглядов, что мною в отношении генерала Данилова и было уже отмечено. Это было следствием нескольких причин. Во-первых, у большей части наших военных, а также и среди интеллигенции искони преобладала так называемая континентальная идеология, и ей были в значительной мере чужды морские проблемы. Во-вторых, стратегическая идеология сухопутного Генерального штаба носила узкодогматический характер, каковым даже отчасти заразился Морской генеральный штаб. Идеология эта безоговорочно требовала сосредоточения всех сил и средств против главного противника, каковым в данном случае была Германия, потому Генеральный штаб считал нецелесообразным и даже вредным ослабление сил на главном театре войны во имя ведения операции, в пользу которой он не отдавал себе ясного отчета и цель которой, по его мнению, достигалась победой над Германией. В-третьих, в нашей военной среде всегда жило известное недоверие к «боевым» способностям флота, и оно значительно усилилось после столь несчастной для нашего флота войны с Японией. Причем вследствие совершенно различной структуры сухопутных и морских сил военная среда не могла верно оценить тот поистине гигантский успех, который был достигнут в боевой подготовке нашего флота после войны с Японией, а потому в начале мировой войны к боевым способностям флота продолжали относиться с тем же недоверием.

Все это, конечно, не могло не влиять отрицательно на суждения руководителей Генерального штаба об операциях флота на Босфоре.

Между тем весь личный состав флота и такие его выдающиеся знатоки босфорского вопроса, как адмиралы В.А. Канин⁴¹ и М.И. Каськов⁴², считали прорыв Черноморского флота через Босфор к Константинополю (при условии, конечно, внезапности) вполне осуществимым. При этом, отдавая себе ясный отчет в решающем влиянии на исход войны обеспечения наших сообщений через проливы, мы, моряки, считали возможным пожертвовать для решения этого вопроса даже большей частью Черноморского флота, ибо, останься после прорыва и уничтожения «Гебена» и «Бреслау» хоть один наш боеспособный большой корабль-броненосец или даже крейсер, он бы атакой незащищенных с тыла дарданелльских укреплений легко их уничтожил и открыл этим доступ к Константинополю через Дарданеллы английскому и французскому флоту. В результате удалось бы решить вопрос о нашей связи с внешним миром, а кроме того, Турция и Болгария были бы удержаны от выступления против нас.

Лучшим доказательством выполнимости операции прорыва (помимо нескольких исторических примеров операций этого рода, осуществленных при значительно более трудных условиях) служит то обстоятельство, что разрешение на ее проведение испрашивал командующий Черноморским флотом адмирал Эбергард, который в оперативном руководстве Черноморским флотом проявил в ходе войны такую осторожность и осмотрительность, которая привела к необходимости его замены в 1916 г. более решительным и энергичным адмиралом Колчаком.

23 октября, почти через три месяца после начала Первой мировой войны, отдельные суда турецкого флота во главе с крейсерами «Гебен» и «Бреслау», перешедшими под турецкий флаг, внезапно, без объявления войны, бомбардировали города нашего Черноморского побережья, и таким образом начались военные действия на Черном море.

В течение весны 1915 г. «Гебен» и «Бреслау» неоднократно совершали внезапные набеги, атакуя побережье, и каждый раз безнаказанно возвращались в свою базу на Босфоре, ибо в составе Черноморского флота не было судов с достаточной скоростью хода, чтобы их настичь. Хотя эти набеги не могли иметь решительно никакого влияния на исход войны на Черном море (действия ограничивались незначительными разрушениями разных сооружений на побережье), они весьма нервировали войска правого фланга Кавказского фронта, опиравшиеся на побережье Черного моря, и затрудняли снабжение по морю этих войск. В Ставку пошли нарекания и жалобы на бездеятельность флота, каковые вызвали сильный гнев великого князя, принявший, как мы уже знаем, чрезвычайно резкие формы.

Но так как крейсера противника обладали почти двойным превосходством в скорости хода, русские моряки при всем желании ничего не могли против них предпринять. Набеги возможно было пресечь в корне лишь тесной блокадой Босфора, где находилась морская база, или, еще лучше, завладением самим проливом.

Однако для этого мы не располагали вблизи него подходящей оперативной базой. Севастополь был слишком далек, а о захвате Босфора одними силами нашего флота не могло быть больше и речи: за три месяца, истекшие после начала войны, немцы привели в порядок береговые укрепления и восстановили боеспособность своих крейсеров, так что прорыв Босфора стал немислим, а для его захвата потребовалась бы десантная операция с участием значительного количества войск.

В течение 1915 г. Черноморский флот неоднократно выходил в море в целях поимки немецких крейсеров, ни разу, однако, не увенчавшейся успехом, или в целях нападения на турецкое побережье, в частности на угольные копи в Зангулдаке, откуда снабжался углем турецкий флот и Константинополь.

ТУРЕЦКИЕ ПРОЛИВЫ

Начиная с февраля 1915 г. английской флот предпринял несколько попыток прорваться к Константинополю через Дарданеллы.

Попытки эти, не увенчавшиеся успехом лишь благодаря отсутствию выдержки характера английского командования и сделанного им ряда грубейших военных ошибок, носят в истории Первой мировой войны общее название — Дарданелльская операция.

Официальная английская история утверждает, что единственной целью этой операции было принудить Турцию к капитуляции, что оказало бы решающее влияние на продолжительность и исход войны.

Однако некоторые, до сих пор никак не объяснимые и даже темные обстоятельства, сопровождавшие подготовку и исполнение операции, а также достоверные о том показания некоторых ее участников невольно заставляют предположить, что кроме этой официальной цели была еще и иная, тщательно до сих пор скрываемаемая англичанами, которая вытекала из основ английской политики по отношению к России.

Ни для кого, конечно, не тайна, что Англия систематически препятствовала выходу России в бассейн Средиземного моря через турецкие проливы и что все попытки России решить этот жизненный для нее вопрос неизменно наталкивались на решите-

льное дипломатическое и даже военное сопротивление со стороны Великобритании. В частности, Англия особенно щепетильно относилась к малейшей угрозе с нашей стороны Константинополю, где, само собой разумеется, зиждился центр решения этого вопроса, и для устранения этой угрозы не останавливалась даже перед применением силы, что ясно подтверждается занятой ею по отношению к нам позицией во всех наших войнах с Турцией, особенно же в войнах 1854—1856 и 1877—1878 гг.

Вследствие этого нет никакой возможности не принять во внимание эти соображения при рассмотрении Дарданелльской операции.

Как бы преддверием к Дарданелльской операции служит прибытие в самом начале войны в Константинополь из Средиземного моря немецких крейсеров «Гебен» и «Бреслау». При совершенно непонятных обстоятельствах им удалось прорваться к Дарданеллам, несмотря на то что англичане располагали в Средиземном море в четыре раза большим количеством боевых судов, сильнее вооруженных и более быстроходных, чем немецкие.

Допущенная здесь «ошибка» зашла так далеко, что английский адмирал, преследовавший крейсера и вот-вот уже их настигший, неожиданно прекратил погоню, по-видимому, когда убедился, что они идут именно в Турцию. За это в угоду общественному мнению и в согласии с английскими военно-морскими законами он был отдан под суд, который, впрочем, его оправдал. Но данные, на основании которых судьи вынесли оправдательный приговор, до сих пор хранятся в строжайшей тайне. По-видимому, опубликование их не послужило бы к чести Англии.

Некоторые исторические исследования предполагают, что адмирал действовал на основании полученных свыше строго доверительных двусмысленных указаний, каковые «коварный Альбион» всегда умел чрезвычайно «мудро» давать исполнителям своих тайных предначертаний.

Зная, что Россия в этой войне неминуемо будет стремиться решить вопрос о проливах, высшие руководящие круги английской политики были, по-видимому, не прочь пропустить к Константинополю немецкие суда, чтобы этим значительно затруднить нам решение вопроса.

Принимая же во внимание силы английского флота, можно с уверенностью сказать, что эти два немецких крейсера не могли бы сколько-нибудь серьезно затруднить самим англичанам про-

рыв через Дарданеллы к Константинополю, если бы сие по ходу войны понадобилось.

Конечно, об этом даже в самых тайных английских архивах нет ни следа, и сам-то разговор, вероятно, велся в четырех стенах, между двумя-тремя английскими государственными деятелями. И вот немецкие крейсера пропущены к Константинополю, а английский адмирал, их пропустивший, оправдан.

В конце декабря 1914 г. Турция сосредоточила против Кавказской армии значительные силы, которые пробили наш фронт. Положение на Кавказе стало критическим, ибо Верховное командование не могло послать туда подкрепления по причине ведения в это время тяжелых операций в Галиции и Польше.

В связи с этим великий князь 2 января 1915 г. высказал состоявшему при нем для связи английскому генералу сэру Вильямсу пожелание, чтобы англичане произвели со стороны Средиземного моря давление на Турцию для облегчения нашего положения на Кавказе.

Англичане утверждают, что именно это пожелание великого князя и их стремление оказать нам помощь послужили главной причиной Дарданелльской операции. Однако это не совсем так. Уже 4 января наша Кавказская армия искусным стратегическим маневром разбила наголову и обратила в бегство турецкую армию, так что совершенно отпал и самый повод, по которому это пожелание было великим князем высказано. Между тем англичане начали Дарданелльскую операцию лишь 19 февраля, т. е. полтора месяца спустя после того, как всякая надобность облегчения нашего положения на Кавказе давно миновала. Поэтому действительные причины этой операции никак не могут быть связаны с нашим положением на Кавказе, которое в момент начала англичанами Дарданелльской операции было блестяще и даже предвещало Турции критическое будущее.

На самом деле действительные причины Дарданелльской операции были иные и не носили того альтруистического характера «помощи», который англичане хотят этой операции придать.

Уже в начале 1915 г. возникла угроза Суэцкому каналу со стороны частей турецких войск. Однако предпринятое ими 2 февраля нападение было отбито и кончилось для турок катастрофой.

Для пресечения в корне всякой угрозы Суэцкому каналу и Египту англичанам, конечно, помимо «помощи» нам было бы весьма желательно принудить Турцию к капитуляции. Однако операция с такой решительной стратегической целью — особенно после того, как немцы за полтора года, истекшие после начала

войны, значительно подняли боеспособность Турции, — требовала самой тщательной подготовки, в которой никоим образом не могли иметь место невероятная торопливость и нервность, проявленные английским правительством.

В середине января 1915 г. англичане решили прорваться с флотом без участия десантных войск через Дарданеллы к Константинополю. Делалось это вопреки мнению высшего морского командования, считавшего слишком рискованным прорыв без участия войск, после того как немцы взяли в свои руки оборону Дарданелл и привели ее в порядок.

Необходимый для сего десантный отряд войск мог быть собран к апрелю, но правительство Великобритании, не дожидаясь этого срока, в конце января послало адмиралу Гардену, командовавшему английским флотом у Дарданелл, категорическое приказание немедленно приступить к операции, без поддержки десантного отряда, а в дальнейшем, несмотря на возражения адмирала Гардена, все время его торопило и даже в конце концов сменило.

Что же такое случилось? Почему английское правительство проявило такую нервозность и торопливость? Быть может, в общей обстановке войны наступил критический момент, подобный тому, который побудил нас в начале войны предпринять без должной подготовки наступление армии Самсонова во имя спасения положения на французском фронте?

Но в январе 1915 г., когда англичане так торопились с Дарданелльской операцией, ничего подобного не наблюдалось: на французском фронте началась позиционная война, там было все совершенно спокойно и не предвиделось никаких операций; в Польше русская армия только что победоносно отбила последнее немецкое наступление; в Галиции наши войска находились уже на Карпатах и оттуда угрожали Австрии; в Сербии после сербской победы на Калубаре положение сложилось совсем благоприятное, на Кавказском фронте турецкая армия только что потерпела жестокое поражение; за две недели до начала Дарданелльской операции нападение турок на Суэцкий канал кончилось для них катастрофой.

Таким образом, обстановка на всех фронтах войны была для России вполне благоприятной, и не было решительно никаких военных, т. е. стратегических, причин второпях предпринимать такую важную операцию, как Дарданелльская, ибо от ее успеха мог зависеть исход войны и, во всяком случае, ее продолжительность. Если для крайней торопливости, проявленной английским правительством, не было никакой военной причины, то, значит, она могла иметь лишь политический характер, и все заставляет полагать, что это именно так.

В самом начале 1915 г. русское правительство начало с союзниками переговоры о необходимости по окончании войны благоприятного для нас решения вопроса о турецких проливах. Вместе с тем в Ставке вновь приступили к обсуждению плана захвата Босфора, что, конечно, не ускользнуло от внимания военных представителей наших союзников при Верховном главнокомандующем, тем более что мы от них, по простоте душевной, это и не скрывали.

И вот правительство Великобритании, следуя традиционным основам своей политики по отношению к России, решило, прикрываясь плащом помощи нам, появиться в Константинополе раньше нас, чтобы потом иметь в руках мощный аргумент против русских при переговорах о решении вопроса о проливах.

О том, что именно это и было действительной причиной торопливости англичан, имеется ряд неопровержимых доказательств, среди которых самым убедительным является свидетельство участника Дарданелльской операции капитана 1 ранга французского флота и знаменитого писателя Клода Фарера. В опубликованном им «Дневнике Дарданелльской операции» читаем: «Англичан все время мучит мысль, что русские могут появиться у Константинополя раньше их». И это неоднократно подчеркивается в дневнике.

О том, что англичане собираются предпринять Дарданелльскую операцию, нам стало известно лишь за 24 часа до ее начала, когда генерал сэр Вильямс неожиданно 18 февраля сообщил великому князю, что «согласно высказанному им пожеланию» английский флот завтра приступит к исполнению Дарданелльской операции.

По повелению великого князя был немедленно послан на английский флот к Дарданеллам для установления связи и единства действий между ним и Черноморским флотом один из лучших наших офицеров капитан 1 ранга М.И. Смирнов⁴³.

Прибыв к английскому флоту у Дарданелл несколько дней спустя после начала операции, капитан 1 ранга Смирнов всеми способами пытался установить радиосвязь через посредство английских судовых радиостанций с Черноморским флотом, но все его старания оставались безуспешными, несмотря на благоприятные условия и незначительное расстояние. Это было для нас в Ставке совершенно непонятно и служило предметом нарекания на Черноморский флот, ибо предполагалось, что в этом виноваты наши радиотелеграфисты.

Однако, как только прибыл к Дарданеллам наш крейсер «Аскольд», который в это время проходил через Средиземное море, следуя с Дальнего Востока в Ледовитый океан, связь с Черноморским флотом через его посредство была в тот же день установлена и в дальнейшем действовала безукоризненно.

Все вышеизложенное и особенно совершенно беспристрастное свидетельство Клода Фарера неминуемо приводят к заключению, что англичане во что бы то ни стало хотели появлением раньше нас у Константинополя поставить российское правительство перед свершившимся фактом и тем самым повлиять на ход будущих переговоров о проливах.

Особенная же торопливость англичан в осуществлении этого плана объяснялась тем, что после полного разгрома нами турок на Кавказе создавалась благоприятная обстановка для предпринятия Россией Босфорской операции (в чем англичане, как мы увидим ниже, не ошиблись).

Появление у Константинополя противника, прорвавшегося, безразлично, из Средиземного или из Черного моря, неминуемо повлекло бы за собой немедленную капитуляцию Турции, ибо оказалась бы пресечена связь между малоазиатской, т. е. азиатской, и европейской частью Турции. Между тем все снабжение боевыми припасами главных сил турецкой армии, сосредоточенных в Анатолии, шло из Германии через Константинополь, а снабжение самого Константинополя и европейской части Турции жизненными припасами и углем осуществлялось из Анатолии.

Кроме того, в самом Константинополе существовала достаточно активная старотурецкая оппозиция младотурецкому режиму и немцам, каковой появление союзников у Константинополя дало бы мощную опору.

Капитуляция Турции вызвала бы целый ряд последствий, имеющих первостепенную стратегическую важность: во-первых, на главный театр войны в Европе могла быть переброшена вся наша Кавказская армия — около 250 тыс. бойцов, и вся английская армия из Египта — около 50 тыс. бойцов; во-вторых, Болгария, выступление которой находилось в непосредственной зависимости от военно-политического положения Турции и решения вопроса о проливах, не могла бы присоединиться к Германии, и в связи с этим в рядах держав Антанты осталась бы вся сербская армия, которая после выступления Болгарии вынуждена была покинуть Сербию.

Вследствие этого военная сила Тройственного союза уменьшилась бы после капитуляции Турции на 700 тыс. бойцов (500 тыс. турок и 200 тыс. болгар), а военная сила Антанты увеличилась бы на 300 тыс. бойцов (250 тыс. русской Кавказской армии и 50 тыс. англичан из Египта).

После капитуляции Турции была бы восстановлена кратчайшая и самая удобная связь России с ее союзниками, что значительно увеличило бы боеспособность русской армии, в которой, как

мы уже знаем, ощущался в 1915 г. громадный недостаток боевых припасов.

Таким образом, капитуляция Турции привела бы к изменению общей стратегической обстановки в нашу пользу. Достигалось численное превосходство в миллион бойцов (700 тыс. турок и болгар плюс 300 тыс. русских и англичан), не считая при этом значительного увеличения боеспособности нашей армии и сохранения в рядах Антанты сербской армии.

Все это с убедительной ясностью доказывает, что после капитуляции Турции как неминуемого следствия появления войск Антанты у Константинополя война закончилась бы скорой победой Антанты и для России вместо большевизма настала бы эпоха небывалого величия и расцвета.

И ничто более красноречиво и убедительно не подтверждает сего, как мысли, высказанные по этому поводу авторитетнейшими государственными деятелями и особенно немецкими военными вождями.

Бывший американский посол в Турции во время войны Моргентау в своих мемуарах пишет: «Нет сомнения, что если бы союзники завладели хотя бы одним из проливов, война окончилась бы гораздо скорей и Россией не овладел бы большевизм».

Знаменитый немецкий морской министр адмирал Тирпиц⁴⁴ пишет в одном частном письме от 8 августа 1915 г.: «У Дарданелл идет ожесточенная борьба; если они будут взяты, мы неминуемо проиграем войну».

И, наконец, самый авторитетный немецкий военачальник генерал Людендорф, анализируя обстановку войны в 1915 г., отмечает в своих воспоминаниях: «Если бы флот союзников овладел турецкими проливами, было бы обеспечено снабжение русской армии боевыми припасами, в которых она так сильно нуждалась, вследствие чего положение на восточном фронте сделалось бы для нас весьма тяжелым; с другой стороны, ее союзники могли бы воспользоваться для своего питания значительными запасами зерна, собранными на юге России».

Зная, какое решающее влияние на исход Первой мировой войны имел, по справедливому мнению наших противников, вопрос о проливах, приходится глубоко сожалеть о том, что наши высшие военные руководители, не отдавая себе в этом ясного отчета, не включили этого вопроса в план войны, вследствие чего перед Первой мировой войной не велось для его решения никакой подготовки.

Спрашивается: мог ли английский флот прорваться через Дарданеллы к Константинополю и поставить нас перед свершившимся фактом? Безусловно мог. Ему это не удалось лишь вслед-

ствии ряда грубейших ошибок, сделанных при подготовке и ведении Дарданелльской операции английским командованием, и отсутствия у него в решительный момент твердости характера.

По этому поводу один из ее главных участников, английский адмирал Вимис, заметил, что во всей мировой истории нет ни одной операции, которая была бы предпринята на столь скорую руку и которая была бы столь плохо организована.

Другой вдумчивый исследователь, знаменитый французский военно-морской писатель адмирал Давелью, утверждал: «Трудно было нагромоздить больше военных ошибок на столь малом театре военных действий, каковым были Дарданеллы».

А Клод Фарер пошел так далеко, что в своем дневнике записал: «На войне ошибки, граничащие с глупостью, называются изменой». Под этим он, конечно, подразумевал измену не английским, а союзным интересам.

Для ясности дальнейшего изложения приведу здесь лишь главные причины неуспеха Дарданелльской операции, которые особенно поучительны для нас с точки зрения выполнения нами Босфорской операции.

Основной причиной неуспеха, из коей вытекало большинство ошибок, была, конечно, уже упомянутая выше невероятная торопливость английского правительства. Если бы подождали, пока соберется десантный отряд, и флот при его содействии внезапно начал бы операцию, он, без всякого сомнения, прорвался бы в Константинополь.

Начав же операцию без десантного отряда, флот, не добившись успеха, привлек лишь своим нападением внимание немцев, и они спешно начали сосредоточивать войска для обороны Дарданелл. Так что когда через два месяца после начала операции англичанам пришлось прибегнуть к помощи десантного отряда, он натолкнулся на такие силы, что после высадки на берег дальше продвинуться не мог и потому не оказал никакого содействия флоту.

В связи с этим следует заметить, что сборному английскому десантному отряду, состоявшему отнюдь не из отборных войск, удалось 25 апреля, т. е. через восемь месяцев после начала войны и через два месяца после начала Дарданелльской операции, высадиться прямо на прочно занятый и укрепленный турками берег.

Не менее важной причиной неуспеха Дарданелльской операции была полная несостоятельность траления. В английском флоте траление вообще находилось не на должной высоте. Несмотря на это, операцию начали с совершенно недостаточными и неорганизованными тралящими средствами, не дожидаясь присоединения к флоту многочисленных тральщиков, бывших в пути.

Между тем, как известно, все потери прорывавшийся англо-французский флот имел не от артиллерии дарданелльских укреплений, а именно от мин, на которых погибли три броненосца.

Несомненно, помимо спешки причиной неуспеха операции было отсутствие твердости духа у командовавшего союзным флотом английского адмирала Де-Робека, который, испугавшись потерь, не превышавших даже 20% судового состава флота, прекратил операцию как раз в тот момент, когда главные минные заграждения были уже пройдены, а на всех дарданелльских укреплениях оставалось лишь семь (!) снарядов для тяжелой артиллерии, так что в Константинополе началась невообразимая паника и спешная эвакуация.

Все это ясно показывает, что, не будь спешки и нерешительности, проявленных командованием, англичане, безусловно, могли бы прорваться к Константинополю и поставить нас этим перед свершившимся фактом. Того же мнения придерживается и один из самых вдумчивых и военно-образованных наших офицеров капитан 1 ранга Смирнов, бывший, как уже было сказано, с английским флотом у Дарданелл.

В опубликованном отзыве о Дарданелльской операции он отмечает: «1) Цель, поставленная английским правительством этой операции, заставить Турцию выбыть из состава воюющих сторон путем прорыва английского флота через Дарданеллы, была достижима. 2) По всем заключениям немецких, турецких и нейтральных деятелей, в Константинополе царил паника, и если бы появился английский флот, то, вероятно, произошло бы движение против младотурецкого правительства, которое повело бы к заключению мира. 3) Прорыв флота был возможен при большей настойчивости командующего английской эскадрой, особенно если принять во внимание недостаток снарядов у турок и их плохое качество».

Через 11 месяцев после начала операции англичане, не добившись успеха, принуждены были от нее отказаться и эвакуировать высаженные у Дарданелл войска. Так окончилась операция, получившая в истории название «дарданелльского скандала», который обошелся Англии в 100 тыс. жизней ее сынов.

По английским законам военачальники Дарданелльской операции были отданы под суд. Так же, как в случае суда над адмиралом, пропустившим немецкие крейсера в Дарданеллы, данные судебного процесса над военачальниками были сохранены в строгой тайне, и так же, как и тот адмирал, они были оправданы, и лишь потому, что, как установил суд, одной из главных причин

неуспеха явилась спешка, вызванная политическими соображениями. Но все же этот неуспех не имел отрицательного влияния на политические соображения, ибо русский флот не только не прибыл раньше английского, но и вообще не появился перед Константинополем.

О том, что англичане собираются предпринять Дарданелльскую операцию, мы, как уже говорилось, определенно узнали лишь 18 февраля, т. е. накануне ее, из официального сообщения, сделанного великому князю генералом сэром Вильямсом.

Между тем за месяц перед этим, т. е. 18 января, англичане сообщили о своих намерениях французскому правительству, заявив, что якобы для сохранения полного секрета они не уведомили об этом Россию. Однако русский посол в Париже Извольский, имевший связи во французском министерстве иностранных дел, узнал в начале февраля о замышлявшейся союзниками какой-то операции в районе Дарданелл и сообщил эти сведения нашему правительству.

Опасаясь со стороны англичан военно-политического маневра, направленного против России, русское правительство, лишь только стало об этом определенно известно, дало указание Верховному главнокомандующему предпринять операцию в целях захвата Босфора.

Командующий Черноморским флотом получил соответствующие директивы, а в Одессе в течение февраля был сосредоточен десантный отряд в составе трех дивизий из отборных войск Кавказской армии.

Но тут-то и оказалось, что из-за отсутствия надлежащей подготовки в мирное время русская армия не располагает необходимыми для такой десантной операции средствами, а также не имеет подготовленных к перевозке войск транспортных судов. На скорую руку можно было бы в течение одного или полутора месяцев подготовить транспортные и десантные средства для одной бригады с небольшой артиллерией, но генерал-квартирмейстер Ставки посчитал проведение десантной операции с такими средствами слишком рискованным и даже авантюристическим, и она не была предпринята.

Между тем начавшаяся весной массовая переброска на наш фронт германских войск с французского фронта привела к тому, что подразделения десантного отряда были постепенно отправлены на Юго-Западный фронт и отряд расформировался.

Неподготовленность Черноморского флота к выполнению Босфорской операции, явившаяся следствием непредусмотрительности

правительства в деле подготовки к войне, в целом привела к необходимости исправлять эту роковую ошибку в самый разгар войны.

Немедленно началась организация в Одессе транспортной флотилии и срочный ремонт пароходов. Возглавил это дело адмирал А.А. Хоменко⁴⁵, кипучая энергия которого и исключительные организаторские способности поистине творили чудеса. Одновременно в срочном порядке разворачивались ремонтные средства Одесского порта, а сам он приспособлялся для базирования транспортной флотилии, насчитывавшей свыше 100 судов. На Николаевском судостроительном заводе было заказано 30 мелкосидящих судов и большое количество десантных ботов для обеспечения высадки десанта. Штаб Черноморского флота совместно с Морским управлением штаба Верховного главнокомандующего разрабатывал подробный план Босфорской операции и составлял инструкции.

Однако, несмотря на исключительную энергию, проявленную при проведении в жизнь всех этих мероприятий, мы лишь к весне 1916 г. смогли подготовить все необходимые средства для десантной операции значительного размера.

В связи с этим необходимо отметить вероломство англичан по отношению к нам: хорошо зная нашу неподготовленность к десантным действиям и сообщив о Дарданелльской операции лишь накануне ее, они на следующий день после ее начала дали нам знать, что ожидают появления Черноморского флота у Константинополя **ОДНОВРЕМЕННО** с ними, легкомысленно рассчитывая самим прорваться к нему через два-три дня!

Некоторые выводы, сделанные из Дарданелльской операции, весьма поучительны для оценки выполнимости нами Босфорской операции.

Дарданеллы, вообще говоря, были значительно сильнее укреплены, чем Босфор. За восемь месяцев войны немцы привели оборону пролива в надлежащий порядок. Кроме того, военно-географическая обстановка, т. е. конфигурация берегов, течение и солнечное освещение, была для прорывавшегося флота значительно менее благоприятна, нежели в Босфоре.

Если при таких условиях англичане почти прорвались через Дарданеллы с потерями, не превышающими 20%, и не сделали этого только вследствие нерешительности командования в критическую минуту, то не подлежит сомнению, что наш Черноморский флот мог бы в самом начале войны, когда относительно слабые босфорские укрепления были совершенно запущены, прорваться к Константинополю.

Действия английского десантного отряда в Дарданеллах 25 апреля показали, что даже при отсутствии внезапности высадка

войск на берег, занятый противником и тщательно подготовленный к обороне, вполне выполнима. При этом следует учесть, что это не были отборные войска, располагавшие специальными средствами для десантирования.

Особого внимания заслуживает и тот факт, что 24 апреля в демонстративных целях на занятый турками азиатский берег пролива, где оборона, правда, была несколько слабее, успешно десантировалась французская бригада, которая через сутки без особых потерь возвратилась обратно на суда.

Это должно было бы послужить для нас поучительным примером в решении вопроса о предстоящей высадке у Босфора, чего, к сожалению, не случилось.

Вместе с тем невозможно отказаться от мысли, что после полного разгрома нами на Кавказе турецкой армии, когда все силы и внимание турок были привлечены к Дарданеллам, мы могли бы с помощью лишь одной отборной бригады в начале войны обеспечить прорыв флота через Босфор, где военно-географическая обстановка для сего была более благоприятна, нежели в Дарданеллах.

По своей решающей стратегической и политической важности Босфорская операция принадлежала к категории тех операций, при коих даже самый крайний риск не только допустим, но и обязательно необходим.

В данном случае мы рисковали всего лишь одной бригадой. И даже потеря всего Черноморского флота, состоявшего из устаревших судов, не явилась бы для нас бедой, ибо как раз весной 1915 г. на флот должны были поступить мощные современные линейные корабли и истребители.

Если бы сухопутное командование отдавало себе ясный отчет в важности Босфорской операции, не будь оно проникнуто недоверием к флоту и находись в это время во главе Черноморского флота решительный и талантливый адмирал Колчак, мы, конечно же, пошли бы на этот риск и, несомненно, прорвались бы, тем более что, как теперь стало известно, большую часть боевого запаса снарядов тяжелой артиллерии босфорских укреплений турки отправили на оборону Дарданелл.

Сердце обливается кровью, когда подумаешь, как близки мы были к победе и к спасению нашей Родины от катастрофы, которая ее ожидала!

СМЕНА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА

Начавшееся весной общее отступление русской армии продолжалось в течение всего лета, ибо до самого конца 1915 г. не было возможности пополнить исчерпанные боевые припасы и ряды армии вооруженными бойцами.

В Ставке питали надежду, что крепость Ново-Георгиевск, имевшая большой гарнизон, задержит наступление противника и даст нам возможность оправиться. Однако эта надежда не оправдалась: немцы подвезли в начале августа к Ново-Георгиевску мощную тяжелую артиллерию и приступили к бомбардировке, за которой мы в Ставке следили с напряженным и трепетным вниманием, ибо ее отдаленный гул был по ночам слышен в Барановичах. Старые крепостные верки Ново-Георгиевска не выдержали продолжительного огня новейшей тяжелой гаубичной артиллерии, и 19 августа крепость пала.

В это время генерал Алексеев был назначен главнокомандующим Северо-Западным фронтом, где складывалось самое тяжелое положение. Благодаря своей неутомимой трудоспособности, организационному дарованию, педантичной точности и глубокому знанию военного дела он при постоянной поддержке со стороны Верховного командования настолько упорядочил отступление фронта, что, по признанию самого Людендорфа, немцам не удалось добиться решительных стратегических результатов, на которые они рассчитывали, начиная свое наступление.

Мало того, генералу Алексееву удалось искусным контрнаступлением в районе Вильно окончательно остановить продвижение немцев, после чего обе стороны окопались и на Восточном фронте, так же как и на Западном, началась позиционная война, наступило, по словам Людендорфа, спокойствие.

После занятия немцами Варшавы и падения Ново-Георгиевска Барановичи оказались под угрозой и возник вопрос о переносе Ставки в тыл. Для подготовки новых помещений были посланы квартиреры в Могилев и даже в значительно более отдаленную Калугу, ибо нельзя было предвидеть, как далеко продвинутся немцы. Однако вскоре выяснилось, что фронт во всяком случае до Днепра не дойдет. И великий князь остановил свой выбор на Могилеве.

По прибытии на вокзал мы высадились из наших поездов, где прожили ровно год, чтобы больше до конца войны в них не возвращаться. Управление Ставки и ее личный состав расположились в помещениях эвакуированных губернских учреждений, в реквизированных у жителей квартирах и в гостиницах. Великий князь с начальником штаба и ближайшей свитой занял дом могилевского губернатора, а управление генерал-квартирмейстера разместилось рядом, в здании губернского правления.

Внутреннюю охрану Ставки нес полевой гвардейский жандармский эскадрон, впоследствии усиленный «георгиевским» батальоном, сформированным из солдат, имевших Георгиевские кресты.

После вступления в должность Верховного главнокомандующего государя императора к охране Ставки присоединился конвой его величества.

В Могилеве Ставка утратила характер тесно сплоченного и обособленного от внешнего мира органа, какой она имела в Барановичах, и обратилась в учреждение, во многом подобное обычным учреждениям правительственной власти.

Не успели мы еще окончательно разместиться в Могилеве, как нас точно громом поразила весть о смене великого князя Николая Николаевича и о принятии государем императором на себя должности Верховного главнокомандующего. Проникнутые безграничной преданностью великому князю, глубоко преклоняясь перед его полководческим даром, зная, сколь велика была его заслуга на посту Верховного главнокомандующего, мы были совершенно подавлены его смещением, предчувствуя, что это будет иметь для России самые тяжелые последствия. В душах многих зародился глубокий протест, и пожелай великий князь принять в этот момент какое-либо крайнее решение, мы все, а также и армия, последовали бы за ним.

Вскоре стало известно, что пагубное решение о смене великого князя было принято Николаем II вопреки мнению правительства, которое настойчиво отговаривало государя от этого шага, считая его опасным. Но он твердо стоял на своем, мотивируя свой поступок тем, что в тяжелые моменты войны долг монарха находиться при своих войсках. Возможно, это было бы правильным в начале нашего тяжелого отступления, но в данный момент, когда на фронтах настало спокойствие и мы уже пережили кризис, такое решение было запоздалым, во всяком случае, имело иные причины.

И действительно, с течением времени выяснилось, что государь поступил так по настоянию императрицы, которая, видя, что популярность великого князя несколько не уменьшилась даже после пережитого нами тяжелого кризиса на фронте, считала дальнейшее пребывание его на своем посту опасным для престола. В этом ее усердно поддерживала вся распутинская камарилья, не терпевшая великого князя. Смена Верховного главнокомандующего произошла в один день с глазу на глаз между государем и великим князем, которому даже не дали возможности проститься с чинами своего штаба. Ему было приказано, не заезжая в Петроград, отправиться тотчас на Кавказ, куда он был назначен наместником.

Принимая во внимание глубокое благородство, честность и безусловное верноподданничество великого князя, можно утверждать, что опасения императрицы были совершенно нео-

боснованны. Ее болезненная мнительность принесла в этом деле неисчислимый вред России.

Великий князь Николай Николаевич на деле доказал свои исключительные способности как полководец. Россия давно уже не имела во главе своих вооруженных сил такого выдающегося вождя, и никто, даже в отдаленной степени, не был в состоянии его заменить.

В критическую минуту Галицийской битвы он своим единоличным решением обеспечил победу. Мудрым верховным руководством войсками в маневренной войне он не только отбил три последовательных наступления немцев в Польше, но и отбросил их с громадными потерями к границе. Он очистил кадры высшего командного состава от неспособных генералов и поставил на их место испробованных в боях, знающих начальников. И наконец, при общем отступлении, прямой причиной коего была непредусмотрительность правительства в деле подготовки России к войне, он своим хладнокровием и твердостью характера спас страну от катастрофы, не дав немцам добиться, как они сами признали, решающих успехов.

Но важнее этого была легенда, которая как ореолом окружала его имя и одухотворяла войска, — легенда, которой тяжкое наше отступление не нанесло ни малейшего ущерба, а даже, наоборот, ее, быть может, и усилила, ибо войска знали, что в этом он не повинен.

Мощь «легенды» полководца искони имела в России неотразимое влияние на дух войск. С уходом великого князя действие его «легенды», воодушевлявшей войска на геройские подвиги, исчезло, и этим духу армии наносился тяжелый удар.

Смена великого князя нанесла тяжелый удар и русской общественности, которая уповала на него. Углубилась та пропасть, которая после кратковременного единения в начале войны стала все больше и больше разделять престол и народ и в которую в конце концов рухнуло все здание великой русской империи.

Никто, кроме великого князя, не мог бы довести тяжелую войну до победного конца, и ничто с более трагической ясностью не показывает, какой ужасный вред был причинен России его смещением, нежели следующие слова, записанные нашим противником генералом Людендорфом в конце его воспоминаний о кампании 1915 г. на русском фронте: «Мы сделали новый большой шаг к разгрому России: великий князь, человек твердой воли, был сменен и царь стал во главе армии».

ЧАСТЬ II

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ ПРИ ИМПЕРАТОРЕ НИКОЛАЕ ВТОРОМ

УСТРОЙСТВО СТАВКИ И ЛИЧНЫЙ СОСТАВ ШТАБА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

После того как император Николай II принял от великого князя Николая Николаевича Верховное командование, устройство Ставки и личный состав штаба Верховного главнокомандующего совершенно изменились.

К шести бывшим при великом князе управлениям штаба прибавилось еще новых шесть, а именно: артиллерийское, инженерное, воздухоплавательное, интендантское, походного атамана казачьих войск и протопресвитера военного и морского духовенства. Из бывших при великом князе шести управлений два были коренным образом преобразованы. Морское управление упразднено, а вместо него образован Морской штаб Верховного главнокомандующего, состоявший из двух флаг-капитанов (равнозначных генерал-квартирмейстерам), один для Балтийского, а другой для Черного моря, из которых первый с чинами своего управления был вскоре переведен в состав штаба Северо-Западного фронта. Управление же военных сообщений преобразовано в департамент железных дорог прифронтовой и тыловой полосы театра военных действий, в коем с офицерами военных сообщений призваны были сотрудничать многочисленные инженеры путей сообщения. Причем у нового начальника этого обширного управления было два помощника: один — генерал Генерального штаба и другой — инженер путей сообщения на правах товарища министра. Остальные четыре управления бывшего штаба великого князя значительно расширились, осо-

бенно управление генерал-квартирмейстера, состав коего утратился, причем была введена должность второго генерал-квартирмейстера.

Преобразованный таким образом штаб Верховного главнокомандующего в составе двенадцати управлений вместо бывших шести насчитывал свыше 200 офицерских и гражданских чинов, т. е. в три раза больше, чем при великом князе.

Вместо бывших при великом князе единоличных представителей английских и французских вооруженных сил организовали военные миссии в составе нескольких членов, и к этим двум миссиям присоединились военные миссии Италии, Японии, Сербии, а впоследствии Румынии и Бельгии.

При великом князе ближайшее его окружение, или свита, состояло из пяти человек: один генерал для поручений, три адъютанта и управляющий его двором. При государе были: дворцовый комендант с чинами охраны, начальник походной канцелярии, флаг-капитан адмирал Нилов со своим помощником, гофмаршал со своей канцелярией, дежурный флигель-адъютант и лейб-медик.

Была вновь образована комендантская часть Ставки, которая ведала охраной и внутренним распорядком жизни, во главе которой находился генерал-начальник гвардейского жандармского эскадрона.

В результате этих преобразований в устройстве Ставки общее число входивших в ее состав чинов временами достигало 300 человек.

После ухода великого князя почти весь личный состав его штаба был смещен. Начальник штаба генерал Янушкевич уехал вместе с ним на Кавказ, а из шести начальников управления штаба на своем месте остался один лишь дежурный генерал Кондзеровский. Почти всех офицеров управлений генерал-квартирмейстера и военных сообщений отправили на фронт, и в Ставке осталось нас, бывших членов штаба великого князя, всего каких-нибудь десять человек.

Даже иностранные военные представители, с которыми великий князь был в личных дружеских отношениях и которые его глубоко почитали, были заменены другими: вместо маркиза Де-ла-Гиша начальником французской военной миссии назначили генерала Жанэна, того самого, который впоследствии в Сибири способствовал выдаче верховного правителя адмирала Колчака большевикам, а сэра Вильямса заменил шеф английской миссии адмирал Филимор.

Это радикальное изменение личного состава штаба Верховного главнокомандующего производило впечатление разгона пред-

полагаемого в Ставке «крамольного гнезда» и еще больше подтвердило враждебность и неоправданную подозрительность престола по отношению к великому князю и его сотрудам.

Новый личный состав штаба Верховного главнокомандующего внес в жизнь Ставки совсем иную атмосферу и идеологию. Роль нового начальника штаба генерала Алексеева была совсем иная, чем роль его предшественника генерала Янушкевича, ибо фактически он — генерал Алексеев — а не император Николай II, исполнял функции Верховного командования.

Генерал Алексеев был, бесспорно, лучшим знатоком военного дела и службы Генерального штаба по оперативному руководству высшими воинскими соединениями, что на деле и доказал в бытность свою на посту начальника штаба Юго-Западного фронта, а затем на посту главнокомандующего Северо-Западным фронтом. Обладая совершенно исключительным трудолюбием, он входил во все детали верховного командования и нередко собственноручно составлял во всех подробностях длиннейшие директивы и инструкции. Однако он не обладал широтой взглядов, присущей великим полководцам, и, к сожалению, как большинство наших офицеров Генерального штаба, находился в плену узких военных доктрин, затемнявших его кругозор и ограничивавших свободу военного творчества.

По своим политическим взглядам он, несомненно, принадлежал к либерально настроенной, честной и любящей свою родину части русского общества, а по своему происхождению стоял ближе к интеллигентному пролетариату, нежели к правящей дворянской бюрократии.

Ведя чисто спартанский образ жизни и имея замкнутый характер, он был совершенно чужим человеком в придворных кругах, которых не почитал и от которых держался елико возможно дальше, не ища ни почестей, ни отличий.

Искренно любя свою родину и глубоко скорбя о ней душой, он был беззаветно предан ей и своему любимому военному делу, что и доказал, положив начало добровольческому движению против большевиков, коему посвятил последние силы и отдал жизнь.

Чтобы иметь возможность лично вести оперативную работу и быть в постоянной связи с фронтами, генерал Алексеев жил в самом управлении генерал-квартирмейстера, где занимал маленькую, более чем скудно обставленную комнату.

При генерале Алексееве неотлучно состоял и всюду его сопровождал близкий приятель и «интимный» советник генерал Борисов, игравший при нем роль вроде той, которую при кардинале

Ришелье играл отец Жозеф, прозванный «серая эминенция» (так в Ставке Борисова и звали). Он так же жил в управлении генерал-квартирмейстера, и генерал Алексеев советовался с ним по всем оперативным вопросам, считаясь с его мнением. Весьма непривлекательная внешность этого человека усугублялась крайней неряшливостью, граничащей с неопрятностью. В высшей степени недоступный и даже грубый в обращении, он мнил себя военным гением и мыслителем вроде знаменитого Клаузевица, что отнюдь не подтверждают его более чем посредственные писания на военные темы. По своим политическим взглядам Борисов был радикал и даже революционер. В молодости примыкал к активным революционным кругам, едва не попал в руки жандармов, чем впоследствии всегда и хвалился. Вследствие этого он сохранил в душе ненависть к представителям власти и нерасположение, чтобы не сказать более, к престолу, которое зашло так далеко, что он «по принципиальным соображениям» отказывался принимать приглашения к царскому столу, кои по очереди получали все чины Ставки. При всем этом генерал Борисов любил военное дело и посвятил ему всю свою жизнь. Трудно сказать что, кроме этого, могло столь тесно связывать с ним генерала Алексева; разве что известная общность политических взглядов и одинаковое происхождение.

Следующими по близости к генералу Алексееву были полковник Генерального штаба Носков и генерал-квартирмейстер генерал Пустовойтенко.

Первый из них по своим взглядам во многом походил на генерала Борисова, а по внешности сильно смахивал на франтоватого штабного писаря. После революции он перешел на службу к большевикам. Второй играл при генерале Алексееве такую же бесцветную роль, какую играл генерал Янушкевич при великом князе Николае Николаевиче. Генерал Алексеев приблизил его к себе, вероятно, главным образом потому, что тот не мешал ему вести оперативное руководство и был лишь точным исполнителем его воли и указаний, лишенным всякой инициативы.

Эти три лица принимали ближайшее участие в жизни и работе генерала Алексева, пользовались особым его доверием, неотлучно находились при нем и всегда сопровождали его во время кратких прогулок в парке, прилегающем к дому могилевского губернатора.

В большем или меньшем соответствии со взглядами генерала Алексева и его окружения был сделан подбор других офицеров штаба.

Новый состав Ставки, в котором потонули малочисленные остатки бывших сотрудников великого князя Николая Николае-

вича, наложил на нее иную печать. Исчез тот, можно сказать, возвышенно-рыцарский характер, который отличал бывшую Ставку. От новых ее членов трудно было бы ожидать проявления в критическую минуту возвышенных деяний и самопожертвования, что и обнаружилось во время революции.

Качества товарища министра адмирала Русина, назначенного на высокий пост вновь образованного Морского штаба Верховного главнокомандующего, были уже отмечены в первой части настоящих воспоминаний. При своем назначении на этот пост адмирал Русин сохранил за собой должность начальника Морского генерального штаба и товарища морского министра, что было для него сопряжено с частыми поездками из Ставки в Петербург. Но именно этим было достигнуто полное и тесное единство действий морского министерства по снабжению флота и созданию новых боевых средств с верховным оперативным руководством морскими вооруженными силами.

Автор настоящих воспоминаний, назначенный на должность флаг-капитана штаба, имел честь быть ближайшим помощником адмирала Русина по этому руководству. На нем лежала обязанность по составлению докладов, планов и оперативных предложений, а также разработка штатов новых боевых формирований. Для ведения текущей работы и шифрования в составе штаба состояло несколько младших морских офицеров.

Назначенные начальниками дипломатической и гражданской канцелярий Н.А. Базили и С.Н. Ладыженский являлись одними из талантливейших (особенно первый) представителей дипломатического и гражданского ведомств, отличаясь широтой кругозора и ясным пониманием пагубного направления нашей внутренней политики. Такими же были единственный из оставшихся на своем посту бывших начальников управлений штаба великого князя генерал П.К. Кондзеровский и оба помощника нового начальника военных сообщений — генерал Н.М. Тихменев и инженер путей сообщения Э.П. Шуберский.

Во главе артиллерийского управления стоял великий князь Сергей Михайлович, который со знанием дела и с усердной заботливостью лично исполнял свои обязанности и старался удовлетворить все нужды армии, в чем автору пришлось лично убедиться при формировании особых десантных войск для Босфорской операции, о чем будет речь впереди.

Должность походного атамана казачьих войск номинально исполнял, ведя рассеянный образ жизни и редко посещая Ставку, великий князь Борис Владимирович; обязанности походного атамана

фактически исполнял его начальник штаба, опытный генерал А.П. Богаевский, человек высоких нравственных качеств, выбранный после революции атаманом Всевеликого войска Донского.

Мы, офицеры и чиновники, оставшиеся из прежнего состава штаба были преданы своему делу и родине не меньше, чем новые члены Ставки. Возможно, мы даже глубже скорбели душой о России, но, принадлежа по своему происхождению, воспитанию и традициям к иному классу русского общества, составляли в штабе как бы обособленный кружок, не поддерживавший, за малым исключением, близкого общения с чинами нового состава штаба.

Во время пребывания Николая II в Ставке в ближайшем его окружении неотлучно состояли дворцовый комендант генерал В.Н. Воейков⁴⁶, флаг-капитан адмирал Нилов и флигель-адъютант капитан 2 ранга Н.П. Саблин. Эти три лица постоянно и повсюду сопровождали государя, принимали участие в его личной жизни и по вечерам составляли ему партию в домино, в которое он любил играть. Если вообще с кем-либо император и делился своими сокровенными мыслями и воззрениями, так только с ними. Именно они, больше всех других приближенных царя, могли иметь на него влияние. Поэтому духовный облик этих лиц представляет собой значительный интерес для историка.

Генерал Воейков, представитель консервативной русской аристократии, отличаясь отталкивающей внешностью сибарита-циника, при ограниченных умственных способностях и кругозоре рядового гусарского офицера, обладал наглým самомнением и, громко исповедуя ретроградные взгляды «черносотенного» толка, импонировал этим государю и имел на него злосчастное влияние. Не имея в своей душе ни капли сколь бы то ни было возвышенных чувств, он воочию обнаружил всю свою сущность, покинув первым — самым неблагоприятным образом — императора в Ставке после его отречения от престола.

Флаг-капитан адмирал Нилов не отличался особым умом, широтой взглядов и пониманием положения вещей, зато выделялся давнишним пристрастием к вину. По этому поводу о нем ходил анекдот. Якобы государь, привыкший видеть его постоянно на взводе и считая это нормальным его состоянием, увидев его раз трезвым, подумал, что он навеселе. Однако, к чести адмирала Нилова надо сказать, он был государю «без лести», искренно предан и покинул его не по своей воле, а по принуждению революционных властей.

Флигель-адъютант Саблин заслуживает особого внимания, ибо из всех приближенных был ближе всего к царской семье, пользуясь особым расположением не только царя, но и царицы.

Этот красавец мужчина, каких мало, не отличался ни умом, ни знаниями. Однако, как все морские офицеры, особенно младшего поколения, к коему он принадлежал, обладал известным кругозором и правильным пониманием вещей. Смутно предчувствуя угрожающие России опасности и беспокоясь об этом, он старался делать что мог, чтобы эти опасности предотвратить, не рискуя, однако, при этом своим положением фаворита. Причем руководством являлся, может быть, не столько преданностью царской семье, сколько инстинктом самосохранения, ибо и он, правда не в такой неблагоприятной форме, как Воейков, покинул в критическую минуту благодетельствовавшую его царскую семью.

Принадлежа к русской «морской семье», искони тесно сплоченной единством воспитания в стенах дорогого нам Морского корпуса, общностью традиций и любовью к морю, Саблин, естественно, тяготел в Ставке к нам, морякам, своим братьям. И главным образом с нами и общался, тем более что был в одном со мною чине и питал ко мне приятельские чувства.

Он был частым гостем в моем кабинете, где мы вели с ним продолжительные разговоры о войне и пагубном направлении нашей внутренней политики. Причем мне неоднократно пришлось убеждаться, что мысли, высказанные в этих разговорах, в коих нередко принимали участие и другие члены нашего кружка, становились известными государю, вследствие чего (дабы не быть обвиненными в «крамоле» и лишиться пути, по которому доводилось до императора истинное положение вещей) мы в этих разговорах соблюдали известную осторожность и приемлемую форму.

На особом положении был в Ставке генерал Н.И. Иванов, назначенный после смены с поста главнокомандующего Юго-Западным фронтом состоять при особе государя, что было равнозначно почетной отставке. Несмотря на свой «простецкий» вид, он был «себе на уме» оппортунист, не лишенный известного тщеславия. В Ставке он особенно благоволил к нам, морякам, отчасти потому, что «будировал» своих сухопутных братьев, считая их виновными в своей смене, отчасти потому, что знал благорасположение Николая II к флоту. Не рискуя потерять остатки «монаршего благоволения», он не затрагивал в разговорах с императором щекотливых тем, а главным образом «многозначительно и мудро» молчал в его присутствии.

Жил он в своем вагоне на станции в полном бездельи, и главная его обязанность состояла в том, чтобы откушивать за царским столом.

Такова была безотрадная картина личного состава Ставки при императоре Николае II. Состоя, с одной стороны, из инертно настроенного офицерства, в массе своей не отличавшегося особо

возвышенными духовными качествами, с другой стороны — из беспринципного и ретроградного окружения государя и, наконец, из незначительной группы, стремившейся всеми способами найти путь к выходу из тяжелого положения, в котором находилась Россия, этот личный состав в целом не был способен и не смог обрести в себе достаточной воли и мужества, чтобы вступить в решительную борьбу с революцией, в каковую бы несомненно вступил сплоченный единством возвышенных взглядов и безграничной преданностью к своему вождю личный состав Ставки великого князя Николая Николаевича, останься он до конца во главе вооруженных сил России.

ЖИЗНЬ СТАВКИ

Своей жизнью и распорядком службы Ставка при государе, как уже было сказано, мало чем отличалась от обычных государственных учреждений.

По управлениям и канцеляриям так же разрабатывались разные доклады, соображения и инструкции, составлялись директивы и оперативные указания фронтам, велась текущая переписка. Особенность всей этой работы состояла в том, что значительная ее часть производилась для ускорения путем переговоров по прямым проводам, связывавшим Ставку со штабами фронтов и Петроградом.

Каждое утро в 10 часов государь во время своих пребываний в Ставке принимал от начальника штаба доклад о положении на фронтах, для чего регулярно приходил из губернаторского дома, где жил со своей свитой, в управление генерал-квартирмейстера. После оперативного доклада возвращался и в своем кабинете принимал приезжавших к нему с очередными докладами министров, сановников и шефов иностранных миссий.

Около полудня работа в штабе прерывалась для завтрака, который сервировался в две и даже три очереди вследствие многочисленности чинов Ставки в большом ресторанном зале одной из главных гостиниц Могилева. Сидели мы за маленькими столиками по управлениям, а в глубине зала находился большой стол, за которым располагались начальник штаба, начальники управлений Ставки и приезжие должностные лица, поскольку не были приглашены к царскому столу.

Во время пребывания Николая II в Ставке на завтрак к его столу в губернаторском доме приглашались по очереди все чины Ставки и приезжающие к нему с докладами лица. Завтрак продолжался недолго и состоял из двух простых блюд; на маленьком столике у дверей на балкон ставилась закуска, и государь хозяй-

ским оком следил, чтобы все могли подойти к закусочному столу и выпить рюмку водки, особенно мы, младшие чины, которым преграждали дорогу старшие начальники и именитые сановники. За стол садилось, считая свиту, человек 20—25. После еды все выходили в гостиную и становились вдоль стен, образуя «серкль» (круг), во время которого император, курая папиросу, разговаривал с кем-либо из приглашенных. «Серкль» продолжался минут 15—20.

Часа два после завтрака посвящались отдыху и прогулкам. Уже не верхом, а на автомобилях мы выезжали в окрестные леса и урочища. Государь со своей свитой также регулярно и во всякую почти погоду предпринимал такие прогулки.

После отдыха работа в штабе продолжалась до обеда, который сервировался в шесть вечера в том же порядке, что и завтрак. Офицеры, семь из которых жили в Могилеве, обедали обычно дома.

К обеду за царский стол изредка приглашались отдельные чины Ставки по указанию самого государя (это считалось знаком особого внимания). За стол садилось всего человек 10—12.

Иногда по вечерам в местном театре устраивались кинематографические сеансы, на которых присутствовал и император с наследником, когда тот был при нем. Приход Николая II в театр оркестр встречал Преображенским маршем, причем все стояли, ожидая входа государя в губернаторскую ложу. В эти дни обычная публика в театр не допускалась, все ложи распределялись между иностранными миссиями, царской свитой и отдельными управлениями штаба. В ложах сидели жены чинов штаба, а их мужья со всеми остальными располагались в партере. Наша «морская» ложа находилась рядом с ложей японской миссии, и японцы по своему обычаю встречали мою жену низкими поклонами «с шипением», к чему она никак не могла привыкнуть и всегда пугалась.

Николай II, будучи сам добрым семьянином, благосклонно относился к пребыванию жен чинов Ставки в Могилеве, и потому многие из них, кому удалось получить подходящие квартиры, семейно там и обосновались.

Некоторые из нас, правда немногие, вели открытый образ жизни, приглашая гостей к чаю, а иногда и к обеду. У моей жены за чаем обыкновенно собирались, помимо моряков, члены нашего приятельского кружка — дипломаты и гражданские чиновники, некоторые лица царской свиты и представители иностранных миссий. За ужином бывали генерал Иванов и адмирал Русин с несколькими моряками и двумя-тремя лицами свиты. Обед накрывался не более как на десять человек, и когда нашим гостем был генерал Иванов, мы за обеденным столом и после в

гостиной выслушивали длиннейшие истории генерала из времен его далекой молодости, причем рассказчик иногда посреди повествования всхрапывал на минутку, и все присутствующие в почтительном молчании ожидали его пробуждения и продолжения бесконечного повествования.

Гостей принимали еще три-четыре семьи, а дипломатическая канцелярия, состоявшая из холостых, устраивала иногда большие приемы на 30—35 человек, на которых выступали любители певцы и музыканты. Так же оживленно проходили большие приемы, устраиваемые со свойственным ему радушием В.Р. Вреденом, располагавшим большим помещением в старом помещицьем доме.

Такова была «светская» жизнь Ставки, положительная сторона которой состояла в том, что на приемах наряду с забавами и «дамскими» разговорами происходил обмен мнениями по важным вопросам нашей внутренней политики, цель каковых была довести до сведения государя императора через посредство бывших на этих приемах лиц его свиты истинное положение вещей в России, служившее предметом все более нараставшего беспокойства каждого из нас.

Наряду с этой, так сказать, повседневной жизнью в Ставке велась скрытая упорная, но, к сожалению, безнадежная работа, имевшая целью побудить Николая II изменить пагубное направление его внутренней политики, принимавшей все более и более опасные формы, чреватые самыми тяжелыми последствиями. Единственным человеком в Ставке, который мог непосредственно повлиять на государя, был начальник штаба генерал Алексеев, делавший ему ежедневные доклады. Тем более что, фактически неся все бремя ответственности за Верховное командование, он более чем кто-либо был озабочен возможным отрицательным влиянием на войска ведущейся внутренней политики.

Помимо этого многие общественные деятели, и в первую очередь председатель Государственной думы М.В. Родзянко⁴⁷, отчаявшись добиться от правительственных и придворных кругов изменения направления нашей внутренней политики и отдавая себе отчет в пагубных ее последствиях, начали обращаться, особенно в период времени перед революцией, к генералу Алексееву с настойчивыми просьбами повлиять на императора.

В Ставке было известно, что генерал Алексеев, оставаясь после оперативных докладов с глазу на глаз с государем, несколько раз пытался поднять этот вопрос, причем шли слухи, что один раз разговор между ними принял патетические формы. Однако

генерал Алексеев, переходя на незнакомую и чуждую ему почву внутренней политики, не умел найти достаточно убедительных аргументов и не защищал их с необходимой твердостью, чтобы добиться желаемых результатов.

Но, увы, этого не могли добиться и значительно более искусные во внутренней политике государственные деятели.

Специально с этой целью в Ставку приезжал член Государственного совета, бывший генерал-губернатор Туркестана Кауфман-Туркестанский, пользовавшийся особым расположением покойного государя Александра III⁴⁸. Зная, как почитал император память своего отца и ценил его бывших сотрудников, мы в Ставке возлагали на Кауфмана-Туркестанского большие надежды. Однако после продолжительного и крайне драматического, но безрезультатного разговора с государем он уехал из Ставки совсем расстроенный и даже больной.

Несмотря на искреннюю религиозность государя, не повлияло на него и замечательное, глубоко проникновенное красноречие отца Георгия Шавельского, который по своей пастырской должности неоднократно и настойчиво предупреждал императора о грозящей ему и России опасности.

Говорили с государем об этом и его мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна, и многие великие князья, между которыми особой решительностью отличался молодой и пылкий великий князь Дмитрий Павлович⁴⁹, принявший впоследствии во имя спасения России участие в ликвидации Распутина.

Со своей стороны и мы, члены упомянутого выше кружка в Ставке, стремились, пользуясь нашими связями с некоторыми приближенными государя, сделать, как сие будет изложено далее, все, что могли, в этом смысле.

Но все было напрасно. Государь не внял голосу разума, и никто не смог его убедить.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ ВТОРОЙ

Ныне имеется много описаний характера императора Николая II, но не многие из них могут почитаться верными и объективными — слишком уж много сгустилось вокруг его личности глупых и разнообразных страстей.

Большинство этих описаний принадлежит перу крайне оппозиционно и даже революционно настроенных авторов и часто отличаются не только излишней резкостью суждений, но и злобной ненавистью; другие же, менее многочисленные описания ретроградно и религиозно-мистически настроенных авторов грешат чрезмерной идеализацией и сентиментальностью.

Автор настоящих воспоминаний не принадлежит по своим убеждениям и житейской философии, выработанной долгим жизненным опытом, ни к тем, ни к другим. Прослужив полтора года в Ставке при государе, он составил из личных наблюдений и разговоров с ним определенное мнение о его личности, позже проверив это мнение с достаточно отдаленной исторической перспективы, поэтому надеется достигнуть в изложении своего суждения должной объективности.

Император Николай II был по своему нравственному облику из тех, кого в общежитии называют хорошим и скромным человеком.

По природе своей деликатный, он был приветлив и благосклонен в обращении с людьми, особенно со своими приближенными и со всеми, в ком не чувствовал резко оппозиционного настроения или стремления воздействовать на его слабую волю. Никто никогда не слышал от него грубого или обидного слова.

Его приветливость и благосклонность мне довелось испытать лично на себе: однажды в Ставке вследствие сильного расстройства нервной системы я надолго потерял сон, что крайне меня тяготило. Узнав об этом, государь через своих приближенных дал мне несколько советов, как избавиться от бессонницы, и лично мне их заботливо повторил во время «серкля» после одного из ближайших приглашений к его столу. Между тем я был рядовым офицером его штаба.

Некоторые авторы приписывают ему равнодушие и даже двуличность в обращении с людьми, ссылаясь на то, что нередко министры и государственные сановники, с которыми он только что на аудиенции был приветлив и любезен, находили у себя по возвращении домой указ об отставке. Такие случаи были и в Ставке, но являлись следствием именно деликатного свойства характера государя, не решавшегося лично причинить обиду человеку, который ему служил.

Государь не был подвержен никаким страстям и излишествам. Стол у него был совсем простой, и мы в Ставке никогда не видели, чтобы он выпивал больше одной рюмки водки и иногда за едой еще одной рюмки вина. Из игр любил лишь домино и триктрак, в карты не играл.

Он был истинно верующим и глубоко религиозным человеком, склонным к мистицизму и фатализму под влиянием несчастий, преследовавших его с самого начала царствования, что и отразилось в его с затаенной печалью взоре. Вера была единственной его твердой опорой в несении непосильного бремени правления, свалившегося на его слабые плечи.

Подобно своему отцу, императору Александру III, он был совершенно чужд каких-либо стремлений к роскоши и театральности и, подобно ему, вел в кругу своей семьи простой образ жизни, не ища при безупречной своей нравственности каких-либо для себя развлечений и удовольствий.

Император Николай II был исключительно нежный муж и семьянин. И это его качество, могущее составить счастье обыкновенного человека, для него, слабого правителя огромного государства, и для самого этого государства явилось фатальным несчастьем.

О пагубном влиянии на государя нервно и душевно нездоровой царицы, бывшей во власти проходимца Распутина и его омерзительной клики, которая через посредство государыни вынуждала императора Николая II принимать пагубные для России решения, было в свое время много говорено и написано. А после опубликования ее интимной переписки с мужем в этом не осталось уже ни малейшего сомнения.

Государыню я близко видел в Ставке всего один лишь раз и поэтому не могу высказать о ней какое бы то ни было суждение, но впечатление от ее внешности и взгляда было леденящим душу. Впрочем, я лично был свидетелем одного из случаев пагубного ее влияния на государя, о чем речь пойдет впереди.

Император Николай II, при своих высоких нравственных качествах, не обладал, к сожалению, свойствами, необходимыми, чтобы править государством. Ему прежде всего не доставало твердости воли и решительности — этих основных свойств настоящего правителя и вождя.

Обладая средними умственными способностями, затемненными большим религиозным мистицизмом и устарелыми политическими взглядами, он просто не в состоянии был разумом «объять» грандиозную задачу управления государством Российским, которая легла на него тяжелым бременем и к которой он не готовился.

А готовился он лишь к военной карьере. Уровень его знаний соответствовал образованию гвардейского офицера, что, разумеется, было недостаточно не только для управления государством, но и для оперативного руководства всей вооруженной силой на войне.

Сознавая это, государь всецело вверил сие руководство генералу Алексееву, никогда не оспаривая его решений и не настаивая на своих идеях, даже тогда, когда эти идеи — как, например, в босфорском вопросе — были правильнее идей генерала Алексеева.

При всем этом, однако, государь неустанно заботился и беспокоился о всем том, что могло способствовать успеху нашего ору-

зия: часто посещал войска на фронте, обсуждал разные оперативные идеи и лично знакомился с новыми средствами вооруженной борьбы.

Доказательством этому служат следующие случаи.

Однажды, вскоре после того как государь принял верховное командование, а Морское управление не было еще преобразовано в Морской штаб, ко мне пришел придворный камер-фурьер и, передав приглашение на обед к царскому столу, доложил, что государь приказал мне явиться к нему в кабинет за полчаса до обеда.

Придя к назначенному часу в губернаторский дом, я был введен камер-лакеем в кабинет, где государь сидел один за письменным столом. Он приветливо меня встретил и, дав письмо, только что полученное им от английского короля, спросил мое мнение о новом средстве борьбы с подводными лодками, о котором в этом письме сообщалось.

Средство это, оказавшееся впоследствии неприменимым, представляло собой сети, подвешенные к полым стеклянным шарам, которые из-за их прозрачности нельзя было увидеть в перископ. И потому подводные лодки не могли своевременно нырнуть под сеть или вообще ее избежать. Я доложил государю, что по кратким сведениям письма нельзя составить окончательного суждения об этом изобретении и что я запрошу через Морской генеральный штаб нашего морского агента в Англии. Государь с этим согласился и перевел разговор на болгарский порт Бургас.

Болгарский порт имел значение огромной важности для Босфорской операции, горячим сторонником которой был император. Дело в том, что Бургас — единственный порт вблизи Босфора, где можно было бы высадить крупный десантный отряд, без коего наш Генеральный штаб, и в частности генерал Алексеев, категорически не считал возможным предпринять операцию для завладения Босфором.

Об этом порте давно уже велись секретные дипломатические переговоры с Болгарией, однако безуспешно, ибо Болгария требовала себе за выступление на нашей стороне и предоставление нам таким образом Бургаса Македонию, на что Сербия своего согласия не давала, забыв о том, что именно во имя ее спасения Россия вступила в эту тяжелую войну.

Такая черная неблагодарность, угрожавшая лишить нас не только возможности решить национальную проблему, но и выиграть войну, глубоко опечалила и поразила государя, заступничеству коего Сербия была всем обязана, и он теперь искал возможности обойтись без Бургаса для решения босфорского вопроса.

Разработка в Ставке планов и оперативных предложений для Босфорской операции входила в непосредственный круг моих

обязанностей, и император пожелал ознакомиться с моим мнением по этому вопросу. Обсуждение так затянулось, что государь — а это редко с ним случалось — забыл о том, что наступил час обеда. Наконец министр Двора граф В.Б. Фредерикс⁵⁰ решил войти в кабинет и напомнить государю, что в гостиной ожидает приглашенная к обеду специальная военная миссия, приехавшая в Ставку из Франции.

Другой раз, это было поздней осенью 1916 г., государь пригласил всех нас, бывших у него на завтраке, поехать с ним испытывать новое изобретение, состоявшее в том, что, политая жидкостью, составлявшею секрет изобретателя, любая поверхность воспламенялась в любую погоду от попадания в нее ружейной пули.

Мы поехали на автомобилях за город на поле, где были сооружены различные предметы, покрытые этой жидкостью. Государь лично взял поданную ему винтовку и начал стрелять. Дул сильный ветер, шел дождь, смешанный со снегом, так что государь скоро промок. Мы жались к нашим автомобилям, пытались защититься от холода, а он все стрелял и стрелял, пока не убедился в неприменимости этого изобретения для военных целей.

Здесь я, кстати, впервые познакомился со сделавшимся во время Гражданской войны знаменитым, а тогда еще скромным казачьим есаулом А.Г. Шкуро⁵¹, ставшим известным благодаря своим смелым набегам в тыл немцев. На этом испытании Шкуро был представлен государю.

Да, император Николай II всей душой любил Россию и доказал это, приняв за нее мученический венец. Но он любил ее такой, какой хотел видеть, любил в ней «святую Русь» и не хотел отдавать ее революционерам, пророчески предчувствуя, что она погибнет в их кровавых руках.

Естественно, поэтому он предпочитал окружать себя людьми, имеющими сходные взгляды, и колебался доверять бразды правления государственным деятелям либерального направления, опасаясь, как бы они не толкнули Россию в объятия революции. Смутно сознавая, что страна не может не идти вперед, он, не обладая врожденными способностями правителя и не будучи уверенным в себе, не мог определить, как это должно происходить, в отличие от Петра Великого, гений которого позволил ему некогда решительно и без оглядки двинуть Россию, так же им любимую, по пути прогресса.

Однако все же государь искал таких людей (может быть, и не любя их), которые сумели бы вести Россию, охраняя ее вместе с

тем от революционных потрясений, по тому пути, необходимость коего он смутно сознавал.

Ведь это он вручил бразды правления мудрому и сильному волею П.А. Столыпину⁵², который, не будь он убит, несомненно, вывел бы Россию на этот путь; ведь это он призвал к Верховному командованию вооруженных сил великого князя Николая Николаевича; ведь это он вверял отдельные отрасли правления таким просвещенным и честным государственным деятелям, какими были Сазонов, Коковцов, Кривошеин, Щербаков, Самарин и Григорович.

Но, к сожалению, в царском окружении всегда были беспринципные люди с ретроградными взглядами, которые, демонстрируя «беззаветную преданность» и показной патриотизм, сумели втереться в доверие к императору, не имевшему ясного критерия для их оценки. Эти люди, составлявшие фалангу «темных сил», вступали из опасения за собственную шкуру в ожесточенную подпольную борьбу с просвещенными государственными деятелями, призванными государем к правлению, и разными интригами — нередко при посредстве государыни, которая «сама не ведала, что творит», — добивались их смены.

Свидетелем такого случая, где дело уже шло о спасении государства, был автор настоящих воспоминаний.

Осенью 1916 г. деятельность Б.В. Штюрмера⁵³ на посту председателя Совета министров привела к такому обострению отношений между правительством и страной, что государь принял решение его сменить. В начале ноября Штюрмер был вызван в Ставку, где получил повеление вернуться в Петроград и ожидать там своего заместителя.

Мы в Ставке об этом знали и с душевным трепетом следили за развитием правительственного кризиса, ибо оппозиционное настроение в стране достигло такого напряжения, что от выбора лица, предназначенного заменить Штюрмера, могла зависеть судьба России. И вот в Морском штабе Верховного главнокомандующего родилась мысль, с радостью поддержанная всеми благомыслящими людьми в Ставке, о кандидатуре морского министра адмирала Григоровича. Нет сомнения, что в то тяжелое время не было более подходящего и соответствующего, чем он, государственного деятеля для успешного занятия столь ответственного поста.

Адмирал Григорович, рыцарски честный и высоко просвещенный человек с широкими политическими взглядами, обладал выдающимися государственно-административными способностями.

Государь относился к нему с большим доверием и благосклонностью, вместе с тем он пользовался симпатиями и уважением Государственной думы. И это было очень важно, так как позволяло водворить спокойствие в стране и обеспечить ее доверие к правительству.

Наши пожелания были переданы флигель-адъютанту Саблину и начальнику походной канцелярии Нарышкину, которые, вполне с ними согласившись, взялись довести их до сведения государя.

Уже на следующий день утром мы узнали, что государь отнесся к кандидатуре Григоровича весьма благоприятно и что тот, на верное, получит назначение.

Как раз в этот день — то была пятница — я был на царском завтраке. Во время «серкля» государь подошел ко мне и спросил: «Кажется, морской министр собирается ко мне с докладом в понедельник?» Сердце у меня замерло, так как нам было известно, что министр приедет в Ставку именно в понедельник. Я ответил государю утвердительно и тут же прибавил, что если его величество пожелает сейчас вызвать адмирала Григоровича, то он может прибыть в Ставку и завтра утром. Государь на минуту задумался, а потом сказал: «Нет, не надо его беспокоить, все равно через два дня он будет здесь». Увы, к несчастью для всех нас, этих двух дней оказалось достаточно, чтобы государь изменил свое доброе намерение.

Немедленно после завтрака я доложил об этом разговоре адмиралу Русину, который приказал мне выехать в понедельник навстречу адмиралу Григоровичу, чтобы предупредить об ожидаемом его высоком назначении. Это необходимо было потому, что адмирал, как и все министры, прямо с вокзала в Могилеве ехал на доклад к государю.

В понедельник утром я выехал в автомобиле навстречу адмиралу и на станции Орша вошел в его салон-вагон.

Узнав, что его ожидает, Григорович сначала очень взволновался, а потом глубоко и надолго задумался. Наконец решение было принято. Подъезжая к Могилеву, он перекрестился на висевший в углу образ и направился к ожидавшему его придворному автомобилю с твердым намерением во имя блага Родины принять тяжкое бремя этого назначения.

Обыкновенно после доклада император шел с министром прямо к завтраку. Мы все с нетерпением ждали его окончания. Вот выходят из губернаторского дома приглашенные в этот день к завтраку, но адмирала между ними нет, проходит еще довольно много времени — его все нет. Мы радуемся, думая, что государь обсуждает с ним важные вопросы, касающиеся его новой высокой должности.

Наконец Григорович выходит и, молча, задумчивый, направляется в кабинет адмирала Русина. Там мы от адмирала Григоровича узнаем, что государь был с ним необыкновенно любезен, внимательно расспрашивал его о разных второстепенных делах, рассказывал и показывал ему, как в Ставке живет с ним наследник, но ни словом не обмолвился о назначении его на пост председателя Совета министров!

Впоследствии стало известно, что за эти два дня император по прямому телефону, связывавшему Ставку с Царскосельским дворцом, сообщил государыне о своем намерении назначить адмирала Григоровича на пост председателя Совета министров, но та категорически этому воспротивилась, ссылаясь на то, что его якобы слишком либеральные взгляды при его популярности в Думе могут быть опасны для престола... И государь, как всегда, перед царицей сдался.

Позднее на этот пост был назначен А.Ф. Трепов⁵⁴, продержавшийся на нем несколько недель. Его сменил ставленник императрицы, совершенно никчемный и неспособный князь Голицын... и через месяц вспыхнула революция.

Как видно из этого случая, первоначальные намерения государя нередко были правильны, и будь у него хоть частица той твердости характера, которым обладал Петр Великий, царствование императора Николая II не закончилось бы для него самого и для России так трагически.

ВЕРХОВНОЕ РУКОВОДСТВО ВОЕННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ НА СУХОПУТНОМ ФРОНТЕ. ГЕНЕРАЛ М.В. АЛЕКСЕЕВ

Принятие на себя государем верховного командования совпало с началом позиционной войны на нашем фронте, каковая так и осталась позиционной до самого конца, т. е. до прекращения военных действий вследствие нашего поражения.

В начале осени 1915 г. фронт стабилизировался на сплошной линии от Балтийского моря до румынской границы, войска глубоко «закопались» в землю, чем была скована и на нашем фронте всякая свобода стратегического маневрирования.

С течением времени войска усовершенствовали разными фортификационными сооружениями силу сопротивления своих позиций, обратив их в широкую полосу полевых укреплений, трудно поддающихся прорыву лобовой атакой.

После вступления Румынии в войну осенью 1916 г. наш фронт протянулся до Черного моря, и таким образом оба фланга оперлись на морские побережья.

Для успешного оперативного руководства военными действиями в обстановке позиционной войны полководцу не требуются столь значительные стратегические дарования, каковыми он должен обладать для успешного руководства военными действиями в обстановке маневренной войны. Да и вообще говоря, стратегический дар полководца может выявиться именно лишь в маневренной войне, что мы и видели на нашем фронте, когда во главе верховного оперативного руководства стоял великий князь Николай Николаевич.

В обстановке же позиционной войны, когда фронт протянулся от моря до моря и когда по земле невозможен никакой другой маневр, кроме лобового удара в целях прорыва фронта, стратегическое руководство ограничивается лишь выбором места и времени этого прорыва.

Тут не может быть места, да и не нужна та гениальная интуиция, которая в маневренной войне побуждает великих полководцев принимать целесообразные оперативные решения в связи с постоянно меняющимися элементами обстановки. Тут, в закреплённой на долгие периоды времени обстановке с неизменно начертанной линией фронта, нужна не гениальная интуиция, а методичный, кропотливый расчёт. Тщательное изучение военно-географических условий позволяет найти наиболее выгодное место для прорыва. Подсчёт же наших сил и сопоставление их с силами противника даёт возможность определить, когда наступит благоприятный момент для этого прорыва, принимая при этом во внимание климатические условия.

Для решения этой задачи, т. е. для верховного оперативного руководства нашей армией в обстановке позиционной войны, лучшего военачальника, нежели генерал Алексеев, трудно было бы себе представить. Благодаря своей исключительной вдумчивости и знанию дела он, как никто другой, был способен всесторонне проанализировать сложившуюся обстановку и вынести наиболее целесообразное решение.

Взявшись за это дело вскоре после своего назначения на должность начальника штаба Верховного главнокомандующего, генерал Алексеев прежде всего пришёл к заключению, что прорыв необходимо осуществить на Юго-Западном фронте, где нам противостояли австрийские войска и потому можно было ожидать значительно менее упорного сопротивления, чем на Северо-Западном фронте, где действовали немцы. В связи с этим решением главнокомандующим Юго-Западным фронтом был назначен вместо генерала Н.И. Иванова генерал А.А. Брусилов, отличившийся энергией и стратегическими способностями во время наступления русской армии в Галиции в начале войны. От него можно

было ожидать решительности и настойчивости в руководстве войсками при прорыве, что и подтвердилось при нашем наступлении в Галиции летом 1916 г., получившем название «Брусилловский прорыв».

Участок для проведения предстоящей операции был выбран такой, где сравнительно легко было осуществить прорыв и где имелась возможность развить наступление. Подход же подкреплений противника был бы наиболее затруднителен. Кроме того, при выборе участка учитывалось наличие условий, позволяющих сохранить в тайне все сложные и длительные работы по подготовке прорыва. Выбор участка с этой точки зрения оказался идеальным. Противник до самого последнего момента не заметил нашей подготовки, ведущейся несколько месяцев, что позволило сосредоточить здесь огромные боевые запасы, артиллерийские батареи и другие боевые средства.

Правильность выбора места прорыва полностью подтвердилась, когда во время революции наши войска, несмотря на полную потерю своей боеспособности и деморализацию, с невероятной легкостью и почти без потерь пробили здесь австрийский фронт.

Что касается определения времени прорыва, таковое обуславливалось накоплением на данном участке запасов и средств, достаточных для его осуществления, что в свою очередь зависело от времени, необходимого для их создания и доставки на фронт. Располагая сведениями о производительности нашей военной промышленности и данными о заготовках за границей и принимая во внимание провозную способность нашего северного пути, генерал Алексеев установил, что достаточное количество боевых средств и запасов на участке прорыва не может быть сосредоточено ранее начала 1917 г. При этом учитывался и значительный резерв запасов на тот случай, если бы пришлось в течение 1916 г. предпринять для отражения возможных атак противника операции, связанные с значительными расходами боевых припасов.

Сделав все необходимые расчеты и учтя климатические условия, генерал Алексеев окончательно назначил для прорыва на Юго-Западном фронте март 1917 г. Именно к этому сроку были приурочены все приготовления.

Не в наших, конечно, интересах было предпринимать в течение всего периода времени подготовки к прорыву на Юго-Западном фронте, т. е. с осени 1915 г. и до весны 1917 г., какие бы то ни было наступательные операции значительных размеров, ибо восстановление боеспособности армии и накопление запасов шли

по известным причинам чрезвычайно медленно. Всякая крупная операция на нашем фронте в течение 1916 г. могла отдалить назначенный для главного прорыва срок. Однако нельзя было не считаться, с одной стороны, с возможностью какой-либо значительной наступательной операции противника, а с другой — с необходимостью проведения операций, обусловленной нашими союзническими обязательствами.

И действительно, дальнейший ход военных действий показал, сколь правильным было предусмотреть при подготовке к главному прорыву известный резерв запасов для вышеуказанных целей, ибо в течение 1916 г. волей-неволей пришлось предпринять две крупные операции, выполняя свой союзнический долг.

В феврале 1916 г. немцы предприняли решительную наступательную операцию в районе Вердена. Так как положение на французском фронте стало тотчас же критическим и продолжало ухудшаться с каждым днем, мы вынуждены были для отвлечения немецких сил предпринять крупную наступательную операцию на Северо-Западном фронте в районе озера Нарочь в марте, в самую весеннюю распутицу. Северо-Западный фронт был выбран потому, что находился ближе всего к источникам пополнения боевыми запасами, каковые к моменту начала этой операции далеко еще не были восстановлены после нашего отступления в 1915 г.

Операция значительно облегчила положение у Вердена, где немцам, несмотря на их невероятную настойчивость, прорыв не удался и где они понесли громадные потери. Но и нам операция у озера Нарочь, по выражению Людендорфа, «захлебнувшаяся в грязи и крови», стоила также немалых жертв.

15 мая 1916 г. австрийцы предприняли решительное наступление против Италии, где положение сразу же приняло катастрофический характер. Представители военной миссии Италии в Ставке так приуныли, что на них жалко было смотреть. Буквально говоря, для спасения Италии нам в срочном порядке пришлось перейти в наступление на Юго-Западном фронте, потому что он был ближе всего к Италии и давление на австрийцев именно здесь быстрее всего должно было бы отразиться на Итальянском театре военных действий, что на самом деле и произошло.

В самом начале июня войска генерала Брусилова стремительно атаковали австрийцев в районе Луцка и принудили их к поспешному отступлению. Так началось Брусилловское наступление 1916 г.

Избранный для главной атаки район Луцка находился значительно севернее участка фронта, предназначенного для прорыва весной 1917 г., и потому наступление у Луцка не демаскировало наши приготовления на этом участке.

Брусиловское наступление, сопровождавшееся прорывом австрийского фронта в нескольких местах, развивалось столь успешно, что уже в конце июля можно было надеяться достигнуть результатов, имеющих решающее влияние на весь ход войны. Однако нам этого не удалось, с одной стороны, потому, что к этому времени мы не успели сосредоточить на Юго-Западном фронте достаточно боевых припасов для операции таких размеров, с другой — потому, что австрийские части были заменены свежими немецкими войсками, и в начале августа наступление было окончено.

Хотя это наступление и не достигло решающих для всей войны результатов (на которые мы в его начале и не рассчитывали), поставленная цель, т. е. спасение Италии, была выполнена. Кроме того, выявилась столь значительная степень потери боеспособности и сопротивляемости австрийской армии, что в успехе готовящегося в марте 1917 г. решающего наступления мы не сомневались.

Ход военных действий на нашем сухопутном фронте в течение 1916 г. показал, сколь целесообразно было верховное оперативное руководство ими и сколь правильны были сделанные расчеты по подготовке нашего решающего наступления, приуроченные к весне 1917 г., причем военные действия в 1916 г. были так направлены, что ими не была демаскирована наша подготовка к решающему наступлению, которое в 1917 г. застало австрийцев совершенно врасплох.

Осенью 1916 г. Верховному командованию пришлось решать еще один важный вопрос оперативного характера в связи с присоединением к Антанте Румынии и выступлением ее против Германии. Уже с самого начала боевых действий дипломатия Антанты всеми способами и средствами старалась привлечь на свою сторону Румынию и заставить ее принять участие в войне.

Помимо нашего посланника в Бухаресте А.С. Паклевско-го-Козела, пользовавшегося в Румынии большим влиянием, другим деятельным «агентом» в этом вопросе был начальник Дунайской речной флотилии свиты его величества контр-адмирал М.М. Веселкин, сделавший из выступления Румынии свой *point d'honneur* (вопрос чести).

Дунайская флотилия, непосредственно подчиненная Верховному командованию, в начале войны состояла из судов Русско-Дунайского пароходного общества и нескольких канонерских лодок Черноморского флота. Первоначальная задача флотилии заключалась в военном снабжении Сербии по Дунаю, а после занятия Сербии противником деятельность ее личного состава, и в

первую очередь ее начальника адмирала Веселкина, сосредоточилась на побуждении Румынии к выступлению.

Контр-адмирал Веселкин — любимец государя и всего флота, «истинно русский человек», душа нараспашку, остряк, решительно никому спуску не дававший и в карман за словом не лавивший, гуляка-весельчак и хлебосольный барин — как нельзя более подходил к такой деятельности. В его распоряжение было выделено на два миллиона рублей различных роскошных ювелирных изделий, которые он широкой рукой раздавал в виде «подарков» разным румынским деятелям и их женам, имевшим «право голоса» в вопросе выступления Румынии. Однако, несмотря на все усилия дипломатии и адмирала Веселкина, Румыния все время колебалась, главным образом из-за сильной боязни Германии, которая через посредство мощной румынской германофильской партии оказывала давление на румынское правительство.

Наше Верховное командование держалось противоположного мнения, считая выступление Румынии против Германии нежелательным. Генерал Алексеев справедливо полагал, что в этом случае, учитывая чрезвычайную низкую боеспособность румынской армии и полную ее неподготовленность к войне, главная тяжесть военных действий ляжет на плечи России. И это именно в то время, когда мы понесли большие потери при Брусиловском наступлении и когда наша подготовка к решительным операциям 1917 г. не была еще закончена.

События, последовавшие за вступлением Румынии в войну, полностью подтвердили опасения генерала Алексеева: румынская армия с молниеносной быстротой была разбита наголову и нам пришлось протянуть свой сухопутный фронт до самого Черного моря, выделив для этого значительные силы, во главе которых был поставлен один из лучших наших военачальников генерал Щербачев.

Однако вопрос присоединения Румынии к Антанте мог рассматриваться и с иной точки зрения: эта страна с ее громадными хлебными, а главное, нефтяными богатствами представляла для Германии — особенно к концу войны, когда ее запасы истощались, — весьма лакомый кусок, и потому следовало ожидать, что немцы, если им не удастся привлечь ее на свою сторону, неминуемо ее просто-напросто завоюют. Именно поэтому дипломатия стремилась «оторвать» Румынию от Германии и привлечь ее на сторону Антанты. (Правильность таких действий полностью подтверждена опубликованными мемуарами немецких военачальников, из которых явствует, что завоевание Румынии определено входило в планы войны германского командования.)

Завоевание же Румынии Германией или выступление ее на стороне последней представляло для нас с чисто военной точки

зрения громадную опасность, ибо в результате немцы получали в свое распоряжение обширный плацдарм для удара во фланг и тыл Юго-Западного фронта. Как следствие, могла бы быть пресечена возможность нашего перехода в наступление на этом фронте и вся подготовка к этому наступлению сведена на нет. В этом случае нашему Верховному командованию пришлось бы для восстановления положения принести гораздо большие жертвы, чем те, которые оно фактически принесло для поддержания Румынии после выступления ее на нашей стороне.

Все это, по-видимому, не было в достаточной степени учтено генералом Алексеевым, на что указывает характер, как будто *contre soeur* (против желания) принятых им недостаточных мер для поддержания Румынии тотчас после ее выступления. Будь эти меры более решительными, возможно, и удалось бы спасти румынскую армию от полного разгрома и благодаря этому значительно уменьшить количество сил, необходимых для удлинения нашего фронта до берегов Черного моря. Но, с другой стороны, просто невозможно было предвидеть, что семисоттысячная румынская армия окажется до такой степени ни на что не пригодной. А генералу Алексееву после Брусиловского наступления и серьезных потерь в боях у озера Нарочь приходилось в интересах будущего наступления в 1917 г. экономить силы.

Впрочем, меры, которые мы принуждены были впоследствии принять в связи с разгромом румынской армии, не повлияли на подготовку к решительному наступлению на Юго-Западном фронте, каковая была закончена к назначенному сроку точно по установленному плану.

В конце августа 1916 г. Румыния наконец присоединилась к Антанте. К этому ее побудили не столько усилия дипломатии, сколько победоносное наступление Брусилова в Галиции.

Незадолго до этого и в самый разгар Брусиловского наступления меня командировали в Румынию, в Бухарест, для выяснения на месте общей обстановки и изучения в связи с нашей подготовкой к Босфорской операции агентурных сведений о положении в Турции, и особенно в районе Босфора.

Так как Румыния оставалась в это время еще нейтральной, а моя миссия имела к тому же строго секретный характер, мне пришлось обзавестись штатским платьем. Впоследствии оно спасло мне жизнь при разгроме Ставки большевиками.

В Рени, где находилась база Дунайской речной флотилии, меня встречал с распростертыми объятиями адмирал Веселкин, мой большой приятель. Он лично доставил меня на своем флаг-

манском судне «Русь» в румынский порт Галац, дав ряд советов в связи с предстоящей миссией.

Из обстоятельных разговоров с нашим посланником Паклевским-Козелом, морским агентом капитаном 1 ранга Н.А. Щегловым и военным агентом полковником Татариновым, скептически относившимся к выступлению Румынии, я вынес самое мрачное впечатление о боеспособности румынской армии. Еще более оно усилилось после разговоров с некоторыми румынскими деятелями и в результате личных моих наблюдений над жизнью в Бухаресте. Но зато, выясняя положение в Турции, я пришел к отрадному заключению: всестороннее изучение с главой нашей агентурной разведки и моим другом капитаном 2 ранга В.В. Яковлевым собранных им и тщательно проверенных сведений показало, что обстановка для Босфорской операции весьма благоприятна и что Турция, несмотря на все усилия немцев, почти совсем утратила свою боеспособность.

На обратном пути мне пришлось выслушать от адмирала Веселкина, ярого сторонника выступления Румынии, жестокую, но, по моему глубокому убеждению, малообоснованную критику в адрес наших дипломатических и военных представителей в Бухаресте. Провожая на вокзал, он вручил мне довольно объемистый пакет со словами: «На, возьми и передай это государю. Здесь копченая колбаса и пармезан, которые он любит. Только смотри, дай слово, что передашь ему лично, а то иначе все слопают придворные лакеи и до него ничего не дойдет».

Признаться, такое поручение меня озадачило едва ли не больше, чем вся моя дипломатическая миссия, ибо вот так за здорово живешь вручить императору и самодержцу всероссийскому кусок колбасы и сыра — дело не простое.

По возвращении в Ставку в тот же день я получил приглашение к царскому столу. Но хотя обещание, данное Веселкину, и не выходило у меня из головы, я все же не решился взять с собой его «подарок», желая посоветоваться сначала с кем-либо из придворных.

После завтрака во время «серкля» государь подошел ко мне и спросил о результате моей командировки. Окончив доклад, я замаялся, не решаясь «при всем честном народе», состоявшем из высших сановников и придворных, докладывать о колбасе с сыром. Государь заметил мое состояние и со свойственной ему проницательностью вывел меня из замешательства, спросив: «Должно быть, Веселкин мне что-нибудь прислал?» Ответив утвердительно и доложив, в чем состоит посылка Веселкина, я рискнул прибавить, что обещал Веселкину вручить ее лично его величеству.

Государь улыбнулся и сказал: «Напишите Веселкину, что я его благодарю и что свое обещание вы исполнили, а пакет передайте графу Бенкендорфу».

После завтрака я снес пакет гофмаршалу графу Бенкендорфу, который записал торжественно колбасу и сыр Веселкина в толстую книгу подарков, «на высочайшее имя приносимых», и после этого привезенные мною колбаса и сыр долгое время не сходили с царского закусочного стола.

Выше было уже сказано, что позиционная война на нашем сухопутном фронте сковала свободу маневрирования и свела верховное оперативное руководство к целесообразному выбору времени и места для лобовой атаки в целях прорыва фронта.

Но так как наш сухопутный фронт непрерывно тянулся от моря и до моря, возникал вопрос о возможности использования этих морей для широких стратегических маневров на флангах и в тылу неприятельского фронта, опиравшегося параллельно нашему на побережья этих морей.

История дает нам много примеров успешного и даже решающего использования для этих целей морей в больших войнах. Так, например, искусное маневрирование английских войск по морю в Испании и Португалии во время Наполеоновских войн привело к поражению французов на фронте Пиренейского полуострова и, по признанию самого Наполеона и заключению военных историков, положило начало крушению всей наполеоновской империи. В Первой мировой войне распадение военной мощи Тройственного союза положила начало Салоникская экспедиция, которая представляла собой не что иное, как стратегический маневр по морю в глубоком тылу общего расположения сил всего этого союза. И наконец, крушению германской военной мощи во Второй мировой войне положил начало искусный и грандиозный маневр англо-американских войск по морю, приведший к образованию после высадки в Нормандии «второго фронта».

Однако для широкого и искусного использования моря в целях стратегического маневрирования верховное оперативное руководство должно уметь согласовывать действия двух совершенно разнородных элементов — суши и моря — и правильно оценивать оперативные возможности двух столь разнохарактерных по своим свойствам вооруженных сил, как армия и флот.

Здесь верховный главнокомандующий должен обладать, помимо обычных свойств выдающегося полководца, глубоким знанием обстановки ведения войны и на суше и на море, умением руководить маневрированием как сухопутных, так и морских во-

оруженных сил, способностью правильно оценивать боевые свойства армии и флота и, наконец, иметь незаурядное стратегическое мышление, позволяющее решать вопросы об использовании моря для маневрирования всеми вооруженными силами, во главе которых он стоит.

Наш сухопутный фронт протянулся от Балтийского до Черного моря.

На Балтике, где господствовал немецкий флот, всякая возможность широкого стратегического маневрирования была исключена. Но зато она была полностью обеспечена на Черном море, где мы в 1916 г. уже имели транспортную флотилию, способную перебросить на неприятельское побережье в один прием целый армейский корпус усиленного состава, а впоследствии обеспечить снабжение и питание высаженной в два-три приема десантной армии силой до трех армейских корпусов со всеми их тыловыми учреждениями и службами.

Овладение Босфорским проливом, которое, как мы знаем, должно было иметь решающее влияние на исход всей войны, могло быть достигнуто лишь широким десантным маневром по Черному морю. Однако, к великому сожалению, наше Верховное командование не решилось осуществить этот маневр главным образом потому, что генерал Алексеев и его сотрудники не обладали достаточно широким размахом стратегической мысли, свойственным выдающимся военачальникам, и к тому же не отдавали себе ясного отчета об оперативных возможностях морской вооруженной силы.

Черное море в Первую мировую войну фактически использовалось лишь для простых перевозок более или менее крупных войсковых частей и небольших десантных операций тактического характера на участке прибрежного фланга турецкого фронта, инициатива проведения которых всецело принадлежала главнокомандованию на Кавказском театре военных действий, где эти операции проводились.

ВЕРХОВНОЕ ОПЕРАТИВНОЕ РУКОВОДСТВО ВОЕННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ НА МОРЯХ. НАЗНАЧЕНИЕ АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА КОМАНДУЮЩИМ ЧЕРНОМОРСКИМ ФЛОТОМ

За все то время, пока государь оставался на посту Верховного главнокомандующего, и до самого конца войны командующий Балтийским флотом был подчинен главнокомандующему Северо-Западным фронтом, а потому директивы Верховного командования этому флоту имели лишь общий оперативный характер.

Балтийский флот должен был прочно оборонять подступы к столице с моря и для этого воспрепятствовать проникновению противника в Финский залив, а также оборонять правый фланг нашего фронта от нападений со стороны моря и для этого препятствовать проникновению противника в Рижский залив, на который этот фланг опирался. Эту директиву командование Балтийского флота расширило по собственному почину ведением наступательных операций внезапного характера в средней и южной части Балтийского моря.

В общем, военные действия на Балтийском море в 1916 г. были продолжением тех операций, которые велись на нем в 1915 г., но объем их и успешность значительно увеличились, ибо за зиму 1915/16 г. сила флота и оборонительная способность Балтийского театра войны значительно возросли. В строй вступили четыре мощных броненосца, несколько больших быстроходных эскадренных миноносцев, несколько подводных лодок и разные вспомогательные суда. Кроме того, за зиму было возведено множество батарей и укреплений на берегах и островах обоих заливов, что обратило эти заливы в сильно укрепленные районы, дополненные многочисленными минными заграждениями.

В течение 1916 г. немецкий флот не сделал ни одной попытки прорваться в Рижский залив и вести там операции для поддержки сухопутного фронта. Между тем части нашего флота, оперировавшие в этом заливе, оказывали мощную поддержку приморскому флангу бомбардированием судовой артиллерией большого калибра позиций немецких войск на берегу и внезапными высадками небольших отрядов в тыл приморского фланга немецкого фронта.

Поздней осенью 1916 г. одиннадцать немецких быстроходных миноносцев, составлявших самую мощную минную флотилию немцев, сделали попытку прорваться в Финский залив, закончившуюся для них катастрофой: семь из них погибли на минных заграждениях.

Наши легкие силы, поддержанные броненосцами, продолжали, так же как и в 1915 г., вести смелые наступательные операции в водах полного господства противника. Операции эти, состоявшие главным образом в постановке минных заграждений, имели целью затруднить морские сообщения немцев с их войсками на побережье Балтийского моря и со Швецией, откуда Германия получала чрезвычайно для нее важное снабжение. В этих операциях участвовали наши и английские подводные лодки, проникшие через Зунд в начале войны в Балтийское море и присоединившиеся к Балтийскому флоту.

Операции эти нанесли известный вред противнику, но главным образом способствовали поддержанию духа, особенно среди

экипажей больших судов, принимавших в них участие в качестве тактической опоры для легких сил.

В 1916 г. среди членов экипажей больших судов из-за вынужденного их относительного бездействия начали появляться признаки деморализации, выразившиеся в беспорядках, неожиданно вспыхнувших на одном из них. В связи с этим Верховное командование значительно изменило свою директиву, по которой ограничивалось право командующего флотом употреблять новые броненосцы для наступательных операций. После этого они стали много чаще принимать участие в операциях, что благотворно подействовало на дух экипажей, и беспорядки больше не повторялись.

До самой революции Балтийский флот полностью выполнил все поставленные ему задачи. Немцы не рисковали предпринимать на Балтийском море никаких более или менее значительных операций вследствие искусно и прочно организованной нами обороны этого морского театра военных действий.

31 мая 1916 г. произошло главное морское событие Первой мировой войны — Ютландское сражение между английским и немецким флотом, закончившееся для англичан крупным «тактическим неуспехом», однако вредных для них стратегических последствий не имело и обстановка на море не изменилась в пользу немцев.

По дошедшим в Ставку первым сбивчивым сведениям, об английских потерях в этом сражении можно было заключить, что англичане потерпели значительное поражение, тем более что сведения исходили из официального английского источника. В течение трех дней, пока не была получена исчерпывающая информация об истинном положении вещей, адмирал Филимор, глава военной миссии в Ставке, пребывал в состоянии большого переполоха, часами обсуждая с нами, как сие могло случиться.

Впоследствии распространились слухи, что английские правители намеренно опубликовали такие сбивчивые и неясные сведения, для того чтобы этим вызвать резкое падение английских акций на американской бирже и скупить их там по низкой цене. Верно ли это, трудно сказать, но со стороны «коварного Альбиона» такое было возможно.

Здесь, однако, не могу не упомянуть, что до встречи немецкого флота у Ютланда с целым английским флотом, чего немцы тщательно старались избежать, дошло лишь благодаря одной чрезвычайно важной услуге, которую мы оказали англичанам в начале войны и о которой они старательно замалчивают, хотя она в действительности имела громадное значение.

Дело было в следующем. В самом начале войны немецкий крейсер «Магдебург» выскочил ночью в тумане на островок Оденсхольм в устье Финского залива. И выскочил так, что носовая часть корпуса оказалась на суше. На рассвете сопровождавшие крейсер миноносцы сняли с него почти всю команду и ушли. Остались лишь несколько матросов и командир крейсера капитан 1 ранга фон Хабеннихст. Его фамилия, означавшая «ничего не имеющий», оказалась «вещей», ибо он, как мы увидим, лишился всего, и даже свободы. Утром на крейсер был послан отряд наших матросов во главе с лейтенантом Хамильтоном, потомком англичанина, перешедшего при Петре Великом на нашу службу, с приказанием завладеть крейсером. Когда было получено известие о положении на крейсере, командующий флотом приказал немедленно спустить водолазов с находящихся вблизи наших кораблей, чтобы обследовать повреждения «Магдебурга» и заодно посмотреть, не лежат ли вблизи него на дне секретные сигнальные книги и кодексы, каковые, по уставу всех флотов, должны выбрасываться в таких случаях за борт, если их нельзя сжечь в топках. И действительно, все эти книги и кодексы шифров радиосвязи лежали как раз под мостиком, откуда они были выброшены за борт, ибо вода немедленно после крушения залила топку.

Вместе с тем Верховный главнокомандующий повелел оставить командиру крейсера его оружие и предоставить ему право взять с собой все свое личное имущество. Однако тот был так расстроен, что, обойдя свою каюту, не взял ничего, кроме одного галстука (!). Но, сходя с трапа и увидев наших водолазов, он понял, в чем дело, и едва не потерял сознание. Об этом немедленно сообщили в Ставку, откуда последовало распоряжение содержать фон Хабеннихста в плену в строжайшей изоляции без права общения и переписки с кем бы то ни было, дабы он не мог сообщить в Германию, что в наших руках находятся сигнальные книги и шифры немецкого флота.

Благодаря этому мы в течение 1915—1916 гг. свободно расшифровывали все немецкие секретные радиодепеши, что значительно способствовало успеху наших действий. Копии же немецких шифров были переданы нашим союзникам, и поэтому, расшифровав немецкие оперативные радиоприказы перед началом Ютландской операции, англичане со всеми своими силами застигли немецкий флот, который во что бы то ни стало стремился такой встречи избежать, намереваясь вступить в бой лишь с отдельными частями английского флота.

Только после Ютландского сражения немцы стали догадываться, что противник располагает его шифрами, и переделали их,

не изменяя, однако, общей системы, вследствие чего английские специалисты вскоре раскрыли и эти новые шифры.

Из этого видно, сколь была значительна оказанная нами англичанам услуга.

Вступление в строй к концу 1915 г. мощных броненосцев и эскадренных миноносцев новейшего типа позволило значительно усилить наступательные операции Черноморского флота.

Они были главным образом направлены на уничтожение порта Зангулдак и лежащих в его непосредственной близости единственных турецких угольных копей, откуда Константинополь и турецко-немецкий флот снабжались углем, а также на прекращение морских сообщений между Константинополем и Трапезундом, по коим шло снабжение турецкой армии, действовавшей в Анатолии против нашей Кавказской армии.

К осени 1916 г. операции эти привели к разрушению копей и портовых сооружений Зангулдака и к уничтожению всех паровых и более или менее значительных парусных судов турецкого торгового флота, последствием чего явилось полное прекращение снабжения Константинополя углем, а турецкой армии боевыми запасами по морю.

Это чрезвычайно затруднило и так уже тяжелое положение Турции и турецко-германского флота, ибо впредь пришлось доставлять уголь по уже сильно загруженной железной дороге из Германии, а снабжение Анатолийской армии боевыми запасами осуществлять на расстоянии тысячи километров по суше без железных дорог.

Однако, несмотря на наличие в составе Черноморского флота новых мощных броненосцев, набег немецких крейсеров на Кавказское побережье продолжались, ибо наши броненосцы были тихоходные и не могли их настичь.

Набеги эти в течение зимы 1915/16 г. стали предметом резких жалоб наместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича Верховному командованию и раздражали общественное мнение. Прекращены они могли быть лишь путем тесной блокады или минирования Босфора. Но, несмотря на повторные указания Верховного командования командующему Черноморским флотом адмиралу Эбергарду, командование Черноморским флотом упорно отказывалось принять эти меры, ссылаясь на то, что для блокады Босфора нет вблизи подходящих баз, а для минирования не хватает мин заграждения, ибо большинство минного запаса израсходовано для обороны наших берегов.

Возражения эти были до известной степени справедливы, но все же Морской штаб Верховного главнокомандующего полагал,

что даже в существующей обстановке и с наличными средствами Черноморского флота можно предпринять более энергичные меры в районе Босфора в целях воспрепятствования выходу судов турецко-немецкого флота в Черное море.

При выяснении этого вопроса оказалось, что главным противником этих мер был начальник оперативного отделения штаба командующего Черноморским флотом капитан 2 ранга Кетлинский, пользовавшийся неограниченным доверием и поддержкой Эбергарда.

В целях побуждения командования Черноморского флота к более энергичным действиям я был командирован с соответствующими указаниями Верховного командования в Севастополь, где довольно холодно встречен чинами штаба флота.

Подкрепленные рядом неопровержимых стратегических и тактических доказательств продолжительные мои разговоры с Кетлинским и чинами штаба, находившимися всецело под его влиянием, так и не привели ни к каким результатам.

Упорство Кетлинского, одного из талантливейших офицеров нашего флота, было настолько загадочным, если не сказать больше, что в лучшем случае можно было подозревать в нем недостаток личного мужества, необходимого для ведения решительных операций. Моя поездка послужила лишь к обострению отношений между Морским штабом Верховного главнокомандующего и командованием Черноморского флота и дало повод по возвращении в Ставку к острой переписке моей с чинами штаба Черноморского флота, принявшей вскоре с их стороны недопустимые, особенно в военное время, формы.

В конце концов начальник Морского штаба посоветовал командующему Черноморским флотом заменить Кетлинского другим офицером, более отвечающим оперативной работе, на что адмирал Эбергард ответил категорическим отказом и заявлением, что он всецело разделяет оперативные взгляды своего начальника оперативного отделения. Тогда было принято решение о смене самого адмирала Эбергарда.

Но исполнить его оказалось не так просто, ибо адмирал Эбергард пользовался благоволением государя и поддержкой флаг-капитана его величества адмирала Нилова, с которым был в дружеских отношениях. Вследствие этого морской министр и начальник Морского штаба Верховного главнокомандующего опасались натолкнуться на отказ со стороны государя.

Тогда в Морском штабе был составлен строго научно обоснованный доклад, в котором деятельность командования Черноморского флота подвергалась объективной критике. К вящему удивлению адмиралов Григоровича и Русина, государь утвердил этот доклад без единого слова возражения. В результате адмирал

Эбергард был назначен членом Государственного совета, а его место занял самый молодой адмирал русского флота А.В. Колчак, показавший своей блестящей деятельностью в Балтийском море выдающиеся способности.

После этого меня срочно командировали в Ревель к адмиралу Колчаку, чтобы сопровождать его на пути к новому назначению и, не теряя времени, изложить ему во всех деталях обстановку на Черном море, с которой он не был знаком, так как никогда там не служил.

В Ревеле Колчак сдал командование минной дивизией и, взяв с собой капитана 1 ранга М.И. Смирнова (того самого, который был при Дарданелльской операции) для назначения его вместо Кетлинского начальником оперативного отделения штаба Черноморского флота, выехал в тот же день вместе со мной в Ставку. В пути мы трое, объединенные взглядами по нашей совместной службе в Морском генеральном штабе и связанные взаимными чувствами симпатии, подробно обсудили обстановку на Черном море, и Колчак со свойственной ему ясностью ума и решительностью принял определенную точку зрения на направление операций в Черном море, каковую немедленно по своем прибытии в Севастополь стал неукоснительно проводить в жизнь.

В Ставке Колчак был милостиво принят государем и произведен в вице-адмиралы. В тот же день он выехал в Севастополь, где 15 июля 1916 г. вступил в командование Черноморским флотом.

Не могу здесь не остановиться на воспоминании о замечательной личности Колчака.

С ним меня сблизила, помимо совместной службы в Морском генеральном штабе, усиленная совместная деятельность в Санкт-Петербургском военно-морском кружке, сыгравшем значительную роль в деле возрождения флота после войны с Японией.

В кружке этом, основанном лейтенантом А.Н. Щеголевым, создателем Морского генерального штаба, объединилось несколько молодых офицеров, поставивших себе целью провести в жизнь ряд мероприятий, необходимых для восстановления боеспособности горячо ими любимого родного флота. На заседаниях этого кружка в продолжительных дебатах всесторонне обсуждались доклады его членов о предполагаемых ими различных мероприятиях, и решения, выносимые кружком, нередко служили основанием предпринимаемых морским министром реформ. В этих дебатах неизменно принимал самое горячее участие Колчак и нередко сам ими руководил.

Портрет А.В. Колчака выразительно дан Г.К. Графом в его труде «На «Новике»:

«Небольшого роста, худощавый, стройный, с движениями гибкими и точными. Лицо с острым, четким, точно вырезанным профилем; гордый с горбинкой нос; твердый овал бритого подбородка. Весь его облик — олицетворение силы, ума, энергии, благородства и решимости».

Физический облик этот полностью отражал его замечательные духовные свойства вождя: он прежде всего безгранично любил свое дело и был проникнут до самозабвения чувством долга, что и привлекало к нему все сердца. Ничего не было на свете, чем бы он не пожертвовал для исполнения того, что считал своим долгом. Смелый и до крайности решительный, он подчинял своей железной воле не только сотрудников, но и начальников. Свои взгляды и требования зачастую проводил, не останавливаясь даже перед сильной резкостью в своих отношениях с людьми. Его пылкая и напряженная натура не терпела никаких препятствий, и в деле он всем своим существом «горел, как в небе свеча». Все события его трагически закончившейся жизни ярко отражали возвышенные его духовные качества.

Молодым офицером Колчак принял участие в полярной экспедиции барона Толля на судне «Заря». Во время второй зимовки в вечных льдах Толль поехал один, на санях, на не обследованный еще остров Беннета и не вернулся. Тогда Колчак с опасностью для жизни в сопровождении нескольких матросов на китоловном вельботе отправляется в поиски за ним, достигает острова Беннета и, не найдя барона Толля, возвращается, претерпев невероятные трудности и лишения в пути, в устье Енисея. Здесь он узнает о том, что началась война с Японией, и, вместо того чтобы вернуться в Россию на заслуженный отдых после двухлетней полярной экспедиции, следует прямо туда, куда зовет его долг — на войну в Порт-Артур.

В Порт-Артуре он, командуя миноносцем, отличается своей смелостью и награждается золотым оружием «за храбрость».

По возвращении после войны в Россию Колчак всем своим существом отдался работе по восстановлению боевой мощи флота и стал первым начальником организационно-тактического отделения вновь созданного Морского генерального штаба.

Своей семье Колчак уделяет довольно мало времени: на первом месте у него работа и служебный долг.

Первая мировая война застает его на посту начальника оперативного отделения штаба командующего Балтийским флотом. Его единоличной инициативе и разработке принадлежат планы

невероятно смелых операций постановок минных заграждений в немецких водах, вдали от наших баз. Лично участвуя в этих операциях, он, даже ценой резких столкновений с начальниками отрядов, добивался, чтобы они, несмотря на крайнюю опасность, были доведены до самого решительного конца. И вместе с адмиралом Эссеном именно он, Колчак, осуществил до дерзости смелые операции Балтийского флота, за что и был награжден Георгиевским крестом.

Таков был человек, вступивший в середине июля 1916 г. в командование Черноморским флотом, коему в древности было бы, несомненно, отведено место среди героев Плутарха.

Первым действием адмирала Колчака тотчас же после вступления в должность командующего флотом был сигнал: «Флоту сняться с якоря и выйти в море!»

Проделав в море ряд эволюций и вернувшись в Севастополь, он вызвал к себе начальников дивизионов миноносцев, сформировал из них особый отряд, во главе которого поставил прибывшего с ним с Балтики капитана 1 ранга Смирнова, и немедленно отправил этот отряд ставить мины у Босфора.

Командиры черноморских миноносцев, не привыкшие к такой молниеносной решительности, были немало этим озадачены, тем более что прежнее командование флота считало операции минирования Босфора не только слишком рискованными, но и вообще невыполнимыми.

Однако под предводительством такого смелого и опытного начальника, каким был Смирнов, черноморские миноносцы полностью выполнили поставленную им задачу, и с тех пор почти каждую ночь под самым носом турецких батарей забрасывали минами вход в Босфор. В результате оба немецких крейсера, «Гeben» и «Бреслау», подорвались на минах и получили тяжкие повреждения. И начиная с июля 1916 г., т. е. с вступления адмирала Колчака в командование флотом, до июня 1917 г., когда он это командование покинул, ни одно неприятельское судно больше не появлялось на Черном море: весь турецко-германский флот, вернее, его остатки, был «закупорен» в Босфоре.

С тех пор никто больше не тревожил наших берегов и нарекания на Черноморский флот прекратились. Установленное вследствие этого полное господство нашего флота на Черном море открывало и обеспечивало широкую возможность осуществления крупных наступательных операций, и в первую очередь Босфорской.

Все это показывает, сколь правильны были оперативные требования, которые Верховное командование предъявляло Черно-

морскому флоту, и сколь целесообразны были решения о смене адмирала Эбергарда и назначении адмирала Колчака на его место.

Для историка же это может послужить отличным примером влияния личности начальника на успех в войне.

В начале октября 1916 г. от самовозгорания пороха на броненосце «Императрица Мария» взорвались носовые бомбовые погреба. Вспыхнул громадный пожар, угрожавший взрывом всех остальных погребов.

Несмотря на страшную опасность, адмирал Колчак немедленно отправился на броненосец и лично руководил тушением огня, но все принятые меры оказались тщетными и броненосец затонул. Адмирал Колчак последним покинул гибнущий корабль.

Хотя гибель «Императрицы Марии» существенно не изменила благоприятное для нас положение на Черном море, тем более что вскоре после этого вступил в строй броненосец того же типа «Император Александр III», все же гибель «Императрицы Марии» глубоко потрясла Колчака. Со свойственным ему возвышенным пониманием своего начальнического долга он считал себя ответственным за все, что происходило на флоте под его командой, и потому приписывал своему недосмотру гибель этого броненосца, хотя на самом деле ни малейшей вины его тут не было. Он замкнулся в себе, перестал есть, ни с кем не говорил. Окружающие начали бояться за его рассудок. Об этом начальник его штаба немедленно сообщил по прямому проводу нам в Ставку.

Узнав об этом, государь приказал мне тотчас же отправиться в Севастополь и передать Колчаку, что он никакой вины за ним в гибели «Императрицы Марии» не видит, относится к нему с неизменным благоволением и повелевает ему спокойно продолжать свое командование.

Прибыв в Севастополь, я застал в штабе подавленное настроение и тревогу за состояние адмирала, которое теперь начало выражаться в крайнем раздражении и гневе.

Хотя я и был по прежним нашим отношениям довольно близок к Колчаку, но, признаюсь, не без опасения пошел в его адмиральское помещение. Однако переданные мною милостивые слова государя возымели на него чрезвычайно благотворное действие, и после продолжительной дружеской беседы он совсем пришел в себя, так что в дальнейшем все вошло в свою колею и командование флотом пошло своим нормальным ходом.

Тотчас же по вступлении адмирала Колчака в командование Черноморским флотом начали под его руководством энергично и

спешно готовиться к Босфорской операции, горячим сторонником которой был он сам и чины его штаба, чего нельзя сказать о его предшественнике и сотрудниках последнего. Операцию предполагалось предпринять до начала осенних непогод, т. е. не позднее конца сентября 1916 г.

В оперативном отделении штаба под руководством Смирнова и в согласии с Морским штабом Верховного главнокомандующего разработали детальные планы операции и составили подробные инструкции для производства десанта.

Был сформирован большой тралящий караван и разработаны весьма искусные методы ночного траления, дабы иметь возможность, не привлекая внимания турок, проделать ночью, перед началом операции, широкие проходы в наших минных заграждениях у Босфора. Эти методы, проверенные ночным тралением наших заграждений перед Варной, дали блестящие результаты.

Одновременно с этим производилась усиленная разведка побережья, прилегающего к Босфору, и самого Босфорского укрепленного района путем высадки по ночам с миноносцев агентов разведывательного отделения штаба флота, тщательного обследования и фотографирования через перископ подходивших вплотную к берегам Босфора наших подводных лодок и усиления разведывательной работы нашего агентурного центра в Бухаресте.

Транспортная флотилия, окончившая свое формирование еще весной этого года, пополнила запасы и могла в любой момент приступить к перевозке и высадке десантного отряда.

Одним словом, в Черном море все было готово к проведению операции. Ожидали лишь повеления государя.

РОССИЯ И ПРОЛИВЫ

Благосостояние и безопасность всякого государства зависят от решения известных внешнеполитических задач, которые имеют в его историческом развитии решающее значение, а потому и называются «жизненными». Они составляют неизменную основу государственной политики всякого государства, и любое правительство неуклонно стремится разрешить их в возможно полной степени.

Таковыми задачами являются, например, для Англии владычество на морях, для Франции — так называемые естественные границы (Рейн, Альпы, Пиренеи), для Италии и Японии — экспансия из-за избытка народонаселения и т. д.

Для России же государственной задачей первостепенной важности является обеспечение ее морских сообщений с бассейном

Средиземного моря через турецкие проливы, т. е., кратко говоря, так называемый «вопрос о проливах».

Так как не только большинство образованных иностранцев, но и значительная часть русской интеллигенции не отдает себе ясного отчета в степени важности для России этого вопроса, бесполезно будет в интересах полного понимания дальнейшего изложения настоящих воспоминаний привести здесь краткие сведения о том, как этот вопрос появился в русской внешней политике и какое место он в ней занимал в течение исторического развития России в период от Петра Великого до Первой мировой войны.

В России XVII — начала XVIII вв. один только Петр I ясно сознавал то громадное значение, которое имеют для развития государства морские пути сообщения. Проникнутый этим сознанием, он решительно направил все усилия России к обеспечению возможности широкого пользования морскими путями сообщения и положил эту проблему в основу русской внешней политики.

Систематическая и упорная работа Петра I в этой области дала блестящие результаты: он лично заложил прочные основы русского владычества на Балтийском море и приступил к решению второй части этой проблемы на Юге, положив взятием Азова первый камень того фундамента, на котором, по его заветам, должно было быть впоследствии воздвигнуто здание русского владычества и на Черном море. Уже при нем первый русский корабль прошел через Босфор в бассейн Средиземного моря — тысячелетнюю колыбель благосостояния и культуры европейских народов.

Направив Россию на путь ее грядущей славы и величия, Петр почил. Но его гений озарял собой еще целое столетие, и наследники русского императора, следуя его заветам, продолжали упорную работу на предначертанном им пути. В конце XVIII в. Екатерина Великая окончательно утвердила господство России на Балтийском море и завоеванием Крыма положила прочное основание владычеству России на Черном море.

В течение всего XVIII в. занимаясь последовательно решением морской проблемы, справедливо считая ее одной из главных в судьбе государства, Россия к концу столетия достигла ощутимых результатов: за какие-нибудь сто лет она обратилась из полукультурной и слабой страны в мощную и великую империю. И этим сказочным превращением она главным образом была обязана тому, что наследники Петра, энергично следуя по предначертанному им пути, выводили Россию на широкий простор морских сообщений.

XIX век принял в наследство от XVIII русскую морскую проблему окончательно решенной на Балтийском море и на прочном

пути к ее разрешению на Черном море. Оставалось лишь завершить начатое Петром I и продолженное Екатериной II дело утверждения русского владычества на Черном море и для этого обеспечить морское сообщение через турецкие проливы с бассейном Средиземного моря. Но ряд огромных мировых политических и социальных потрясений, захвативших собой и Россию в начале XIX в., отвлек ее внимание от морской проблемы и бросил в водоворот европейских дел. Умами руководителей внешней политики России всецело завладели мысли о водворении порядка в Европе после страшных потрясений Французской революции и кровавого периода Наполеоновских войн. Все их усилия направились на то, чтобы оградить Россию от натиска новых идей и социальных вождедений, брошенных в массы Французской революцией.

Идеи здравого национального эгоизма в русской политике уступили место соображениям европейской солидарности перед лицом общей социальной опасности, кои выразились в столь невыгодных для России Священном союзе и «союзе трех императоров». Предначертания Петра Великого, красной нитью прошедшие через внешнюю политику России в течение всего XVIII в., потонули в водовороте этих событий. Русская морская проблема с начала XIX в. не только уже не была главной базой русской внешней политики, но и совсем даже исчезла из сознания русских государственных деятелей.

После того как улеглись великие бури, захватившие Европу на рубеже этих двух столетий, русская морская проблема появляется вновь в политике России при Николае I. Однако она уже не занимает ту главенствующую роль, какую имела в XVIII в.

Сама ясность и определенность формулировки этой проблемы затемняется пущенным в то время в обращение лозунгом: «Воздвигнуть крест на Св. Софии». В сознании недальновидных деятелей того времени морская проблема переходит из плоскости императивной государственной необходимости, каковой она была в XVIII в., в плоскость религиозно-мистическую.

Все же при Николае I начинается восстановление нашей морской силы, пришедшей в начале XIX столетия в упадок, и определенное внимание уделяется подготовке военного решения вопроса о проливах.

Но тут на морскую силу в Черном море обрушивается сокрушающий удар Крымской войны. Европейские державы, и в первую очередь Англия, проглядев прогресс России на предначертанном Петром I пути, решают остановить ее на последнем этапе этого пути, который должен вывести страну в бассейн Сре-

диземного моря, и выступают против нас в 1854 г. на стороне Турции.

После уничтожения русской морской силы в результате Крымской войны 1854—1856 гг. морская проблема вступила в период шатания и неопределенности во внешней политике России, чему, конечно, главным образом способствовало наложенное на нее запрещение содержать флот на Черном море.

В течение всей второй половины XIX в. морская проблема постепенно теряет ту единственно правильную ориентацию, которую ей дал Петр Великий. Взоры русских государственных деятелей, понимающих важность свободных морских путей для России, обращаются — под влиянием чинимых России Европой на юге препятствий — на дальний север. В 80-х и начале 90-х гг. в правительственных сферах развивается борьба между сторонниками северных морских путей и поборниками идеи выдвижения морской вооруженной силы на Балтийском море, ближе к Датским проливам, в целях контроля над сообщениями этого моря с бассейном Атлантического океана. В этой борьбе побеждают сторонники «балтийской идеи», и в результате создается база флота в Либаве. Черное море, где лежит единственное верное решение русской морской проблемы и куда должны быть направлены все усилия, окончательно забывается.

И наконец, следуя бессистемным изгибам мысли русских государственных людей того времени, забывших ясный и определенный путь, начертанный Петром I, русская морская проблема устремляется в конце XIX в. на Дальний Восток, к Тихому океану. Туда — в пространство, ничем не связанное с реальными интересами России, — направляются все ее морские усилия. Черное море не только в умах государственных деятелей, но и в сознании самих моряков обращается в пасынка русской морской мысли.

После уничтожения русской морской силы на Дальнем Востоке в войне с Японией морская проблема вновь возвращается в Европу и здесь воплощается в своеобразную формулу: «ключи от морских сообщений через Босфор лежат в Берлине». Именно эта формула кладется в основу воссоздания русского флота после неудачной войны с Японией. Все усилия и средства направляются в первую очередь на создание флота и подготовку к войне на Балтийском море, в результате чего Россия вступает в Первую мировую войну совершенно неподготовленной именно на Черном море, где фактически лежит единственно правильное и целесообразное решение вопроса ее морских сообщений с внешним миром. Лучшим подтверждением этого является тот факт, что в конце XIX столетия был упразднен так называемый Одесский десантный батальон, имевший в своем составе десантные средст-

ва, материалы и десантные боты, предназначавшиеся для операции по захвату Босфора.

Если бы государственные деятели России после восстановления в 1871 г. ее права содержать флот на Черном море направили главные усилия на выполнение последнего этапа, предначертанного Петром Великим, — обеспечения наших южных морских сообщений, и провели бы соответствующую военно-морскую подготовку, Россия могла бы в самом начале Первой мировой войны легко осуществить операцию по завоеванию Босфора и тем самым не только победоносно завершить войну, но и окончательно решить в полном объеме морскую проблему.

Непонимание государственными деятелями России XIX в. морской проблемы и шатания в связи с этим в русской внешней политике погубили великое дело Петра I. Русским поколениям XX в. предстоит трудная задача начинать это дело сызнова.

Первостепенная важность в политико-экономической жизни России безопасности морских путей сообщения через турецкие проливы и возможность свободного пользования ими во время войны и в мирный период основаны на следующих соображениях, вытекающих из физико-географических условий, изменить которые человечество не может.

Россия была и долгое время еще будет страной земледельческой, благосостояние которой покоится на экспорте зерновых продуктов и всякого рода сырья, составляющих ее основное национальное богатство. Принимая во внимание, что себестоимость добычи сырья во всех цивилизованных странах более или менее одинакова, возможность его сбыта на внешних рынках или, вернее, успешная конкуренция сырья во внешней торговле всецело зависит от дешевизны подвоза к рынкам сбыта. Морские пути сообщения были и всегда будут значительно дешевле сухопутных, ибо водная поверхность представляет собой даровой природный путь, тогда как прокладка и содержание путей на суше стоит очень дорого. Вместе с тем сырье представляет собой громоздкий по своему объему и тяжести товар, а вследствие этого его гораздо удобнее и дешевле перевозить морским путем, нежели по суше. Тем более что морские пути сообщения связывают Россию с целым рядом стран, с которыми она не имеет непосредственных сухопутных сообщений или от которых отделена морями.

Все это ясно показывает, что благосостояние России, основанное на реализации ее природных богатств, находится в прямой зависимости от возможности пользоваться во всякое время морскими путями для своей внешней торговли. И действительно, с

той поры как Петр Великий открыл для России доступ к морю, ее культурное развитие и накопление национального богатства двинулись вперед гигантскими шагами.

В период, предшествовавший Первой мировой войне, почти 80% вывоза товаров из России совершалось морем. При этом 60% падало на долю Черного моря, 35% — Балтийского и 5% — на долю остальных морей.

В XVIII в., когда в состав Российского государства еще не входили богатейшие сырьевые области Новороссии и Кавказа, экономическая жизнь естественно тяготела к Балтийскому морю. Поэтому основное внимание сосредоточивалось на упрочении господства на этом море, что к концу XVIII в. и было достигнуто. Когда же в XIX в. закончилось присоединение земель, расположенных ближе к Черному морю, и обнаружилось, что природные богатства этих земель во много раз значительнее богатства других земель России, во всей широте встал вопрос о черноморских путях сообщения.

Обеспечение же черноморских путей сообщения состояло в решении вопроса о проливах, ибо все главные морские пути, связывающие многочисленные порты Черного моря с бассейном Средиземного моря и далее со всей водной поверхностью земного шара, проходили через проливы Босфор и Дарданеллы, которые находились под контролем неприятельски к России расположенной Турции.

Закрытие этих проливов, каковое благодаря особо благоприятным в них для противника военно-географическим условиям достигается с чрезвычайной легкостью, самым тяжелым образом немедленно отражается на экономической жизни России.

В 1912 г. Турция, находясь в состоянии войны с Италией, была вынуждена по военным соображениям закрыть проливы. Вследствие этого все порты Черного моря оказались отрезанными от внешнего мира, хотя Россия и соблюдала в этой войне строгий нейтралитет. Это вызвало ультимативный протест со стороны России, под давлением которого Турция поспешно открыла проливы. Однако в течение этих нескольких дней, даже несмотря на то что на всех других морях российский товарообмен ничем не был стеснен, русская внешняя торговля потеряла многомиллионные убытки.

Из этого случая ясно видно, насколько важен был для России вопрос о проливах, раз она могла лишиться главного морского пути для своей торговли, даже не находясь в состоянии войны с Турцией.

Закрытие же проливов во время Первой мировой войны закончилось, как мы знаем, для России страшной катастрофой.

Никто в мире лучше англичан не понимает, сколь уязвима эта ахиллесова пята России, и никто с таким упорством и последова-

тельностью не вел в течение XIX—XX вв. по отношению к России политики, направленной к тому, чтобы не дать ей возможности хоть сколько-нибудь «прикрыть» эту свою уязвимую пятую тем или иным решением жизненно для нее важного вопроса о проливах.

Поглощенная в течение XVIII в. ожесточенной борьбой со своей соперницей на морях — Францией, Англия «проглядела» дело Петра Великого и появление на морях новой морской силы, которая была им создана. После уничтожения французской морской силы Англия обрела новую соперницу на морях — русскую морскую силу, которая в начале XIX в. уже прочно держала в своих руках господство на Балтийском море и начала развивать силы на Черном море, стремясь обеспечить себе выход в бассейн Средиземного моря, где уже в конце XVIII — начале XIX в. стали появляться ее эскадры.

Англия всегда считала бассейн Средиземного моря одним из неврагических центров своего владычества на морях, а потому рассматривала появление всякой морской силы на этом море как прямую угрозу своему владычеству. И с той поры, как Россия начала искать выхода из Черного в Средиземное море, а ее эскадры стали появляться на этом море, русская морская сила сделалась для Англии неприятелем № 1. Тем более что после уничтожения французской морской силы русские заняли следующее после англичан место.

Все дипломатические и военные попытки решить вопрос о проливах наталкивались на энергичное сопротивление Англии, не останавливавшейся перед угрозой нам войной, как это имело место во время нашей войны с Турцией в 1877—1878 гг. и даже перед нападением на нас в 1854—1856 гг., как об этом упоминалось выше.

После значительного ослабления русской морской вооруженной силы в войне с Японией неприятелем № 1 для Англии сделалась Германия, которая в начале XX в. стала серьезно угрожать английскому владычеству на морях. Вследствие этого Англия вынуждена была временно отказаться от своей традиционной враждебной политики по отношению к России и пойти на сближение, дабы совместными усилиями с ней и Францией остановить рост немецкой морской силы, что в конце концов и привело к Первой мировой войне.

Чтобы закрепить союзные обязательства России во время войны, Англия вразрез своей традиционной антирусской политике пошла даже на то, чтобы признать письменным договором права России на проливы, ибо столь велика оказалась мощь и опасность Германии, выявившаяся в самом начале войны.

Однако, заключая в 1915 г. этот договор, Англия собиралась нарушить его при первой же возможности, вследствие чего она и попыталась путем форсирования Дарданелл и появления ее флота раньше нашего у Константинополя поставить Россию перед свершившимся фактом захвата проливов английским флотом.

Попытка эта, как известно, не удалась. Но лишь только Россия была революцией повержена в прах и потеряла для Англии всякую военную ценность в борьбе с Германией, она не только расторгла этот договор, но и на созванных после войны конференциях в Лозанне и Монтрё настояла на том, чтобы при решении этого вопроса была принята и международным договором узаконена самая невыгодная и опасная для России форма.

И даже после Второй мировой войны, из которой Советская Россия вышла победительницей, создав в сателлитских государствах на Балканах отличную базу для военного решения вопроса о проливах (каковой императорская Россия не располагала), ей все же не удалось изменить в свою пользу невыгодное для нее решение вопроса о проливах, принятое на вышеупомянутых конференциях. А при первой попытке нажима Советской России на Турцию в этом направлении последняя была решительно поддержана всеми великими державами и ответила категорическим отказом.

Вступая в Первую мировую войну, Россия никаких личных эгоистических целей, кроме защиты Сербии, не имела. Однако в 1915 г., когда стало очевидно, что война будет сопряжена с громадными, доселе небывалыми жертвами, русское правительство не могло не поставить для оправдания этих жертв перед народом целью войны решение вопроса о проливах.

Желание России решить этот вопрос было признано ее союзниками, правда скрепя сердце, и оформлено специальным соглашением, заключенным в конце 1915 г.

Готовя материал для заключения этого соглашения, министр иностранных дел С.Д. Сазонов⁵⁵ обратился осенью 1915 г. к Верховному командованию с просьбой высказать свой взгляд о том, какая форма решения вопроса о проливах является с военной точки зрения наиболее желательной и выгодной для России. В связи с этим в штабе Верховного главнокомандующего была составлена обширная записка, в которой рассматривались все возможные формы решения этого вопроса, классифицированные в порядке их выгоды и приемлемости для России.

В составлении этой записки приняли участие: генерал-квартирмейстер Ю.Н. Данилов, начальник дипломатической канцелярии Н.А. Базили и автор настоящих воспоминаний.

Так как по своему существу вопрос этот прежде всего морской, Сазонов предварительно долго совещался с моряками штаба Верховного главнокомандующего. Во время этих совещаний нельзя было не заметить, с какими трудностями были для Сазонова сопряжены переговоры по этому вопросу с союзниками и с каким недоверием он к союзникам относился, а также с какой тревогой осенью 1915 г. он смотрел на будущее России в тот момент, когда решался вопрос о смене великого князя Николая Николаевича.

В составленной нами после этих совещаний записке все формы решения вопроса о проливах были сведены в три группы. В первой содержались самые **выгодные** формы решения, предусматривавшие установление в том или ином виде непосредственной власти России в проливах, т. е. владение проливами. Формы были довольно многочисленны, ибо в 1915 г., когда составлялась записка, нельзя было предвидеть ряд факторов, которые могли бы оказать косвенное влияние на решение этого вопроса, а именно: удастся ли после войны окончательно вытеснить Турцию из Европы; останется ли Константинополь столицей Турции и следует или нет включать его в зону российских владений; в какой мере придется удовлетворить притязания Греции на северный берег Мраморного моря и т. д. Различие между формами состояло лишь в величине той территориальной площади по обоим сторонам проливов, которая должна была бы отойти под власть России.

Однако все формы решения вопроса о проливах, приведенные в этой группе, обеспечивали столь прочное господство России над проливами, что проникновение в Черное море во время войны, даже для самых мощных противников России, было бы невозможным. При этом непременным условием являлся переход во власть России островов Лемнос, Самофракия, Имброс и Тенедос в Эгейском море, с которых контролируются морские пути, ведущие из Средиземного моря к Дарданеллам. Владение этими островами исключало бы возможность для противника блокады проливов со стороны Средиземного моря и обеспечивало бы нашу морскую связь Черного моря с бассейном Средиземного моря.

Соглашение, заключенное Сазоновым в 1915 г. с нашими союзниками, базировалось на этой группе. Причем нам этим соглашением гарантировалась наиболее выгодная форма решения вопроса. Эта группа должна была послужить базой для соглашения и переговоров на мирной конференции в случае успешного для России окончания войны.

Во вторую группу вошли **приемлемые** формы решения, предусматривавшие установление контроля России над проливами: 1) отмена ограничений пользования проливами для судоходства,

установленных Берлинским трактатом; 2) закрытие проливов для плавания всех военных судов, не принадлежащих прибрежным державам Черного моря, с установлением фактического русско-турецкого контроля над плаванием в проливах; 3) и, наконец, — самое главное в этой группе — предоставление России обеспечения ее участия в фактическом контроле плавания в проливах, базы в районе самих проливов или в их непосредственной близости. Эта группа являлась основой для мирных переговоров в случае нерешительного окончания войны.

Третью группу составляли **неприемлемые и опасные** для России формы решения вопроса, всесторонне рассматривались и подробно анализировались различные виды и комбинации видов нейтрализации и интернационализации проливов, представляющих собой самую опасную и наименее приемлемую для России форму решения вопроса о проливах. Причем указывалось, что в случае неуспешного исхода войны Россия должна настаивать на сохранении *status quo* в проливах, т. е. на сохранении над ними турецкой власти, ни в коем случае не соглашаясь на применение форм решения, перечисленных в этой группе.

Изучению этой группы в записке было отведено обширное место, так что здесь возможно привести лишь основные положения заключения.

Нейтрализация проливов состоит в том, что на их берегах и в их водах воспрещается возводить какие бы то ни было укрепления или сооружения военного характера, а военным и торговым судам всех наций разрешается проходить через проливы как в военное, так и в мирное время.

Таким образом, с точки зрения России разница между нейтрализацией проливов и положением вещей, установленным Берлинским трактатом, бывшим в силе до Первой мировой войны, состояла в том, что по постановлениям Берлинского трактата никакие военные суда, кроме турецких, не имели права входить через проливы в Черное море, а при нейтрализации этим правом могли пользоваться все без исключения державы и Россия должна была считаться с возможностью появления в Черном море — центре ее жизненных интересов — флота любой державы в целях дипломатического на нее давления или нападения на ее берега и прекращения ее морских сообщений с внешним миром.

Иными словами, по постановлениям Берлинского трактата двери к жизненным центрам России были открыты для одного лишь слабого турецкого флота, тогда как при нейтрализации они становились настежь открыты для всех военных флотов мира. Это вызвало бы в первую очередь необходимость для России громадных затрат в целях создания мощного флота и укрепления

берегов Черного моря, тогда как при режиме, установленном Берлинским трактатом, она могла ограничиться сравнительно незначительными силами, рассчитанными лишь на противодействие слаботу турецкому флоту.

Без создания мощной морской силы в Черном море Россия при нейтрализации проливов была бы во время войны под постоянной угрозой непосредственного удара противника по ее жизненным центрам, а в мирное время в значительной степени лишена свободы действий во внешней политике, имея обнаженной свою ахиллесову пятую.

Казалось бы, однако, что нейтрализация проливов могла бы иметь для России выгоду в том, что в случае войны морская связь с ее возможными союзниками в бассейне Средиземного моря была бы обеспечена.

На самом же деле эта выгода только кажущаяся, и вот почему.

С военной точки зрения нейтрализация проливов, т. е. воспрепятствование создавать на их берегах долговременные фортификационные сооружения, в случае войны никакого практического значения не имеет, ибо при помощи мин заграждения, подвижных моторизованных батарей и авиации можно в 24 часа сделать проливы непроходимыми и остановить всякую попытку прорыва военных судов через них. Это в полной мере подтвердил опыт неудавшейся Дарданелльской операции, во время которой именно мины и подвижные батареи, а не долговременные укрепления, остановили союзный флот, пытавшийся прорваться через пролив.

Таким образом, дипломатический акт нейтрализации при современных средствах военной техники никакого реального значения иметь не может. Что же касается «моральной» ценности такого акта, пример нарушения Германией нейтралитета Бельгии дает на этот вопрос исчерпывающий ответ. Не могло быть сомнения в том, что и Турция, если бы того пожелала, легко сделала бы проливы непроходимыми, несмотря на акт нейтрализации, и тем самым прервала связь России с ее возможными союзниками.

С другой стороны, в истории вековой борьбы России за свои морские сообщения никогда еще не было и никогда не будет случая, чтобы Турция стояла на стороне России или ее союзников. Открыто или тайно она всегда будет на стороне ее явных и скрытых врагов.

Еще хуже была бы для России интернационализация проливов.

Турция сохранила бы свои суверенные права над ними, и Россия, имея с ней общую сухопутную границу на Кавказе, могла бы в случае необходимости оказать на нее мощное военное давление

для облегчения положения в проливах или даже захватить Босфор высадкой на незащищенное турецкое побережье Черного моря.

Между тем при интернационализации суверенные права над интернационализированной зоной переходят от державы — собственности этой зоны к специальному международному органу, и, таким образом, Россия для защиты своих жизненных интересов на Черном море и в проливах имела бы дело не с одной лишь слабой Турцией, а с целым светом.

Иными словами, по постановлениям бывшего Берлинского трактата, двери к сокровищнице России на Черном море были для всех закрыты, а ключи от них находились в руках слабой Турции; при нейтрализации проливов эти двери были бы для всех открыты, но вследствие сохранения при этом суверенных прав над проливами за Турцией Россия не была бы лишена возможности военного воздействия для облегчения своего положения; при интернационализации же проливов двери эти остаются настежь для всех открытыми, а ключи от них переходят в международные руки и Россия лишается возможности военного воздействия для облегчения своего положения.

Таковы были соображения, изложенные в записке штаба Верховного главнокомандующего, которая была вручена Сазонову и которая послужила основанием для заключения в 1915 г. нашего соглашения с союзниками о проливах.

По окончании Первой мировой войны и заключении Версальского мирного договора была созвана в 1922 г. в Лозанне конференция для решения вопроса о проливах, на которой руководящую и решающую роль играла Англия. И вот та самая Англия, которая в 1915 г., когда ей была необходима помощь России для борьбы с Германией, дала свое письменное согласие на оккупацию Россией проливов, т. е. на наиболее выгодное для русских решение вопроса о проливах, — эта самая Англия теперь, когда Россия, утратившая свой престиж, была ей больше не нужна, настояла на самой невыгодной и опасной для нас форме решения вопроса — на нейтрализации и интернационализации проливов.

Англия и иже с ней воспользовались первым благоприятным моментом, чтобы схватить Россию за горло, ибо стремление бывших союзников России к интернационализации проливов объясняется не чем иным, как их желанием подчинить себе Россию в политическом отношении и ослабить ее вес в международных отношениях.

При этом в контрольном органе интернационализации проливов, учрежденном в Лозанне, председательское место получила

Англия, что было равносильно передаче именно ей, исконному противнику России в этом вопросе, фактического контроля над проливами, ибо в ту пору Англия располагала самым мощным флотом мира.

Большевистские представители на Лозаннской конференции из кожи лезли вон, чтобы избежать столь невыгодных и опасных для России решений или чтобы хоть сколько-нибудь эти решения смягчить, но их голос никем не был услышан, потому что за ними не было престижа императорской России.

Сам тот факт, что даже большевики, которые в начале своего властвования невнимательно относились к жизненным интересам страны, не подписали решений Лозаннской конференции, лучше всяких других доказательств показывает, какое катастрофическое значение имели для России принятые на этой конференции решения.

Вскоре после Лозаннской конференции Англии показалось выгодным восстановить свои торговые сношения с Россией. По этому поводу английский премьер цинично заявил в парламенте: «Торгуем же мы с каннибалами, отчего бы нам не торговать с русскими?»

Советское правительство решило этим воспользоваться, чтобы возбудить вопрос о пересмотре лозаннских решений. На конференции в Монтрё советское правительство добилось изменения решений в свою пользу, но, как увидим ниже, польза была лишь кажущаяся.

Интернационализация проливов была действительно отменена, распущен орган международного контроля, во главе коего стояла Англия, а суверенные права Турции восстановлены. Однако было сохранено право военным судам всех наций входить во всякое время в проливы и плавать в них, с тем лишь ограничением, чтобы по своей общей силе отряд чужих военных судов, вошедших в проливы и находящихся там, не превышал сил советского Черноморского флота. При этом «контролирование» по статье конвенции в Монтрё, т. е. оценка силы отряда судов, входящих в проливы, была возложена на Турцию.

Турция после Первой мировой войны всецело подчинилась влиянию западных держав-победительниц. В морских же вопросах, и в частности в вопросе о проливах, особенно сильно было на нее влияние Англии. Поэтому последняя — раз был конференцией в Монтрё подтвержден принцип права входа в турецкие проливы военных судов всех наций — легко согласилась на отмену интернационализации этих проливов, ибо была уверена, что Турция будет «оценивать» силу входящих в проливы военных судов так, как того она, Англия, захочет.

Таким образом, конференция в Монтрё никакой реальной выгоды Советам не дала, а лишний раз подтвердила беспомощность советской дипломатии, давшей себя обойти в этом жизненно важном для России вопросе, что ясно видно из нижеследующего случая. В июле 1953 г. англо-американский отряд, состоящий из 22 военных судов, вошел через Дарданеллы в Мраморное море, где учредил базу для предстоящих маневров в этой зоне. Советское правительство немедленно выразило по этому поводу свой протест, но получило от Турции ответ, что она не считает пребывание этого отряда в Мраморном море и проливах нарушением соответствующей статьи конвенции. И советское правительство вынуждено было этим ответом удовлетвориться.

После Второй мировой войны советское правительство, выйдя из нее победительницей, считало момент благоприятным для решения вопроса о проливах и в ультимативной форме предложило Турции установить вместе с ней кондоминиум (совладение) в проливах, что было, конечно, не что иное, как прикрытый «фиговым листком» фактический переход проливов в полную власть Советской России, ибо она, не разоружившись после войны, располагала неизмеримо сильнеешим потенциалом, чем Турция.

Однако Турция, опираясь на решительную поддержку в этом вопросе ведущих западных держав, отвергла этот ультиматум, и советское правительство, видя, что здесь дело чревато войной со всеми бывшими союзниками, на своем ультиматуме настаивать не стало.

После этого со всех сторон, и особенно из Америки, потекла в Турцию обильная помощь в виде кредитов, военного материала и военных миссий для укрепления и расширения ее военного потенциала. Вместе с тем она была включена в Североатлантический альянс и вошла в состав Балканского пакта, заключенного в 1953 г. между ею, Грецией и Югославией.

Потерпев неудачу в деле ультимативного предложения Турции кондоминиума над проливами, советское правительство спустя некоторое время сделало попытку установить если не свое владение, то хотя бы свой контроль над проливами и выступило с предложением Турции уступить России в арендное пользование какой-либо залив в проливах для учреждения в нем своей базы. Это, как нам известно, была наивыгоднейшая для России форма контроля над проливами. Но и эта попытка Советов успеха не имела: турецкое правительство попросту проигнорировало данное предложение.

После смерти Сталина положение советской власти в России и в сателлитских странах настолько пошатнулось, что его наследники, дабы обеспечить себе внешний мир в этот период кризиса

Император Николай II. 1915.

«Государь был по своему нравственному облику таким, кого в общезнании называют хорошим и скромным человеком».

А.Д. Бубнов. «В царской Ставке»

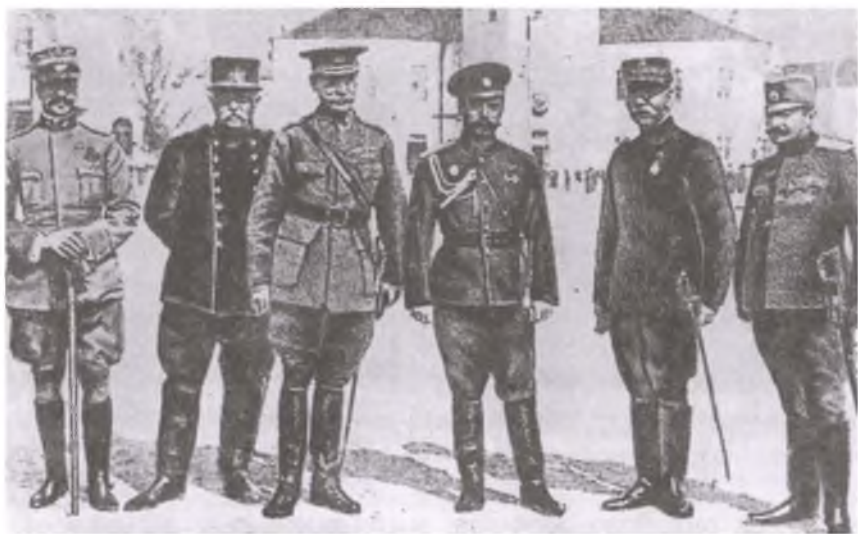

Последние из династии. Николай II с сыном цесаревичем Алексеем

Николай II с семьей на перроне вокзала во время прибытия в Ставку

Николай II и представители союзных держав

Николай II и Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич.
Весна 1915 г.

«Великий князь был воспитан в глубоко патриархальном духе. И несомненно, являлся одним из самых лояльных и преданных императору Николаю II людей».

Ю.Н. Данилов. «На пути к крушению»

Начальник штаба Верховного
главнокомандующего генерал от
инфантерии Н.Н. Янушкевич

Чины Ставки Верховного
главнокомандующего во время
посещения ее Николаем II

Офицеры русской армии у захваченной в Каушенском бою немецкой пушки.
Август 1914 г.

Перед боем. В окопах Первой мировой

Великий князь Николай Николаевич

«По природе своей честный, прямой и благородный, он соединял в себе все свойства волевой личности, т. е. решительность, требовательность и настойчивость».

А.Д. Бубнов
«В царской Ставке»

Генерал от инфантерии
М.В. Алексеев

*«Он был, бесспорно, лучшим зна-
током военного дела и службы Ге-
нерального штаба по оперативно-
му руководству...»*

А.Д. Бубнов. «В царской Ставке»

Начальник штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеев докладывает Николаю II план военных действий на 1916 г. В середине — генерал-квартирмейстер штаба генерал-майор М.С. Пустовойтенко

Генерал-лейтенант В.И. Гурко

Генерал от кавалерии Я.Г. Жилинский

Генерал-лейтенант
А.С. Лукомский

В атаку. Худ. В.В. Мазуровский

Генерал от кавалерии П.К. Ренненкампф

Генерал от кавалерии А.В. Самсонов

Генерал от кавалерии
А.А. Брусилов

«...Выдвинувшийся благодаря своей энергии и стратегическим способностям во время наступления в Галиции в начале войны. От него можно было ожидать решительности и настойчивости в руководстве войсками».

А.Д. Бубнов. «В царской Ставке»

В штабе Юго-Западного фронта. Справа налево: военный и морской министр Гучков, генералы Балувев, Брусилов, Каледин, Гутор, Шуваев, Духонин. Апрель 1917 г.

Генерал от инфантерии Н.В. Рузский

*«Прямой, простой, хотя и несколько сухо-
ватый... умевший схватывать сущность
вопроса... не терявшийся в трудной об-
становке, с твердой по природе волей...»*

Ю.Н. Данилов. «На пути к крушению»

Генерал от инфантерии Н.И. Иванов

*«Он никогда не желал рисковать ради об-
щего дела, его истинные намерения оста-
вались непроницаемыми для других. По
своему кругозору мог быть только хоро-
шим командиром корпуса, но не выше».*

Ю.Н. Данилов. «На пути к крушению»

Русская пехота

Г.Е. Распутин с офицерами русской армии

Генерал-лейтенант В.Б. Фредерикс

Прием раненых в лазарете.
Петроград. 1914 г.

Генерал-лейтенант Н.Н. Духонин

«Это был храбрый и безупречно честный боевой генерал, по характеру очень мягкий и любезный человек».

А.Д. Бубнов. «В царской Ставке»

Генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов

Генерал-лейтенант А.И. Деникин

Пластуны, роющие окопы. Худ. Е.Е. Лансере

власти, решили смягчить агрессивный характер сталинской внешней политики и в числе предпринятых ими в этом направлении шагов сами отказались от требования базы в проливах.

Таким образом, и после победоносной войны вопрос о проливах остался в том самом невыгодном и опасном для России положении, в какое он был поставлен конвенциями, принятыми на конференциях в Лозанне (1922—1923) и Монтрé (1936).

Вопрос о проливах неизменно был и будет мерилом мощи России в ее международных отношениях до тех пор, пока не окажется окончательно решен в ее пользу, ибо, представляя собой жизненный фактор, на коем зиждется благосостояние и безопасность России, не зависит от режима.

В период ослабления мощи России этот вопрос как бы «опускается на дно» русской внешней политики, вновь поднимаясь на ее поверхность по мере нарастания этой мощи. И для правильной оценки русских международных отношений необходимо всегда иметь в виду, что почти во всяком шаге русской внешней политики заключен в более или менее ясной, прямой или косвенной форме вопрос о проливах.

ПОЧЕМУ РОССИЯ НЕ ЗАВЛАДЕЛА БОСФОРОМ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Зная, сколь велико было значение вопроса о проливах для благосостояния России и сколь громадное влияние не только на исход войны, но и на дальнейшие судьбы России должно было бы иметь решение этого вопроса в ее пользу, невольно всякий русский человек спросит: почему мы не завладели Босфором в 1916 г., когда все приготовления к тому на Черном море были полностью закончены.

Мысль эта тем глубже должна волновать всякого из нас, что, как ныне доподлинно известно и как сие подтверждает ряд авторитетных показаний, завладение Босфором в 1916 г. не только обеспечило бы России полную победу в войне, но и предотвратило бы тем самым революцию со всеми ее трагическими для нас и для всего мира последствиями.

Приступая к ответу на вопрос, почему мы не завладели Босфором в 1916 г., необходимо обратить внимание на некоторые обстоятельства. В первую очередь неизбежно придется коснуться высоко стоящих в русской военной иерархии лиц, от которых решение этого вопроса зависело. Между тем связанная с этим решением громадная ответственность не только перед Россией, но и перед историей обязывает при упоминании имен к сугубой осторожности и документальной обоснованности, а документы

штаба Верховного главнокомандующего частью погибли, частью же находятся в Советской России.

Однако автор настоящих воспоминаний берет на себя смелость касаться этого вопроса лишь потому, что в Ставке морская, т. е. главная, часть этого вопроса была сосредоточена в его ведении, вследствие чего все, что касалось Черноморских проливов, составляя главную сущность и смысл его должности в штабе Верховного главнокомандующего во время войны, глубоко врезалось в его память. Кроме того, сознавая громадную историческую важность этого вопроса и связанный с ним личной ответственностью, автор принял перед крушением Ставки меры к тому, чтобы препроводить в надежное место все дела его управления, так что историки получают в свое время возможность документально проверить все то, что им будет приведено в дальнейшем изложении.

Проблема Босфора находилась в сфере деятельности и ответственности правительства, военного и морского командования и, наконец, государя. Для точного определения роли и ответственности каждого в решении этого вопроса необходимо установить отношение каждого из них к нему во время, непосредственно предшествовавшее Первой мировой войне, и в ходе военных действий.

Как известно, вопрос о завладении Босфором исчез из поля зрения русских государственных деятелей в конце XIX столетия и вплоть до самой войны не значился в числе правительственных заданий, которые русская вооруженная сила должна была бы в случае войны решать. Поэтому постановка этого задания нашей вооруженной силе правительством уже после начала войны застала ее совершенно к тому неподготовленной, за что главная доля ответственности и падает именно на русское правительство.

Известную долю вины в этом вопросе несет и русская общественность, поскольку, конечно, она могла в те времена влиять на политику правительства. После того как в конце XIX столетия славянофильские круги, для коих вопрос о проливах считался краеугольным камнем русской политики, утратили в России свое влияние, этот вопрос значительно поблек в сознании русской общественности. Под влиянием же разочарования в военной мощи России после войны с Японией в русском обществе стало внедряться мнение о неспособности России к разрешению столь широкой военно-политической проблемы, а потому русское правительство не видело перед войной никаких побуждений со стороны общественности к решению этого вопроса.

Чтобы составить себе полное представление о том, как перед войной стоял вопрос о завладении Босфором в морских кругах, необходимо рассмотреть, как он ставился в Морском генеральном штабе, на котором лежала ответственность за разработку основных директив по подготовке флота к войне и состояние самих планов войны.

Созданный незадолго до войны, Морской генеральный штаб не успел еще выработать собственную военно-политическую идеологию и находился под большим влиянием своего значительно более старшего сухопутного собрата — Главного управления Генерального штаба. Последний, всецело поглощенный после войны с Японией подготовкой к назревающей грандиозной борьбе с Германией и не сознававший в полной мере, насколько важно для этой борьбы обеспечение наших морских сообщений через проливы, требовал от морского ведомства в первую очередь сосредоточить все усилия и средства на укреплении флота Балтийского моря, ибо это море было тесно связано с тем сухопутным театром, на котором предполагалось вести военные действия против Германии.

Вследствие этого в идеологии нашего Морского генерального штаба Балтийское море приобрело значение главного морского театра военных действий, и на усиление балтийских морских сил были направлены все средства, а интересы Черноморского театра были отодвинуты на задний план, тем более что задача завладения Босфором для обеспечения наших морских сообщений через проливы ни правительством, ни Главным управлением Генерального штаба нашему морскому ведомству ни в какой форме перед войной и не ставилась. Вопрос о завладении Босфором рассматривался Морским генеральным штабом лишь в перспективе отдаленного будущего и приурочивался к 1930—1935 гг., когда планировалось закончить так называемую «большую программу» восстановления нашего флота после войны с Японией в 1905 г.

Вместе с тем в Морском генеральном штабе господствовало убеждение, что вопрос о проливах решится сам собой в результате грядущей войны с Германией. Выдвинутый Главным управлением Генерального штаба лозунг «Ключи от проливов находятся в Берлине» был Морским генеральным штабом положен в основу подготовки наших морских вооруженных сил к предстоящей войне.

Иными словами, Морской генеральный штаб полагал, по примеру своего сухопутного собрата, что вопрос о проливах будет решен победой над Германией, ибо эта победа повлечет за собой перестройку всех мировых политико-географических взаимоотношений, а поэтому он и направил все свои усилия на обеспече-

ние победы на главном театре войны против Германии. В связи с этим мыслилось, что в случае победы над Германией не представится необходимым занимать проливы с бою, ибо они нам достанутся как плод нашей победы на главном театре войны. Поэтому Морским генеральным штабом — в целях сосредоточения всех усилий на том театре военных действий, где должна была решиться судьба всей войны, — было признано нецелесообразным ставить в войне с Германией Черноморскому флоту задачу завладения Босфором и в целях экономии средств признавалось возможным не вести в ближайшее время никакой подготовки к выполнению этой операции.

На самом деле лозунг «Ключи от проливов находятся в Берлине», приведший к тому, что мы оказались совершенно неподготовленными для завладения Босфором, нельзя было никоим образом признать правильным.

Даже поверхностное рассмотрение истории наших международных отношений должно было привести государственных деятелей к убеждению, что ключи от проливов всегда находились не в Берлине, а в Лондоне и что даже после полной победы над Германией нам придется выдержать за обладание проливами ожесточенную борьбу с Англией, которая систематически препятствовала нашему выходу в бассейн Средиземного моря. При этом совершенно неосновательны и даже наивны были надежды политических и военных руководителей России на то, что союзные обязательства изменяют точку зрения и позицию «коварного Альбиона» в данном вопросе.

В этом отношении Венский конгресс 1814 г. должен был бы дать нашим руководителям особо поучительный пример. На нем, как известно, Англия, добившись перед тем в союзе с Россией, и главным образом благодаря именно ей, победы над Наполеоном, столь решительно и систематически выступала против всех аспираций России, что это едва не довело до вооруженного столкновения между ними.

Насколько же правильно утверждение, что ключи от проливов всегда находились ни в чьих иных руках, кроме английских, ясно видно из того, что после войны Англия, как нам уже известно, обеспечила себе господство над проливами международными соглашениями, установившими самый невыгодный и опасный для России режим в проливах.

Помимо политической недалковидности в босфорском вопросе наши руководители проявили и чисто военную недалковидность, ибо они не учли того громадного влияния на исход войны, какое должна была бы иметь свобода наших морских сообщений с внешним миром через проливы во время самой войны. Между

тем перед Первой мировой войной в составе Морского генерального штаба были люди, которые считали, что мы все же должны вести подготовку к завладению Босфором во время предстоящей войны с Германией.

Группа этих лиц во главе с начальником черноморского и исторического отделений капитанами 2 ранга Каськовым и Квашниным-Самариным считала, что мы должны силой завладеть Босфором, чтобы поставить Англию перед свершившимся фактом и на будущей мирной конференции закрепить за собой проливы по праву *beati possidentés* (блаженны имущие). При этом ими выдвигались совершенно справедливые соображения, что война с Германией даст нам исключительно благоприятную обстановку для завладения проливами, которая в будущем, вероятно, больше не повторится, ибо, имея Англию в этой войне на своей стороне, мы при завладении Босфором не встретимся с открытым вооруженным сопротивлением ее грозной для нас морской силы, как это в прошлом постоянно бывало.

Несмотря на то что эта группа, опираясь на неопровержимые исторические данные, всеми способами старалась убедить всех в правильности своей точки зрения, ей все же не удалось изменить сложившуюся в руководящих кругах Морского генерального штаба стратегическую идеологию.

Но даже если бы в Морском генеральном штабе и восторжествовала точка зрения этой группы лиц, Главное управление Генерального штаба, за которым оставалось решающее слово в деле подготовки к войне с Германией, категорически воспротивилось бы ее исполнению.

Отрицательное отношение нашего сухопутного Генерального штаба в Босфорской операции помимо ошибочного соображения «о ключах от Босфора в Берлине» основывалось на некоторых других соображениях, оказавшихся впоследствии также ошибочными.

Во-первых, руководители Генерального штаба держались перед Первой мировой войной уже отжившего догматического требования о безусловном сосредоточении максимума сил на главном театре военных действий и строжайшей экономии при выделении сил для второстепенных операций. Причисляя к таковой Босфорскую операцию, они ошибочно полагали, что выделение для нее необходимых десантных войск ослабило бы «без всякой пользы» наши силы на главном театре войны, где для успешной борьбы с таким грозным противником, каким была Германия, ни один батальон не мог бы быть лишним.

Во-вторых, Генеральный штаб не усматривал никакой непосредственной помощи операциям армии на главном театре войны

от завладения Босфором, т. е. от обеспечения наших морских сообщений для подвоза боевых припасов из-за границы, ибо, придерживаясь распространенного ошибочного мнения о непродолжительности грядущей войны, считал, что она будет закончена с теми боевыми запасами, которые окажутся в наличии при ее начале.

Вместе с тем после войны с Японией наши сухопутные собра- ты потеряли доверие к боеспособности флота и, не отдавая себе отчета в последовавшем затем громадном прогрессе его в этом отношении, считали весьма рискованным верить ему судьбу де- сантных войск для Босфорской операции.

Но и помимо всех этих ошибочных соображений, нельзя не указать на то, что наш сухопутный Генеральный штаб при недо- статочной широте взглядов и при не вполне ясном понимании национально-государственных задач России был всецело во влас- ти «континентальной» идеологии, так что широкие морские проблемы России были ему чужды и на связанные с их решением морские операции он смотрел более чем скептически.

Чтобы иметь полное представление о положении перед войной вопроса о завладении Босфором, необходимо еще знать, как к нему относился государь.

Как известно, в начале царствования императора Николая II безответственная и корыстолюбивая группа лиц внушила ему идею, что вследствие значительных сопротивлений, на которые неизменно наталкивается решение нашей национальной пробле- мы о проливах, следует искать обеспечения наших морских сооб- щений с внешним миром не на Черном море, а на Тихом океане. Вследствие этого наша политика в конце прошлого столетия была направлена на Дальний Восток и главное внимание государя было поглощено делами этой дальней нашей окраины.

После катастрофы в войне с Японией и ослабления нашей во- енной мощи невозможно, конечно, было и думать о решении проблемы проливов, тем более что надвигалась угроза со стороны Германии, борьба с которой требовала сосредоточения против нее всех наших сил. Под влиянием настоятельных требований на- шей союзницы Франции о сосредоточении всех сил для борьбы с общим врагом государь принял точку зрения Генерального шта- ба о том, что «ключи от проливов находятся в Берлине», и утвер- дил разработанный Главным управлением Генерального штаба план войны с Германией, в котором не было отведено никакого места подготовке к Босфорской операции.

Таким образом, мы вступили в Первую мировую войну со всех точек зрения — политической, общественной, военной и мор- ской — совершенно неподготовленными к завладению проливами,

т. е. к решению главной национальной проблемы, от которой, как показало само течение военных действий, зависел исход войны и дальнейшая судьба нашего отечества.

Вскоре после начала военных действий русское правительство, как известно, было вынуждено поставить целью войны решение вопроса о проливах.

Вынеся из переговоров с нашими союзниками по этой проблеме впечатление об их неискренности и наученный опытом более чем странных обстоятельств, при которых Англия тайно от нас предприняла и вела Дарданелльскую операцию, министр иностранных дел С. Д. Сазонов пришел к убеждению о необходимости прочно обеспечить решение этого вопроса фактом *beati possidentés* (блаженны имущие). Вследствие этого он обратился к Верховному командованию, в компетенцию коего этот вопрос после начала войны перешел, с представлением о необходимости завладеть Босфором, и это требование неоднократно и настойчиво повторял.

Казалось бы, раз правительство с соизволения государя поставило единственной целью войны решение вопроса о проливах, и в частности завладении Босфором, Верховное командование — как бы это ни было для него неожиданным — должно было бы приложить все старания для приведения этого решения в исполнение.

К сожалению, в действительности это оказалось далеко не так. Конечно, флот и все органы его управления, в первую очередь Морское управление штаба Верховного главнокомандующего, с воодушевлением приняли это решение правительства и после неудавшейся попытки осуществить Босфорскую операцию в начале 1915 г. в связи с Дарданелльской операцией приложили все старания к тому, чтобы в кратчайший срок устранить недостатки нашей подготовки для завладения Босфором.

В результате напряженной работы к весне 1916 г. удалось подготовить силы и средства для перевозки за один раз и высадки на занятый неприятелем берег десантного корпуса усиленного состава — до двух с половиной дивизий со всеми обозами и службами. С морской стороны операция для завладения Босфором была подготовлена: мы ожидали лишь назначения десантных войск для ее осуществления.

Но в штабе Верховного главнокомандующего, и в частности в управлении генерал-квартирмейстера, дело обстояло совсем иначе: Генеральный штаб и после заявления правительства, что целью войны является решение вопроса о проливах, продолжал придерживаться той точки зрения, что «ключи от них находятся

в Берлине», и, несмотря на выраженное правительством пожелание о завладении Босфором, относился к этому отрицательно.

Весьма показательным в этом отношении является такой случай. Однажды в начале войны, за завтраком в вагоне-ресторане у великого князя Николая Николаевича, мой сослуживец В.В. Яковлев и я, сидя за одним столиком с генерал-квартирмейстером генералом Даниловым, завели с ним разговор о решении вопроса о проливах, на что он нам ответил: «Об этом поговорим, когда будем на Одере», иными словами, после победы над Германией. Этой же точки зрения держался впоследствии и начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Алексеев, считая Босфорскую операцию ненужной затеей, способной лишь отвлечь войска от главного театра войны и тем затруднить эту победу.

Но так как государь был горячим сторонником Босфорской операции, а министр иностранных дел Сазонов на ней настаивал, генерал Алексеев не отвергал ее категорически, но ставил для своего на нее согласия такие, по мнению нас, моряков, необоснованные требования, кои были невыполнимы. Так, он считал, что для исполнения Босфорской операции необходима целая десантная армия силой в три с половиной-четыре корпуса, между тем транспортная флотилия была не в состоянии перевезти в должный срок столь многочисленную армию и обеспечить после высадки ее снабжение.

При определении численности десанта генерал Алексеев исходил из следующих соображений: ближайшее не занятое противником удобное место для высадки войск — устье реки Сакарьи — отстояло к востоку от Босфора на расстоянии четырех-пяти армейских переходов (при полном бездорожье). Так как противник за это время успел бы предпринять меры для усиления своих войск, наша десантная армия должна была бы, по мнению генерала Алексеева, быть достаточно сильной, чтобы иметь возможность успешно вести наступательную операцию в чрезвычайно трудных условиях бездорожья, с далекого расстояния от Босфора.

Не подлежит сомнению, что даже при крайнем напряжении всех транспортных средств Черного моря мы не могли бы осуществить перевозку в район высадки столь многочисленных сил в намеченные сроки. Этим требованием сухопутное командование поставило флот в безвыходное положение, что и было генералом Алексеевым использовано для обоснования своего заключения о том, что Черноморский флот вообще не в силах выполнить Босфорскую операцию.

Между тем Морской штаб Верховного главнокомандующего и командование Черноморского флота в лице адмирала Колчака

держались совершенно иной точки зрения, вытекающей из следующих данных обстановки.

К весне 1916 г. вследствие ряда катастроф на Кавказском фронте, постоянных неудач в районе Суэцкого канала и Палестины и особенно из-за громадных потерь при обороне Дарданелл боеспособность турецкой армии была сведена почти на нет, запасы исчерпаны и войсковые соединения совершенно расстроены.

Последний удар боеспособности турецкой армии нанесло немецкое верховное командование, потребовав в связи с успехами Брусиловского наступления летом 1916 г. от Турции отправки в Галицию для поддержки терпящей бедствие австрийской армии целого турецкого корпуса. Энвер-паша, верный слуга немцев, не посмел им в этом отказать и приказал для формирования корпуса, получившего № 15, собрать все, что было еще более или менее боеспособного в составе войск, находившихся в районе проливов и Константинополя. В июле в районе проливов осталось всего три дивизии слабого состава, из которых две были в районе Дарданелл, а одна, 15-я, в районе Босфора.

Из-за незначительной провозной способности железной дороги, занятой к тому же доставкой угля в Турцию, и большого расстояния немцы в случае необходимости усилить турецкие войска в районе Босфора не могли бы подвезти в этот район более или менее значительные подкрепления ранее чем через две недели. Подкрепления к Босфору могли бы быть подвезены лишь морем из района Дарданелл. Однако, несмотря на сравнительно небольшое расстояние, перевозка заняла бы все же много времени, так как действиями Черноморского флота почти все турецкие плавучие средства были уничтожены. С другой стороны, в случае нашего нападения на Босфор вряд ли турки решились бы выделить сколько-нибудь значительные подкрепления для Босфора из состава и так уже совершенно слабого гарнизона Дарданелл, ибо в этом случае им пришлось бы считаться с возможностью немедленного нападения наших союзников на Дарданеллы, значительные силы коих находились на Салоникском фронте, в непосредственной близости от Дарданелл.

Вместе с тем укрепления Босфора были очень ослаблены переброской к Дарданеллам части артиллерии и большого количества боевых припасов. Кроме того, агенты нашей тайной разведки, высаживаемые по ночам с миноносцев на турецкий берег, установили, что возведенные в 1915 г. турками полевые укрепления и окопы на местах, удобных для высадки десанта в районе Босфора, никем не заняты и пришли в полное запустение. Выяснилось также, что турки в 1916 г. вообще не ожидали там нашего нападения: русские миноносцы во время частых поисков в райо-

не Босфора приближались вплотную к его берегам, не вызывая даже в лунные ночи со стороны турок ни малейшего противодействия и не возбуждая никакого внимания.

Для полной оценки безнадежности той обстановки, в которой находилась летом 1916 г. оборона Босфора, остается еще указать на состояние немецко-турецкого флота: немецкие крейсера «Гeben» и «Бреслау», составлявшие главные его силы, подорвались на наших минах в Черном море и, находясь в продолжительном капитальном ремонте, не могли бы оказать обороняющим Босфор существенной помощи.

Основываясь на этих неопровержимых и тщательно проверенных данных обстановки, мы, моряки, считали, что для завладения Босфором нет никакой необходимости предпринимать методическую наступательную операцию многочисленной десантной армии с дальнего от него расстояния, как того хотел бы генерал Алексеев. Босфор можно легко занять внезапной высадкой в непосредственной его близости десантного отряда, не превышающего по своему численному составу подъемной способности Черноморской транспортной флотилии.

В связи с этим Морской штаб Верховного главнокомандующего совместно со штабом Черноморского флота разработали подробный план операции внезапного нападения на Босфор, включающий следующие действия: после ночного траления подступов к Босфору транспортная флотилия приближается к берегу и перед рассветом высаживает по обеим сторонам Босфора две дивизии с артиллерией. Место высадки немедленно ограждается сетями, минными заграждениями и дозорными судами по тому же плану, по которому была организована блестяще оправдавшая себя охрана места высадки 5-го корпуса у Трапезунда весной 1916 г., о чем будет сказано ниже. Третья дивизия и тяжелая корпусная артиллерия высаживаются в зависимости от выяснившейся на берегу обстановки после высадки первых двух дивизий; с рассветом судовая артиллерия всего Черноморского флота энергично поддерживает движение высадившихся войск и поражает огнем своей тяжелой артиллерии турецкие береговые батареи, при этом судовая артиллерия нашего флота имеет громадное преимущество, ибо восходящее солнце, прекрасно освещая цели на берегу, совершенно ослепляет турецких наводчиков. По занятии десантом входных батарей флот входит к вечеру в Босфор, а десантные войска при содействии флота ночным штурмом овладевают группой батарей среднего Босфора, после чего проход для флота к Константинополю уже будет свободен. После этого часть транспортной флотилии отправляется за вторым эшелоном десантных войск (две дивизии) в ближайшие пор-

ты Черного моря, каковой мог бы быть доставлен к Босфору уже на четвертый день, т. е. ранее прибытия к Константинополю каких бы то ни было турецких подкреплений. Этот второй эшелон должен был бы совместно с первым занять Константинополь и знаменитую Чатаалджинскую позицию, преграждающую доступ к Константинополю со стороны Балканского полуострова, и этим была бы пресечена всякая связь Турции с ее союзниками.

Таким образом, по плану Морского штаба Верховного главнокомандующего и Черноморского командования для внезапного завладения Босфором было бы достаточно всего пяти дивизий, т. е. в два раза меньше, чем требовалось по оперативным предложениям генерала Алексева.

Весной 1915 г., когда боеспособность Турции не была еще построена, англичанам удалось высадить на прочно занятые свежими турецкими войсками и хорошо подготовленные к обороне берега Дарданелл пять посредственных по своим боевым качествам дивизий. Причем вследствие ряда грубейших ошибок, сделанных нерешительными и неискусными английскими руководителями операции, не была соблюдена внезапность, так что турки этой высадке ожидали во всеоружии. Поэтому не могло быть ни малейшего сомнения в том, что летом 1916 г., когда боеспособность Турции была сведена почти на нет, пяти нашим отборным дивизиям, которые должны были бы по предложению Морского штаба Верховного главнокомандующего быть взяты из состава нашей блестящей Кавказской армии, удастся безо всяких затруднений внезапно высадиться на берег Босфора и быстро занять весь район, обороняемый всего лишь одной малобоеспособной турецкой дивизией, совершенно к тому же не ожидавшей нашего нападения. При этом особенную уверенность в успехе этой операции давало то обстоятельство, что ею будет руководить такой решительный и высокоталантливый вождь, каким был командующий Черноморским флотом адмирал Колчак.

Но несмотря на то, что все данные обстановки были, как выше сказано, особенно благоприятны для внезапного завладения Босфорским районом, несмотря на то, что весной 1916 г. транспортная флотилия в разгар деятельности немецких подводных лодок на Черном море выполнила без всяких потерь и затруднений перевозку и высадку в Трапезунде нашего 5-го кавказского корпуса в составе трех дивизий и этим на деле доказала свою полную подготовленность к такой операции, несмотря, наконец, на то, что правительство неоднократно высказывало в лице Сазонова пожелание о занятии нами Босфора, — а государь был горячим сторонником этого, — генерал Алексеев всем нашим доводам

противопоставлял возражение о рискованности внезапной операции и упорно настаивал на необходимости наступательной операции с участием в ней не менее десяти дивизий, каковых транспортная флотилия поднять не могла и каковые он вообще не считал возможным дать, ибо этим было бы значительно ослаблено наше положение на главном театре военных действий, где подготавливалось к весне 1917 г. наше решительное наступление в Галиции.

Так как можно было предположить, что главной причиной отрицательного отношения генерала Алексеева к Босфорской операции было не столько недоверие к нашим доводам, сколько именно строго догматическая точка зрения в вопросе применения принципа сосредоточения максимальных сил на главном театре военных действий, нами, признаюсь, была сделана «дерзкая» попытка эту точку зрения изменить.

Размышления в связи с моей профессорской деятельностью в Морской академии и всестороннее изучение военной истории привели меня к убеждению, что в некоторых случаях, особенно в больших войнах, где участвуют целые «вооруженные народы», победа может быть достигнута также и решительными операциями на второстепенных театрах войны. Особенно же ясно стала эта мысль выявляться при внимательном изучении той обстановки, в которой велась Первая мировая война.

В широком смысле она была похожа на обстановку при осаде укрепленного района: вооруженные силы Тройственного союза заключены в грандиозном районе, окруженном со всех сторон армиями и морскими силами Антанты, который был особенно силен на главном театре войны в Западной Европе, где были возведены мощные полевые укрепления и сосредоточены главные силы Тройственного союза.

Для атаки же укрепленного района обычно избирается наиболее слабое место, ворвавшись через которое внутрь, атакующий может разрушить ударом в тыл всю систему обороны. Таким слабым для Тройственного союза местом в его «укрепленном районе» была в 1916 г. Турция.

Неопровержимым подтверждением правильности этого заключения служат мнения авторитетнейших руководителей германской вооруженной силы генерала Людендорфа и адмирала Тирпица о том, что завладение Антантой проливами и связанная с этим капитуляция Турции будут иметь неминуемым последствием поражение Германии.

Казалось бы, если германское командование пришло к такому заключению, то к нему должно было бы прийти и наше командование, прояви оно большую широту взглядов и отсутствие предвзятости при оценке обстановки.

К сожалению, это оказалось не так: мысль о несоответствии с обстановкой современных больших войн догматического применения принципа сосредоточения сил и мысль о решающем значении в обстановке Первой мировой войны завладения проливами для нанесения сокрушающего удара изнемогавшей Турции я изложил в июле 1916 г. в докладной записке, которая с полного одобрения начальника Морского штаба Верховного главнокомандующего адмирала Русина была мною доложена генералу Алексееву.

Он меня поверхностно выслушал и приказал передать записку своему alter ego (второму я) — генералу Борисову. Там она без всякой пользы для дела и «погибла», став жертвой узости взглядов Генерального штаба на ведение войны. (Эту отрицательную черту штаба отметил в своих трудах генерал Н.Н. Головин).

В заключение нельзя не отметить, что крушение Германии в Первой мировой войне началось прорывом внутрь «укрепленного района» Тройственного союза именно на второстепенном Солунском фронте, повлекшим за собой капитуляцию Болгарии.

После того как мы исчерпали все доводы в пользу Босфорской операции и так как государь не считал для себя возможным в этом оперативном вопросе — как, впрочем, и во всех вообще оперативных вопросах Верховного командования — воздействовать на начальника штаба, нами было исходатайствовано соизволение государя на формирование в портах Черного моря собственного морского десантного отряда, на что государь, бывший, как мы знаем, горячим сторонником Босфорской операции, охотно дал свое согласие.

Случай этот как нельзя лучше показывает, сколь ненормально было в то время положение в нашем Верховном командовании, раз Верховный главнокомандующий не решился приказать своему начальнику штаба привести в исполнение правильную оперативную идею, а прибегнул для этого к окольным путям, вследствие чего эта идея и не могла быть своевременной, т. е. летом или ранней весной 1916 г., приведена в исполнение.

По повелению государя тотчас же приступили к формированию в Севастополе специальной десантной дивизии, причем государь повелел, чтобы для ее укомплектования по штатам, разработанным Морским штабом Верховного главнокомандующего, отправили из армии достаточное число особо отличившихся в боях офицеров и солдат — георгиевских кавалеров.

Кроме того, в состав десантного отряда должна была еще войти сформированная в портах Балтийского моря так называемая

Балтийская «морская» дивизия, которая для этого была перевезена на побережье Черного моря, а также значительно расширенный в своем составе Гвардейский экипаж.

Государь до самого конца своего верховного командования все время живо интересовался ходом формирования десантной дивизии, а во время «серкля» после завтраков, когда я был в числе приглашенных, всегда подробно меня об этом расспрашивал.

Так как формирование и обучение десантного отряда должно было, даже при крайнем напряжении всех усилий, занять не менее трех-четырех месяцев, а между тем осенние и зимние штормовые погоды на Черном море не допускали и мысли о какой бы то ни было высадке в это время года, мы принуждены были отложить выполнение Босфорской операции на весну 1917 г.

Генерал Алексеев с легкостью согласился на формирование десантной дивизии и не чинил препятствий этой «затее моряков», так как втайне был уверен, что участь войны решится в марте 1917 г. на полях Галиции, т. е. раньше, чем можно будет эту операцию предпринять, и тем самым надобность в ней сама собой отпадет. Но вспыхнувшая в феврале 1917 г. революция разрушила чаяния генерала Алексеева и привела нас к страшному поражению.

Таким образом, по причине отсталости стратегической идеологии нашего сухопутного Генерального штаба, неумения Верховного командования оценить важность Босфорской операции и возможность легко ее осуществить в обстановке 1916 г., а также из-за ненормального положения вещей в самом Верховном командовании эта операция, долженствовавшая иметь решающее влияние на исход войны, не была своевременно приведена в исполнение.

РЕВОЛЮЦИЯ

Единение царя с народом, начавшееся в первые дни войны, продолжалось очень недолго. В связи с нарастающим духовным напряжением, вызванным тяжелым положением на фронтах, постепенно обострялись впечатлительность и недовольство интеллигентных классов общества, что и породило в нем вследствие злосчастного направления нашей внутренней политики оппозиционные течения, перешедшие в конце концов в революционные настроения.

Вместо того чтобы стараться, елико возможно, поддерживать в обществе столь необходимые для успешного хода войны стремления к единению духовных сил народа с его верховным правлением, правительство и главным образом престол своими

деяниями, наоборот, все больше и больше углубляли возникшую вскоре после начала войны между ними пропасть.

Допущенное со стороны престола влияние на управление страной в столь тяжелый период ее истории распутинской клики и борьба верховной власти с Государственной думой, так или иначе олицетворявшей творческие силы страны, к патриотической помощи коих верховная власть не только упорно считала не нужным, но и даже вредным прибегнуть, имели фатальные последствия для будущего России.

Нежелание призвать в столь тяжелый час к содействию власти общественные силы, а наоборот, борьба с ними привели все патриотически настроенное русское общество в крайнее отчаяние, чем и объясняется столь быстрый, можно сказать, молниеносный успех революции.

Много уже было написано о Распутине, и было бы излишним возвращаться к описанию и оценке той трагической роли, которую сыграл он в истории России. Здесь хочу лишь упомянуть о том глубоком влиянии, которое имела «распутиновщина» на умонастроения и духовные переживания личного состава Ставки.

Всем нам, конечно, было известно то положение, которое занял в царской семье этот презренный негодяй, влияние коего на государыню и государя не могли ослабить даже представленные документально-фотографические доказательства его низкого разврата. Мы знали об определенном вмешательстве Распутина и сплоченной вокруг него корыстолюбивой и бесчестной клики в дела управления государством и в назначения на высшие государственные должности. До нас доходили и распространившиеся в 1916 г. в русском обществе слухи о связях распутинской клики с тайными германскими агентами, в связи с чем появились необоснованные обвинения государыни, немки по происхождению, в измене.

В таких условиях упорная защита государыней и государем Распутина и его клики оскорбляла наше национальное достоинство и вызывала среди всех нас, так же как и среди всей патриотически настроенной части русского общества, глубокое возмущение.

Столь велико было тогда это возмущение, что даже теперь, когда все безвозвратно минуло и когда с годами улеглись страсти, оно при воспоминании об этом трагическом прошлом закипает с прежней безмерной силой.

Упорная борьба престола в столь тяжелое для страны военное время с Государственной думой вызывала в нас сильную тревогу за будущее. Хотя, конечно, нельзя отрицать и того, что часть радикально или, вернее, революционно настроенных членов Думы преследовала не патриотическую, а партийную цель — воспользоваться войной для свержения власти. Однако значительное боль-

шинство думцев имело перед собой лишь патриотическую цель: помочь власти добиться победы в войне. Но, видя систематическое нежелание власти прибегнуть в тяжелый час к помощи олицетворяемых Думой творческих сил страны и опасаясь того вредного и растлевающего влияния, которое имела на государственные дела распутинская клика, патриотическое большинство заняло оппозиционное положение, перешедшее после насильственного акта роспуска Думы в начале 1917 г. в справедливое возмущение, которое окончательно оттолкнуло ее, а вместе с ней и все русское общество от престола и правительства.

Мы же в Ставке отдавали себе отчет в том, что в обстановке Первой мировой войны, когда сражалась с врагом не только армия, но и весь народ, успех мог быть достигнут лишь в обстановке полного единения народа с властью и полного использования всех, без исключения, творческих сил страны. Мы ясно сознавали, что в этих условиях несогласие, а тем более открытая борьба власти со страной неминуемо должны привести к катастрофе, поэтому, опасаясь за судьбу дорогого нам отечества, с неодобрением и тревогой относились к внутренней политике верховной власти.

Так как государь горячо любил Россию, упорство, с которым он вел гибельную для нее внутреннюю политику, требует объяснений, чтобы не быть неправильно истолкованным. Не подлежит, конечно, сомнению, что Николай II не питал никаких симпатий к прогрессивным идеям в деле управления государством и не только недоверчиво, но даже враждебно относился к носителям и распространителям этих идей. При своем религиозном мистицизме он твердо верил, что власть ему дана Богом и что его долг состоит в том, чтобы сохранить ее неумаленной. Вследствие этого он отвергал всякие попытки самостоятельности и инициативы общественных сил, видя в этом посягательство на свою власть, и не останавливался перед тем, чтобы вступить с этими силами в борьбу.

Однако при объяснении того крайнего упорства, с которым государь вел эту борьбу, нельзя удовлетвориться лишь ссылкой на его религиозный мистицизм, так же как нельзя искать причину этого упорства в недостатке умственных способностей, ограничивающем его понимание.

Его дед, император Александр II, и особенно его прадед, император Александр I, были не менее, чем он, мистически настроены и не отличались особыми умственными способностями. Однако их пониманию были доступны передовые идеи, и к некоторым из них они прислушивались.

Основная причина такой разницы между ними и императором Николаем II заключалась в разнице воспитания, в различии взглядов среды, в которой они вращались, и в характере влияния на них их близких.

На психологии и идеологии императоров Александра I и Александра II неизгладимый отпечаток оставили их воспитатели швейцарец Лагарп и поэт Жуковский, носители не только передовых, но даже — что касается Лагарпа — революционных идей. Оба императора, и особенно Александр I, окружали себя либерально настроенными людьми и вращались в кругу высокоинтеллигентных личностей.

Будь у императора Николая II в его молодости такие же воспитатели, ему, так же как и им, было бы доступно правильное понимание блага России и он не вел бы с русским обществом такую ожесточенную борьбу, как это было в Первую мировую войну. Но, как известно, императора Николая II не готовили к занятию престола и его воспитание не отличалось от воспитания представителей консервативно настроенного русского дворянства. При этом он вращался исключительно в кругу гвардейских офицеров, среди которых господствовали подчас даже ретроградные понятия о государстве и самодержавной власти.

Излишне здесь доказывать, какое решающее влияние имеет на мировоззрение человека среда, в которой он вращается.

Неоткуда было в психологии императора Николая II зародиться и развиться либеральным взглядам на дело правления государством. Воспитание и среда, в которой он вращался, наоборот, способствовали лишь развитию и укреплению зарождавшихся в нем религиозным мистицизмом ретроградных идей.

Но это еще не все.

Императоры Александр I и Александр II уделяли своим семьям, пожалуй, даже меньше внимания, чем сие полагалось бы. Их супруги не имели на них ни малейшего влияния, да к этому и не стремились, а в дела управления государством не могли даже и думать вмешиваться.

Император же Николай II был весь поглощен, как мы знаем, интересами своей семьи. Государыня же, которую он чрезмерно любил, буквально подавляла его слабую волю, и именно она — больше, чем кто-либо и что-либо, — укрепляла в нем ретроградно-мистическую идеологию, неуклонно требуя, чтобы он, не оставившись ни перед чем, решительно за эту идеологию боролся.

Вот мы и подошли к трагическому вопросу о фатальном влиянии государыни на императора, которое и было главным источником его упорства в ведении пагубной для России внутренней политики.

О том, сколь вредоносны были по своей отсталости взгляды императрицы на дело правления русским государством, каким слепым мистицизмом она была проникнута, сколь безгранично подвержена воле Распутина, к каким утонченным аргументам прибегала, чтобы, пользуясь безмерной любовью к себе государя, заставляя его исполнять ее желания, свидетельствуют с исчерпывающей ясностью ее письма к императору.

Более неопровержимых документов, чем эти письма, для обоснования своих заключений историческая наука дать нам не может. И сознающий свой долг перед наукой, честный и беспристрастный историк не может обойти их молчанием, сколь бы это было не по душе ослепленным сентиментальностью и неспособным подняться на бесстрастный уровень науки читателям.

Хотя имеется целый ряд и других данных для суждения о фатальном влиянии императрицы Александры Федоровны на государя, но из уважения к памяти несчастной женщины, принявшей за свои невольные заблуждения мученический венец, ограничимся здесь лишь теми, которые вписаны в историю ее собственной рукой.

Но тут возникает перед нами непонятный вопрос: как могло случиться, что иностранная принцесса, родившаяся в культурной западноевропейской среде и воспитанная при английском дворе в духе позитивизма и реализма, подпала под безграничное влияние некультурного мужика, очутилась во мраке мистицизма и стала исповедовать столь отсталые взгляды на государственное правление?

Распространенное объяснение непостижимой приверженности государыни к Распутину одним лишь тем, что он обладал способностью останавливать припадки гемофилии у наследника, далеко не убедительны. Если он такой способностью обладал, то при нормальном отношении к вещам достаточно было бы царского повеления, чтобы у него — как вообще у всякого врача — «купить» эту способность за деньги, не вознося, как это делала государыня и внушала в своих письмах государю, такого полуграмотного мужика на степень «лучшего и вернейшего друга» царской семьи, каковым она его считала.

Объяснение такой непостижимой аберрации мышления императрицы можно, по моему глубокому убеждению, найти лишь в изречении «здоровый дух — в здоровом теле». Государыня, вне всякого сомнения, не была вполне здорова: она носила в себе зародыши таинственной и страшной болезни — гемофилии, являющейся следствием нарушения физиологического равновесия в организме или, говоря медицинским языком, следствием нарушения функций системы внутренней секреции.

Между тем современная психофизиология пришла к заключению, что всякое нарушение функций внутренней секреции неминуемо вызывает определенные нарушения в психике, выражающиеся в различных формах истерии и психозов, которые, особенно у женщин, часто проявляются в религиозном мистицизме и экзальтации. Психозы же эти, подчиняя себе работу мысли, лишают ее свободы и приводят к ее аберрации. Таким образом, умозаключения по всем вопросам принимаются с точки зрения этих психозов. Ретроградные взгляды государыни на правление государством и превратные суждения о людях именно и объясняются аберрацией ее мышления под влиянием экзальтированного мистического настроения, коему эти взгляды и суждения полностью отвечали и из коего они прямо вытекали. Этим также объясняется и то безграничное влияние, которое приобрел на нее Распутин.

Известно, что многие женщины с болезненной психикой склонны чрезмерно восторгаться людьми, обладающими свойствами особенно действовать на их эмоции. Распутин же был постоянно окружен разными экзальтированными, мистически настроенными и неуравновешенными женщинами, на которых именно и действовала в наивысшей степени власть этого отвратительного мужика.

Исходя из всего этого, заблуждения государыни в ее суждениях и чувствах следует приписать болезненному состоянию ее психики. Только при таком объяснении заблуждения эти могут быть названы невольными, и только такое, а никакое иное объяснение может дать истории право снять с ее памяти бремя ответственности за тот вред, который она своими заблуждениями причинила России.

Но, как бы то ни было, эти заблуждения, постоянно и упорно внушаемые государыней государю, воля которого была слепой любовью к ней совсем подавлена и который сам был склонен к мистицизму, привели к небывалому унижению престола в глазах всего света, к глубокому оскорблению чувства национального достоинства всего русского общества и к упорной борьбе власти с творческими силами страны в тяжелый час войны.

Прямым же последствием этого было безграничное возмущение русского общества и полное отчуждение страны от власти и престола, в результате чего государь в критическую, последнюю минуту своего царствования оказался совершенно одиноким и решительно никто его не поддержал.

Английская и Французская революции, жертвами коих пали Карл I и Людовик XVI, ясно показали, к каким трагическим последствиям приводит борьба монархов с народным представи-

тельством. Зная, конечно, это, генерал Алексеев с глубокой тревогой за будущее взирал на упорную борьбу престола с нашей общественностью, усугубляемую всеобщим возмущением «распутиновщиной». Но, как известно, все его старания добиться от государя изменения пагубного направления его внутренней политики остались тщетными.

Осенью 1916 г., после назначения в сентябре на пост министра внутренних дел А.Д. Протопопова⁵⁶, отношения между Думой и правительством стали все более и более обостряться. О Протопопове было известно, что он психически не вполне нормален и, во всяком случае, крайне неуравновешен. Несмотря на то что он сам был членом Думы, Протопопов повел такую ретроградную и беспорядочную внутреннюю политику, что вскоре вызвал резкие протесты Думы, которая потребовала от правительства его смены.

Кроме того, стало известно, что в Стокгольме он вошел в связь с немецким послом и вел с ним какие-то переговоры. Так как он пользовался особым доверием государыни и был преданным исполнителем ее предначертаний, это дало еще большее обоснование молве о том, что измена свила себе гнездо на ступенях самого престола, и эта страшная молва нашла отголосок на кафедре Государственной думы. О том, какое это имело ужасное влияние на настроение общества и на его отношение к престолу, и говорить нечего.

В конце концов пагубная деятельность Протопопова привела к тому, что на его личности как бы поляризовалась вся борьба между престолом и русским обществом, возглавляемым Думой.

И несмотря на увещевания ряда авторитетнейших государственных деятелей, несмотря на письменные обращения к нему членов императорской фамилии — великих князей, в которых они предостерегали его, что доверие, оказываемое им недостойным людям, неминуемо приведет Россию и династию к гибели, государь, поддерживаемый государыней, оставался непреклонным и ни с Протопоповым, ни с Распутиным расстаться не хотел.

Как раз в разгар этой борьбы, в ноябре, генерал Алексеев тяжело заболел. Главной причиной его болезни было крайнее переутомление, но нет сомнения в том, что этому немало способствовало сознание своего бессилия повлиять на государя и опасения за исход войны.

Генералу Алексееву врачи предписали продолжительный отдых на юге. По его совету для временного исполнения обязанностей начальника штаба Верховного главнокомандующего государь призвал генерала В.И. Гурко⁵⁷.

Служебное положение, которое занимал генерал Гурко, не предназначало его для занятия столь высокого поста, ибо он был младше всех главнокомандующих фронтами и многих команду-

ющих армиями. Но о нем было известно, что он очень решителен, тверд характером и либерально настроен. Видимо, именно эти его свойства заставили остановить на нем выбор генерала Алексеева, потерявшего надежду сломить упорство государя.

О чем они говорили с глазу на глаз при передаче должности, останется навсегда тайной, которую оба унесли с собой в могилу. Но факт тот, что с его назначением распространились слухи, что он, если ему не удастся повлиять на государя, примет против него какие-то решительные меры.

Однако проходили дни за днями, во время которых борьба престола с общественностью все более и более ожесточалась, и чувствовалось, что приближается развязка, а никакого влияния генерала Гурко на ход событий не было заметно, так что вернувшийся через полтора месяца к своим обязанностям генерал Алексеев застал все в еще худшем положении.

Были ли тому причиной справедливые опасения генерала Гурко, что какое бы то ни было насильственное действие над личностью царя даст последний толчок назревшему уже до крайней степени революционному настроению, или его в последнюю минуту остановило не изжитое еще традиционное верноподданническое чувство, или, наконец, быть может, слухи о его намерениях были лишь плодом вымысла приведенных в отчаяние и опасаящихся за судьбу своей родины людей — трудно сказать. Но во всяком случае надежды, возлагавшиеся на него в Ставке, ни в малейшей степени не оправдались.

Вскоре после отъезда генерала Алексеева на юг произошло знаменитое выступление в Думе В.М. Пуришкевича⁵⁸. В громовой речи он открыто заявил о том, что народное негодование, вызванное влиянием Распутина на государственные дела, грозит революцией и что престол не смеет допускать, чтобы через его посредство страной правил этот гнусный мужик.

Такое выступление крайне правого монархиста имело потрясающий отклик во всей России, ибо полностью подтвердило слухи о трагическом положении в деле правления страной. Нельзя также отрицать, что оно нанесло жесточайший удар престолу и окончательно отдалило от него всю страну. Однако, исходя от преданного престолу человека, это выступление вместе с тем показало, до какой крайней степени дошло негодование всех честных русских патриотов, любящих свою родину.

17 декабря Распутин был убит. Всеобщее ликование, вызванное этим событием, яснее всего свидетельствует о том, до какой степени переполнилась чаша долготерпения и гнева народного: незнакомые люди, передавая на улице эту весть, бросались с радостью друг другу в объятия!

Казалось бы, что это, так сказать, всенародное выражение протеста должно было наконец открыть глаза на пагубность политики престола и вызвать коренное ее изменение. Однако этого не произошло: государыня, похоронив Распутина в дворцовом парке и причислив его к лику святых, ежедневно молилась на его могиле, а государь еще более твердо и неуклонно продолжал поддерживать Протопопова и его деяния.

Донесения охранного отделения о состоянии умов в стране становились все более и более тревожными, определенно указывая на приближение революции. Ничто уже не могло остановить фатального хода событий. В души людей вселилось чувство безнадежности, и у всех опустились руки.

При таких условиях революция, конечно, была неминуема.

В двадцатых числах февраля в Ставку начали поступать донесения из Петрограда о волнениях из-за недостатка хлеба и о циркулирующих в связи с этим среди населения зловердных слухах. 25-го начались волнения и забастовки на заводах, а 26-го были получены тревожные сведения о массовом выступлении рабочих, к которым присоединились большие толпы населения. При этом из донесений о ходе беспорядков было видно, что полиция и жандармерия с трудом с ними справляются и что потребуется прибегнуть к содействию войск.

Это последнее известие нас в Ставке крайне встревожило. Мы знали, что в Петрограде нет ни одной прочной кадровой войсковой части и что гарнизон его состоит из одного казачьего второчередного полка и из запасных батальонов гвардейских полков, которые укомплектованы запасными нижними чинами старших сроков службы под командованием весьма немногочисленных офицеров запаса, а потому не могут считаться надежными войсковыми частями. И действительно, вскоре затем пришло донесение, что при попытке употребить запасные батальоны они взбунтовались и перешли на сторону демонстрантов.

Из поступивших в ночь на 27 февраля сбивчивых, но крайне тревожных донесений явствовало, что революционная толпа с присоединившимися к ней запасными батальонами смяла полицию и жандармерию, завладела большей частью столицы и осаждает здание Главного Адмиралтейства, где находился главнокомандующий войсками Петрограда генерал С.С. Хабалов⁵⁹ с несколькими ротами военных училищ. Правительство же и все правительственные органы перестали действовать, а некоторые члены правительства разыскиваются толпой в целях их ареста. Одним словом, стало ясно, что в столице началась революционная анархия.

27 февраля я был приглашен на завтрак к царскому столу. С глубокой тревогой в душе пошел я на этот завтрак, который должен был быть последним завтраком императора Николая II с приглашенными к его столу гостями.

Зайдя по дороге в управление генерал-квартирмейстера, я узнал, что рано утром от председателя Государственной думы Родзянко была получена срочная телеграмма, в которой он, излагая критическое положение в столице, умолял государя согласиться на образование правительства из пользующихся общественным доверием лиц, считая это единственным выходом из положения для спасения страны.

Телеграмму принес лично государю тяжелобольной генерал Алексеев, у которого была высокая температура. Но государь своего согласия не дал, и это был последний акт его правления, которым он положил конец своей династии и монархии в России...

Завтрак проходил в обычном порядке, но в полном молчании и в скрываемом всеми тревожном настроении. Государь, по правую руку которого сидел генерал Иванов, был бледнее обыкновенного и ни с кем не разговаривал. После завтрака он сейчас же ушел к себе в кабинет в сопровождении генерала Иванова. «Серкля» не было.

Когда я спускался по лестнице, меня догнал дворцовый комендант генерал Воейков, который, как обычно, выглядел самоуверенно и самодовольно. Тут же на лестнице он задал мне вопрос: «Можем ли мы гарантировать безопасность царской семьи в Ливадии?» Дело в том, что в связи с событиями в Петрограде, по совету Воейкова, возникло намерение перевезти императорскую семью из Царского Села в Крым, если это позволит состояние заболевших корью царских детей. Ливадийский же дворец находился на самом берегу Черного моря, и вопрос Воейкова относился к безопасности от неприятельского обстрела со стороны моря.

Я ему ответил, что за безопасность от врага внешнего мы ручаемся, но за безопасность от врага внутреннего — нет. На это Воейков небрежно махнул рукой, сказав: «Пустяки — с этим мы справимся».

Вернувшись к себе в управление, я застал в кабинете сильно взволнованных Базили и Ладыженского, которые, зная, что морское управление соединено прямым проводом с Главным Адмиралтейством, где находился главнокомандующий войсками Петрограда генерал Хабалов, пришли узнать о положении. Вскоре пришел к нам после разговора с государем и генерал Иванов с целью связаться с генералом Хабаловым.

От генерала Иванова мы узнали, что государь повелел ему с горгиевским батальоном охраны Ставки немедленно отправить-

ся в Петроград и, присоединив к себе по пути части Царскосельского гарнизона, восстановить в столице порядок. Мы буквально пришли в ужас от такого непонимания размеров происходящей катастрофы: послать этого ветхого старца с горстью, хотя бы и георгиевских, солдат против десятков тысяч вооруженных и доведенных до иступления революционеров было сущим безумием. Это было равносильно попытке потушить извержение вулкана стаканом воды.

Наши общие старания убедить генерала Иванова в том, что при создавшемся в Петрограде положении необходима для водворения порядка по меньшей мере целая боевая дивизия с артиллерией и что с одним или даже несколькими батальонами его миссия неминуемо кончится катастрофой, не имели успеха. Он отмалчивался, уверенный в успехе. Вспоминая свою роль усмирителя солдатских бунтов в Сибири после войны с Японией, он, видимо, решил, что и на этот раз ему удастся стяжать себе в глазах государя славу спасителя Отечества.

Переговорить с Хабаловым Иванову так и не удалось, ибо связь оказалась прерванной, да и само командование генерала Хабалова было уже в это время ликвидировано.

Дальнейшее известно: выехав в тот же вечер из Ставки с георгиевским батальоном, он был остановлен в Царском Селе перешедшим на сторону революции Царскосельским гарнизоном, а георгиевский батальон разоружен.

Опасаясь за свою семью, император Николай II 28 февраля выехал из Ставки в Царское Село. Многие ставят ему в вину, что в такой критический момент жизни государства в нем взяли верх чувства любвеобильного семьянина над чувством монаршего долга, которое требовало от него оставаться в Ставке для личного руководства борьбой с революцией, тем более что он оставлял верховное командование в руках тяжело больного, морально подавленного генерала Алексева. Кроме того, отправляясь в Царское Село, государь сам подвергался опасности захвата революционерами.

Но нельзя закрывать глаза на то, что, если бы революционеры захватили в Царском Селе всю царскую семью с царицей и наследником и обратили бы их в своих заложников, государь, оставаясь в Ставке, неминуемо бы также покорился их требованиям. К тому же, учитывая ненормальное положение, сложившееся в Верховном командовании, где все было в руках начальника штаба, можно с уверенностью сказать, что, останься государь в Ставке, ход событий от этого не изменился бы.

Правильнее было бы заблаговременно перевезти, хотя бы на автомобилях, царскую семью из Царского Села в Ставку, но как раз

в это время все царские дети лежали больные корью, а события развивались с такой быстротой, что просто не хватило времени, чтобы, убедившись в безвыходности положения, привести немедленно в исполнение эту меру, рискуя при этом здоровьем детей.

В этот критический час злой рок тяготел над государем: больные дети вдали в объятиях революции и тяжело больной генерал Алексеев в Ставке; и нельзя поставить ему в вину, что общечеловеческое чувство неудержимо повлекло его к находящейся в такой страшной опасности семье.

Когда царский поезд покинул Ставку, в Петрограде больше не существовало никакой царской правительственной власти и столица уже полностью находилась во власти революционеров; министры арестованы, а из членов Государственной думы образовано Временное правительство, первой задачей которого было не пропустить царя и эшелон с войсками в район Петрограда. Для этого был образован в Петрограде Всероссийский исполнительный комитет железных дорог — знаменитый Викжель, сыгравший столь решающую роль в успехе революции, которому немедленно и безоговорочно подчинились все железные дороги Петроградского узла. Этому комитету и поручили остановить движение царского поезда к Царскому Селу, гарнизон которого, состоявший из наиболее преданных государю гвардейских частей, еще не весь перешел на сторону революции.

Не доехав 200 км до Царского Села, царский поезд был остановлен на станции Дно, и все попытки его пройти окольными путями оказались тщетными.

Кто поймет глубину той трагедии, которую должен был в эту минуту пережить в своей душе считавший себя за час перед тем всемогущим монарх, лишенный теперь возможности прийти на помощь своей находящейся в смертельной опасности семье?!

Потеряв надежду достигнуть Царского Села, государь направился в Псков, где находилась штаб-квартира главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала Рузского.

Этот болезненный, слабовольный и всегда мрачно настроенный генерал нарисовал государю самую безотрадную картину положения в столице и выразил опасение за дух войск своего фронта по причине его близости к охваченной революцией столице.

Правда, в дальнейшем оказалось, что чем ближе были войсковые части от революционного центра в столице, тем хуже был их дух и дисциплина. Во всяком случае, 1 марта войска Северо-Западного фронта находились еще не в таком состоянии, чтобы нельзя было бы сформировать из них вполне надежную крупную боевую часть, если и не для завладения столицей, то хотя бы для занятия Царского Села и вывоза царской семьи.

Но у генерала Рузского, как и у большинства высших начальников, опустили руки под влиянием пагубной для России по-

литики престола, и от него нельзя было ожидать энергичных и решительных мероприятий для борьбы с революцией, тем более что вскоре после прибытия государя в Псков было получено требование Временного правительства об его отречении от престола во имя спасения России и безопасности царской семьи.

Нельзя при этом также забывать, что всякое насильственное мероприятие против столицы действительно отразилось бы на положении царской семьи в Царском Селе, тем более что Временное правительство и без того уже не могло справиться с разбушевавшейся чернью. Поэтому государь и сам бы на насильственные меры против столицы не согласился.

Прежде чем решиться на отречение, которое ему советовал и генерал Рузский, Николай II через посредство Ставки запросил мнение об этом всех остальных главнокомандующих фронтами. И тут-то он впервые постиг всю глубину той пропасти, которую своим упорным отказом пойти навстречу справедливым желаниям и мольбам страны сам создал между собой и ею: все главнокомандующие, не исключая великого князя Николая Николаевича, ответили, что во имя спасения Отечества считают необходимым его отречение. Передавая эти их ответы государю в Псков, к ним присоединился и начальник штаба генерал Алексеев.

Отвергнутый страной, покинутый армией, которую он так любил, отчужденный от своей семьи, император Николай II остался один — не на кого ему было больше опереться, не на что больше надеяться. И он во имя блага России отказался от престола.

Ту же горькую чашу испил сто с лишним лет назад Наполеон, когда он, упорно не желая пойти навстречу требованиям страны, жаждавшей мира и конца кровопролитных войн, был покинут своими маршалами и принужден отречься от престола.

Подписав 2 марта акт отречения, государь отправился в Ставку, где должен был ожидать прибытия депутатов Временного правительства, которые будут его сопровождать в заточение в Царское Село к его семье.

Развивавшиеся с невероятной быстротой фатальные события нам в Ставке просто не дали времени прийти в себя: кружилась голова, точно почва уходила из-под ног, будущее мнилось чреватым страшными последствиями и никому не было легко на душе.

3 марта, ранним туманным утром, направляясь в управление генерал-квартирмейстера, я столкнулся в воротах сквера губернаторского дома с каким-то человеком в штатском пальто и нахлобученной на глаза барашковой шапке. Со страхом озираясь кругом, он спросил меня: «Правда меня так не узнают?» То был Воейков, который четыре дня перед тем с высоты своего величия нагло смотрел на ход грозных событий, а теперь, перепуганный, бежал первым, покидая облагодетельствовавшего его государя.

Один за другим покидали Царское Село близкие царской семье и благодетельствованные ею люди. Мало, очень мало кто остался ей верен, ибо редко кому в этом печальном мире свойственно душевное благородство и неизмерима глубина человеческой низости.

Вечером 7 марта мы получили потрясающий, если в него вдуматься, циркуляр: «Бывший Верховный главнокомандующий простится завтра в 11 часов утра в управлении дежурного генерала с желающими чинами штаба».

Утром в большом зале управления дежурного генерала собрались почти все чины штаба Ставки; мало кто имел низость не прийти. Зал был переполнен, и в середине оставалось лишь небольшое свободное пространство. Стояла мертвая тишина. Все были подавлены величием несчастья, последний акт которого должен был тут свершиться.

Ровно в 11 часов послышались ответы стоявших на лестнице казаков (царского конвоя), с которыми в последний раз здоровался государь. В дверях при входе государя в зал два молодых офицера конвоя упали в обморок.

Государь вошел в свободное пространство зала один; он был страшно бледен и несколько мгновений не мог начать говорить. Наконец, справившись со своим волнением, он тихо, но ясно произнес: «Для блага любимой мною родины я отрекся от престола. Прошу вас служить так же верно России и Временному правительству, как служили при мне... прощайте...» Спазма сдавила горло, и он поднес к нему руку. Со всех сторон раздались рыдания. Государь повернулся, пожал некоторым из ближе стоящих руки и, сокрушенный, с поникшей головой, ушел.

Кончился многовековой период русской истории, во время которого Романовы создали Великую Русскую Империю. И в этот до гроба незабываемый час все мы поняли безмерную глубину горя последнего из них, невольно способствовавшего гибели любимой им России, ибо над ним тяготел неумолимый рок: этого в душе мягкого человека и добропорядочного семьянина судьба не наградила свойствами, необходимыми для управления великой страной, бремя коего пало на его слабые и неподготовленные к тому плечи. Глубоко верующий, он всеми силами ревниво охранял, по его глубокому убеждению, самим Богом данную ему власть и искренно думал, что именно в этом и зиждется благо любимой им России, ибо не умел думать иначе... И за это после безмерных унижений, перенесенных с истинно святым смирением, принял мученический венец.

Теперь тут и возникает тревожный вопрос: сделало ли Верховное командование в лице генерала Алексева и его сотрудников все, что было необходимо и возможно для предотвращения ката-

строфы, которая принесла России столько бедствий и страданий, а всему человечеству столько лишений и тревог за будущее?

Для правильного и объективного ответа нужно прежде всего иметь в виду, что события революционного движения развивались с необыкновенной, можно сказать, молниеносной быстротой. Успеху революции, без сомнения, способствовало не столько утомление войной, сколько крайнее негодование политикой престола и правительства народных масс, видевших только в революции выход из созданного этой политикой безнадежного положения.

Конечно, с того момента, как революционными силами удалось окончательно сломить в столице сопротивление органов правительственной власти, а особенно с того момента, как железные дороги подчинились революционному комитету Викжеля, ничего предпринять в Петрограде было уже невозможно. Это и показала неудавшаяся попытка генерала Иванова с георгиевскими батальонами.

Возможно было бы еще спасти положение принятием энергичных мер в самые первые дни революционного движения, т. е. 25 и 26 февраля. Но для этого Верховное командование и главнокомандование Северо-Западного фронта должны были находиться в руках прозорливых, смелых и решительных боевых начальников, каковыми ни генерал Алексеев, ни тем более генерал Рузский не являлись. К тому же генерал Алексеев как раз в этот критический момент оказался тяжело болен. Кроме того, в эти первые дни революции петроградские власти посылали в Ставку успокоительные донесения и заверения, что справятся с беспорядками собственными силами.

В той обстановке, в какой началась и развивалась революция, остановить ее было нельзя. Возможно, это смог бы сделать великий князь Николай Николаевич, останься он во главе Верховного командования, но при нем революция, наверное, и не началась бы.

Так почему же не были своевременно предприняты меры для предотвращения начала революционного движения в столице и в случае необходимости для успешной борьбы с ним?

Верховное командование, даже при поверхностном знании истории, должно было отдавать себе отчет в том, что революционные движения во время войны явление нередкое и что они всегда начинаются именно в столицах. Поэтому следует своевременно предпринимать надежные меры для обеспечения порядка. Особенно же это стало необходимым, когда все, в том числе и Верховное командование, поняли, что направление нашей внутренней политики способствует развитию революционного настроения в народных массах.

По закону на Верховном командовании лежит долг принять все меры для успешного исхода войны. Революционное движение неминуемо должно было бы иметь отрицательное влияние на этот исход. И этого Верховное командование не могло не знать. Поэтому, раз оно было не в состоянии изменить пагубное направление нашей

политики, его прямой долг заключался в том, чтобы, никак не поддаваясь каким-либо чувствам и политическим соображениям, неукоснительно принять со своей стороны самые решительные и продуманные меры для обеспечения порядка в столице.

Как же оно этот свой долг исполнило?

Верховное командование, несомненно, знало о нарастании революционного настроения в столице. В тревожных донесениях охранного отделения прямо говорилось о том, что близится революция.

Правда, министр внутренних дел Протопопов уверял, что он с одной лишь столичной полицией и жандармерией справится со всякими беспорядками, но генерал Алексеев, прекрасно зная, неуравновешенность и крайнюю ретроградность взглядов Протопопова, ни в коем случае не смел положиться на его заверения. Именно потому, что высшая гражданская власть в столице была в руках этого полусумасшедшего и всеми ненавидимого человека, он должен был принять решительные меры для обеспечения порядка в столице.

О том, что генерал Алексеев это сознавал, видно из того, что незадолго до начала революции столица и прилегающий к ней район были выделены в особую область, во главе которой поставлен главноначальствующий генерал. Однако на эту ответственную в данных обстоятельствах должность был назначен никому не известный и ничем себя не зарекомендовавший заурядный генерал Хабалов, который, вероятно, из карьерных соображений не решался докучать Ставке какими-либо своими требованиями и довольствовался тем, что имел.

Между тем подведомственный ему гарнизон столицы состоял лишь из запасных батальонов гвардейских полков, казачьего второочередного полка и нескольких сот юнкеров и курсантов разных военных училищ и курсов.

В 1916 г. запасные батальоны были укомплектованы главным образом солдатами старых сроков службы, семейными, давно уже потерявшими понятие о воинской дисциплине, которые сами были чрезвычайно благоприятным «материалом» для возбуждения, а никак не для усмирения беспорядков. При этом почти все офицеры этих батальонов, призванные также из запаса, принадлежали к радикально и даже революционно настроенным слоям русского общества. Именно они и увлекли в критический момент запасные батальоны на сторону революции, обеспечив ей успех.

Во второочередных казачьих частях положение было немногим лучше.

Таким образом, в распоряжении генерала Хабалова для подкрепления в случае надобности столичной полиции не было никаких других надежных боевых частей, кроме нескольких сот юнкеров и курсантов.

Как же случилось, что Верховное командование не позаботилось назначить в состав гарнизона столицы достаточное число надежных кадровых войсковых частей?

В Ставке знали, что государь высказывал генералу Алексееву пожелание об усилении Петроградского гарнизона войсковыми частями из гвардейского корпуса, бывшего на фронте. Но, как всегда, раз вверив генералу Алексееву верховное оперативное руководство, государь не считал возможным настаивать на своем пожелании. На этом энергично настаивал командир гвардейского корпуса генерал Безобразов во время одного из своих приездов в Ставку незадолго до начала революции. Но генерал Алексеев отверг это требование, ссылаясь на успокоительные заверения петроградских властей и на то, что в Петрограде все казармы заняты запасными батальонами, так что негде будет разместить, особенно в зимнее время, воинские части, посылаемые с фронта для усиления гарнизона столицы.

Ссылка на переполненные казармы, когда речь шла о столь важном вопросе, как усиление столичного гарнизона, не может рассматриваться иначе как совершенно несостоятельная отговорка. Мало ли в Петрограде разных других помещений, в которых можно разместить войска. В крайнем случае «уплотнили» бы население, которое до сих пор ни в какой мере не испытывало на себе неудобства войны.

Какова же действительная причина такой непредусмотрительности генерала Алексеева в столь важном вопросе усиления гарнизона столицы? Возможно, она обуславливалась тем, что он с отвращением относился ко всем вопросам, связанным с внутренней политикой, и предпочитал искать решения в сфере знакомого ему дела — на фронте.

Генерал Алексеев уже давно готовил, как мы знаем, к весне 1917 г. прорыв неприятельского фронта, который должен был бы принести нам окончательную победу. Он лично разработал во всех деталях план этого прорыва и определил каждой воинской части ее задачу в этой операции. Особенно же важная и ответственная роль отводилась гвардии, которую именно для этого и сосредоточили в соответствующем районе Юго-Западного фронта, далеко от столицы.

Прорыв планировался на март, как только наступит благоприятная погода. И отказываясь посылать в Петроград части, предназначенные для участия во фронтовой операции, генерал Алексеев руководствовался теми же соображениями, что и при отказе дать войска для Босфорской операции, питая надежду, что мы достигнем победы раньше, чем вспыхнет революция.

Увы, обладая выдающимся дарованием, генерал Алексеев не предусмотрел столь очевидной опасности, как революция, которая угрожала его оперативному замыслу, и не принял против этого соответствующих мер, что значительно умаляет его полководческие способности и лежит на его ответственности.

Часть III

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ ПРИ ВРЕМЕННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ХАОС. А.Ф. КЕРЕНСКИЙ

Несмотря на то, что за годы войны, предшествовавшие революции, кадры нашей армии сильно поредели и войска, пополненные значительным числом запасных старших сроков службы, больше походили по своему характеру на милицию, нежели на регулярную армию, — что, впрочем, к этому времени имело место во всех воюющих государствах — и несмотря на то, что революционная пропаганда вопреки принятым строгим мерам все же проникала на фронт, настроение войск на фронте непосредственно перед революцией было вполне удовлетворительно, дисциплина достаточно крепка и у командного состава не было сомнения в том, что войска мужественно и без всяких колебаний исполнят любую оперативную задачу.

Но стяжавший себе столь печальную славу «приказ № 1» Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов, освободивший войска от подчинения своим начальникам и в корне нарушивший самые основы воинской дисциплины, имел катастрофическое влияние на боеспособность армии. Переданный по беспроволочному телеграфу, он в один момент стал известен по всему фронту и мгновенно уничтожил в войсках дисциплину, послушность начальникам и сознание воинского долга.

В воинских частях образовались солдатские комитеты, присвоившие себе право критики и утверждения не только административных, но и оперативных распоряжений командного состава. Началось преследование солдатами офицеров, не пользовавшихся их симпатиями. В некоторых случаях это сопровождалось на-

силиями и даже убийствами. Быстро распространившиеся слухи о разделе помещичьих и казенных земель между крестьянами побудили солдат покидать фронт, чтобы «не опоздать» к этому разделу. Под влиянием злонамеренной пропаганды во многих местах фронта началось братание с противником. В мгновение ока развернулась во всем своем трагизме картина позорного развала военной мощи великой империи.

Злейший враг России не мог бы придумать более действенного способа для моментального уничтожения ее военной мощи, чем тот, который придумали составители «приказа № 1». При этом особо знаменательно то, что он был первым и последним — никаких других «приказов» за ним не последовало, из чего нельзя не заключить, что единственной целью его авторов было именно желание уничтожить одним ударом русскую военную силу, а это, несомненно, было им внушено врагами России и русского народа. Позора этого изменнического деяния ничем и никогда не смогут с себя его авторы.

Дабы не задерживать процесс быстрого развала нашей армии, немецким войскам на фронте было приказано ни в коем случае не предпринимать никаких операций, а всеми силами стремиться ускорить этот развал путем братания, пропаганды о мире и даже подкупа.

Тут, конечно, не может не возникнуть вопрос: по каким причинам процесс распада нашей армии имел такой поистине молниеносный характер.

Конечно, большое влияние оказало всеобщее утомление затянувшейся войной. Однако, несмотря на это, армии других участвовавших в войне стран не утратили своей боеспособности, ибо случавшиеся вспышки неповиновения, как сие имело место, например, во Франции, в корне подавлялись решительными мерами твердой правительственной власти.

Кроме того, на быстроту распада нашей вооруженной силы повлияло слабо выраженное в народных массах, а следовательно, и в войсках сознание своего патриотического долга в широком смысле этого понятия, что является результатом недостаточной степени просвещения и гражданского самосознания.

Наконец — а это, быть может, и есть самое главное — не только рядовыми офицерами, но и высшими начальниками овладел с начала революции как бы полный «паралич воли», из-за чего командный состав в своем большинстве не проявил достаточной энергии для борьбы с революционным развалом в армии. Явление это возможно отчасти объяснить тем, что к началу революции основная часть кадровых офицеров выбыла уже из строя, а призванные из запаса принадлежали в большинстве случаев к слоям

русского общества, наиболее подверженным влияниям революционных идей и обладавшим значительно меньшей «воинской» стойкостью, чем кадровые офицеры. Что же касается высшего командного состава, то этот «паралич воли» перед революцией можно объяснить единственно надеждой, что революция выведет Россию из того безнадежного состояния, в которое ее привела губительная внутренняя политика престола. Но как бы то ни было, этот всеобщий «паралич воли» наиболее ярко выразался в душевном состоянии нашей армии в начале революции, являясь одной из главных причин столь быстрого процесса потери ею боеспособности.

Когда же после первых дней «революционного угара» стало ясно, что революция приведет Россию к еще худшим последствиям, чем политика престола, командный состав спохватился, но поздно — остановить процесс распада армии было уже невозможно.

При том состоянии, в каком оказалась русская армия после прихода к власти Временного правительства, не могло быть и речи о каких бы то ни было активных боевых операциях. Вся деятельность командного состава была направлена на то, чтобы елико возможно задержать распад армии и удержать солдат на фронте. Но тут командный состав столкнулся с противодействием советов солдатских и рабочих депутатов, преодолеть которое он оказался не в состоянии. Рассчитывать же на поддержку правительства, которое само было поглощено борьбой с демагогической деятельностью Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов и в этой борьбе постоянно вынуждено было делать уступки демагогам, он не мог.

При таких условиях оперативная работа Верховного командования прекратилась и вся его деятельность сосредоточилась на том, чтобы убедить Временное правительство в необходимости поддержать командный состав в деле восстановления дисциплины в войсках и в связи с этим ограничить демагогическую деятельность советов солдатских и рабочих депутатов. Однако все старания Верховного командования в этом направлении оказались безуспешными. Да это было и неудивительно, ибо Верховное командование потеряло после революции свой авторитет. Так же как и большая часть командного состава, Ставка капитулировала перед революцией, и воля ее также была парализована.

Как уже отмечалось, личный состав Ставки, не представляя собой сплоченного единой волей и мыслью тела, не был способен

вступить в борьбу с революцией, как это, несомненно, сделал бы личный состав Ставки великого князя Николая Николаевича, который решительно повел бы эту борьбу до конца.

Вместо того чтобы вступить в борьбу с революцией, личный состав Ставки надел красные банты и под предводительством начальника штаба покорно отправился на загородное поле у Могилева для участия вместе с населением в манифестации по прославлению торжества революции, организованной Могилевским советом солдатских и рабочих депутатов, который был образован неизвестно откуда взявшимся подпрапорщиком еврейского происхождения и какими-то полуинтеллигентными демагогическими «орателями».

И с той поры начался «крестный путь» Ставки. Все ходили как потерянные, подавленные сознанием полного бессилия. Почва под ногами уходила, не на что было опереться.

В связи с провозглашенным Временным правительством правом синдикального объединения даже в армии и на флоте — чем как бы легализировалось существование советов солдатских и рабочих депутатов — в Ставке была сделана попытка образовать по примеру Петрограда объединение офицеров, но оно вскоре после своего учреждения распалось.

Немало способствовало падению авторитета Ставки и то обстоятельство, что за пять месяцев существования Временного правительства на посту Верховного главнокомандующего сменилось пять лиц: генералы М.В. Алексеев, А.А. Брусилов, Л.Г. Корнилов⁶⁰, Н.Н. Духонин⁶¹ и даже адвокат по профессии А.Ф. Керенский⁶².

Из этих пяти Верховных главнокомандующих один лишь Корнилов сделал, как известно, попытку вступить в борьбу с революцией, закончившуюся неудачей и заточением его в Быхове. Генерал Алексеев, обессиленный болезнью, переживал душевный слом и, не имея сил для борьбы, вскоре ушел с поста Верховного главнокомандующего. Генерал Брусилов и, конечно, Керенский вели на этом посту политику революционного характера, стараясь добиться недостижимого компромисса с советами солдатских и рабочих депутатов. Генерал же Духонин, назначенный перед самым концом Ставки, когда процесс развала вооруженной силы, в сущности, уже закончился, оказался бессилем что-либо сделать и, как агнец, был принесен в жертву революции.

Особенно же способствовало падению авторитета Ставки то, что она тотчас же после революции превратилась в настоящий проходной двор. Со всех сторон хлынули в нее многочисленные депутации и депутаты разных советов и исполнительных комитетов солдат, рабочих, матросов и крестьян, снабженные какими-то

«мандатами», написанными на клочках бумаги, не поддающимися никакой проверке. Все они носились с деловым видом по улицам Могилева, не выказывая чинам Ставки ни малейшего внимания, а, наоборот, во многих случаях смотря на них враждебно, и буквально врвались к нам в управления, где бесцеремонно рассаживались, не считаясь ни с чем и предьявляя нам самые абсурдные требования и проекты, касающиеся ведения войны, и даже вмешивались в оперативные вопросы.

Малейшие знаки нетерпения с нашей стороны, а тем более нежелание их выслушивать и удовлетворять их требования вызывали с их стороны угрозы и обвинения в контрреволюции, которые нередко служили предметом обсуждения в местном совете солдатских и рабочих депутатов.

Временами эти депутации и депутаты собирались для обмена мнениями в совершенно загаженных залах верхнего этажа губернаторского дома, где раньше жил государь, и там на этих собраниях царил тогда настоящий бедлам. Какой бы то ни было контроль над этими людьми был невозможен, и потому в этой толпе проникали в Ставку разные подозрительные аферисты, шпионы, бывшие каторжники и даже умалишенные.

Верховное командование из опасения навлечь на Ставку подозрение в контрреволюции и сопротивлении «завоеваниям революции» не решалось воспротивиться этому нашествию и старалось путем бесконечных разъяснений и увещаний «ублажить» нахлынувшую на Ставку революционную орду.

Так как оперативная работа штаба Верховного главнокомандующего фактически прекратилась или, вернее, была беспредметна за неспособность, а в некоторых случаях даже за нежеланием войск выполнять оперативные задачи, то об этой работе не приходится больше и говорить, ибо она была лишена всякой цели. Штаб Верховного главнокомандующего обратился из повелевающего органа Верховного командования в «уговаривающее» и «убеждающее» учреждение, лишенное авторитета.

Для суждения же о том хаотическом состоянии, в каком протекала работа штаба после революции, приведу лишь несколько характерных эпизодов из тех поистине кошмарных времен.

Вскоре после отречения государя адмирал А.И. Русин ушел со своего поста начальника Морского штаба Верхнего главнокомандующего и на его место был назначен вице-адмирал А.С. Максимов⁶³, прозванный во флоте благодаря своему финскому происхождению «Пойка». Он говорил по-русски с ярко выраженным финским акцентом, отличался полной беспринципностью и

громадным честолюбием, совершенно не отвечавшим его более чем ограниченным способностям. После убийства революционной чернью командующего Балтийским флотом адмирала Непенина и многих офицеров Максимов повел на Балтийском флоте до крайности демагогическую политику, имевшую целью достичь своего избрания матросами на пост командующего флотом. В конце концов ценой всяческих унижений он достиг своей цели, превратившись в послушное орудие матросских революционных комитетов, в среду которых втерлись немецкие агенты, стремившиеся подорвать боеспособность Балтийского флота и открыть этим немецкому флоту доступ к столице.

Понимая, что для обороны столицы — главного центра революционной власти — необходимо сохранить боеспособность Балтийского флота, Временное правительство, убедившись в крайней опасности вредоносной деятельности Максимова, решило убрать его с поста командующего флотом. Но при первой же попытке сделать это натолкнулось на сопротивление матросских комитетов, которые решительно выступили в его защиту. Тогда придумали «обойти» Максимова, сыграв на его честолюбии. Ему предложили пост начальника Морского штаба Верховного главнокомандующего, на что он согласился. Матросские комитеты также были польщены предоставлением их ставленнику столь высокого поста.

Узнав о назначении Максимова, я доложил генералу Алексееву, что служить под начальством этого демагога и принимать участие в его зловредной деятельности не хочу, а потому прошу дать мне другое назначение. О том же сообщил Морскому генеральному штабу в Петроград для доклада Временному правительству. Меня стали уговаривать не уходить в столь тяжелое время из штаба, где я служил с самого начала войны и потому был хорошо знаком с работой Верховного командования. Но я настаивал на своем.

Через несколько дней после этого Керенский, направлявшийся на фронт для «уговаривания» какой-то взбунтовавшейся воинской части, остановился в Могилеве. Генерал Алексеев сообщил, что желает меня видеть.

Тут, в его вагоне на станции, я в первый раз увидел Керенского и имел с ним деловой разговор. Он сообщил, что Максимова дано понять, чтобы он не вмещивался в работу штаба, о которой не имеет понятия, что его назначение последовало для возвеличения заслуг матросов перед революцией. Мне же Керенский предложил вести работу далее, не обращая внимания на Максимова.

На этих условиях я согласился остаться в Ставке. И действительно, в течение своего кратковременного пребывания на посту

начальника Морского штаба Верховного главнокомандующего Максимов совершенно не вмешивался в дела штаба. Я его даже редко видел, а все доклады делал помимо него непосредственно Верховному главнокомандующему и отправлял распоряжения за подписью последнего.

Как только матросы забыли о Максимове, что произошло, как во всех вообще революциях, весьма быстро, он был смнен, и решительно никто из избравших его матросов не подал голоса в защиту своего ставленника. Его ликвидация произошла безболезненно, и он исчез, «растворившись» в революционном хаосе.

После этого Морской штаб Верховного главнокомандующего был преобразован в Морское управление штаба Верховного главнокомандующего, и я был назначен его начальником.

Что касается Керенского, то при первом знакомстве он произвел на меня впечатление совершенно загнанного человека, изнемогающего под свалившимся на него бременем власти. При наступившем революционном хаосе и бессилии правительственной власти все почему-то обращались только к нему за разрешением самых разнообразных вопросов и буквально разрывали его на части. Вокруг него, где бы он ни находился, галдели в революционной экзальтации растерзанные типы обоих полов, ожидая от Керенского каких-то «чудес».

Произошло это потому, что Керенский, человек неглупый, имеющий высшее образование, безусловно, понимал, в какую пропасть устремляется Россия под давлением разбушевавшихся революционных страстей. Вместе с тем, будучи представителем революционных слоев общества, он не мог не удовлетворять их стремлений к «углублению» революции. Таким образом, Керенский оказался, что называется, между двух огней: умеренные круги общества старались использовать его для задержания процесса революционного развала, в то время как революционные круги требовали от него обратного, т. е. углубления революции.

Будучи сам порождением революции, Керенский, конечно же, не мог вступить с ней в открытую борьбу, да он и не обладал для этого соответствующими данными — тут нужен был бы по меньшей мере Ришелье или Наполеон, а потому он и вертелся между революционной демагогией и стремлением спасти Россию от угрожающей ей гибели. Примером такого лавирования служит вышеприведенный случай с назначением Максимова, ясно показывающий все бессилие власти Временного правительства и его главы Керенского, стяжавшего себе меткое прозвище «Главногоговаривающего».

Однажды совершенно неожиданно ко мне в управление пришел молодой морской офицер, бывший по службе на хорошем

счету, и, мрачно уставившись на меня странным взглядом, сказал: «Я приехал сюда, чтобы объявить себя диктатором. Скажите генералу Алексееву, чтобы он немедленно явился ко мне в гостиницу, где я буду писать основные законы. Вас я пока решил оставить на вашем месте» — и вышел.

Было ясно, что человек лишился рассудка, но непонятно, каким образом он попал в Ставку. Я навел справки по прямому проводу в Главном морском штабе в Петрограде, откуда мне сообщили, что этот офицер потерял рассудок под впечатлением убийств и преследований офицеров на Балтийском флоте, помещен в психиатрическое отделение морской больницы в Петрограде, откуда убежал, и что штаб просит отправить его обратно в больницу в сопровождении санитаров.

Об этом сообщили коменданту Ставки, который и распорядился о его препровождении в Петроград. В номере же гостиницы, куда он ушел после посещения моего управления, нашли несколько листов бумаги, исписанных параграфами «основных законов».

Однако этим дело не закончилось.

Не прошло и нескольких дней, как этот же офицер неожиданно явился утром ко мне на квартиру, когда я был в своем управлении, и заявил моей жене, что приехал, чтобы меня убить. Она не растерялась и, осторожно предупредив меня по телефону, сказала ему, что я вернусь домой лишь поздно вечером. Он не стал ждать и ушел.

Между тем контрразведывательное отделение Ставки, которое я уведомил о происшедшем, установило за ним наблюдение, и оказалось, что его сопровождает какой-то человек, приметы коего совпадали с приметами разыскиваемого контрразведкой немецкого шпиона. Сразу же возникло подозрение, что этот сомнительный субъект хочет использовать лишившегося рассудка офицера для каких-то своих целей. Он ожидал его на улице, пока тот был у меня в квартире, и после они оба направились к губернаторскому дому, где жил генерал Алексеев, но по дороге завернули в ресторан, где офицер начал буйствовать и произносить бессвязные речи. Когда потерявшие след агенты контрразведки нашли его в ресторане, сопровождавший его сомнительный тип уже бесследно исчез.

Этот случай показывает, до какой степени влияли на психику офицеров их преследования в начале революции, а также свидетельствует о том, что повсюду ослабело исполнение служебных обязанностей, раз психически больной мог дважды беспрепятственно убежать из больницы. Вот в каких тяжелых, подчас даже опасных, условиях протекала наша работа в Ставке. Что касается

ся несчастного офицера, то впоследствии к нему вернулся рассудок и он стал совершенно здоров.

А вот еще один случай. 9 июля меня вызвал к прямому проводу адмирал М.И. Смирнов, бывший тогда начальником штаба Черноморского флота, для чрезвычайно важного и срочного разговора.

Аппараты Бодо, связывающие Ставку с фронтами и Петроградом, находились в могилевской почтово-телеграфной конторе. Разговор происходил следующим образом: собеседники, находившиеся у аппаратов на обоих концах прямого провода, диктовали разговор телеграфисту, который отстукивал его на ленте аппарата и, конечно, точно знал содержание разговора.

Смирнов сказал мне, что матросские комитеты вынесли постановление отнять у офицеров их личное оружие и потребовали от адмирала Колчака, чтобы он отдал свою золотую саблю, полученную им за храбрость в Порт-Артуре во время войны с Японией. Колчак этому решительно воспротивился и выступил с горячей патриотической речью, не достигнув, однако, цели. Так как матросы продолжали в грубой форме настаивать на своем, Смирнов, опасаясь гнева адмирала и возможных в связи с этим катастрофических последствий, посчитал единственным выходом из положения немедленный вызов Колчака в Ставку.

Керенский, от которого этот вызов зависел, находился в это время в Петрограде, и я сказал Смирнову, что сейчас же передам ему об этом, а сам перешел к рядом стоявшему аппарату Бодо прямого провода с Зимним дворцом в Петрограде, где жил Керенский и происходили заседания правительства.

Керенского в Зимнем дворце, однако, не оказалось, и никто не знал, куда он уехал. Между тем Смирнов вновь сообщил, что адмирал Колчак после вторичного требования матросов выбросил свою золотую саблю за борт, не желая отдавать ее, и что настроение матросов стало настолько угрожающим, что в любой момент может наступить катастрофа, а потому необходимо отозвать адмирала из Севастополя, не теряя ни минуты.

Тогда я решил, не ожидая ответа от Керенского, послать этот вызов за его подписью.

Тут у меня возникло сомнение, захочет ли телеграфист передать вызов, ведь он знал, что согласие на него от Керенского еще не получено, и поэтому мог считать этот вызов «контрреволюционным» деянием с моей стороны. Раньше такой вопрос не мог бы и возникнуть — телеграфист не посмел бы не выполнить приказания начальника одного из управлений штаба. Но теперь приходилось считаться и с его «воззрениями», тем более что именно телеграфисты, фельдшера, приказчики и тому подобные полуинтеллигенты

составляли главный контингент советов солдатских и рабочих депутатов и всевозможных исполнительных комитетов.

Однако все обошлось благополучно: вызов был передан, и матросская толпа убралась с флагманского корабля. А через несколько часов адмирал Колчак получил вызов в Петроград за подписью Временного правительства, куда он в тот же вечер и выехал, чтобы в Севастополь больше не возвращаться.

После его ухода с поста командующего флотом мы потеряли господство на Черном море, и неприятельские суда, которые за все время его командования ни разу здесь не появлялись, начали беспрепятственно действовать в акватории.

После того как немецкое командование убедилось в том, что наша армия потеряла свою боеспособность, ранней весной началась массовая перевозка немецких войск с нашего фронта на Запад, где готовилось генеральное наступление против наших союзников. Последние, крайне встревоженные этим, требовали от Временного правительства через посредство участников II Интернационала немедленного принятия решительных мер, чтобы остановить переброску немецких войск на Запад.

Керенский, глава наших социалистов, — надо отдать ему справедливость — не пытался уклониться от исполнения обязательств перед союзниками. Было решено предпринять уже подготовленный прорыв на Юго-Западном фронте.

Керенский несколько раз ездил на участок фронта, где намеревались осуществить этот прорыв, и «уговаривал» назначенные для этой операции воинские части мужественно исполнить свой долг.

Операцию предприняли в начале июля в присутствии Керенского. Благодаря замечательной артиллерийской и инженерной подготовке, а также значительной потере боеспособности австрийских войск фронт был пробит на широком участке. Не выдержав страшной артиллерийской бомбардировки, австрийцы попросту бежали, и наши войска беспрепятственно преодолели всю укрепленную полосу австрийского фронта и вышли в глубокий тыл системы обороны австрийцев в Галиции.

Полное поражение австрийцев было неизбежно, тем более что немцы, перебросившие значительную часть своих войск на Запад, никакой помощи им оказать не могли. Но тут наши войска остановились, начали «митинговать» и, ссылаясь на большевистский лозунг «война без аннексий и контрибуций», категорически отказались идти дальше. И как ни старались Керенский и другие бывшие с ним социалисты сдвинуть их с места, им это не удалось.

Таким образом был позорно упущен чрезвычайно благоприятный случай победоносно закончить войну. Австрийцы же оказались спасены от неминуемого поражения. Все происшедшее ясно показало, как близки мы были, не будь революции, к победе. Что касается «творцов революции», то они воочию убедились, в какое позорное состояние привели их деяния нашу армию.

Временное правительство, наконец поняв, что путем «уговаривания» нельзя командовать войсками, вынесло решение о необходимости восстановить в армии дисциплину и с этой целью назначило Верховным главнокомандующим особо отличившегося на войне генерала Корнилова.

ПОПЫТКА ВОССТАНОВИТЬ БОЕСПОСОБНОСТЬ АРМИИ. ГЕНЕРАЛ Л.Г. КОРНИЛОВ

После своего вступления в должность Верховного главнокомандующего генерал Корнилов первым делом занялся разработкой проекта мероприятий для восстановления дисциплины и боеспособности в войсках. Об этом проекте он намеревался лично доложить Временному правительству и просил, чтобы оно посвятило заслушиванию его доклада отдельное заседание. Получив на это согласие, он выехал из Ставки в Петроград в сопровождении начальников оперативных управлений армии и флота штаба Верховного главнокомандующего: генерал-квартирмейстера и автора настоящих воспоминаний.

Заседание происходило в Зимнем дворце, все помещения которого производили тягостное впечатление: полы не подметены, мебель в чехлах, покрытых пылью, повсюду полное запустение.

В Малахитовом зале дворца стоял большой стол «покоем», покрытый зеленой скатертью, во главе которого занял место Керенский, по левую его руку сел генерал Корнилов. Мы с генерал-квартирмейстером расположились за малым столом, внутри «покоя», лицом к Керенскому и генералу Корнилову. Вокруг большого стола сидели многочисленные члены Временного правительства, состоявшего к тому времени почти исключительно из представителей левых социалистических партий. Они угрюмо молчали. На лицах большинства из них читалось враждебное к нам отношение. Одеты они были больше чем небрежно и походили скорее на рабочих, чем на интеллигентных людей.

Открыв заседание, Керенский предоставил слово генералу Корнилову, который в качестве предисловия к своему проекту начал излагать положение на фронте в связи с потерей войсками боеспособности. Вдруг к нему наклонился Керенский и что-то прошептал на ухо. Генерал Корнилов смутился, скомкал после

этого изложение обстановки на фронте и быстро перешел к мероприятиям для восстановления дисциплины.

Впоследствии от генерала Корнилова мы узнали, что Керенский ему на ухо сказал: «Будьте осторожны. Я не уверен, что ваши слова не станут известны немцам». Значит, в зале заседаний Временного правительства мог находиться тайный агент противника.

Доклад генерала Корнилова был принят без возражений, все предложенные им мероприятия Временное правительство одобрило.

После заседания Керенский пригласил генерала Корнилова и нас на завтрак. Он занимал в Зимнем дворце помещение, в котором в свое время жил император Александр II. Мы сначала вошли в его кабинет, где «имели честь»(!) быть представленными находившейся там «бабушке русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской⁶⁴. Это была грузная, расплывшаяся в ширину, наполовину выжившая из ума старуха. Затем прошли в маленькую столовую императора Александра II, где застали знаменитого художника И.Е. Репина, который с почтительными поклонами просил разрешения сделать во время завтрака эскиз с Брешко-Брешковской для ее портрета. Это Репин-то!

Он поместился со своим блокнотом в углу столовой, а Брешко-Брешковская во время всего завтрака старалась принимать «авантажные позы», что было «и печально и смешно».

За столом прислуживали бывшие придворные лакеи, но уже не в ливреях, а в серых куртках без гербовых пуговиц. Когда один из них поднес мне блюдо, я заметил, что оно дрожало в его руках. Я посмотрел на него и узнал старика камер-лакея, который еще так недавно прислуживал в Ставке у царского стола. Слезы были у него в глазах: видимо, мое присутствие ему напомнило прошедшее время его долголетней и чинной придворной службы.

Во время завтрака Керенский был в хорошем настроении и неоднократно побуждал Корнилова самым энергичным образом приводить в исполнение предложенные им и утвержденные правительством мероприятия для восстановления боеспособности армии. После завтрака мы тотчас же уехали в Ставку, где немедленно началось осуществление принятых решений.

Генерал Корнилов был безгранично храбрый, честный, правдивый и прямой офицер, всецело проникнутый чувством воинского долга. Благодаря личной храбрости, проявленной им в боях, и своему смелому побегу из немецкого плена он пользовал-

ся в армии почти легендарной известностью. Несмотря на его строгость и требовательность, солдаты любили генерала и были ему преданы.

Во время начавшегося в армии развала Корнилов создал из оставшихся верными своему долгу солдат ударный полк, носивший его имя, который отличался особой храбростью. Особенно же беззаветно — буквально до степени обожания — был предан ему текинский конный дивизион, который неотлучно находился при нем. Этот полк и дивизион приняли на себя охрану Ставки после назначения генерала Корнилова Верховным главнокомандующим.

Одна лишь весть о его назначении имела уже магическое действие: солдаты на фронте, зная его решительность и строгость, «подтянулись» и стали даже отдавать честь офицерам, а солдатские комитеты стушевались и притихли.

Обладая выдающимися воинскими качествами, генерал Корнилов, к сожалению, не был наделен ни дальновидностью, ни «эластичностью» мысли искусного политика и не подозревал о тех трудностях и даже опасностях, с которыми сопряжена должность Верховного главнокомандующего. Сложные политические комбинации были ему совершенно чужды, и по простоте душевной он не замечал тех ловушек и пропастей, которыми была усеяна революционная почва.

После назначения генерала Корнилова патриотические умеренно настроенные круги русского общества, потерявшие уже было надежду на спасение России, воспряли духом.

В то время как революционный центр, возглавляемый Временным правительством и советами солдатских и рабочих депутатов, находился в Петрограде, деятели патриотических объединений, союзов и партий сосредоточились в Москве. Они организовали там «общественное совещание» и пригласили на него генерала Корнилова, надеясь этим поднять патриотическое настроение в стране.

Стремясь расширить опорой на общественность «базу» для приведения в исполнение одобренных уже правительством мероприятий, генерал Корнилов принял приглашение и этим себя погубил.

Принимая это приглашение, он выходил из рамок военной сферы и вступал на политическую почву. Будь он при этом дальновиднее, будь ближе знаком с историей революций, он понял бы, что может вызвать этим среди революционеров подозрение в «бонапартизме», чего они всегда и везде больше всего боялись, особенно если это касалось боевого и популярного в армии генерала, каковым был Корнилов.

Это, конечно, и случилось.

Если бы генерал Корнилов отдавал себе ясный отчет, то решил бы на этот шаг лишь после всесторонней и серьезной подготовки, т. е. после создания мощной военной опоры путем сосредоточения в Ставке и вблизи столицы боевых и вполне ему преданных, сильных воинских частей, на которые он мог бы в случае надобности положиться. Это можно было сделать исподволь и осторожно, под предлогом формирования в районах поблизости от столицы «ударных частей» для Северо-Западного фронта, что одобрялось Временным правительством.

Между тем в Ставке при генерале Корнилове состоял один лишь ударный полк его имени и текинский дивизион, а на фронте он, по-видимому, ограничился обещанием поддержки со стороны главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала А.И. Деникина⁶⁵, что не могло иметь большого значения, ибо этот фронт был слишком далек от столицы.

В Москве генерал Корнилов был встречен с большим воодушевлением, и «общественное совещание» прошло в середине августа под знаком громадного патриотического подъема, что, конечно, не могло не перепугать революционных деятелей и заставить их бояться за свою школу.

В конце августа Временное правительство предательски спровоцировало генерала Корнилова, обратившись к нему с «конфиденциальной» просьбой послать в Петроград конный отряд якобы для усмирения готовящегося большевистского восстания. Когда же отряд под командой генерала Крымова подошел к столице, оно объявило, что Корнилов намеревается свергнуть правительство и задушить революцию. Обвинив его в контрреволюции, Временное правительство вынесло решение о его смене и аресте и послало в Ставку и на фронт запрещение исполнять его приказания.

Войска вновь «революционно» вздохнули, и никто, конечно, не принял открыто его сторону. Таким образом, пропало, как пропадают «покушения с негодными средствами», выступление генерала Корнилова и вместе с тем безвозвратно погибло успешно начатое им дело восстановления боеспособности армии.

Имел ли в действительности генерал Корнилов приписанное ему Временным правительством намерение свергнуть революционную власть, трудно сказать. В его планы были посвящены в Ставке лишь два-три близких к нему офицера и генерал Деникин на Юго-Западном фронте. Даже объявленный вместе с ним арестованным начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал А.С. Лукомский⁶⁶ не знал о его замыслах. Об этом лично от него мне стало известно во время разговора, который я

имел с ним ночью, после получения постановления об аресте. И я этому верю, ибо Лукомский, один из мудрейших и дальновиднейших людей, которых я в своей жизни встречал, конечно, удержал бы Корнилова от рискованного шага, который без соответствующей подготовки мог бы лишь привести его и начатое им дело к гибели.

Однако арестовать генерала Корнилова в Ставке было не так-то легко. Дело не обошлось бы без страшного кровопролития, ибо корниловский полк и текинский дивизион решили воспротивиться этому силой. Узнав об этом, Временное правительство поручило трудную задачу привести в исполнение свое постановление генералу Алексееву, находившемуся в Петрограде «не у дел». Он, получив заверение, что жизнь генерала Корнилова и его сотрудников не будет подвергнута опасности, взял на себя эту задачу, дабы сколь возможно смягчить последствия этого погибшего дела.

После переговоров генерала Алексеева с генералом Корниловым и преданными ему частями решили, что генерал Корнилов и его сотрудники будут находиться под стражей текинского дивизиона в одной из гостиниц Могилева. По приведении этого решения в исполнение корниловский полк ежедневно проходил мимо этой гостиницы парадным маршем, приветствуя своего вождя.

Вскоре могилевские «узники» были переведены в Быхов, где их так же, как в Могилеве, «караулил» текинский дивизион.

После большевистской революции Корнилов покинул «тюрьму» и, став во главе своих «тюремщиков» — верных ему текинцев, — прошел легендарным походом через весь юг России на Дон, где впоследствии геройски погиб, сражаясь во главе Добровольческой армии с большевиками.

КОНЕЦ СТАВКИ. ГЕНЕРАЛ Н.Н. ДУХОНИН

Вместо генерала Корнилова Верховным главнокомандующим был назначен генерал Н.Н. Духонин. Это был храбрый и безусловно честный боевой генерал, по характеру очень мягкий и любезный человек.

После неудачи «корниловского выступления» развал армии пошел с удвоенной быстротой. Вновь начались гонения на офицеров, вплоть до убийства, по подозрению в принадлежности к сторонникам Корнилова. Обострилась борьба комитетов солдат и матросов с правительственной властью и командным составом, которые обвинялись в попустительстве, приведшем-де к корниловскому выступлению. Временное правительство, потерявшее всякую опору в результате предательства Корнилова, принужде-

но было в угоду большевистски настроенным революционным комитетам усилить свою демагогическую политику, что, конечно, не могло привести ни к чему другому, как к захвату власти крайними революционными элементами.

В таких условиях генерал Духонин не мог ничего предпринять для задержания развала наших вооруженных сил, и мы в Ставке оставались бессильными зрителями наступившей агонии великой Российской Империи.

В начале октября немцы в целях давления на революционный центр в Петрограде и побуждения Временного правительства к заключению мира завладели Рижским заливом и заняли Ригу, создав сильную угрозу Петрограду. Причем Рижский залив, превращенный в результате фортификационных работ, ведшихся в течение трех лет, в неприступный укрепленный район, оказался занят без боя, ибо команда береговых батарей и гарнизоны островов залива отказались сопротивляться немцам.

В Петрограде началась паника, и большевики, бывшие сторонниками немедленного мира, чем снискали себе расположение солдатских масс, взяли верх в борьбе с Временным правительством, все еще старавшимся исполнять союзные обязательства.

25 октября произошел большевистский переворот, во время которого Временное правительство мгновенно и бесславно погибло. Избежав воображаемой им со страху военной диктатуры, оно попало в объятия большевизма, который его и задушил.

Первые дни после ликвидации Временного правительства для упрочения своей власти большевики посвятили захвату министерств, из коих некоторые, в том числе министерство иностранных дел, отказались добровольно им покориться. Так как на стороне органов правительственной власти не было никакой реальной силы, большевики быстро овладели аппаратом государственного управления в Петрограде, и Ставка осталась последним органом законной верховной власти. Было ясно, что в ближайшее время большевики приступят к ее ликвидации.

Первым актом большевиков после упрочения своей власти в Петрограде было требование, обращенное к Ставке, приступить к переговорам о заключении мира, на что Ставка ответила отказом. Тогда большевики назначили Верховным главнокомандующим прапорщика Н.В. Крыленко⁶⁷ и направили его во главе матросских батальонов, бывших главной опорой большевиков при захвате ими власти, в Могилев для ликвидации Ставки.

По получении известия о большевистском перевороте в Ставке начались разногласия: некоторые стояли за то, чтобы не призна-

вать большевистской власти и сопротивляться ей, оставаясь в Могилеве; другие считали необходимым немедленно перевести Ставку как можно дальше от Петрограда, в район Юго-Западного или даже Румынского фронта, где войска не были в состоянии такого развала, как находившиеся вблизи столицы. Находились и сторонники того, чтобы подчиниться большевикам, защищавшие свое мнение тем, что раз Ставка подчинилась Временному правительству, которое насильственно захватило власть у царского правительства, то нет основания не подчиняться большевикам, которые захватили власть тем же путем.

Вначале восторжествовало первое из этих мнений. И так как в Ставке после ухода корниловского полка и текинского дивизиона не оставалось никаких надежных воинских частей, чинам штаба было предложено указать на известные им по своей надежности части, чтобы их сосредоточить в районе Ставки.

Я указал на казачью бригаду Астраханского войска, в котором долго служил и пользовался большой популярностью находившийся в то время уже в отставке отец моей жены войсковой старшина М.Ф. Кокушкин. Эта бригада случайно находилась на отдыхе недалеко от Могилева, и ее немедленно перевели в село Княжево, расположенное в нескольких верстах от Ставки.

Однако упрочение власти большевиков в Петрограде шло стремительно. Прежде чем Ставка успела подготовиться к сопротивлению, было получено известие о том, что эшелоны во главе с Крыленко двинулись из Петрограда в Могилев.

В Ставке наступило смятение. Сначала решили немедленно переехать на автомобилях в Киев. И генерал Духонин, который все время колебался, какое принять решение, приказал срочно готовиться к переезду. Деловые бумаги генерал-квартирмейстерства начали уже грузить на автомобили и жечь то, что нельзя было увезти, как вдруг генерал Духонин отменил свое приказание и решил остаться в Могилеве.

При такой неопределенности положения личный состав решил собраться, чтобы вынести окончательное решение о судьбе Ставки. Собрание происходило в том самом зале, где прощались с государем, и носило сумбурный характер. В конце концов приняли предложение решение этого вопроса предоставить совету начальников управлений штаба.

Мы — двенадцать начальников управлений — собрались тотчас же у старшего из нас, начальника инженерного управления генерала Величко, где большинством голосов постановили подчиниться большевикам и оставаться в Могилеве. Некоторые из нас, в том числе и автор настоящих воспоминаний, против этого возражали, но безуспешно.

На заседании также присутствовал и тогдашний комендант Ставки генерал Бонч-Бруевич, тот самый, поведение которого в начале войны при наступлении в Галиции в бытность его генерал-квартирмейстером 3-й армии было более чем странным, о чем уже говорилось в части I настоящих воспоминаний. После революции он «окрасился» в ярко-красный цвет и в Могилевском совете солдатских депутатов стал persona grata (важной персоной).

Впоследствии выяснилось, что он тотчас же после этого заседания сообщил о его ходе и высказанных на нем мнениях Могилевскому совету солдатских депутатов, а по прямому проводу известил об этом также большевистское правительство в Петрограде.

Когда после неудачи корниловского выступления стало очевидным, что это начало конца, я отправил свою семью из Могилева в сопровождении брата моей жены уланского ротмистра В.М. Кокушкина, впоследствии геройски погибшего в борьбе с большевиками, на хутор к ее родителям в Саратовскую губернию.

Так как после большевистского переворота не осталось больше сомнений в том, что дни Ставки сочтены, то по моему докладу генералу Духонину Черноморский флот передали в подчинение главнокомандующему Румынским фронтом. В связи с этим Морское управление штаба Верховного главнокомандующего было упразднено. За несколько дней до гибели Ставки я распустил личный состав своего управления, отправил с доверенным писарем секретный архив в Петроград в надежные руки, а сам решил до последнего момента оставаться в Ставке.

После решения о подчинении большевистской власти, принятого на совещании начальников управления штаба, я понял, что настало время и мне покинуть Ставку. Приготовившись к отъезду, пошел проститься с генералом Духониным. У него застал его супругу, милейшую Наталию Владимировну, с которой он прощался, отправляя ее в ту же ночь в Киев, чтобы не подвергать опасностям.

Когда я вернулся около полуночи от генерала Духонина в свое опустевшее управление, эшелоны Крыленко находились уже в Орше, и предполагалось, что утром они придут в Могилев.

Вызвав по телефону своего шофера, я приказал ему взять с собой запасной бак бензина и подать автомобиль к управлению, намереваясь уехать в Киев и далее действовать по обстоятельствам.

Вскоре подъехал автомобиль. Шофер, поднявшись ко мне, сказал, что запасного бака ему не дали и что только что в гараж

поступило запрещение Совета солдатских депутатов шоферам выезжать со мной за пределы Ставки. Поняв, в чем дело, я велел шоферу отвезти меня на железнодорожную станцию, намереваясь сесть в первый идущий на юг поезд. Но шофер мне на это ответил, что на станции и мостах через Днепр выставлены сторожевые посты, которые меня не пропустят. Спросив его, относится ли это запрещение только ко мне, я узнал, что оно распространяется также на генерал-квартирмейстера генерала Дитрихса и на полковника Ткачева, начальника воздухоплавательного управления — оба решительные противники подчинения Ставки большевистской власти. Решив тогда уйти пешком, я отпустил своего шофера, поблагодарив его за верную и преданную службу.

Впоследствии я узнал, что генерал Дитрихс и полковник Ткачев, предупрежденные вовремя своими людьми, благополучно скрылись: полковник Ткачев, у которого автомобиль был не в гараже Ставки, а при его квартире, сел на него и со стоверстной скоростью пролетел мимо сторожевого поста на мосту, а генерал Дитрихс ушел во французскую военную миссию, где его переодели в форму французского солдата, и он выехал в составе миссии, когда она покинула Ставку после захвата ее большевиками.

Сам же я, переодевшись в штатское платье, оставшееся у меня после командировки в Румынию, вышел перед рассветом по никем не охраняемой тропинке за город в поле и окольными путями добрался до села Княжево, где стоял штаб Астраханской казачьей бригады. В это время эшелоны Крыленко уже подходили к Могилеву, и штаб бригады ожидал распоряжений Ставки для действий, но их не поступало, ибо, как мы знаем, было принято решение отдать Ставку без сопротивления, о чем я и поставил штаб бригады в известность.

Прибыв на Могилевскую станцию, Крыленко вызвал к себе генерала Духонина. При входе в вагон, где находился Крыленко, Духонин был зверски убит матросами. Так кончил свое существование последний законный Верховный главнокомандующий вооруженных сил России, а с ним кончила свое существование и Ставка — последний оплот русской законной верховной власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ РОССИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Ранней весной 1917 г., как только позволила бы погода, на Юго-Западном фронте и в Черном море должны были быть предприняты решительные операции, которые, каждая порознь, а тем более обе вместе, несомненно, привели бы к победоносному окончанию войны. Операции эти были так тщательно подготовлены и для их осуществления сосредоточены такие силы и средства, что не могло быть ни малейшего сомнения в их полном успехе.

Как известно, к осуществлению Босфорской операции русские войска были уже готовы летом 1916 г., но в согласии с желанием генерала Алексеева ее отложили на весну 1917 г. Если летом 1916 г. обстановка вследствие начавшегося развала Турции для осуществления операции была благоприятна, то, конечно, весной 1917 г. она была бы еще благоприятнее вследствие еще большего развала Турции и усовершенствования наших сил и средств, предназначенных для этой операции. Что же касается операции на Юго-Западном фронте, то легко удавшийся прорыв в разгар развала нашей армии ясно показал, каково было бы его влияние на исход войны, если бы он был предпринят, когда наша армия не утратила еще вследствие революции свою боеспособность.

Начавшаяся революция не позволила нам предпринять своевременно эти решающие операции, имевшие целью победоносно окончить войну, и, таким образом, революция была прямой и непосредственной причиной нашего поражения, закончившегося заключением позорного Брестского мира.

Значит, все, что способствовало ускорению начала революции или затягиванию войны, составляло косвенные причины нашего поражения; к этим причинам относится также и непринятие мер, если таковые были возможны, к предотвращению революции и мер к ускорению хода войны.

При этом особенно велика ответственность тех правителей России, которые могли так или иначе влиять на ход событий.

Вспомним, ведь революция вспыхнула всего лишь за несколько недель до срока, назначенного для исполнения операций, которые должны были принести нам окончательную победу.

Сторонники мистического мировоззрения будут видеть в этом сроке (несколько недель) «перст судьбы» и стараться оправдать этих правителей, несущих свою долю ответственности за поражение России. Но наука судит об этом иначе: приписывая все исторические события деятельности человека, а не влиянию судьбы, она считает гениальными правителей, сумевших предусмотреть все причины, которые так или иначе влияли на ход исторических событий, и направивших их на благо своей страны, и порицает тех из них, кто не смог этого сделать.

Всякое историческое событие в жизни человечества, а тем более победа или поражение в войне, является следствием многочисленных, внутренне связанных между собой причин, из которых причина, представляющая собой итог их взаимодействия, считается непосредственной или прямой.

Поэтому, чтобы составить себе правильное и полное суждение о причине нашего поражения в Первой мировой войне и определить ответственность за него наших правителей, мы должны изучить все те элементы, из которых эта прямая причина окончательно сложилась.

Прямой причиной нашего поражения, как мы уже говорили, явилась революция или, точнее говоря, то обстоятельство, что она вспыхнула раньше, чем мы успели предпринять те решительные операции, которые принесли бы России окончательную победу в войне.

Посмотрим теперь, каковы же те причины, из которых это обстоятельство сложилось.

Одна из этих первопричин — неподготовленность к решению национальной морской проблемы, т. е. к осуществлению Босфорской операции. Успех ее, по мнению ряда авторитетных лиц, позволил бы значительно сократить продолжительность войны. Но в мирное время к осуществлению этой операции не велось никакой подготовки. К ней приступили лишь после начала войны. И предпринять ее планировалось тогда, когда она была уже невыполнима вследствие того, что революция совершенно уничтожила боеспособность наших вооруженных сил.

Ответственность за эту неподготовленность падает на наше правительство и высшие органы управления вооруженными силами. Правительство несет ответственность и за то, что, пренебрегая предначертаниями Петра Великого, не ставило перед

войной задачу решения вопроса о проливах, а органы высшего военного управления — за то, что не сумели предусмотреть, какое громадное влияние на исход войны имело бы завладение Босфором, не предприняли никаких мер к подготовке этой операции и не включили ее в план войны. Известную долю ответственности несет за это и император Николай II, который под влиянием безответственных и корыстолюбивых лиц своего окружения основные усилия внешней политики направил на Дальний Восток, думая принести этим пользу России, и тем самым нарушил мудрый завет своего великого предка — императора Петра I.

Все это прямое следствие режима государственного управления Россией перед Первой мировой войной, при котором не было объединенного общими целями и ответственного перед страной за свою политику кабинета министров. Каждый министр, будучи ответствен лишь перед монархом, действовал по его воле, без согласия с остальными министрами и органами правительственной власти.

Как бы то ни было, наша неподготовленность к завладению Босфором явилась одной из причин затягивания войны, что способствовало успеху революции.

Другая важная причина нашего поражения заключалась в отстранении от верховного командования великого князя Николая Николаевича, этого решительного, мудрого и волевого вождя, пользовавшегося громадным доверием и популярностью в армии и во всей стране. Ибо, если бы при нем и вспыхнула революция, что было мало вероятно, он сумел бы немедленно принять энергичные меры, чтобы пресечь ее в корне, во всяком случае, «руки у него перед ней не опустились бы».

Впрочем, лучшего доказательства возможности его влияния на исход войны, нежели приведенное выше мнение генерала Людендорфа, что с его сменой Германия «сделала шаг вперед к победе», не может быть, ибо если противник наш сделал этим шаг вперед к своей победе, то мы тем самым сделали шаг к нашему поражению.

Смена великого князя последовала по единоличной воле государя под влиянием государыни и распутинской клики и вопреки настояниям правительства и общества, которые всячески старались отговорить от этого государя, и потому он один ответствен за эту пагубную меру, приблизившую нас к революции и поражению.

В 1915 г. император Николай II, считая, что в тяжелую годину испытаний его долг быть во главе армии, устранил от верховного командования одаренного, высокообразованного, легендарно популярного в войсках вождя, которого он не любил, и стал на его место, не имея для этого ни соответствующих способностей, ни

знаний, ни того морального влияния, которое на русский народ и войска имел великий князь Николай Николаевич. Между тем сто лет перед этим, в еще более тяжелую годину для России, предок императора Николая II, император Александр I, значительно более, нежели он, одаренный и знающий, сам устранил себя от верховного командования, считая себя для сего недостаточно в военном отношении образованным и подготовленным, проявив этим возвышенное понимание монаршего долга, широту ума и глубину понимания блага России, и назначил, отвечая всеобщим желанием, Верховным главнокомандующим М.И. Кутузова, который не пользовался его личными симпатиями, но который в то время, подобно великому князю Николаю Николаевичу в Первой мировой войне, один в России был способен нести тяжкое бремя верховного командования.

Еще более важная, если даже не самая главная, причина, широко открывшая двери революции и способствовавшая ее молниеносному успеху, была пагубная внутренняя политика престола, находившегося под влиянием гнусной распутиновщины и ретроградной идеологии разных недостойных и вредоносных деятелей. Политика эта, приведшая к упорной борьбе престола с общественностью, имела следствием всенародное возмущение, развила в стране революционные настроения и парализовала волю не только высших гражданских, но и военных правительственных кругов. Так как многие высокоавторитетные лица и даже близкие родственники государя неоднократно в самой решительной и драматической форме предостерегали его от пагубных для России и династии последствий этой политики, то он и государыня, которая вдохновляла его упорство, несут перед историей за это нераздельную ответственность.

Ведь если русский народ, возмущенный распутиновщиной и доведенный до отчаяния враждебным отношением престола к патриотической общественности, выдержал все же в течение двух с половиной лет тяготы войны, то нет сомнения в том, что при бережном к нему отношении и направлении внутренней политики не к ослаблению, а к всемерному укреплению его духа, он выдержал бы еще и те несколько недель, которые отделили вспыхнувшую в конце января 1917 г. революцию от намеченных на весну того же года решающих операций. И тогда Россия, вместо того чтобы позорно пасть в страшную бездну, закончила бы войну в блеске славы и величия.

Существует мнение, что известная доля вины в разжигании революции падает и на либеральные круги русского общества,

объединенные в Государственной думе и разных общественных организациях, и что их долг перед отечеством состоял не в том, чтобы в тяжелую годину войны разжигать революционные страсти, которые могли лишь привести нас к поражению, а, наоборот, в том, чтобы всеми способами препятствовать развитию этих страстей. Нет, конечно, сомнения в том, что эти круги вели если и не прямо революционную, то, во всяком случае, резко оппозиционную пропаганду, так что Верховное командование даже вынуждено было запретить доступ представителям этих кругов на фронт. Но нет сомнения и в том, что, как бы ни было высоко развито сознание гражданского долга во время войны у русского общества, оно не могло не поддаться разрушительному влиянию действительно возмутительной и оскорбляющей чувство народного достоинства внутренней политики верховной власти. Этого не вынесли бы даже общественные круги наций, проникнутых самым возвышенным пониманием своего гражданского долга во время войны, а потому не стоит обременять русскую общественность ответственностью за способствование развитию в стране революционных настроений.

Подводя итоги всему вышесказанному, мы приходим к заключению, что главными, решающими причинами нашего поражения в Первой мировой войне были: наша неподготовленность к военным действиям, смещение великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего, пагубное направление нашей внутренней политики, непринятие мер для обеспечения порядка в столице и неосуществление в 1916 г. Босфорской операции. К второстепенным причинам следует отнести необходимость выполнения нами союзнических обязательств и отношение к нам Англии.

Несчастье же наше заключалось в том, что в самую тяжелую пору нашей истории верховное управление государством находилось в руках слабовольного и мистически настроенного императора Николая II, не обладавшего свойствами, необходимыми для правления великой страной, а верховное командование вооруженными силами фактически находилось в руках генерала Алексеева, человека, безгранично преданного своему долгу, отличного знатока военного дела, но, к сожалению, не отличавшегося ни широтой взглядов, ни дарованиями, присущими выдающимся полководцам.

Те, кто будут стремиться оправдать Верховное командование в том, что оно своевременно не предприняло Босфорскую операцию, будут, конечно, упорно настаивать на том, что флот был неспособен ее выполнить. Они сознательно закроют глаза на то, что

в 1916 г. флот полностью доказал свою на то способность перевозкой 5-го Кавказского корпуса в Трапезунд; что в 1916 г. турецкие вооруженные силы в целом и части, обороняющие Босфор, в частности почти совсем утратили свою боеспособность; что предпринятая англичанами в начале войны наспех и со случайными войсками Дарданелльская операция показала возможность высадки даже на прочно занятый противником берег; что мы предполагали предпринять Босфорскую операцию с отборными войсками; что с морской стороны операция была во всех подробностях подготовлена; что, наконец, ею должен был руководить такой решительный и талантливый вождь, каким был адмирал Колчак.

Пусть будет так: исчерпывающий и бесспорный ответ, конечно, мог бы дать один лишь опыт, т. е. попытка осуществить эту операцию. Но тут-то именно и возникает грозный вопрос: почему, — раз от этого зависел исход войны, раз осуществления этой операции требовало правительство, раз этого хотел государь, раз на этом настаивали моряки, — Верховное командование, пожертвовавшее сотнями тысяч для второстепенных операций на фронте, как, например, при озере Нарочь, не решилось рискнуть двумя-тремя дивизиями для попытки своевременно осуществить решающую Босфорскую операцию? Почему оно не поставило в своих планах эту операцию хотя бы вровень с подготовкой прорыва на Юго-Западном фронте и почему оно само не настаивало на ее осуществлении, а, наоборот, смотрело на нее как на излишнюю затею?

На это возможен лишь один ответ. Он заключается в том, что наше Верховное командование после ухода с поста Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича не отвечало в достаточной мере своему назначению, особенно в той бесконечно трудной обстановке, в которой ему пришлось действовать.

Из катастрофы, постигшей Россию в Первой мировой войне, можно сделать несколько поучительных для всех вообще государств и народов выводов.

Прежде всего подтвердилось, что в обстановке современных войн, в которых участвует весь народ, а не одна лишь армия, как прежде, успех может быть достигнут лишь при условии полного единения власти с народом, что имеет место лишь в действительных демократиях, где власть исходит от народа и перед ним ответственна, а никак не при безответственных монархиях или диктатурах. В этом отношении победа, одержанная Россией во

Второй мировой войне под режимом сталинской диктатуры, составляет исключение, подтверждающее вышеприведенный вывод, ибо сам Сталин после войны удивлялся, как его не сверг, пользуясь войной, русский народ. Произошло же это лишь потому, что русский народ был поставлен перед выбором: идти в немецкое рабство или остаться под властью сталинской диктатуры, и выбрал последнее.

Особенно же подтвердилось то, что во время войны действительно необходимо оберегать всеми способами дух нации и принимать всяческие меры для поддержания его на должной высоте, дабы вся нация была способна выдержать до конца крайнее моральное напряжение, требуемое от нее современной войной.

Существует мнение, что в условиях громадного прогресса военной техники сила духа по сравнению с оружием, т. е. с материальными средствами, имеет в вооруженной борьбе гораздо меньшее значение, чем это было в прошлом.

Мнение это ошибочное и является следствием полного непонимания самого существа вооруженной борьбы. Наоборот, сила духа имеет теперь гораздо большее значение, чем прежде, ибо невероятное разрушительное действие современного оружия, поражающее одинаково и бойцов на фронте и население страны, требует от всех них громадной силы духа, чтобы выдержать это разрушительное действие и не поддаться влиянию инстинкта самосохранения, побуждающего их к отказу от борьбы.

Поэтому-то поддержанию духа не только бойцов, но и всего населения должно быть в современной борьбе посвящено самое тщательное внимание. Между тем история в многочисленных примерах показывает, что главными факторами силы духа являются популярность личности вождя, стоящего во главе вооруженных сил, и любовь и доверие народа к своей правительственной власти. Пренебрежение этими факторами, а тем более действия, направленные вопреки им, есть настоящее безумие, последствия коего ясно видны в трагическом для России исходе Первой мировой войны.

Сам характер военных действий в современной войне показал, что широте ее охвата, когда в ней участвуют не только отдельные государства, но даже целые континенты и почти весь мир, никак не отвечают узкие и незыблемые стратегические доктрины. Наоборот, чем шире охват войны, тем большая широта стратегической идеологии необходима для успешного руководства военными действиями.

Впрочем, история военного искусства показывает, что на стратегию как науку больше, чем на многие другие науки, влияет социальная эволюция человечества и прогресс техники, при-

чем это влияние все более усиливается в связи с ускорением темпа этой эволюции и прогресса. Поэтому значительные изменения в стратегической идеологии должны быть внимательно изучены и преподаны с кафедр высших военно-научных учреждений. В противном случае военачальники, не отличающиеся широтой взглядов, действуя в будущей войне по застарелым стратегическим доктринам, будут не в состоянии руководить военными действиями в полном согласии с современной военной обстановкой. К сожалению, это имело место в нашем стратегическом руководстве военными действиями во время Первой мировой войны, что в первую очередь следует приписать застарелости и косности стратегической идеологии, преподававшейся с кафедр нашей Академии Генерального штаба, о чем столь талантливо и авторитетно говорит в своих послевоенных трудах выдающийся военный ученый и писатель, генерал и профессор Н.Н. Головин.

Впрочем, застарелость стратегической идеологии перед Первой мировой войной может быть отмечена и в некоторых иностранных высших школах.

Для достижения страной высших степеней своего развития и благосостояния необходимо, чтобы ее правители неуклонно держались выработанного в согласии с ее социальными и экономическими интересами направления внешней политики, потому и называемой национальной или государственной. Чрезвычайно в этом отношении поучительна политика Англии.

В течение последних 150 лет одним из элементов английской национальной политики, имеющей столь же непоколебимую силу, как английские традиции или неписаная английская конституция, было враждебное отношение к России. Оно вытекало из сознания опасности для английских интересов усиления мощи России на континенте и особенно на море в связи с выходом ее в бассейн Средиземного моря. Этого враждебного отношения, передаваемого из поколения в поколение английских государственных деятелей, неуклонно держались в своей политике по отношению к России Кастельрэйт, Абердин, Дизраэли и, наконец, Черчилль даже в тех случаях, когда Англия из соображений оппортунизма заключала с Россией союз, дабы с ее помощью сокрушать других своих врагов.

Вопреки мнению Л.Н. Толстого, будто бы личность военачальника не имеет никакого значения на войне и что помимо его воли результат военных действий является автоматическим следстви-

ем коллективной деятельности всех в них участвующих бойцов, Первая мировая война — как, впрочем, и все войны в прошлом — ясно показывает, сколь решительно влияет на ход военных действий личность вождя, стоящего во главе вооруженных сил, чему яркими примерами служат личности великого князя Николая Николаевича и адмирала Колчака. А потому нельзя не прийти к заключению, что горе тому народу, во главе которого стоят правители, лишенные свойств, соответствующих их назначению, и счастливы те народы, которые умеют в роковой час своей исторической жизни выдвигать на руководящие посты людей, отвечающих по своим дарованиям и свойствам требованиям переживаемого страной опасного времени.

В современных же условиях всемирных и всеобъемлющих войн назначению Верховного командования не может уже отвечать военачальник, обладающий одними только военными способностями и знаниями, как бы таковые ни были глубоки и совершенны. Этому бесконечно ответственному назначению может удовлетворять лишь личность, обладающая помимо всех военных дарований обширными способностями государственного деятеля и дипломата при исключительных умственных способностях и широте взглядов. Такими личностями, в полной мере отвечающими требованиям, предъявляемым Верховному главнокомандующему, были: в Первой мировой войне маршал Ф. Фош⁶⁸, во Второй мировой войне генерал Д.Д. Эйзенхауэр⁶⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Николай Николаевич Романов-младший* (1856—1929) — великий князь, двоюродный дядя Николая II, генерал от кавалерии. Окончил с отличием Академию Генерального штаба. В русско-турецкую войну (1877—1878) исполнял обязанности офицера Генерального штаба; награжден орденом Святого Георгия 4-й степени за участие в переправе через Дунай, а за переход через Балканы — золотым оружием с надписью «За храбрость». Последовательно командовал эскадронном, полком, дивизией; в 1895 г. назначен генерал-инспектором кавалерии, внес большой вклад в повышение ее боеготовности. С 1909 г. — командующий войсками гвардии и Петроградского военного округа; с 20 июля 1914 г. по 23 августа 1915 г. — Верховный главнокомандующий русской армией; в 1915—1917 гг. — главнокомандующий Кавказским фронтом; с 1919 г. — в эмиграции.

² *Михаил Васильевич Алексеев* (1857—1918) — русский военный деятель, генерал от инфантерии. Участник русско-турецкой (1877—1878), русско-японской (1904—1905) и Первой мировой войн. Окончил Московское пехотное юнкерское училище и Академию Генерального штаба. В Первую мировую войну занимал последовательно должности начальника штаба фронта, командующего фронтом. Во главе Северо-Западного фронта сорвал замысел германской ставки окружить русские армии в Польше и организовано отвел их на восток. С августа 1915 г. по март 1917 г. — начальник штаба Верховного главнокомандующего; с апреля по июнь 1917 г. — Верховный главнокомандующий. После Октябрьской революции выступил против советской власти, вместе с Л.Г. Корниловым и А.И. Деникиным стал создателем Добровольческой армии. Умер от тифа в Екатеринодаре.

³ *Владимир Александрович Сухомлинов* (1848—1926) — генерал от кавалерии, окончил Академию Генерального штаба, участник русско-турецкой войны (1877—1878). Последовательно занимал должности командира кавалерийского полка, начальника кавалерийской школы, кавалерийской дивизии, начальника штаба, помощника командующего и командующего Киевским военным округом. С декабря 1908 г. — начальник Генерального штаба, в 1909—1915 гг. — военный министр. Снят с должности и в марте 1916 г. отдан под суд по обвинению в злоупотреблениях и измене, которое на суде не подтвердилось. Однако Сухомлинов был признан виновным в слабой подготовке армии к войне. После Октябрьской революции, в 1918 г., освобожден по амнистии, эмигрировал сначала в Финляндию, а потом в Германию.

⁴ *Петр Николаевич Романов* (1864—?) — великий князь, генерал-адъютант, сын Николая I.

⁵ *Николай Николаевич Янушкевич* (1868—1918) — генерал от инфантерии, профессор военной администрации Академии Генерального штаба, а затем ее начальник. Был близок к придворным кругам, благодаря чему накануне войны стал начальником Генерального штаба. В 1914—1915 гг. — начальник штаба Ставки Верховного главнокомандования, в 1915—1916 гг. — помощник замест-

ника Кавказа и главный начальник снабжения Кавказского фронта. После Февральской революции 1917 г. уволен Временным правительством в отставку. В 1918 г. стал жертвой солдатского самосуда.

⁶ *Георгий Шавельский* (1871—1951) — главный протопресвитер русской армии и флота с 1911 г. Окончил духовное училище и семинарию. После Октябрьской революции — в Добровольческой армии.

⁷ *Дмитрий Всеволодович Ненюков* (1869—1929) — контр-адмирал. Участник обороны Порт-Артура. С 1911 г. офицер Морского генерального штаба. В 1915 г. начальник отряда судов, действовавших в устье Дуная. С 1919 по 8 февраля 1920 г. командовал белыми силами Черноморского флота.

⁸ *Кирилл Владимирович Романов* (1876—1938) — великий князь, один из претендентов на российский престол после расстрела Николая II.

⁹ *Николай Александрович Базили* (1883—1963) — русский дипломат, статский советник. С мая 1915 г. директор дипломатической канцелярии при Ставке Верховного главнокомандующего. Автор проекта акта об отречении Николая II. В июле 1917 г. назначен советником российского посольства в Париже. В 1918—1919 гг. участвовал в создании и деятельности Русского политического совещания. После окончания Гражданской войны занимался литературной деятельностью.

¹⁰ *Яков Григорьевич Жилинский* (1853—1918) — генерал от кавалерии, окончил Академию Генерального штаба. Участник русско-японской войны (1904—1905), начальник Генерального штаба в 1911—1914 гг., в начале Первой мировой войны — командующий Северо-Западным фронтом. Один из главных виновников поражения русских войск в Восточно-Прусской операции. В 1915—1916 гг. — представитель русского Верховного командования в Высшем союзном совете в Париже.

¹¹ Речь идет о поражении в начале Первой мировой войны 2-й армии генерала А.В. Самсонова в ходе Восточно-Прусской операции.

¹² *Зиновий Петрович Рожественский* (1848—1909) — вице-адмирал, окончил Морское училище и Михайловскую артиллерийскую академию. Участник русско-турецкой войны (1877—1878). В 1903—1904 гг. — начальник Главного морского штаба. В русско-японскую войну (1904—1905) возглавил 2-ю Тихоокеанскую эскадру, совершившую переход из Кронштадта на Дальний Восток, один из главных виновников ее поражения в Цусимском сражении.

¹³ *Непотизм* — здесь служебное покровительство родственникам, своим людям.

¹⁴ *Александра Федоровна Романова* (1872—1918) — последняя русская императрица, дочь герцога Гессен-Дармштадтского, настоящее имя Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса Гессенская.

¹⁵ *Григорий Ефимович Распутин* (1872—1916) — авантюрист, пользовавшийся большим влиянием при Дворе Николая II. В 1907 г. под видом святого старца и прорицателя вошел в доверие к царской семье. Был убит в Петрограде группой монархистов, пытавшихся этим актом спасти авторитет монархии.

¹⁶ *Андрей Августович Эбергард* (1856—1919) — русский адмирал. Службу начал воспитанником Морского училища в 1875 г. Служил на Балтийском флоте, в составе Сибирской флотилии. За участие в боевых действиях в период русско-японской войны (1904—1905) награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». С 1907 г. — контр-адмирал, две кампании он командует отдельным отрядом кораблей Черноморского флота. С 1908 г. занимает вначале должность помощника начальника Морского генерального штаба, а затем возглавляет МГШ до 1911 г. Через некоторое время его назначают командующим Черноморским флотом. С началом Первой мировой войны адмирал Эбергард обеспечивал задан-

ный уровень боеготовности сил Черноморского флота, лично участвовал в проведении операции на море. Особое внимание уделял практике боевого применения против неприятельского флота подводных лодок.

Летом 1916 г. Эбергард был отозван в Петроград в распоряжение морского министра, назначен членом Государственного совета, а с июня 1917 г. — членом Адмиралтейств-совета. После октября 1917 г. уволен в отставку и умер в Петрограде 19 апреля 1919 г.

¹⁷ *Павел Георг Карлович фон Ренненкампф* (1854—1918) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант. В русско-японскую войну (1904—1905) командовал Забайкальской казачьей дивизией. С 1913 г. — командующий войсками Виленского военного округа. С началом Первой мировой войны — командующий 1-й армией. В марте 1918 г. после отказа вступить в Красную Армию расстрелян.

¹⁸ *Александр Васильевич Немитц* (1879—1967) — вице-адмирал (1941). Выпускник Морского корпуса. Служил в Морском генеральном штабе. В 1912 г. окончил Николаевскую морскую академию. В начале Первой мировой войны служил в Ставке Верховного главнокомандующего. В августе 1917 г. произведен в контр-адмиралы и назначен командующим Черноморским флотом. В 1919 г. вступил в РККА. В 1920—1921 гг. командовал Морскими Силами Республики. В 1940—1947 гг. преподавал в военных академиях.

¹⁹ *Василий Васильевич Яковлев* (1883—1970) — капитан 2 ранга. Участник Цусимского сражения. В 1915 г. — морской агент в Румынии. Белоэмигрант. Жил во Франции в г. Шелль.

²⁰ *Алексей Алексеевич Брусилов* (1853—1926) — генерал от кавалерии, русский полководец, окончил Пажеский корпус, участник русско-турецкой войны (1877—1878) и Первой мировой войны. В 1916 г. осуществил успешное наступление по прорыву неприятельского позиционного фронта (Брусиловский прорыв); в мае—июне 1917 г. — Верховный главнокомандующий. В 1920 г. вступил в Красную Армию, где занимал должности председателя Особого совещания при Главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики, инспектора кавалерии РККА, с 1924 г. состоял при РВС СССР для особых поручений. Похоронен в Москве в Новодевичьем монастыре у Смоленского собора.

²¹ *Николай Иудович Иванов* (1851—1919) — генерал от инфантерии. Участник русско-турецкой (1877—1878) и русско-японской войн (1904—1905). Будучи генерал-губернатором Кронштадта, в 1906 г. жестоко подавил матросское восстание. В 1908—1914 гг. — командующий войсками Киевского военного округа. В годы Первой мировой войны командовал Юго-Западным фронтом. С марта 1916 г. — в свите Николая II, 27 февраля 1917 г. назначен командующим Петроградским военным округом с диктаторскими полномочиями, однако карательный отряд, с которым он отправился в Петроград подавлять революцию, перешел на сторону восставших.

²² *Иван Константинович Григорович* (1835—1930) — военно-морской деятель, адмирал. В русско-японскую войну (1904—1905) — командир порта Порт-Артур. С 1909 по 1911 г. — товарищ морского министра, а в 1911—1917 гг. — морской министр.

²³ *Александр Иванович Русин* (1861—1956) — адмирал. В 1913—1914 гг. — начальник Главного морского штаба. В 1914—1915 гг. возглавлял Морской генеральный штаб. С 1916 г. — начальник морского походного штаба Ставки Верховного главнокомандующего. После октября 1917 г. эмигрировал. Возглавлял Всезарубежное объединение русских морских организаций.

²⁴ *Михаил Владимирович Бубнов* (1859—?) — вице-адмирал. Участник обороны Порт-Артура. Награжден золотым оружием. С 1911 г. — товарищ морского министра.

²⁵ *Николай Оттович Эссен* (1860—1915) — адмирал. Во время русско-японской войны (1904—1905) участвовал в обороне Порт-Артура. В 1906—1908 гг. — начальник 1-й минной дивизии. С 1908 г. командовал соединением отрядов Балтийского флота, с 1909 г. — Морскими силами Балтийского моря. С 1911 г. — командующий Балтийским флотом.

²⁶ *Александр Васильевич Колчак* (1873—1920) — адмирал, известный полярный исследователь — специалист по океанографии и гидрологии, участник русской полярной экспедиции (1899—1903) и гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана. Своими научными работами внес большой вклад в освоение Арктики. В русско-японскую войну (1904—1905) принимал участие в обороне Порт-Артура. После ее окончания стал одним из инициаторов возрождения русского военного флота. В годы Первой мировой войны последовательно занимал должности флаг-капитана в штабе Балтийского флота, командира минной дивизии, командующего морскими силами Рижского залива. С июня 1916 г. по июнь 1917 г. — командующий Черноморским флотом. С ноября 1918 г. — военный морской министр правительства Уфимской директории. В результате военного переворота 18 ноября 1918 г. в Омске установил на территории Сибири и Дальнего Востока военную диктатуру, объявив себя «верховным правителем Российского государства». Расстрелян 7 февраля 1920 г. по приговору Иркутского военно-революционного комитета.

²⁷ *Анриан Иванович Непенин* (1871—1917) — вице-адмирал. С июля 1916 г. — командующий Балтийским флотом. Убит матросами в Кронштадте во время Февральской революции.

²⁸ *Петр Львович Трухачев* (1867—?) — контр-адмирал. В Первую мировую войну — начальник 1-й бригады крейсеров Балтийского флота.

²⁹ *Михаил Александрович Кедров* (1878—1945) — вице-адмирал. В годы русско-японской войны (1904—1905) личный флаг-офицер при командующем Тихоокеанским флотом адмирале С.О. Макарове. Участник обороны Порт-Артура. В 1915 г. — командир линкора «Гангут». За успешные действия в Рижском заливе награжден георгиевским оружием. В 1917 г. — командующий бригадой линкоров на Черноморском флоте. При Врангеле командовал Черноморским флотом. В 1920 г. был произведен в вице-адмиралы. Эмигрировал. За рубежом возглавлял Военно-морской союз. Скончался в Париже.

³⁰ *Александр Владимирович Развозов* (1879—1920) — контр-адмирал. Участник обороны Порт-Артура. С начала 1917 г. — командир минной дивизии на Балтике. Руководил Моонзундским сражением в октябре 1917 г. В 1919 г. арестован ЧК. Умер в тюрьме «Кресты» в Петрограде.

³¹ *Николай Николаевич Головин* (1875—1944) — военный историк и теоретик, генерал-лейтенант. Один из организаторов и секретарь Общества ревнителей военных знаний. Сторонник практического направления в высшем военном образовании, один из ведущих реформаторов системы преподавания в Военной академии. Участник Первой мировой войны, в этот же период начинает сбор материалов и документов по ее истории. В 1918—1919 гг. выполняет за границей политические и военные поручения белогвардейских правительств А.И. Деникина и А.В. Колчака. С 1919 г. — в эмиграции, где продолжает военно-научную деятельность. В своих трудах значительное внимание уделял осмыслению роли штабов, вопросам «техники управления войсками».

³² *Хельмут Иоганн Людвиг Мольтке* (1848—1916) — генерал-полковник, племянник Мольтке-старшего и его преемник на посту начальника генерального штаба (1906—1914). В начале Первой мировой войны — начальник штаба германской ставки. Уволен с этого поста за поражение в Марнском сражении.

³³ *Хельмут Карл Бернхарт Мольтке* (1800—1891) — генерал-фельдмаршал, один из столпов германского милитаризма. Ему, в частности, принадлежит изречение: «Вечный мир — это мечта, и даже далеко не прекрасная».

³⁴ *Пауль фон Гинденбург* (1847—1934) — генерал-фельдмаршал. Первую мировую войну начал командующим армией в Восточной Пруссии; с ноября 1914 г. — во главе германских войск на восточном фронте; с 1916 г. — начальник генерального штаба и фактический главнокомандующий германской армией. В 1925—1933 гг. — президент Германии, в январе 1933 г. вручил власть Гитлеру.

³⁵ *Николай Владимирович Рузский* (1854—1918) — генерал от инфантерии, окончил Академию Генерального штаба. Участник русско-турецкой (1877—1878) и русско-японской (1904—1905) войн. В Первую мировую войну — командующий 3-й армией; в 1917 г. — главнокомандующий армиями Северного фронта. В дни Февральской революции настаивал вместе с другими командующими фронтами на отречении Николая II. Погиб при уничтожении заложников чекистами 31 октября 1918 г. в Пятигорске.

³⁶ *Михаил Иванович Драгомиров* (1830—1905) — генерал от инфантерии, известный русский военный теоретик и педагог. Окончил Академию Генерального штаба. Участник русско-турецкой войны (1877—1878). В 1878—1889 гг. — начальник Академии Генерального штаба, в 1889—1903 гг. — командующий войсками Киевского военного округа. Член Государственного совета.

³⁷ *Эрих Людендорф* (1865—1937) — генерал пехоты, военный и политический деятель Германии. В Первую мировую войну — начальник штаба восточного фронта. С 1916 г. — первый генерал-квартирмейстер верховного командования германской армии, фактический руководитель военных действий вооруженных сил Германии. Участник Капповского путча в 1920 г. и фашистского путча (совместно с А. Гитлером) в Мюнхене в 1923 г.

³⁸ *Август Макензен* (1849—1945) — германский генерал-фельдмаршал. С 1914 г. командовал армией на восточном фронте, затем австро-германской группой армий в Польше, австро-германскими войсками в Сербии, в 1916 г. — германско-болгарскими войсками в Добрудже, в 1917 г. — германскими оккупационными войсками в Румынии. После Первой мировой войны активно помогал фашистам в установлении контактов с рейхсвером.

³⁹ *Лев Алексеевич Брусилов* (1857—1909) — вице-адмирал. В русско-японскую войну (1905—1907) командовал крейсером «Громобой». Один из инициаторов создания Морского генерального штаба, был первым его начальником (1906—1909). С 1908 г. — младший флагман Балтийского флота.

⁴⁰ *Александр Александрович (Александр Карл Николай) Ливен* (1860—1914) — военно-морской деятель, вице-адмирал. Участник русско-японской войны (1904—1905). С 1911 г. — начальник Морского генерального штаба, руководил разработкой Малой судостроительной программы, утвержденной в 1912 г. Государственной думой.

⁴¹ *Василий Александрович Канин* (1862—1927) — адмирал. С мая 1915 г. — командующий Балтийским флотом. С 1920 г. — в эмиграции. Скончался в г. Марсель.

⁴² *Митрофан Иванович Касьяков* (1867—1917) — контр-адмирал. С 1916 г. — начальник штаба Черноморского флота. 15 декабря 1917 г. расстрелян матросами на Малаховом кургане в Севастополе.

⁴³ *Михаил Иванович Смирнов* (1880—1940) — контр-адмирал. Участник русско-японской войны (1904—1905). С 1916 г. — начальник штаба Черноморского флота. В Гражданскую войну сподвижник А.В. Колчака. Эмигрировал в Англию. Умер в г. Лондон.

⁴⁴ *Альфред фон Тирпиц* (1849—1930) — германский гросс-адмирал. Один из инициаторов захвата китайского порта Циндао и создания там германской военно-морской базы. В 1897—1916 гг. — морской министр. В Первую мировую войну сторонник неограниченной подводной войны.

⁴⁵ *Александр Александрович Хоменко* (1867—1939) — вице-адмирал. Защитник Порт-Артура. В годы Первой мировой войны командовал Транспортной флотилией на Черноморском флоте. После 1917 г. — в эмиграции. Умер в Швейцарии.

⁴⁶ *Владимир Николаевич Воейков* (1868—?) — генерал-майор свиты. С 1907 по 1913 г. — командир лейб-гвардии гусарского полка; с декабря 1913 г. по февраль 1917 г. — дворцовый комендант.

⁴⁷ *Михаил Владимирович Родзянко* (1859—1924) — крупный помещик Екатеринославской губернии, один из лидеров партии «Союз 17 октября», депутат третьей и четвертой Государственной думы. В февральские дни 1917 г. возглавил Временный комитет Государственной думы.

⁴⁸ *Александр III* (1845—1894) — русский император, второй сын Александра II.

⁴⁹ *Дмитрий Павлович Романов* (1891—1942) — великий князь, внук Александра II, ротмистр лейб-гвардии конного полка. Один из участников убийства Г.Е. Распутина.

⁵⁰ *Владимир Борисович Фредерикс* (1838—1927) — граф, генерал-лейтенант. С 1897 по 1917 г. — министр императорского Двора и уделов.

⁵¹ *Андрей Григорьевич Шкуро* (1887—1947) — один из организаторов контрреволюции в Гражданскую войну. В 1919 г. — командир кавалерийского корпуса в «Вооруженных силах Юга России». С 1920 г. — эмигрант. Во время Великой Отечественной войны сотрудничал с гитлеровцами. По приговору советского суда казнен.

⁵² *Петр Аркадьевич Столыпин* (1862—1911) — государственный деятель России, крупный помещик. В 1906—1911 гг. — председатель Совета министров и министр внутренних дел.

⁵³ *Борис Владимирович Штюрмер* (1848—1917) — русский государственный деятель. В 1892—1894 гг. — председатель Тверской губернской земской управы, в 1894—1896 гг. — новгородский, а в 1896—1902 гг. — ярославский губернатор. С 1902 по 1904 г. он был директором департамента общих дел министерства внутренних дел. Член Государственного совета. В 1916 г. — председатель Совета министров, с марта по июнь одновременно являлся министром внутренних дел, с июля по ноябрь — министром иностранных дел. Ставленник Г.Е. Распутина.

⁵⁴ *Александр Федорович Трепов* (1862—1928) — председатель Совета министров России в 1916 г. Боролся с влиянием Г.Е. Распутина.

⁵⁵ *Сергей Дмитриевич Сазонов* (1860—1927) — русский дипломат. В 1910—1916 гг. — министр иностранных дел России.

⁵⁶ *Александр Дмитриевич Протопопов* (1866—1918) — последний министр внутренних дел царской России, член третьей и четвертой Государственной думы от партии «Союз 17 октября», крупный сибирский помещик и промышленник. Протопопов был одним из наиболее доверенных лиц Николая II и его жены Александры Федоровны.

⁵⁷ *Василий Иосифович Гурко* (1864—1937) — генерал от кавалерии, окончил Академию Генерального штаба. Участник русско-японской войны (1904—1905). В Первую мировую войну — командир дивизии, корпуса, командующий особой армией Юго-Западного фронта и Западным фронтом. В октябре 1916 г. — февраль 1917 г. временно исполнял обязанности начальника штаба Верховного главно-

командующего. После Февральской революции 1917 г. отказался принять присягу Временному правительству. 4 марта 1917 г. опубликовал письмо Николаю II, в котором предсказывал восстановление монархии. За это Временное правительство выслало его за границу.

⁵⁸ *Владимир Митрофанович Пуришкевич* (1870—1920) — крупный бессарабский помещик, действительный статский советник, член Государственной думы трех созывов от Бессарабской и Курской губерний. По политическим убеждениям крайне правый монархист, черносотенец, один из создателей «Союза русского народа». Был в числе организаторов и исполнителей убийства Г.Е. Распутина.

⁵⁹ *Сергей Семенович Хабалов* (1858—1924) — генерал-лейтенант. В 1916—1917 гг. — начальник гарнизона и командующий войсками Петроградского военного округа. В февральские дни 1917 г. пытался подавить массовые выступления рабочих, отдал приказ стрелять по восставшим. 28 февраля был арестован и препровожден в Петропавловскую крепость, однако вскоре освобожден Временным правительством.

⁶⁰ *Лавр Георгиевич Корнилов* (1870—1918) — генерал от инфантерии. Участник Первой мировой войны. В июле—августе 1917 г. — Верховный главнокомандующий. 25 августа 1917 г. возглавил вооруженное выступление против Временного правительства и направил войска на Петроград. После ликвидации мятежа смещен Керенским с поста, объявлен вне закона и арестован. В декабре 1917 г. был освобожден по приказу генерала Н.Н. Духонина и отправился на Дон. Там возглавил вместе с генералом М.В. Алексеевым формирование Добровольческой армии, стал ее главнокомандующим. Погиб в бою накануне очередной попытки штурма Екатеринодара.

⁶¹ *Николай Николаевич Духонин* (1876—1917) — генерал-лейтенант. Один из главных организаторов контрреволюции. С 3(16) ноября 1917 г. — главковерх. Решением СНК 9(22) ноября отстранен от должности. После занятия Ставки (Могилев) революционными войсками убит солдатами.

⁶² *Александр Федорович Керенский* (1881—1970) — адвокат, политический и государственный деятель. В дни Февральской революции 1917 г. — член Временного комитета Государственной думы и заместитель председателя Петроградского совета. В первом составе Временного правительства — министр юстиции, в мае—сентябре 1917 г. — военный и морской министр. С 8(21) июля — министр-председатель, а с 30 августа (12 сентября) — Верховный главнокомандующий. С 1918 г. — в эмиграции.

⁶³ *Андрей Семенович Максимов* (1866—1951) — вице-адмирал. Участник обороны Порт-Артура. В 1915—1917 гг. — начальник минной обороны Балтийского моря. После февраля 1917 г. избран матросами командующим Балтийским флотом. С ноября — 2-й помощник морского министра. С 1927 г. — в отставке.

⁶⁴ *Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская* (1844—1934) — деятель революционного движения. Из семьи помещика. В 1873 г., оставив семью и детей, примкнула к революционным народникам. Под именем солдатки Феклы Косой участвовала в хождении в народ. За революционную деятельность неоднократно арестовывалась, приговаривалась к каторжным работам. В общей сложности была лишена свободы 22 года. После Февральской революции играла активную роль среди правых эсеров, поддерживала А.Ф. Керенского. Октябрьскую революцию категорически не приняла: участвовала в борьбе с советской властью в Поволжье и Сибири. В 1919 г. выехала в США для сбора средств в помощь антибольшевистским силам, осталась в эмиграции, сотрудничала в газете «Дни» и других, вела просветительскую работу.

⁶⁵ *Антон Иванович Деникин* (1872—1947) — военачальник, военный писатель, генерал. Из семьи отставного армейского офицера. Окончил Академию Ге-

нерального штаба. Участник русско-японской войны (1904—1905). В действующую армию был направлен по собственной просьбе. Участвовал в Мукденской операции. В Первую мировую войну участник основных сражений против австро-венгерской армии, командовал 8-м армейским корпусом на Румынском фронте.

В 1917 г. — начальник штаба Верховного главнокомандующего, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. После Октябрьской революции — один из главных руководителей белого движения, главнокомандующий Добровольческой армией (1918—1919) и «Вооруженными силами Юга России» (1919—1920), одновременно с января 1920 г. «верховный правитель Российской государственности». В апреле этого же года сдал командование генералу П.Н. Врангелю и уехал в Великобританию. В эмиграции продолжал заниматься публицистикой. Некоторые статьи Деникина имеют антигерманскую и антиавстрийскую направленность. Призывал к наращиванию оборонной мощи России, единению армии и общества, активной поддержке армии народными массами.

Похоронен на русском кладбище в г. Джексон (штат Нью-Джерси, США).

⁶⁶ *Александр Сергеевич Лукомский* (1868—1939) — генерал-лейтенант, окончил Академию Генерального штаба, занимал ряд высших должностей в центральном аппарате военного министерства. С июня 1917 г. — начальник штаба Верховного главнокомандующего. Один из организаторов и участников корниловского мятежа, после которого был арестован и препровожден в Выховскую тюрьму. В ноябре 1917 г. бежал в Новочеркасск, где принял участие в создании Добровольческой армии. В 1918—1919 гг. — помощник главнокомандующего, начальник военного и морского управления у А.И. Деникина. В июле 1919 г. — январе 1920 г. — председатель Особого совещания, с марта 1920 г. — в эмиграции.

⁶⁷ *Николай Васильевич Крыленко* (1885—1938) — советский государственный, партийный и военный деятель. Член партии большевиков с 1904 г. Окончил Петербургский университет, юридический факультет Харьковского университета. Участник революции 1905—1907 гг. и Первой мировой войны. В период Октябрьской революции — член Петроградского ВРК, с ноября 1917 г. — Верховный главнокомандующий, нарком по военным делам, член комитета по военным и морским делам. С марта 1918 г. — в органах советской юстиции. С 1922 по 1931 г. — председатель Верховного трибунала при ВЦИК, прокурор РСФСР. В 30-е годы занимал посты наркома юстиции РСФСР, наркома юстиции СССР.

⁶⁸ *Фердинанд Фош* (1851—1929) — маршал Франции, а также британский фельдмаршал и маршал Польши. В Первую мировую войну командовал армией, в 1915—1916 гг. — группой армий «Север». В 1918 г. назначается главнокомандующим союзными войсками. С 1919 г. возглавляет высший военный совет Антанты. Был одним из организаторов военной интервенции против Советской России.

⁶⁹ *Дуайт Дэвид Эйзенхауэр* (1890—1969) — государственный и военный деятель США, генерал армии. Во время Второй мировой войны командовал американскими войсками в Европе, с декабря 1943 г. был верховным главнокомандующим экспедиционными силами союзников в Западной Европе. В 1945 г. командовал оккупационными силами США в Германии. В 1950—1952 гг. — верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО. В 1953 г. избран президентом США.

Ю.Н. ДАНИЛОВ

**НА ПУТИ
К КРУШЕНИЮ**

**ОЧЕРКИ
ИЗ ПОСЛЕДНЕГО ПЕРИОДА
РУССКОЙ МОНАРХИИ**

Генерал от инфантерии Ю.Н. ДАНИЛОВ

ОТ АВТОРА

Описываемый в настоящей книге период жизни русского государства имеет свою обширную литературу — историческую и мемуарную. Поэтому с точки зрения фактов трудно рассчитывать встретить в настоящем повествовании что-либо новое. Но, во-первых, упомянутая литература по своему объему и разбросанности не может быть доступна каждому читателю, особенно иностранному, во-вторых, большинство печатных материалов и трудов составлены в пределах не того периода, который намечен автором последующих страниц.

Между тем именно этот период времени, по мнению автора, является наиболее ярким с точки зрения той главной мысли, что основными причинами совершившегося крушения великой Российской Империи были внутренняя слабость ее государственности и ошибочность политики ее центральной власти, не желавшей считаться с голосами и настроениями широких народных масс.

Без утайки, хотя и с грустью, приходится сказать, что власть эта проявила себя особо нетерпимой и малоискренней именно в период царствования последнего русского монарха. В тот же период времени она подпала под исключительно вредное влияние невежественных и безответственных сил, отшатнувших от нее всех мыслящих государственным категориями лиц.

Трудная война, веденная в России в царствование императора Николая II, не могла не явиться особо тяжелым испытанием для государственной прочности нашего отечества и механизма, им управлявшего. Удивительно ли, что в результате всех этих причин получился тот излом, который привел к крушению великого государства.

Автор настоящей книги — близкий свидетель и участник многих событий, которые им описываются. Это дает ему возможность, не нарушая исторической правды, представить читателю описываемые события в свете своих личных переживаний и наблюдений. Возможно, впрочем, что ему удалось дополнить свой рассказ и такими штрихами, которые ускользнули бы от рядового исторического исследователя или даже остались ему совершенно неизвестными.

ЛЕТО 1915 ГОДА НА РУССКОМ ФРОНТЕ

Россия переживала исключительно тяжелое время. После блестящих успехов первого периода войны, ознаменовавшихся разгромом австро-венгерских вооруженных сил и занятием почти всей Галичины, русские армии вынуждены были к глубокому отходу.

Уже весной названного года германское верховное главнокомандование, встревоженное успехами русского оружия, изменило круто принятый им вначале план войны, по крайней мере на ближайший период времени.

Создав на Западном фронте почти неодолимую стену укреплений, оплетенных проволокою и усиленных мощной артиллерией, германцы достигли возможности безбоязненной переброски значительных сил на свой восточный фронт против нас.

Русская армия становилась, таким образом, главным предметом действий. В соответствии с сим даже главная немецкая квартира была перемещена на восток, в небольшой городок Плесс, расположенный в Силезии, почти на границе с Австрией.

18 апреля, после невиданного по силе артиллерийского обстрела, весьма скоро сровнявшего наши слабые укрепления с землею, соединенные германо-австрийские силы атаковали нас на участке между рекою Вислою и подножием Бескид и принудили к отходу. Фронт наш был прорван, и русские армии, далеко углубившиеся к этому времени в Карпатские горы, были поставлены в очень трудное положение.

Отбиваясь от наседавшего неприятеля почти голыми руками из-за недостатка вооружения и огнестрельных припасов, отвечая на его десятки и сотни выстрелов лишь одиночными патронами, русские войска стали шаг за шагом отходить с гор и затем потянулись к реке Сан.

На этой реке они предполагали организовать новый фронт обороны. Но прибытие свежих немецких дивизий, дополнительно переброшенных с французского фронта, не дало возможности выполнить этого намерения, и русские армии оказались вынужденными к дальнейшему отходу из Галичины.

Силы наших противников постепенно увеличивались, и фронт их наступления расширялся. Германцы атаковали нас не только в Галичине, но и в русской Польше. В руки неприятеля последовательно перешли Львов и Варшава. Истекая кровью и лишенные чьей-либо поддержки, русские армии продолжали свой отход, нанося время от времени жестокие контрудары своим противникам.

В августе русскими войсками была оставлена уже почти вся русская Польша и Галичина...

РУССКИЙ ИМПЕРАТОР СТАНОВИТСЯ ВО ГЛАВЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

— Могу представить себе, что передумали вы за эту ночь! — с такими словами обратился ко мне великий князь Дмитрий Павлович, молодой стройный офицер лейб-гвардии конного полка, состоявший при Верховном главнокомандующем русской действующей армией великом князе Николае Николаевиче.

Это было 10 августа 1915 г. в Могилеве, в доме местного губернатора, занятом по случаю войны под помещение Верховного главнокомандующего. Лишь несколько дней тому назад Ставка была перенесена в этот город из Барановичей.

Двухэтажный губернаторский дом стоял на высоком берегу Днепра, у начала спуска к нему, и был окружен небольшим, но тенистым садом. Своим фасадом и главным подъездом дом этот примыкал к довольно обширной открытой площадке. Из верхнего этажа дома, где помещалась столовая великого князя Николая Николаевича, открывался чудесный вид на Заднепровье, покрытое зелеными лугами, далее переходившими в обширные хвойные леса.

Мы, ближайшие сотрудники Верховного главнокомандующего, приглашенные раз и навсегда к его столу, собирались к завтраку...

С самого начала войны я занимал должность генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем, и к моим обязанностям относилась разработка всех вопросов, связанных с военными операциями. Начальник штаба генерал Н.Н. Янушкевич в этой работе принимал мало участия, и мне приходилось решать многие вопросы почти самостоятельно.

Я не могу сейчас точно припомнить, какими словами ответил на сочувственную фразу Дмитрия Павловича. Озабоченный развертывавшимися событиями, я не придавал ей особого значения, полагал, что она вызвана каким-то случайно прочитанным им

донесением тревожного характера из числа тех, которые в изобилии поступали с фронта в Ставку.

Однако обращение молодого великого князя ко мне, как сейчас будет пояснено, было вызвано совсем другими обстоятельствами...

По окончании завтрака я прошел в свой рабочий кабинет и принялся за разборку поступивших донесений. Кабинет этот находился в соседнем здании казарменного вида, в котором в нормальное время помещались губернские учреждения. С переходом Ставки в Могилев здание это было отведено под управление генерал-квартирмейстера.

Спустя некоторое время ко мне почти ворвался начальник штаба генерал Янушкевич. Он взволнованным голосом сообщил мне, что великий князь Верховный главнокомандующий, который в период моей работы в Ставке относился ко мне с исключительным доверием и вниманием, просит меня немедленно к себе.

— Его высочество, — добавил Янушкевич, — очень огорчен тем, что о смысле вчерашнего посещения Ставки военным министром вы узнали не лично от него.

Под влиянием этих слов в моем мозгу быстро промелькнули и стали смыкаться в цепь некоторые отдельные факты, на коих мне раньше не приходилось останавливать свое внимание.

— Но я и до сих пор нахожусь в фактическом неведении о происшедшем, — не без удивления ответил я. — Только теперь, после ваших слов, я начинаю догадываться, в чем дело, хотя пока еще не уясню, насколько широко намечены предстоящие перемены в составе Ставки.

С этими словами я вместе с начальником штаба отправился к Верховному главнокомандующему.

Чтобы понять мои догадки, необходимо заметить, что со времени неудачного для нас поворота событий на фронте уход великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего назревал и, по-видимому, являлся неизбежным.

Великий князь отдавал себе отчет в создавшемся положении и считал наиболее вероятным заместителем своим в той или иной роли генерала М.В. Алексеева — главнокомандующего Северо-Западным фронтом, человека весьма почтенного, рассудительного, достаточно спокойного и вполне подготовленного своей предшествовавшей службой к широкой стратегической работе. Уже с момента отхода наших войск из Польши в руках генерала Алексеева сосредоточилось управление значительным числом армий, и главная задача по выводу их из польского мешка выпала на долю командования Северо-Западного фронта.

С некоторыми решениями генерала Алексева великий князь, насколько мне известно, не соглашался, но, ввиду поколебленного своего положения, не решался проявить волю в твердой и определенной форме. Однажды в словесном докладе я счел своим долгом отметить создавшееся ненормальное положение, особенно вредное в тяжелый период отхода русских войск в пределах собственной территории. Я высказал великому князю свои мысли со всею откровенностью, к которой обязывало мое положение.

— Пока вы Верховный главнокомандующий, — заключил я свой доклад, — ответственность лежит на вашем высочестве. Вас, а не кого-либо другого будут обвинять и в излишне глубоком, может быть, отходе, и в недостаточной настойчивости по образованию Северного фронта для прикрытия путей к Западной Двине.

Великий князь спокойно и внимательно меня выслушал, но положение не изменилось. Верховное главнокомандование в течение последних чисел июля и начала августа продолжало себя держать слишком нейтрально по отношению к событиям на фронте.

«Очевидно, дело подошло теперь к своей естественной развязке», — подумал я, направляясь в губернаторский дом к великому князю.

ПИСЬМО-РЕСКРИПТ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ

Еще до переезда Ставки в Могилев генерал А.А. Поливанов¹, заменивший генерала В.А. Сухомлинова на посту военного министра, запросил официальной телеграммой, когда великий князь, Верховный главнокомандующий может его принять. Ему ответили, что удобнее выждать переезд Ставки в Могилев, назначенный на 7 августа.

Не было ничего необычайного в посещении военным министром Ставки, напротив, успех дела требовал поддержания самой тесной связи в работе армий и военного министерства. Несколько странным представлялся лишь предварительный запрос, без которого раньше обходились. Но это могло быть объяснено излишне щепетильностью нового военного министра.

9 августа, вечером, генерал Поливанов прибыл в Могилев. С вокзала он приехал непосредственно к великому князю, после беседы с которым, не зайдя ко мне, что являлось уже менее обычным, отбыл в Волковыск — место расположения штаба

главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала Алексева.

Я объяснил себе отступление от обычного порядка в отношении меня тем, что целью приезда военного министра могли служить различного рода вопросы снабжения, не имевшие прямого отношения к предметам моего ведения, и что само пребывание Поливанова в Ставке было слишком краткосрочным.

Предполагая днем более подробно переговорить с начальником штаба о том, какие новые данные доставлены из военного министерства, я не останавливался более на посещении Ставки военным министром.

Поливанов привез от государя великому князю Николаю Николаевичу письмо, коим он освобождался от должности Верховного главнокомандующего. Мне рассказывал впоследствии Поливанов, что великий князь принял доставленное ему известие вполне спокойно. Он облегченно вздохнул, точно освободился от тяжести давившей его ноши, и широко перекрестился.

Государь, однако, должен был прибыть в Ставку лишь через несколько дней; генерал Алексеев продолжал также оставаться в ожидании своего заместителя во главе войск Северо-Западного фронта, и таким образом вредная неопределенность в управлении войсками продолжала существовать.

«Общая обстановка требует принятия важных решений, я же не считаю себя вправе более приказывать...» — приблизительно такими словами характеризовал положение великий князь Николай Николаевич в одном из своих писем военному министру...

В подъезде дома, занятого Верховным главнокомандующим, нам кто-то сказал, что великий князь прошел только что наверх по лестнице. Верхний этаж губернаторского дома состоял из большого зала в несколько окон, такой же столовой, гостиной с мебелью из золоченого дерева, обитой красным шелком, и еще нескольких задних комнат. Официально весь этот этаж числился оставленным для государя на случай его приездов в Ставку. Мы пользовались временно лишь столовой. Сам великий князь, его брат Петр Николаевич, начальник штаба и наиболее близкие к великому князю адъютанты теснились внизу в небольших и затемненных зеленую сада комнатах.

Великий князь ждал меня в красной гостиной. Так как обычно для выслушивания доклада он приходил ко мне в управление или принимал у себя внизу, то уже эта новая обстановка говорила об исключительном характере предстоявшей беседы. Встав мне навстречу и усадив в ближайшее кресло, великий князь дрожащим от волнения голосом прочел мне государево письмо, по-

лученное им накануне. В этом письме-рескрипте говорилось, что тяжелое положение на фронте не позволяет ему, государю, оставаться вдали от войск, почему он и решил возложить на себя Верховное главнокомандование армиями. Император Николай II благодарил великого князя за понесенные труды и просил о продолжении таковых на Кавказе в должности наместника и командующего отдельной Кавказской армией. Мотивировалась эта просьба болезнью графа Воронцова-Дашкова² и необходимостью иметь там во главе управления твердую, опытную руку. Далее в письме говорилось, что своим начальником штаба государь избирает генерала Алексеева; генералу же Янушкевичу и мне выражалась высочайшая благодарность, причем добавлялось, что о дальнейшем служебном положении нашем император имеет в виду озаботиться лично.

По прочтении названного письма великий князь поднялся с дивана, на котором он сидел, и в трогательных выражениях просил меня принять его признательность за совместную службу.

— Я ни разу не имел случая быть недовольным вашей работой и особенно оценил ту прямоту и откровенность, с которой вы всегда высказывали свое мнение.

Эти последние слова я отнес ближе всего к тому докладу, о котором упоминал выше и которым я имел в виду добиться восстановления нормальных отношений между Верховным главнокомандованием и подведомственными ему фронтами.

— Я очень сожалею, — добавил великий князь в заключение нашей беседы, — что содержание государева рескрипта стало известно в Ставке ранее, чем я успел его сообщить вам лично...

Поблагодарив великого князя за деликатное внимание и успокоив его словами, что обо всем им сообщенном слышу впервые, я обратился с просьбой исходатайствовать мне строевое назначение, которое удовлетворило бы моему давнему желанию ознакомиться с условиями современной войны в командной должности.

— Положитесь, прошу вас, на слова государя, выраженные по этому поводу в его рескрипте на мое имя, — мягко посоветовал мне великий князь, и в этом выразилась вся та исключительная корректность, которую великий князь всегда проявлял по отношению к царской воле.

Тем не менее по прибытии государя в Ставку, а может быть, и раньше (точно не помню), я получил назначение на должность командира корпуса, входившего в состав войск Западного фронта.

ЛИЧНОСТЬ ПЕРВОГО ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Великий князь Николай Николаевич — первый Верховный главнокомандующий русскими войсками в мировую войну — хорошо был известен в России в обществе, и особенно в армии, еще до войны.

Ко времени начала мировой войны ему исполнилось 58 лет, и он находился в расцвете сил и здоровья. Своей внешностью он очень напоминал, по рассказам, своего отца, великого князя Николая Николаевича-старшего³, бывшего главнокомандующего действующей армией на Европейском театре во время войны России с Турцией в 1877—1878 гг.

Высокого роста, стройный, сухой, с гордо поднятой головой, с тонкими чертами открытого и энергичного лица, острым, пронизывающим взглядом и клинообразной седеющей бородкой, он производил своею внешностью очень сильное, почти незабываемое впечатление.

Не менее очаровывало присущее его натуре внутреннее благородство, прямота, подчас, может быть, резкая, его суждений, но всегда глубоко искренних и проистекавших из вполне чистых побуждений.

В его характере была, несомненно, заложена решительность, которая, однако, требовала спокойной, регулирующей руки, дабы не дать этой черте перейти границы, отделяющие настойчивую волю от безрассудной горячности и вредной порывистости. Тем сильнее должно было быть значение и благодарнее роль начальника штаба при нем. Великий князь легко поддавался влиянию близких ему лиц; это было его достоинством и недостатком — в зависимости от того, кто именно овладел его доверием. Но, во всяком случае, он умел выслушивать людей, причем высоко ценил доходившее до него откровенное и рассудительное слово.

В молодости горячность великого князя Николая Николаевича способствовала созданию о нем невыгодной славы. Его опасались и избегали. Но с течением времени кипучая кровь остыла, и лично мне не пришлось быть свидетелем его гневных вспышек.

Одаренный от природы, Николай Николаевич получил к тому же высшее военное образование в Академии Генерального штаба; он имел за собою также некоторый боевой опыт, полученный им в период турецкой войны 1877—1878 гг., и затем долгие годы занимал в армии ряд очень ответственных должностей. Таким образом, он являлся вполне подготовленным крупным военачальником, и неудивительно, что на него смотрели как на наиболее вероятного

и желательного кандидата на пост Верховного главнокомандующего в случае серьезной войны.

Из всех членов императорского дома он был, во всяком случае, наиболее крупной, яркой и своеобразной личностью.

Великого князя хорошо знали и за границей. За несколько лет перед войной он посетил Францию, где произвел сильное впечатление и где на него смотрели как на будущего главнокомандующего русской армией.

При Дворе, однако, к великому князю относились с подозрением, боялись его популярности, преувеличивали его честолюбие. Это обстоятельство и было, по всей вероятности, причиной того, что с объявлением войны рядом с великим князем была выдвинута на пост Верховного главнокомандующего кандидатура генерала Сухомлинова, занимавшего в то время пост военного министра.

Странная была судьба этого человека! Много лет она незаслуженно его баловала и ему покровительствовала. Выдвинув на самые верхи иерархической лестницы, она дала ему все для земного благополучия: власть, почести, красавицу жену на склоне лет, прекрасный дом для жизни, отдельный вагон, выдающийся по роскоши и удобствам для железнодорожных разъездов, и т. д. И та же судьба не только потом безжалостно отняла у этого человека все, что ему же было дано, но поставила и саму честь его под тяжелое испытание. В 1915 г. генерал Сухомлинов подвергся жестоким и в известной мере справедливым нападкам за свое бездействие и преступное легкомыслие в должности военного министра, хотя он всю жизнь не переставал быть таковым, но уже совсем нелепо он был обвинен в государственной измене. Едва ли можно серьезно верить в измену генерала Сухомлинова своему отечеству, но нельзя не признать, что по своему легкомыслию он, находясь на посту военного министра, был в своей частной жизни очень дурно окружен. Это и могло наводить на него тяжелые подозрения. В 1917 г. генерал Сухомлинов был судим и заточен в Петропавловскую крепость. Большевики по какому-то случаю его выпустили и дали возможность уехать за границу. Одинокий, всеми оставленный, в бедственном материальном положении, он умер в Берлине, в какой-то лечебнице.

Но в то время, о котором идет речь, генерал Сухомлинов был еще только наверху своей служебной карьеры. Благодаря своей мягкой внешней манере и сговорчивости он вошел в большое доверие к государю, которое, однако, не смог оправдать в тяжелый период военных осложнений...

Обе кандидатуры на пост Верховного главнокомандующего всплыли, однако, не вдруг. Государь, который по вопросу о Верховном главнокомандовании в случае войны не давал в мирное время никаких указаний, лелеял, видимо, про себя мысль о возложении этих обязанностей лично на себя.

В этой мысли государя сильно поддерживала императрица Александра Федоровна. Она, по-видимому, полагала, что передача верховного главнокомандования другому лицу нанесет ущерб самодержавной власти ее супруга, и не учитывала того обстоятельства, что надвигавшаяся война выйдет далеко за пределы единоробства армий и потребует напряжения всех народных сил и средств. А при этом положении постоянное пребывание главы государства в центре страны являлось более соответственным и нормальным, чем отвлечение его на театр военных действий.

Чтобы объявить о намечаемом им решении, государь в один из ближайших дней по возникновении войны собрал у себя в Петергофе совещание министров.

Только один военный министр генерал Сухомлинов высказал банальные слова, что армия будет счастлива иметь во главе своего верховного вождя. Все остальные лица из числа присутствовавших были против выраженного государем намерения. Председатель же Совета министров И.Л. Горемыкин⁴ своим старческим, от волнения еще более дрожащим голосом убеждал государя в опасности оставления им столицы в столь трудный период жизни государства.

Император Николай II под давлением своих министров принужден был уступить, и 20 июля 1914 г. появился высочайший указ о назначении Верховным главнокомандующим действующей армией и флотом великого князя Николая Николаевича.

«Не признавая возможным по причинам общегосударственного характера стать теперь же во главе наших сухопутных и морских сил, привлеченных для военных действий, признали мы за благо...» — такими словами начинался упомянутый выше указ, ясно отмечавший как бы временный характер назначения великого князя.

Великий князь Николай Николаевич очень любил подчеркивать упомянутый характер своего назначения, неоднократно отмечал в периоды кратких наездов государя в Ставку, что согласно Положению о полевом управлении он в этих случаях не более как начальник штаба его величества...

Со времени назначения великого князя Верховным главнокомандующим популярность его начала расти с каждым днем. Его имя стало достоянием не только армии, но и всего русского наро-

да. Стоустая молва распространяла о нем самые легендарные рассказы. Его видели всюду лично поспевающим на помощь войскам в наиболее опасных местах, везде он пресекал зло, везде водворял порядок. При этом во всех рассказах великий князь непременно рисовался защитником солдата и восстановителем в армии правды и законности.

В период военных напряжений армии и людской толпе необходимы герои. Они являются реальным воплощением того энтузиазма, той высокой настроенности, без наличия которых среднему человеку трудно идти на страдания и смерть.

Что нужны в том, что избранные толпы не всегда в полной мере вооружены теми данными, кои им приписываются? Народ охотно и часто авансом увенчивает их лаврами, раз счастливая случайность подвела их под понятие о национальном вожде. Ни в какой мере не касаясь личных достоинств и оценки тех, кто в мировую войну стяжал народное доверие, укажу лишь, что такими счастливыми были: в Германии — Гинденбург, в Англии — Китченер⁵, во Франции — Жоффри⁶, затем Фош, у нас же в России — Николай Николаевич. Разница только в том, что на Западе упрочение славы таких лиц считалось патриотическим долгом каждого, у нас же в России крупных имен не щадили зависть, недоброжелательность и клевета.

Широкое поле для подтачивающей работы представило, конечно, наше несчастное отступление в 1915 г. и связанное с ним нарастание народного недовольства, но, странное дело, даже в этот трудный период имя первого русского Верховного главнокомандующего в армии и народе не потускнело. В постигшем русскую армию испытании обвиняли всех, но только не его. И когда в 1917 г., после отречения императора Николая II, стали вновь искать популярное имя, которое могло бы внести успокоение в армию и влить в нее надежду на победу, то еще раз было названо все то же имя великого князя Николая Николаевича.

УСЛОВИЯ РАБОТЫ В СТАВКЕ

Однако не так расценивалась личность великого князя при Дворе. Там его не любили и ему не доверяли. Его возрастающая популярность пугала тем сильнее, чем больше под влиянием военных неудач продолжалось давно уже начавшееся падение престижа существовавшей власти. Особенно волновалась императрица Александра Федоровна, влияние которой на императора и государственные дела с каждым годом возрастало. В письмах к царственному супругу она всячески старалась очернить Ставку и стремилась выставить великого князя опасным честолюбцем.

Ставку она называла «предательской», в соответствии с чем однажды считала необходимым преподать императору даже совет — хранить молчание о предполагаемой им поездке в войска, так как иначе «шпионы, находящиеся в Ставке, сразу же сообщат немцам, и тогда их аэропланы начнут действовать...».

«В обществе не понимают его положение, — писала она в другом письме о великом князе Николае Николаевиче, — нечто вроде второго императора, который во все вмешивается...»

Обвинения в стремлении к диктатуре в придворных сферах были столь определенны, что для разжигания чувства ревности у императора великого князя Николая Николаевича уже довольно громко называли Николаем III.

Как видно из обнародованных записей прений, происходивших в секретных заседаниях Совета министров, в августе 1915 г. даже в среде правительства существовало опасение — как бы освобождение великого князя Николая Николаевича от должности Верховного главнокомандующего не вызвало в Ставке волнений или даже не привело к возможности сопротивления.

— Должен сознаться, — докладывал Совету министров военный министр генерал Поливанов, отвозивший великому князю в Могилев высочайшее письмо об его увольнении, — что я не был уверен в благополучном исходе моей миссии...

В таком же роде писала императрица несколько позднее своему супругу: «Я еще волнуюсь, пока не будет сделано в Ставке и пока Н. (великий князь Николай Николаевич) не уедет. Только тогда я почувствую себя спокойной...»

Надо быть очень злостно настроенным против великого князя, чтобы распространять о нем столь нелепые слухи или совсем не знать его духовного облика, чтобы питать какие-либо опасения в изложенном выше смысле.

Великий князь был воспитан в глубоко патриархальном духе. И несомненно, являлся одним из самых лояльных и преданных императору Николаю II людей.

При описанном положении могла ли существовать согласованность в работах фронта и тыла, та согласованность, которая одна способна была обеспечить победу в надвинувшейся грандиозной войне? Конечно, этой солидарности не было и быть не могло.

Несмотря на высокое и крайне ответственное положение Верховного главнокомандующего и высших чинов его штаба, к их требованиям и заявлениям нередко на самых верхах проявлялось недоверие. Сообщенные расчеты подвергались неавторитетной проверке, из-за чего терялось много драгоценного времени.

Бывший военный министр, передавая о своем согласии отпустить на театр военных действий одного из подведомственных ему генералов, говорил мне:

— Я обязал его для проверки заявлений Ставки доставлять мне неофициальные сведения о действительных потребностях войск, так как считаю, что данные Ставки преувеличены.

Одновременно в главных управлениях военного министерства не могли отказаться от слишком бюрократических навыков, вместо живого дела — обеспечения армии соответственным снабжением и подготовки для нее боеспособных элементов — продолжался привычный бумажный поток. В результате армия осталась без вооружения и огнестрельных припасов, ряды ее стали сначала редеть, а затем заполняться полусырым — в смысле подготовки — человеческим материалом.

Не лучше обстояло дело согласования требований, предъявлявшихся фронтом, с работой и распоряжениями остальных министерств империи. Результаты этой несогласованности стали особенно чувствительно сказываться на населении в период отхода наших армий на собственную территорию и отнесения границ войсковых тыловых районов в глубь страны. Начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу Янушкевичу, взявшему лично на себя решение всех внутренних вопросов, касавшихся интересов войск, несмотря на кажущуюся авторитетность его в тыловых вопросах (он был профессором военной академии по кафедре администрации), не удалось ни проявить должной уравновешенности, ни завоевать необходимого влияния в правительственных сферах. В результате получилось нетерпимое двоевластие и резко определились два враждебных лагеря: фронт и тыл.

Но согласованности не существовало не только в работе этих двух лагерей, но и в пределах самого тыла.

Во главе Совета министров стоял престарелый государственный деятель Горемыкин, который одним своим согбенным видом и расслабленным здоровьем не отвечал требованиям переживавшегося грозного времени. Хотя Горемыкин и пользовался доверием императора и особенно императрицы, называвшей его нашим милым стариком, это доверие покоилось всего более на его испытанной преданности самодержавной воле царя.

Самый Совет министров состоял из лиц, назначаемых на министерские посты по личному избранию государя, вообще не спаянных ни одинаковыми убеждениями, ни даже общей программой. Среди них, несомненно, были люди, глубоко любившие свою Родину и желавшие ей добра, но разно понимавшие пути к этому добру и лишенные даже возможности доведения до сведения монарха своих взглядов.

Государь не любил возбуждения общих вопросов отдельными министрами и всегда умело пресекал попытки, делаемые в этом смысле. Председатель же Совета министров не отражал настроений, царивших не только в обществе, но даже в Совете, полагая, что долг верноподданных — слепое подчинение «Божью помазаннику».

— На пороге могилы мне поздно менять свои убеждения, — говорил он, когда ему указывали на архаичность понимания им своего долга. — Убедите его величество, чтобы меня убрала.

Но его не убирали...

КАК БЫЛА ПРИНЯТА СМЕНА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ

«4 августа, после обычного доклада, — рассказывает в своих воспоминаниях бывший военный министр Поливанов, — государь высказал мне, что намеревается вступить в верховное командование армиями...»

На возражение о трудностях, сопряженных с таким намерением, император Николай II ответил:

«Я много размышлял по сему поводу, и принятое мной решение является вполне твердым».

Об этом разговоре государь разрешил военному министру предупредить лишь одного председателя Совета министров Горемыкина.

Горемыкин отнесся к известию, сообщенному ему военным министром, со свойственной его характеру покорностью:

— Что же делать? Так угодно его величеству...

Но иное отношение встретило это известие в среде членов Совета министров. Большинство министров считало государя по его личным качествам неподходящим для роли активного вождя действующих войск. Сам же решение — отбыть на постоянное пребывание к армии — не соответствовало условиям времени. «Вы, — говорили они Горемыкину, — понимаете ваш долг перед царем в слепом исполнении его воли; мы же полагаем нашей обязанностью предупредить государя о гибельных опасностях, кои могут быть в результате его намерения».

21 августа по настоянию большинства министров император Николай II собрал у себя в Царском Селе Совет министров, чтобы выслушать тревожившие его членов мысли. С горячими речами выступили большинство министров, убеждая государя отказаться от своего намерения. Они указывали на то обстоятельство, что Россия не приписывает постигшие неудачи вине великого князя,

и отмечали те опасности, кои сопряжены с оставлением государем столицы при нарушенном равновесии в стране. По рассказам участников заседания, Горемыкин явно отмежевывался от говоривших. Государь с усталым и неопределенным видом выслушал речи и в заключение кратко произнес:

— Я остаюсь при своем решении...

В подавленном настроении разъезжались участники этого исторического заседания. Но на другой день большинство из них собрались вновь у министра иностранных дел С.Д. Сазонова и подписали коллективное письмо государю.

«Вчера, — гласило это письмо, — в заседании Совета министров под вашим личным председательством мы повергли перед вами единодушную просьбу о том, чтобы великий князь Николай Николаевич не был устранен от участия в верховном командовании армией. Но мы опасаемся, что вашему императорскому величеству не угодно было склониться на мольбу нашу и, смеем думать, всей верной вам России.

Государь, еще раз осмеливаемся вам высказать, что принятие вами такого решения грозит, по нашему крайнему разумению, России, вам и династии вашей тяжелыми последствиями...

На том же заседании воочию сказалось коренное разномыслие между председателем Совета министров и нами в оценке происходящих внутри страны событий и в установлении образа действий правительства.

Находясь в таких условиях, мы теряем веру в возможность с сознанием пользы служить вам и Родине...»

Письмо это было подписано восемью министрами. Оно не вызвало, однако, никаких изменений в решении императора Николая.

22 августа, вечером, государь отбыл в Ставку для вступления в командование армиями. Горемыкин остался на своем посту; временно продолжали исполнение своих обязанностей и подписавшие письмо министры, поставленные, однако, государем под подозрение...

Решение императора Николая II стать во главе действующих войск было встречено с большой сдержанностью и русскими общественными кругами, и многочисленными членами императорской фамилии, и нашими союзниками.

На чрезвычайном собрании Московской городской думы раздавались громкие протесты против этого решения. Отрицательно было отношение к этому факту и многих членов законодательных палат. Об этом отношении государь был осведомлен особым письмом председателя Государственной думы М.В. Родзянко, ко-

торый умолял царя не возлагать на себя верховное главнокомандование и не рисковать своим положением.

Предостерегающие доклады делались императору и некоторыми великими князьями. Государь оставался непоколебимым...

Уход великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего был отмечен в заграничной печати рядом статей. Наши союзники об этом уходе говорили с сожалением, цenia помощь, которую они всегда получали во имя общего дела со стороны русской армии. Наши военные противники про себя радовались, воздавая, однако, бывшему русскому Верховному главнокомандующему должное уважение и величая его стратегию «сильной».

Мною уже отмечено, что личная популярность великого князя Николая Николаевича весьма мало пострадала от неудач на фронте. Всем было ясно, что причины таковых были очень глубоки и разносторонни и что их нельзя устранить простой сменой военного руководства. К тому же было хорошо известно, что император Николай II не обладал ни знаниями, ни опытом, ни волею, столь необходимыми для руководства миллионными массами, и что весь его внутренний облик не отвечал грандиозному масштабу развертывавшихся событий. При таких условиях нахождение при государе даже столь достойного начальника штаба, как генерал Алексеев, но также недостаточно одаренного волевыми качествами полководца, не могло обеспечить достижения необходимых результатов.

Вместе с тем можно было предвидеть, что период наших испытаний на фронте ко времени вступления государя в командование армиями еще не закончен. Подготовка наших союзников к наступлению в Шампани затягивалась, и благодаря этому в распоряжении немцев до наступления распутицы оставалось еще недели три времени, в течение которого они могли попытаться нанести нам еще несколько серьезных ударов. Если вообще очень опасно ставить авторитет главы государства в зависимость от военного счастья, то при данных условиях и колебавшемся уже в России престиже царской власти должны были в этом отношении возникать особые сомнения. Кроме того, наши отступавшие армии нуждались в основательном обновлении, для которого был неизбежен перенос всех творческих усилий в тыл страны. Там должна была идти кипучая работа по изготовке предметов снабжения и подготовке пополнений. И следовательно, там более, чем на фронте, было уместно присутствие государя.

Но было еще одно специфическое соображение, делавшее опасным постоянное пребывание императора Николая при действующей армии, — это вероятное укрепление влияния на государственные дела и захват власти императрицей Александрой Федоровной, мнившей себя естественной заместительницей императора в столице. Между тем все общественные круги относились к ней с полным предубеждением и недоверием.

ПРИЧИНЫ, КОИМИ БЫЛА ВЫЗВАНА ЭТА СМЕНА

Что же заставляло императора Николая II так упорно отстаивать принятое им решение и настойчиво идти против советов ближайших его сотрудников и общественного мнения? И притом не с энергией и верой в правоту своего решения, а «с усталым видом», «с неопределенным, в сторону направленным взором», как единодушно свидетельствовали все лица, имевшие общение с царем в те решительные дни. Точно его душили какие-то тяжелые, смутные предчувствия!

Император Николай вряд ли, кроме императрицы Александры Федоровны, с кем-либо говорил по этому вопросу откровенно, и поэтому о причинах принятого решения мы можем только строить догадки, находя лишь косвенное подтверждение в фактах. Несомненно одно: решение было принято не только с одобрения императрицы, но и под ее настойчивым давлением.

В ряду причин на первое место следует поставить и мистическое понимание царственной четой роли и назначения царя как «помазанника Божия» среди своего народа. Настроение императора Николая II в этом смысле, несомненно, заострилось под влиянием отдачи врагу значительной части отечественной территории и упорного давления на него со стороны его супруги.

«Солдаты должны тебя видеть, — встречаем мы в письмах императрицы Александры Федоровны к государю. — Ты им нужен, а не Ставка; они хотят тебя, а ты их».

«Не чувствуешь ли ты теперь себя спокойным, раз ты уверовал в себя? — писала императрица вслед за отъездом государя в Ставку для принятия в свои руки управления армиями. — Это не гордость и тщеславие, но посланное Богом...»

Возможно и даже вероятно, что император Николай II, веривший в то, что действиями его руководит божественный промысел и что между ним и русским народом существует какая-то особая, таинственная связь, полагал, что возложение им на себя непосредственного водительства войсками в столь трудную минуту может вызвать чудодейственную перемену во всей обстановке или, по крайней мере, всколыхнуть сильную волну всенародного патриотизма.

Во-вторых, следует отметить любовь государя к историческим параллелям, которые, вследствие некоторой поверхностности знания истории, рисовались ему всегда лишь с точки зрения внешних фактов, а не оценки внутреннего содержания сравниваемых событий.

В данном случае император Николай II любил указывать на пример своего предка Александра I, сопутствовавшего своей армии в 1805 и 1812 гг. Напрасно указывали ему на разницу в обстановке и на то осуждение, которому подвергался его прадед за долгое отсутствие вне столицы, где продолжал находиться центр управления страной.

Не могла себя уберечь царственная чета и от простого болезненного чувства ревности к возрастающей популярности великого князя Николая Николаевича и опасения, что этой популярностью может быть нанесен ущерб той власти, носителем которой являлся государь.

«Ты должен быть на первом месте, — напоминала ему императрица. — Хотя Н. (Николай Николаевич) высоко поставлен, все же ты выше его...»

К тому же императрице давно нашептывали о каком-то заговоре, в центре которого стояла якобы Ставка. Этот заговор будто бы имел целью насильственное удаление ее в монастырь... Надо было пресечь заговор в самом корне.

Недоверие, владевшее императрицей в отношении Ставки, положило известный отпечаток и на настроения государя.

Припоминается такой случай. На одном из очередных докладов в присутствии государя мне пришлось высказать мысль о необходимости, ввиду отхода армий, увеличения площади театра военных действий, прирезать к нему с востока несколько уездов.

— Таким образом, — добавил я, указывая на карте новую разграничительную линию, — к западу от этой линии будет лежать территория фронта, к востоку же протянется империя.

Государь не возразил ни слова, но по выражению его лица и я, и свидетели этой сцены могли понять, что мое противоположение театра войны территории империи, лишенное, конечно, какого-либо особого внутреннего значения, тем не менее вызвало у государя необоснованное ощущение какой-то внутренней подозрительности.

Так натянуты были струны в этом направлении...

ПЕРЕЕЗД ЦАРЯ В МОГИЛЕВ И ПЕРЕМНЫ В СТАВКЕ. ГЕНЕРАЛ М.В. АЛЕКСЕЕВ

Возложив на себя обязанности Верховного главнокомандующего, император Николай II прибыл в Могилев в воскресенье

23 августа и в этот же день принял на себя предводительствование действующими армиями и флотом.

Вместе с императором в Ставку прибыло до десятка лиц свиты, во главе коих находились министр Двора, почтенный, но уже страдавший всеми старческими недочетами граф Фредерикс, и дворцовый комендант генерал Воейков, не пользовавшийся расположением окружавшей его среды и более известный в обществе несколько назойливым рекламированием какой-то особой минеральной воды, добывавшейся в его собственном, если не ошибаюсь, пензенском имении.

Государь не сразу занял губернаторский дом, в котором, как я уже отмечал, оставались свободными на случай его приезда комнаты верхнего этажа. Он продолжал жить в своем поезде, в котором приехал из столицы и для которого была подготовлена особая ветка, отводившая царские вагоны в сторону от вокзала, в глубь какого-то частного сада.

Очевидно, что, оставаясь в поезде, государь делал намек на желательность более спешного отъезда из Ставки великого князя. Ему было разрешено проехать непосредственно на некоторое время в собственное имение в Тульской губернии, откуда, не заезжая ни в одну из столиц, он должен был отправиться прямо в Тифлис. Получалось впечатление какой-то опалы...

Несколькими днями ранее государя в Могилев прибыл генерал М.В. Алексеев, который тотчас же вступил в исполнение обязанностей начальника штаба.

Хотя до приезда государя во главе войск и продолжал официально стоять великий князь, фактически со времени получения им уведомления о предстоящем освобождении его от должности все главнейшие вопросы стали решаться в точном соответствии с мнением нового начальника штаба. Приезд в Ставку Алексева, таким образом, для нас облегчил и ускорил постановку решений.

Генерал Алексеев пользовался в армии вполне заслуженной репутацией человека больших знаний и огромной личной трудоспособности. Происходя из скромной трудовой семьи, он проложил себе дорогу на верхи армии необыкновенной добросовестностью и неутомимой энергией в работе. Его уважали и любили за простоту обращения и общую благожелательность, в особенности по отношению к людям, не стоявшим на его дороге. Участник трех кампаний — турецкой, японской и последней, против центральных держав Европы, долго служивший на специальных должностях Генерального штаба и прошедший через некоторые высшие командные должности, он, несомненно, был одним из наиболее подготовленных генералов для занятия исключительно

ответственной должности начальника штаба, особенно при государе — Верховном главнокомандующем.

Если нужно говорить непременно о недостатках, присущих всякой человеческой природе, то в числе таковых я бы прежде всего отметил у генерала Алексеева слабое развитие волевых качеств, каковой недостаток особенно оттенялся в сложившихся условиях его работы в Ставке. Внешность генерала Алексеева также мало соответствовала его высокому положению. Сутуловатый, с косым взглядом из-под очков, вправленных в простую металлическую оправу, с несколько нервной речью, в которой нередко слышны были повторяющиеся слова, он производил впечатление скорее профессора, чем крупного военного и государственного деятеля. Тем не менее, несмотря на свой скромный вид, генерал Алексейев был человеком большого служебного самолюбия. Его характеру не чужда была некоторая излишняя нетерпимость к чужим мнениям, недоверие к работе своих сотрудников и привычка окружать себя безмолвными помощниками. Наличие этих последних недостатков сказывалось у генерала Алексеева тем отчетливее, чем шире становилась область его деятельности.

— Мне хотят навязать, — говорил он мне по поводу замещения освобождавшейся мной должности генерал-квартирмейстера, — заслуженного и опытного генерала, тогда как по привычке входить самому в каждое дело я нуждаюсь всего более в слепом и немом исполнителе...

Таковых исполнителей генерал Алексейев и возил за собою с места на место в течение всей войны. Но рядом с ним пристраивались и другие, которые хорошо знали, зачем они временно шли на столь унижительные условия.

Из Ставки я уехал за несколько часов до отъезда оттуда великого князя. Накануне я был приглашен на обед к царскому столу. Подобное приглашение от имени государя передавалось обычно через особого гофкурьера, выделявшегося на фоне нашей скромной походной формы вычурным разноцветным плюмажем своего головного убора. Этот гофкурьер обходил лиц, подлежащих приглашению, за два-три часа до наступления времени, к которому они должны были собраться к высочайшему столу, и лично передавал приглашения на словах. При всех временных приездах государя в Барановичи великий князь, начальник штаба и я ежедневно — к завтраку и обеду — получали эти приглашения, и тем не менее таковые возобновлялись гофкурьером каждый раз. Кроме нас к высочайшему столу приглашались также военные представители союзных держав, жившие при Став-

ке, и другие чины штаба, но уже по очереди, которая весьма точно велась походным гофмаршалом. Порядок ежедневного возобновления приглашения был установлен из желания Двора сохранить за собою известную свободу, хотя установившийся обычай видеть нас постоянно за царским столом, как я уже говорил, никогда не нарушался.

Только в последний приезд государя в Ставку в качестве уже не только верховного вождя, каковое звание в старой России почиталось всегда принадлежавшим монарху, но и верховного руководителя действиями войск этот порядок был прекращен в отношении уже сдавшего свою должность генерала Янушкевича и меня. Мы, как выбывшие из состава Ставки, перешли в эти дни на довольствие в общую столовую штаба.

Получив приглашение, которое, таким образом, являлось прощальным, я в назначенное время прибыл к царскому поезду при оружии и орденах, которые до сих пор никогда нами не надевались при посещении царского поезда.

Я очень быстро убедился, что поступил вполне правильно, приняв более официальный вид. Государь за обедом говорил со мною мало, лишь столько, сколько требовалось по этикету; большинство же лиц царской свиты не вышло за пределы холодного внимания, и лишь немногие встретились и простились со мною по-прежнему тепло и сердечно.

Я сразу почувствовал себя чужим в этом сплоченном кружке, окружавшем монарха. И это чувство оставило меня лишь тогда, когда на следующий день мимо окон моего вагона быстро пронеслись последние жалкие домишки чуждого мне города, в котором расположилась Ставка и который, мне думалось, я оставляю навсегда.

Я уезжал на несколько дней на север, в Петроград, чтобы временно отдохнуть в кругу своей семьи, среди которой не был уже более года.

Желая избежать лишних проводов, я просил своих бывших сослуживцев, с которыми простился заранее, не беспокоить себя приездом на вокзал. В память нашей совместной службы они поднесли мне походный образок, долженствовавший служить мне прибежищем в трудные минуты моей дальнейшей боевой деятельности. Однако ко времени отхода поезда собралась довольно значительная группа, и в ее составе оказалось несколько лиц, вновь прибывших с генералом Алексеевым на пополнение прежнего состава штаба. На мой упрек в потере времени, обращенный к ним, один из них, известный своей слишком «мудреной», чтобы не сказать более, головой, простодушно ответил:

— Начатую атаку надо всегда доводить до конца.

Что означала эта вырвавшаяся фраза? Над этим вопросом я не считал нужным долго задумываться...

НЕСБЫВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ

«В общем положение наших армий спокойное и уверенное в себе. Почин в действиях в частных боях понемногу переходит на нашу сторону» — так оценивалась в официальном сообщении штаба Верховного главнокомандующего обстановка на фронте уже через несколько дней после возложения императором Николаем II на себя обязанностей Верховного главнокомандующего.

Но то была только реляция, составленная в духе ожидавшегося, по-видимому, чуда. К сожалению, такого не случилось.

Германцы в этот период времени подготавливали новый удар к северу от Вильно. Подготовка эта закончилась известным свенцянским прорывом⁷, выполненным в первых числах сентября, и появлением в тылу наших войск германской кавалерии. Последняя докатилась до Борисова, находившегося на линии железной дороги, соединявшей Москву с Брестом.

Отголоски этого набега отзывались беспокойством в самом Могилеве, где уже обсуждали меры к перенесению Ставки еще более на восток.

Лишь к двадцатым числам сентября, после ряда дополнительных перегруппировок, германцы были оттеснены назад к западу, и фронт наш принял форму непрерывной укрепленной линии от Рижского залива до границы с Румынией.

Началось томительное позиционное сидение...

БЫЛА ЛИ РОССИЯ ГОТОВА К МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Как, однако, могло случиться, что Россия, вступив в 1914 г. в мировую войну и начав такую в общем успешно, должна была в следующем году выполнить своими армиями общее наступление, в результате которого неприятелю была не только обратно отдана занятая вначале Галичина, но и уступлена значительная часть отечественной территории?

Ответ на этот вопрос полностью может быть дан только один: Россия не была подготовлена к такой войне, которую ей пришлось вести.

Боевая готовность русской армии была коренным образом нарушена русско-японской войной 1904—1905 гг. Восстановление же этой готовности после войны встретило большие затруднения как в финансовом отношении, так и вследствие многочисленных

командировок, выпавших на долю войск в период народных волнений, развернувшихся вслед за войной.

Еще зимою 1908/09 г. на одном из совещаний в присутствии государя по случаю присоединения Австрией Боснии и Герцеговины тогдашний военный министр генерал Редигер принужден был громогласно заявить, что русская армия не только не в состоянии проявить какие-либо активные действия, но и затруднена даже в защите собственных границ.

Неготовность армии была констатирована и в 1912 г., в острый период Балканской войны. Только к 1914 г. наши войска успели выйти из состояния своего бессилия. Тем не менее даже к этому году наши сухопутные вооруженные силы все еще не освободились от многих весьма существенных недостатков и продолжали оставаться крайне недостаточно снабженными боевым материалом и техническими средствами. В свою очередь, отечественная промышленность в период вновь надвинувшейся войны не могла справиться с удовлетворением возникших потребностей; приобретение же и доставка предметов боевого снабжения из-за границы были сопряжены с большими затруднениями.

В результате таких условий русская армия в течение первых же месяцев мировой войны стала испытывать крайнюю нужду в предметах вооружения, отсутствие коих обрекло ее на ужасающий некомплект, невзирая на обилие в то время еще человеческого материала. Армия эта должна была ограничивать себя и в расходовании боевых припасов, не имея возможности отвечать соответствующим образом на огонь своих противников. На каждом шагу она испытывала также на себе техническое превосходство своих противников, что не могло не отражаться на психике войск и их сопротивляемости.

Но это лишь одна сторона. И, может быть, не самая главная. Россия оказалась не готовой к войне и с более общей точки зрения.

Современная война в интересах доведения ее до победного конца требует крайнего напряжения решительно всех сил наций, как материальных, так и моральных. К такой всесторонней мобилизации Россия не была готова. Среди отдельных частей ее и различных слоев населения сознание государственного единства было развито чрезвычайно слабо. Народонаселение России было далеко не однородно, и на окраинах уже издавна бурлили различного рода центробежные настроения. Что же касается коренного русского населения, то оно главной своей массой жило, пребывая в темноте и безграмотности. Это население было разбросано по деревням, разъединено между собою огромными расстояниями, плохими сообщениями и погружено с головою в свою

трудовую неприглядную хозяйственную жизнь. В это же время оторвавшиеся от низов тонкие верхние слои русского общества, приобщившиеся к западной культуре и успевшие внести в нее собственные весьма ценные и всеми признанные вклады, не могли не видеть всей отсталости своей Родины. И потому значительная часть русской интеллигенции настойчиво требовала от правительства решительных мер по выведению великой страны из мрачного тупика самодержавного строя. Власть, однако, упорствовала: она считала, что самодержавие, опирающееся на дворянско-помещичий класс, непременная особенность уклада русской жизни. И этот взгляд, как увидим дальше, отбросил постепенно массы населения в оппозицию.

При таких условиях, характеризуемых, с одной стороны, недостатком прочной государственной связи между коренным русским населением и другими народами, проживавшими на территории России, а с другой — внутренним разрывом между высшими, культурными слоями населения и низшими, темными массами, могла ли создаться в России столь необходимая для ведения большой войны моральная обстановка и не грозило ли опасными последствиями чрезмерное напряжение ее сил?

Россия была огромным колоссом на глиняных ногах. Ей необходимы были долгие годы мира и глубокая внутренняя перестройка.

Легче, конечно, говорить о необходимости мира, чем обеспечить таковой в действительности; да и все упомянутые выше условия были до войны менее отчетливо видны, чем теперь.

Но близорукость никогда не прощается власти. Ведь управлять — значит предвидеть.

Однако, возразят мне, за несколько месяцев до войны в одной из довольно распространенных газет появилась статья, озаглавленная: «Россия хочет мира, но готова к войне!»⁸

Статья эта вызвала большую сенсацию, так как содержание ее очень упорно приписывалось если не перу, то инициативе военного министра и в ней шла речь о быстром росте и достигнутом совершенстве военного могущества России.

Да, отвечу я, такую статью действительно можно было найти на страницах одной из столичных газет того времени, и сведения, помещенные в ней, с несомненностью свидетельствовали о том, что автор статьи имел в своем распоряжении официальные источники. Но верно в ней только то, что Россия действительно желала длительного мира и очень стремилась к сохранению его. Вывод же о военной готовности был, несомненно, тенденциозен, и цель этой статьи легко обнаружить, если принять во внимание появление ее в день пятилетия пребывания генерала Сухомлино-

ва в должности военного министра. Реклама и легкомысленная бравада были очень свойственны его натуре.

Серьезность выводов статьи подвергалась в то время сомнению, и более солидная пресса отказалась ее печатать.

Да и как в самом деле можно было говорить о военной готовности страны, не касаясь оценки общего положения в ней! Но даже с точки зрения только вооруженных сил России вывод статьи не гармонировал с фактом внесения в законодательные учреждения в том же году обширной программы в ответ на новые вооружения Германии, программы, требовавшей увеличения русской армии мирного времени на 12 тыс. офицеров и 500 тыс. солдат с отпуском полумиллиарда золотых рублей в качестве единовременного расхода и 140 млн рублей ежегодно⁹.

При этом упомянутая программа имела в виду не одно простое увеличение числа войсковых организмов; она должна была покрыть собою ряд очень крупных дефектов существовавшей системы обороны. Ею предусматривалось внутреннее упрочение войсковых частей, существенные усовершенствования в организации и общее усиление артиллерии, расширение некоторых военных заводов и arsenалов, довольно широкое развитие технических и особенно авиационных частей.

Но независимо от осуществления этой программы и наша железнодорожная сеть нуждалась с военной точки зрения в очень крупных усовершенствованиях. Достижение этих усовершенствований было делом также нескольких ближайших лет.

При наличии столь серьезных недочетов имел ли военный министр основание заявлять о готовности подведомственной ему армии к современной войне?..

Ответ мог быть только отрицательным.

Однако статья на тему «Мы готовы», инспирированная русским военным министром, несомненно, могла возбудить в германском общественном мнении известное подурнение и дать даже материал в руки германским шовинистам.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА И ВНУТРЕННИЕ НАСТРОЕНИЯ В РОССИИ

Небольшая по сравнению с Россией островная Япония, вступившая в 1904 г. в войну и принужденная вести ее на чужом материке, победила русского голиафа. Война 1904—1905 гг. была крайне непопулярна в России. Она велась из-за интересов, чуждых русскому народу и ему даже неведомых, в условиях чрезвычайно затрудненной связи театра военных действий с материком.

Но как же объяснить причины наших неудач, приведших к падению Порт-Артура и завершенных тяжкими ударами: на суше — под Мукденом, на море — близ острова Цусима?! Печальные результаты войны не могли не отозваться весьма болезненно на гордости и самолюбии русского человека. В этой войне с отчетливостью выявилось совершенное бессилие русского колосса. И всеми силами своей израненной души русский человек, самого даже умеренного направления, не мог не почувствовать возмущения теми государственными порядками, которые довели великую страну до перенесенных унижений.

Начавшиеся еще в период самой войны, но особенно разросшиеся к ее концу народные волнения, не миновавшие и маньчжурских армий, должны были явиться серьезным предостережением русской самодержавной власти и политике ее правительства. В формах, не оставляющих никаких сомнений, выявилась неудовлетворенность многомиллионного русского народа установленным над ним режимом и стремление этого народа принять участие в распоряжении собственной судьбой.

Правительство не учло всей серьезности полученных им предостережений. Недостаточно искренними полууступками и грозными репрессиями болезненные проявления недовольства были загнаны внутрь организма, но этим, конечно, сама болезнь не излечена.

Она дала новую, уже более решительную вспышку через десять с лишним лет, в период новой, еще более несчастной войны.

Таков внутренний смысл событий, имевших место в России в период 1905—1917 гг.

Недовольство самодержавным строем, в сущности, началось еще за много лет до русско-японской войны. Достаточно вспомнить о картечном выстреле по Зимнему дворцу и по процессии, в которой находился царь. Выстрел этот был дан батареей, должествовавшей выполнить салют во время крестного хода 6 января 1904 г. Оппозиционное настроение лишь выкристаллизовывалось с особою ясностью и охватывало значительно более широкие круги под влиянием неудач вышеназванной войны.

Трудно было в самом деле мириться с положением, при котором население многомиллионной страны держалось в стороне от государственного управления, осуществлявшегося единоличною царской властью через посредство министров, даже не составлявших объединенного правительства, а назначавшихся и увольнявшихся каждый в отдельности волею монарха.

Русская интеллигенция, наблюдая заграничную жизнь и отдавая себе отчет в ее преимуществах, уже давно задалась твердой целью разбить этот архаический порядок, тормозивший разви-

тие государства, и направить дальнейшую жизнь его населения по пути, указывавшемуся опытом западной культуры.

Уже в 1902 г. в Германии, в Штутгарте, стала издаваться газета «Освобождение»¹⁰, посвятившая себя «великому делу борьбы за всестороннее освобождение России от полицейского гнета, за свободу русской личности и русского общества».

Наиболее восприимчивую средою для либеральных веяний того времени явилась среда земских и городских деятелей, передовые слои которых и стали душою задуманного освобождения. В 1904 г. среди них и было положено начало «Союзу освобождения», постепенно разросшемся в очень широкую, хотя и негласную, организацию.

Встреченное со стороны правительственной власти упорство лишь расширило число оппозиционно настроенных людей. Настроение это вскоре стало как бы признаком принадлежности к независимым кругам русского общества. Оно не прошло мимо русского купечества и промышленников, передовая часть коих также примкнула тесно к освободительному движению. Но и среди служилого сословия либеральные идеи нашли довольно широкое распространение. И даже русское дворянство, составлявшее в России привилегированное сословие и в целом отличавшееся наибольшим консерватизмом, стало признавать неизбежность политических реформ в центре страны; оно стремилось лишь упорно к сохранению своего значения на местах путем удержания в своем владении принадлежавших ему земель.

После русско-японской войны различного рода союзы стали развиваться с особой силой, и впоследствии из них выросли политические партии. Особое развитие получила Конституционно-демократическая партия (кадеты), или, как она себя именovala, Партия народной свободы¹¹. В русском освободительном движении ей довелось играть заметную роль.

Центром оппозиции стала Москва. На местах же освободительное движение нашло себе точку опоры в различных органах городских и земских самоуправлений, образовавших целую сеть либеральных ячеек на территории всей страны. Эти ячейки вобрали в себя прогрессивных представителей всех классов населения, от высших до самых низших.

Вследствие слабой отечественной промышленности рабочего вопроса в России почти не существовало. Во всяком случае, вопрос этот не приобретал у нас столь острой формы, как на Западе. Тем не менее с каждым годом рабочий класс численно возрастал, и особенно быстро это возрастание пошло в период мировой войны. С точки зрения оппозиционности надо отметить, что класс

Николай II с государыней императрицей в военно-морской форме

«Он стал верить только ее советам и себе. Она — та единственная, которая приобрела и сохранила до конца власть над ним, последним монархом прежней России».

Ю.Н. Данилов. «На пути к крушению»

Адмирал И.К. Григорович

«Можно с уверенностью сказать, что никогда в истории России не было во главе ее морского ведомства столь мудрого, благородного и просвещенного человека...».

А.Д. Бубнов. «В царской Ставке»

Император Николай II, адмирал Григорович и президент Франции Р. Пуанкаре на Петергофской военной пристани

А.В. Колчак, самый молодой адмирал
русского флота

*«Смелый и до крайности решитель-
ный, он подчинял своей железной
воле не только своих сотрудников,
но и начальников. Его пылкая и на-
пряженная натура не терпела ника-
ких препятствий...»*

А.Д. Бубнов. «В царской Ставке»

Бой кораблей Черноморского флота с турецкими крейсерами

Вице-адмирал Ф.К. Авелан и контр-адмирал З.П. Рожественский (справа)

Адмирал Н.О. Эссен

«Герой русско-японской войны, энергичный и умный начальник, посвятивший всего себя подготовке вверенного ему Балтийского флота к войне».

А.Д. Бубнов. «В царской Ставке»

Адмирал А.И. Русин, начальник Главного морского штаба (1913—1914) и Морского генерального штаба (1914—1917)

Адмирал З.П. Рожественский

«Благодаря его личной железной воле был осуществлен во время русско-японской войны небывалый подвиг – поход на Дальний Восток 2-й Тихоокеанской эскадры».

А.Д. Бубнов. «В царской Ставке»

Адмирал А.А. Эбергард

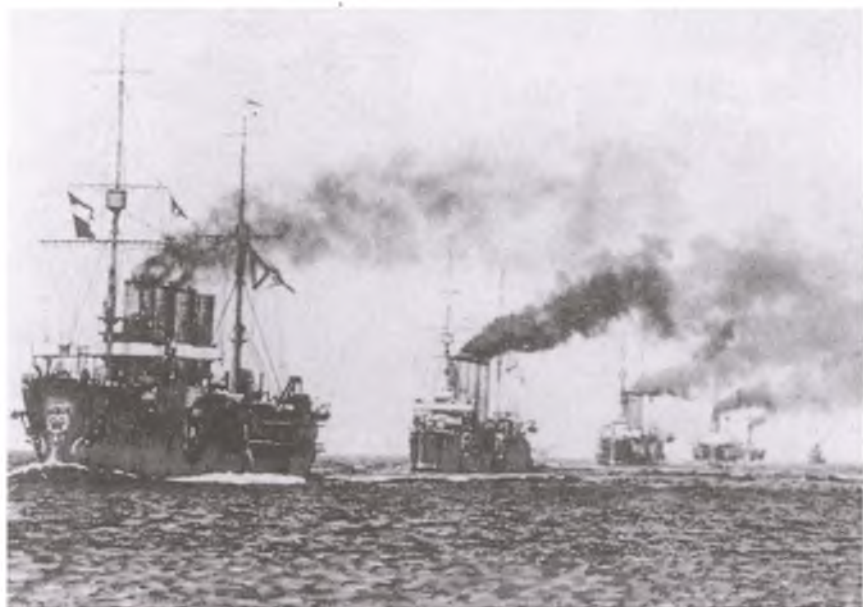
«Чрезвычайно благородный, честный и самолюбивый...»

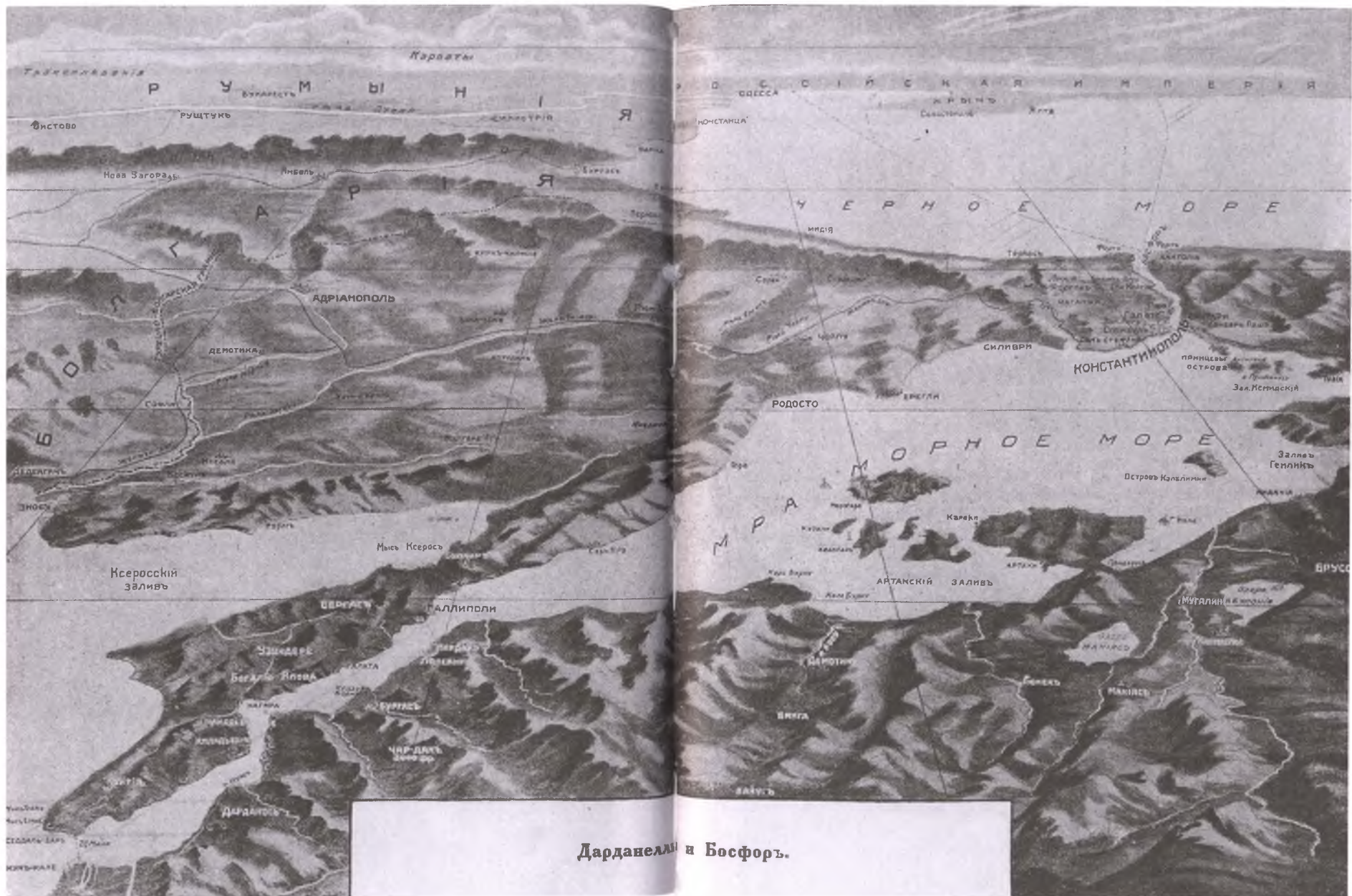
А.Д. Бубнов. «В царской Ставке»

Пока еще лейтенант, а в будущем адмирал А.И. Непенин

Балтийский флот надежно прикрывал Петроград с моря

Дарданеллы и Босфоръ.

С.Ю. Витте

«Многие полагали, что именно ему суждено вывести Россию не только из внешнего, но и внутреннего политического тупика».

Ю.Н. Данилов. «На пути к крушению»

В.В. Шульгин, член исполнительного комитета Государственной думы

П.А. Столыпин, председатель Совета министров и министр внутренних дел (1906—1911)

И.Л. Горемыкин

«Он принадлежал к категории людей крайнего правого направления, которые... являлись противниками всяких прогрессивных течений».

Ю.Н. Данилов. «На пути к крушению»

Торжественное заседание Государственного совета. Худ. И.Е. Репин, совместно с худ. Б.М. Кустодиевым и И.С. Куликовым. 1901—1903 гг.

В.М. Пуришкевич, член Государственной думы, один из лидеров «Союза русского народа»

П.Н. Милюков, член Государственной думы от Партии народной свободы

А.И. Гучков, член Государственного совета

«Он был из числа тех общественных деятелей, коих особенно не любили при Дворе, считая их лидерами оппозиции».

Ю.Н. Данилов. «На пути к крушению»

Члены Государственной думы после приема у императора Николая II. 26 июля 1914 г.

Юнкерский патруль на улицах Петрограда

А.Ф. Керенский, министр-председатель Временного правительства
*«Будучи сам порожден революцией, он... не мог вступить с ней в открытую борьбу,
да и не обладал для этого соответствующими данными».*

А.Д. Бубнов. «В царской Ставке»

Члены исполнительного комитета Государственной думы. Крайние справа:
М.В. Родзянко и А.Ф. Керенский

Революционные солдаты на улицах
Москвы. Февраль 1917 г.

Участники февральско-мартовских
событий 1917 г. в Петрограде

этот являлся всегда наиболее организованным и, руководимый русской социал-демократической партией, служил цитаделью революционных настроений; при этом из него самого вышло немало активных революционных деятелей.

Значение настроений рабочего класса усиливалось теми обстоятельствами, что, во-первых, рабочие группировались по небольшому числу промышленных пунктов, где они составляли уже заметный процент; во-вторых, что их руками производилась весьма заметная часть ежегодного национального дохода; и, в-третьих, что с ними установилась известного рода солидарность в действиях со стороны служащих по транспорту, в торговле и в других учреждениях общественного значения.

Эти последние категории служилого люда были также объединены в союзы, и их стачки и забастовки всегда грозили стране серьезными последствиями.

Что касается русского крестьянства, составлявшего главную массу населения в России, то здесь необходимо вспомнить, что до шестидесятых годов XIX столетия крестьяне находились в тяжелой личной и хозяйственной зависимости от государства или от помещиков, смотря чью землю они обрабатывали. Прежде вся частновладельческая земля принадлежала дворянам-помещикам, которые за обработку земли обязаны были заботиться о крестьянах, к этой земле прикрепленных. Права помещиков были очень обширны, хотя и не определялись точно законом, место которого заменяло предание, обычай, а часто и собственная воля помещика — владельца земли.

Русское крестьянство издавна боролось против такого бесправия. Достаточно вспомнить общественные движения Болотникова, Разина и Пугачева, в период коих недовольные народные элементы объединялись в борьбе против господствующих порядков и привилегированных сословий. Немало в то время было вырезано помещиков и богатых купцов. Но и к середине XIX столетия волнения не стихли. Они особенно разрослись в период неудачной для России Крымской войны, уже тогда выявившей бессилие государства.

Памятным Манифестом императора Александра II, изданным 19 февраля 1861 г., крестьяне были освобождены от крепостной зависимости с предоставлением им за определенные повинности или выкупную плату земли для обеспечения, как говорилось в манифесте, «быта их и исполнения обязанностей их перед правительством»¹².

Но увы! При определении размера земельного обеспечения была допущена несправедливость, сразу создавшая малоземелье и тяже-

лым бременем легшая на хозяйственную жизнь освобожденных крестьян. Кроме того, на протяжении большей части Европейской России земля выделялась в собственность не каждой крестьянской семье в отдельности, а целого общества (общины), которое передавало эту землю по участкам во временное владение крестьян. Очевидно, что из-за естественного прироста населения, увеличения налогов и сковывавшего влияния общинного землевладения положение главной массы населения крестьян становилось с каждым годом все труднее. Земельная нужда становилась все острее, и крестьянство продолжало жить беспокойной жизнью.

К тому же крестьяне в своем представлении считали себя глубоко обиженными произведенной реформой, ибо часть земли, которую они раньше, при крепостной зависимости, обрабатывали сами, почему и считали себя с нею слитыми, осталась после реформы в руках прежних их владельцев — помещиков.

«Мы ваши, земля же наша» — так формулировали они еще в период крепостничества свои отношения к помещику и его угодьям.

«Земельный вопрос, — писал граф Л.Н. Толстой в 1911 г. по случаю 50-летия крестьянской реформы, — дошел в настоящее время до той степени зрелости, до которой доходил вопрос крепостного права 50 лет тому назад».

Конечно, ни дополнительной прирезкой помещичьей земли, ни даже полным отчуждением ее в пользу крестьян нельзя было разрешить чрезвычайно сложной аграрной проблемы в России, но без этой меры едва ли могло быть достигнуто успокоение крестьянских масс.

Вопрос этот перестал быть вопросом только экономическим, он перешел в область политическую, и на нем легко было играть всем тем, для коих государственная смута являлась желательной.

К тому же согласно реформе 19 февраля крестьяне, выходя из крепостной зависимости, должны были получить не только имущественные, но и личные права свободных, полноправных граждан. Но этого не случилось, и крестьянство до последнего времени оставалось на положении совершенно обособленного и урезанного в своих правах сословия.

Мечта о воле и земле, таким образом, осуществлена не была или была осуществлена не полностью; сохранилась поэтому и почва для дальнейшего недовольства.

Но странное дело. Крестьянство долго ждало разрешения своих сокровеннейших желаний от царя, которого будто обманывают «баре». Вполне естественно при этом, что на первый план выдвигались чаяния экономические, необходимость разрешения коих являлась для крестьян условием первостепенным. И вот

стали ходить легенды о том, что «царская грамота» о земле уже существует, но только где-то и кем-то глубоко запрятана.

В действительности же дело обстояло, как известно, иначе. Значительная часть помещичьего землевладения продолжала оставаться в руках дворянского класса, на который и опиралось по преимуществу русское самодержавие. Идти против интересов этого класса, хорошо сознававшего, что с потерей земли будет положено начало прекращения его первенствующего положения в государстве, царская власть не пожелала. Прошло, однако, немало времени, прежде чем это обстоятельство было полностью раскрыто в деревне, которая с этих пор и стала доступна противодерской пропаганде.

Вдохновителями революционной пропаганды в деревне были деятели русской социал-революционной партии (эсеры). Они вели в крестьянской среде горячую пропаганду на почве земельного вопроса и имели в своей среде большое число приверженцев среди учащейся молодежи и земских служащих. Из среды партии эсеров выделились в особую группу максималисты, программа коих допускала возможность индивидуальных террористических актов. Эти последние должны были действовать на власть устрашающим образом и устранять наиболее волевых людей в правительственных сферах.

Не последнее значение в деле нарастания оппозиционных настроений играло также отношение русского правительства к окраинным и инородческим вопросам. Впереди других стояли еврейский, польский и финляндский вопросы. За ними следовали не менее существенные вопросы: украинский и различных племен Кавказа. Окраинное и инородческое население России, как уже было отмечено выше, составляло весьма значительный процент от общего населения империи. Принадлежа к различным национальностям, исповедуя различные религии и культы, находясь, наконец, на различных ступенях культуры, население это требовало по отношению к себе очень вдумчивого и внимательного отношения.

Между тем правительственная политика при подходе к этим вопросам далеко не всегда отличалась даже элементарной справедливостью, что вызывало раздражение и, конечно, также способствовало развитию не только сепаратистских, но и революционных течений.

Таким образом, царская власть постепенно лишалась своего авторитета и поддержки в обществе и народе. Против нее вооружилось все население огромной и довольно пестрой империи, за исключением, быть может, дворянского класса и бюрократиче-

ских кругов, обязанных режиму своим положением. Да и то условно, так как много дворян и служилых людей понимали необходимость уступок и охотно готовы были идти на таковые.

Высокий трагизм вытекавшего отсюда положения хотя и весьма осторожно, но ярко был подчеркнут в известной речи А.В. Кривошеина¹³, одного из популярных министров царского правительства. В этой речи, произнесенной им в 1909 г. на агрономическом съезде в Киеве, словами «мы» и «они» он вынужден был признать наличие в стране двух враждебных друг другу лагерей.

«Мы» — это правящие сферы, «они» — все остальное население империи, объединенное общим недовольством и жадной переман.

Правящие сферы во главе с царем выросли и были воспитаны в духе самодержавия, предугазанного России как бы свыше. Для них все либеральные чаяния были не более как «бессмысленные мечтания». Так выразился о них в 1894 г. император Николай II в ответе одной из депутатий, ему представлявшихся¹⁴.

Озлобленная упорством царизма, другая сторона готова была на всякие средства борьбы, причем некоторые революционные кружки не считали себя связанными в этом отношении никакими пределами, доходя до идей пораженчества.

— Чем хуже, тем лучше, — говорили они.

Ясно, что между этими двумя течениями рано или поздно должна была произойти жестокая схватка...

ПОЛИТИЧЕСКАЯ «ВЕСНА» 1904 г. И ЕЕ ТРАГИЧЕСКИЙ КОНЕЦ

Бывали, впрочем, короткие периоды кажущегося сближения власти с народом. Одним из таковых должно было быть вступление осенью 1904 г. в управление министерством внутренних дел князя Святополк-Мирского¹⁵, объявившего о необходимости взаимного доверия.

К глубокой скорби русских людей, жаждавших эволюционно-го развития русской государственности, период правительственной «весны», как тогда его назвал А.С. Суворин¹⁶, известный издатель «Нового времени», был недолог и привел к печальным результатам. Он вскрыл лишь ту почти непроходимую пропасть, которая лежала между взглядами правящих сфер и даже наиболее урезанными пожеланиями либерально настроенных общественных кругов.

В ноябре упомянутого года в Петербурге состоялся частный съезд земских и городских деятелей, на котором был выработан

перечень необходимейших, по мнению большинства съезда, мероприятий. Он заключал в себе требование народного представительства и установления наиболее элементарных гражданских свобод. В поддержку этим заявлениям в правительственные канцелярии посыпался изо всех углов необъятной России ряд петиций, записок и ходатайств. В обеих столицах были организованы даже небольшие демонстрации учащейся молодежи.

Правительство было, по-видимому, смущено этим общим сочувствием земскому заявлению. Не далеко ли на самом деле оно зашло в своем «попустительстве»?!

И вот в ответ на выраженные земскими деятелями пожелания был выпущен декабрьский именной высочайший указ, коим подтверждалась незыблемость основных законов империи. А дополнительным административным распоряжением разъяснялась недопустимость обсуждения на съездах вопросов политического характера и воспрещались всякого рода противоправительственные собрания и шествия...

Игра в политическую «весну» была закончена. Но взволнованное море не пожелало более успокоиться...

При таких условиях настал бурный 1905 год.

9 января 1905 г. — трагическая дата в летописях русской монархии. В этот день, впоследствии прозванный «Кровавое воскресенье», ярче, чем когда-либо, было констатировано отсутствие доверия и прямой связи у русского царя с его народом.

Огромная толпа столичного рабочего люда должна была направиться к Зимнему дворцу, чтобы через особую депутацию лично, из рук в руки, вручить своему монарху просьбу, может быть, наивную, несбыточную, об облегчении условий трудовой жизни.

Таков был замысел руководителей этой демонстрации, во главе коих стоял священник Гапон¹⁷.

Власти были предупреждены о мирных намерениях толпы и персональной безопасности царя. Об этом дана была клятва организаторов шествия.

Сероватым холодным утром в назначенное время толпа собралась и двинулась к Зимнему дворцу, где предполагался царь. Священник Гапон стал во главе шествия с крестом в руках. Толпа была безоружной, и попытка крайних элементов ее выбросить красные флаги была осуждена.

Но улицы к площади перед Зимним дворцом оказались вдруг закрыты войсками. После короткого приказа толпе разойтись по ней открыт был огонь. Много оказалось убитых, еще больше искалеченных. Ошеломленная, толпа замерла на месте, но, уви-

дев выезжавшую из-за пехоты конницу, кинулась с проклятиями назад. Вскоре порядок был восстановлен.

Такова фактическая сторона событий.

Нас не может не интересовать вопрос: были ли вложены в организацию этой демонстрации какие-либо революционные намерения и не представлялось ли возможным предупредить их осуществление какими-либо иными, менее тяжелыми мерами? Но важно отметить то трагическое, что было в результате этого дня.

Рядовой участник неудавшегося шествия не мог не вынести из данного ему рокового ответа то горькое чувство, что у народа прямого хода к царю нет и что с вершины государственного управления нельзя ждать устроения жизни на «началах правды», о которых он так мучительно, хотя и туманно, думал.

«Кровавое воскресенье» дало, несомненно, очень сильное оружие в руки тех, кто стремился доказать неискушенному народу, что только «в борьбе обретет он право свое».

РОССИЯ В ОГНЕ

В феврале описываемого года заметно заволновалось крестьянство. Самочинные действия, в кои стало выливаться это волнение, начали вспыхивать то в одном, то в другом месте, но вначале они не производили впечатление согласованности. Видимо, сказывались расстояния, разобщавшие население, и неорганизованность крестьянских масс.

Однако в середине 1905 г. в Москве состоялся Крестьянский съезд, на котором было положено начало «Всероссийскому крестьянскому союзу»¹⁸. Союз этот весьма быстро получил широкое развитие на местах; сам же он вошел в состав образовавшегося в то время «Союза союзов»¹⁹. Последний имел уже вполне определенные задачи служить целям объединения всех оппозиционно настроенных в стране элементов.

К этому времени крестьянским движением был охвачен уже целый ряд губерний, преимущественно в южной половине России. Беспорядки прошли также по Прибалтийскому краю и не миновали Кавказа.

Хотя в основе крестьянского движения, несомненно, лежали причины экономического порядка, главным образом жажда приобретения дополнительной земли, но размеры и формы, в кои оно постепенно вылилось, свидетельствовали уже о наличии вполне организованной пропаганды в деревне, имевшей ярко революционный характер.

Самочинные действия крестьян были направлены прежде всего против помещиков. Они выражались в насильственном захвате земель, лугов, урожаев и в лесных порубках. Почти неизменно действия эти сопровождалась грабежами и поджогами помещичьих усадеб и экономий.

«Из разоренных гнезд птицы сами разлетятся» — такими словами выражал один из радикальных русских писателей мысль, лжавшую в основе этих бесчинств.

Картина разрушения, производившегося в деревнях, была ужасающей, и, не опасаясь преувеличений, можно сказать, что, охваченная беспорядками, Россия «пылала в огне».

В большом числе случаев крестьяне собирались толпами для производства задумывавшихся насилий и беззаконий, иногда в несколько сот и даже тысяч человек; при этом ими руководили пришлые со стороны люди, часто даже вооруженные. Это обстоятельство ясно указывало наличие какой-то организации, стоявшей в деревне. Возбужденные примером пришлых людей, крестьяне нередко выступали против местных властей и самовольно собирались на сходы, вынося политические требования о созыве народных представителей, отобрании у помещиков земли, уничтожении ненавистного крестьянам института земских начальников и т. д.

Властям для прекращения упомянутых выше буйств и беспорядков приходилось подчас принимать очень крутые меры. К выполнению этих мер обычно привлекались войска, которыми гражданские власти нередко злоупотребляли. Это, в свою очередь, не могло не отражаться на внутреннем состоянии войсковых частей армии.

АРМИЯ И ФЛОТ. БРОНЕНОСЕЦ «КНЯЗЬ ПОТЕМКИН ТАВРИЧЕСКИЙ»

В русско-японской войне 1904—1905 гг. приняла участие одна треть всех наших сухопутных вооруженных сил. Тем не менее война эта внесла полное расстройство в организацию всей нашей армии. Мы не сразу оценили по достоинству нашего противника, вследствие чего в состав действующей армии вошло слишком много резервных частей. Впоследствии, чтобы улучшить состав Маньчжурской армии и обеспечить пополнение из войсковых частей, остававшихся вне театра военных действий, неосторожно выхватывались офицеры, кадровые нижние чины и разного рода специалисты. Не ограничиваясь отдельными партиями укомплектований, маньчжурское командование настояло даже на влитии в ряды его войск целого контингента призывников

1905 г., считавшихся, как более молодые, лучшим возрастным классом в составе армии. Это выкомандирование окончательно расстроило войсковые части Европейской России. Полки сильно поределели, и многие из них пришлось свернуть в меньшее число рот, причем вместо положенных 60 офицеров явилась необходимость довольствоваться наличием в полках 10—15 офицеров. При таких условиях стало страдать обучение, а непрерывные командировки для подавления беспорядков ослабили и внутреннюю спайку частей. Мало кто задумывался над тем, что ведь волнующимся крестьянам и рабочим, в сущности, противопоставлялась воинская сила, составленная из тех же элементов!

Неудивительно, что при таких условиях революционная пропаганда стала успешно проникать в казарму.

Но если в сухопутной армии, всегда отличавшейся твердым внутренним порядком и состоявшей по преимуществу из солдат-крестьян, еще возможно было до поры до времени уберечь войсковые части от революционных выступлений, то во флоте, где дисциплина была слабее и куда поступало много военнообязанных из рабочих, это дело являлось гораздо более трудным. Революционная пропаганда велась там с большим для нее успехом, и уже в июне 1905 г. она дала очень резкую вспышку.

Команда одного из самых мощных черноморских броненосцев, носившего имя «Князь Потемкин Таврический», воспользовавшись отделением корабля от остальной эскадры для занятия артиллерийской стрельбой, 14 июня неожиданно взбунтовалась. Повинуясь кучке революционно настроенных вожаков, она перебила и выбросила за борт командира и большинство своих офицеров, после чего направилась в Одессу, где ожидалось восстание рабочих.

Последнее, однако, было потушено войсками, остававшимися верными правительству. Мятежному настроению на берегу не помогли и те два боевых выстрела, которые были даны с броненосца по городу по совету прибывших оттуда агитаторов.

С томительным напряжением тогда экипаж названного выше морского гиганта стал поджидать подхода всей Черноморской эскадры, убаюкиваемый мечтами о переходе ее на сторону восставших.

И действительно, рано утром 17 июня на горизонте Одессы появились дымки. То была Черноморская эскадра, направлявшаяся прямо на «Потемкина», стоявшего на внешнем рейде порта. Но какое последовало разочарование для мятежного экипажа!..

«Безумные, покайтесь! Мы удручены вашим поступком!» — так телеграфировали команде «Потемкина» с адмиральского корабля.

Около полудня число надвигавшихся на «Потемкина» дымков увеличилось, и мятежникам была послана вторичная телеграмма, призывавшая их к повиновению.

Но среди упорствующих пробили боевую тревогу, и морской красавец исполин, повинувшись мятежной руке, стал готовиться к бою со своей же эскадрой.

Однако до этого ужаса дело не дошло. Командующий адмирал, удостоверившись в невозможности усюветить восставших, дал сигнал эскадре повернуть на Севастополь... По-видимому, он желал избежать братского кровопролития и сохранить в целости едва ли не лучший корабль Черноморского флота — «Потемкин».

Видя себя одиноким и нуждаясь в провизии, угле и пресной воде, непокорный «Потемкин» направился к румынским берегам и неожиданно вошел в порт Констанца.

Не получив разрешения румынских властей грузиться и уподобляясь раненому зверю, мятежный корабль еще раз метнулся к родным берегам, в Феодосию. Встреченный там огнем местного гарнизона, он снова вернулся в Констанцу, где 25 июня команда наконец добровольно сошла на берег.

После 11-дневного пребывания в мятежных руках корабль поступил в распоряжение румынских властей и вскоре был возвращен ими русскому правительству.

Броненосец получил новое название «Св. Пантелеймон» и еще долго состоял в рядах Черноморского флота. В минувшую войну он входил в эскадру «старых» броненосцев, которая однажды встретилась с современным силачом «Гебенем» и после обмена залпами вынудила последнего скрыться в тумане²⁰.

Таким образом, хотя мятеж в Черноморском флоте не принял общего характера и остался в пределах отдельной вспышки, тем не менее, по донесениям того времени главного командира Черноморского флота, настроение в частях и командах этого флота было очень тревожным и внушало мало доверия. Черноморский флот объят был революционными настроениями.

Едва ли в лучшем положении находился флот Балтийского моря, но серьезные революционные вспышки произошли там позднее, в начале октября 1905 г. и летом 1906 г., под видом Кронштадтских восстаний.

«БУЛЫГИНСКАЯ ДУМА» НИКОГО НЕ УДОВЛЕТВОРЯЕТ

После кровавых событий 9 января князь Святополк-Мирский ушел с поста министра внутренних дел. Его место занял Булыгин.

Почти одновременно с этой переменной, уступая революционному нажиму, правительство в феврале объявило о своем намерении привлекать избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений, но «при непрременном сохранении основных законов империи».

Таким образом, намечалось представительное собрание, долженствовавшее иметь строго совещательный характер. Очевидно, что такое решение вопроса не могло удовлетворить разгоряченного борьбою населения, и немедленно вслед за обнародованием данного намерения началась серия съездов, на которые выносились гораздо более радикальные требования.

Эти требования стали особенно настойчивыми после тяжкого поражения нашего флота в мае под Цусимою. Тогда же в Москве многие организации, преимущественно из людей либеральных профессий, объединились в особый «Союз союзов».

В конце мая в Москве был созван съезд из земских и городских деятелей, который постановил представить государю через особую депутацию адрес о скорейшем созыве народных представителей и о даровании стране конституции. Депутация была принята императором Николаем, к которому князь С.Н. Трубецкой²¹, профессор Московского университета и известный общественный деятель, обратился с изложением существа постановления съезда. Наконец, в июле 1905 г. собрался вторично того же характера съезд, еще определеннее высказавший, что осуществление проекта созыва народных представителей на возвышенных началах «не может внести успокоение в страну и предотвратить опасности, ей угрожающие».

Тем не менее 6 августа 1905 г. положение о так называемой «Булыгинской думе» законосовещательного характера было объявлено²².

Население ответило на этот акт крупными беспорядками, начавшимися во всех центрах и постепенно перекинувшимися на железные дороги.

В начале октября забастовали железные дороги, примыкавшие к обеим столицам; вслед за этим брожение распространилось на другие линии, и вскоре поезда перестали ходить совсем. Руководство забастовочным движением принял на себя Железнодорожный союз, объединивший до полумиллиона железнодорожных служащих.

Примеру железных дорог последовал и телеграф. Очевидно, стала неисправной и почта, зависящая от правильного функционирования рельсовых путей.

Затем начали останавливаться фабрики и заводы. В столице погасло электричество, и город погрузился во мрак. Стачка угрожала также прекращением работы водопровода.

Жизнь, таким образом, останавливалась. И не только в столице. Волна забастовок прошла по всем большим городам России, вызывая во многих местах уличные столкновения с полицией и войсками. Но центральное место в событиях все же принадлежало Петербургу, в котором руководство революционным движением принял на себя Совет рабочих депутатов.

Главным способом его борьбы с властью являлась подготовка всеобщей политической забастовки. Названный Совет возник самочинно, путем избрания от каждого завода или фабрики в несколько сот рабочих одного делегата; имевшие меньшее число рабочих должны были для выборов объединиться в группы.

Совет рабочих депутатов, образовавшийся незадолго до 17 октября, успел вырасти и приобрести значение в самое короткое время. Открыв свои первые заседания при наличии всего лишь нескольких десятков делегатов, он быстро довел свой состав до пятисот членов и выше.

Депутаты, собравшиеся в нем, представляли до полутора сот фабрик, заводов, мастерских и профессиональных союзов. В состав Совета вошли также представители социал-демократических фракций — большевиков и меньшевиков — и делегаты от партии социалистов-революционеров.

Кроме того, с Советом поддерживали тесную связь разного рода союзы и стачечные комитеты, вырвавшиеся неожиданно, точно грибы после дождя.

Совет имел особый исполнительный комитет, и при нем издавались «Известия Совета рабочих депутатов». Газета печаталась в различных типографиях столицы, поочередно захватывавшихся путем налетов, совершаемых распоряжением того же Совета.

Совет рабочих депутатов сумел подчинить своему влиянию всю рабочую массу столицы и постепенно стал играть роль как бы второго правительства, с которым стали считаться даже власти. По приказам Совета жизнь в столице стала постепенно замирать.

Создавалось, таким образом, положение, из которого необходимо был выход...

Распоряжение, неосторожно вырвавшееся 14 октября у генерала Трепова²³, тогдашнего градоначальника столицы, а затем министра внутренних дел, при новых беспорядках: «Патронов не жалеть!» — не могло, конечно, разрешить назревавшей катастрофы. Оно ее лишь сделало неизбежной...

МАНИФЕСТ 17 ОКТЯБРЯ

— Ну, друзья, поздравляю: вчера подписан манифест! — с таким приветствием вкатилась к нам 18 октября днем грузная, несколько нескладная фигура с добродушным выражением в лице старого и доброго друга всей нашей семьи. — Я давно раздобыл для вас в сенате один экземпляр этого документа, отпечатанный на особой бумаге и вложенный в зеленую папку. Смотрите, какой определенный, отчетливый шрифт и как много обещает цвет этой папки! Ведь зеленый цвет — эмблема надежды!

— Слава Богу! — сказала моя жена. — Наконец-то мы отдохнем от ужасов последних месяцев. О проекте такого манифеста нам уже кто-то шепнул; нынче этот слух становится для нас уже фактом.

— Не очень успокаивай себя, мой милый друг, — возразил я ей. — Теперь-то, быть может, только и начинается борьба за лучшую жизнь. Дело ведь не в подписании бумаги, а в осуществлении ее содержания.

Тем не менее мы с жадностью стали знакомиться с текстом только что вышедшего манифеста, еще пахнувшего типографской краской.

— «Мы, — читал кто-то из нас слова государя, — признали необходимым объединить деятельность высшего правительства...

На обязанность такового возлагается выполнение непреклонной нашей воли:

1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы...

2) ...Привлечь теперь же к участию в Думе* ... те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав...

3) Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей...»

— Да ведь это подходит под понятие «конституция»! — воскликнул кто-то из нас.

Остальные к этому мнению присоединились. Мы поняли слова манифеста так, что император Николай II под давлением обстановки стал на путь самоограничения царской власти в пользу передачи части своих верховных прав народу.

* Речь шла о булыгинском проекте совещательной Государственной думы, опубликованном 6 августа 1905 г. (Примеч. авт.)

Авторы Манифеста 17 октября и основных законов, приуроченных к нему, явились, однако, по одному очень меткому выражению, товарищами «великого соблазна».

Редакция обоих названных актов страдала полным отсутствием ясности и определенности и потому допускала различное понимание в зависимости от настроения и намерений их толкователя.

Действительно, вполне очевидно, что весь смысл издания Манифеста 17 октября заключался в том, чтобы внести в страну успокоение и умиротворяющим образом ответить на жажду населения видеть Россию конституционным государством. Между тем хотя весь названный манифест и казался построенным на конституционных началах, но самое слово «конституция» нигде употреблено не было.

Столь же двусмысленной была и редакция основных законов. По существу, в нее были включены такие положения, которые с несомненностью являлись в отношении верховной власти ограничительными и потому присущими лишь конституционному государству.

«Никакой закон не может воспрять силы без одобрения Думы», — говорилось, например, в одной из статей новых основных законов.

Однако наряду с введением в основные законы таких ограничительных положений был сохранен императорский титул «самодержца», находившийся, казалось бы, в полном противоречии хотя бы с только что приведенной статьей нового закона.

— Словом, и конституция, и самодержавие!

«Конституционная империя при самодержавном царе» — так остроумно вышел из затруднительного положения общеизвестный готский альманах, характеризуя образ правления, установленный в России с 1905 г.

ВДОХНОВИТЕЛЬ МАНИФЕСТА ГРАФ С.Ю. ВИТТЕ

Несомненным вдохновителем Манифеста 17 октября был граф С.Ю. Витте²⁴. Он лишь недавно вернулся из Портсмута, где с относительно ограниченными жертвами ему удалось вывести Россию из того унижительного положения, в котором она оказалась в результате русско-японской войны. По возвращении из Америки Витте, награжденный графским титулом, занял хотя и почетную, но малоактивную должность председателя Комитета министров. Имя его было, однако, окружено ореолом, и многие из русских людей полагали, что именно ему суждено вывести Россию не только из внешнего, но и внутреннего политического тупика.

Граф Витте и в самом деле являлся одним из самых крупных государственных деятелей России конца XIX и начала XX столетия. Я, к сожалению, мало знал его лично, но помню хорошо, что еще в родном мне Киеве, будучи юношей, много слышал о дарованиях этого незаурядного человека, обнаруженных им в период управления местными железными дорогами. Впоследствии, когда Витте был министром финансов, я имел возможность составить о нем собственное мнение по его переписке с военным министром генералом Куропаткиным²⁵, попадавшей частично в мой служебный портфель. Мое внимание всегда останавливалось перед его широкими взглядами на возникавшие вопросы и присущей ему способностью предвидеть события, способностью, которая изобличала в нем крупного государственного деятеля.

Года за два до мировой войны, когда граф Витте был уже на покое, среди членов Государственного совета по назначению, мы однажды встретились с ним на прогулке «на островах» в одной из довольно безлюдных боковых аллей. Граф Витте, которому я как-то был представлен, остановил меня, и мы разговорились по вопросу, всех тогда беспокоившему, — о переустройстве наших крепостей и частичном сокращении числа их на западных границах.

— Я особенно опасаясь возникновения войны в ближайший период времени именно на западных границах, — сказал он. — Это будет особо тяжким испытанием, которое не знаю как вынесет Россия. В глубине русского народа таится много горячего материала, которого не могла нейтрализовать Столыпинская аграрная реформа²⁶.

Реформой этой сделана ставка только на «сильного» мужика; заурядный же и особенно слабый крестьянин ею не затронуты. Они остались в стороне забытыми...

Я ответил, что крепости на западе по их состоянию являются источниками не силы, а нашей слабости и что при современных условиях войны отдельные укрепленные точки едва ли вообще в состоянии задержать нашествие сильного врага.

Граф Витте с некоторым, по-видимому, сомнением отнесся к моим словам. Но первые же действия Германии в 1914 г. в Бельгии должны были подтвердить ему правильность моих слов²⁷. Вспомнил ли он тогда нашу беседу — не знаю. Мы более с ним не встречались...

По возвращении из Америки граф Витте не мог не дать себе отчета в той великой смуте, которой была объята русская земля. Забастовки, грабежи, убийства, пожары и разного рода насилия ярко свидетельствовали об этом.

Жизнь нарушилась до того, что даже сообщение министров с Новым Петергофом, где оставался царь со своей семьей, поддерживалось только казенными пароходами по Неве. Куда же идти дальше?!

В таких обстоятельствах Витте, по-видимому, счел себя обязанным выступить перед царем со своим словом...

«Не год назад, — писал Витте в одной из своих записок, — зародилось нынешнее освободительное движение. Его корни в глубине веков... Человек всегда стремится к свободе. Человек культурный — к свободе и к праву; к свободе, регулируемой правом и правом обеспечиваемой».

Какие же средства рекомендовались графом Витте в качестве лекарства?

Он находил необходимым взять прежде всего в руки охватившее страну движение. Средство для этого, по его мнению, заключалось в том, чтобы перейти к конституционной системе правления. Правда, им намечалась также возможность и другого пути — облечения особо доверенного лица полнотою диктаторской власти для подавления «до корня» всяких стремлений к установлению более свободного образа жизни.

Но для осуществления этой системы, полагал Витте, надо взять лицо, верящее в спасительность этой меры; сам же он этой мере не верит и считает ее для себя неприемлемой.

«Казни и потоки крови, — писал он в одной из своих записок, — только ускорят взрыв. За ними наступит дикий разгул низменных человеческих страстей...»

Идеи, выразившиеся Витте в его довольно многочисленных записках, не сразу были восприняты и одобрены в Петрограде. Они подвергались многократному обсуждению в разного рода заседаниях и совещаниях, в кои даже не всегда привлекался сам автор разбивавшихся мыслей.

Наиболее резким противником проектированного Витте манифеста явился И.Л. Горемыкин. Это был старый государственный деятель, бывший одно время в России министром внутренних дел и призванный впоследствии ликвидировать по мере возможности молодое дело русской конституции. Но в то время точка зрения графа Витте все же взяла верх. Ее победе содействовало во многом заявление великого князя Николая Николаевича, занимавшего пост председателя Совета государственной обороны²⁸. Великий князь определенно высказал, что военная диктатура неосуществима вследствие недостаточности войск, отвлеченных на восток, в Маньчжурию. Вместе с тем он сам лично присоединился к точке зрения графа Витте о необходимости уступок.

ВОЛНЕНИЯ И БЕСПОРЯДКИ НЕ УНИМАЮТСЯ...

Волнения и беспорядки в России не утихли и после издания Манифеста 17 октября. С одной стороны, текст его, как уже отмечалось, не отличался необходимой определенностью, с другой — оставались неотмененными старые законы. И лишь за несколько дней до открытия Государственной думы первого созыва были опубликованы новые основные законы. Эти обстоятельства создавали почву для смущения и наталкивали на сомнения.

— Теперь нужны не обещания и не векселя, необходима твердая валюта, — сказал один из представителей печати на приеме у Витте.

Вместе с тем на местах осталась старая администрация, на голову которой изданный 17 октября манифест свалился без всякого предупреждения. Эта власть должна была руководствоваться старыми законами, но применять их в духе нового манифеста. Боясь споткнуться на этом скользком пути, она окончательно растерялась и проявляла то слишком явное стремление повернуть колесо жизни на прежнюю колею, то, наоборот, полное бездействие, иногда же и преступное попустительство.

В этой сфере неопределенности твердую почву под ногами продолжали чувствовать только революционные элементы. В акте 17 октября они усмотрели лишь признак слабости правительства и потому решили продолжать начатое дело по доведению страны до революции. В большой степени атмосферу сгустила та волна еврейских погромов, которая в этот период времени прошла по многим городам западной полосы России и которую стали приписывать бездействию, а кое-где и покровительству властей.

Не дождавшись появления указа об амнистии, опубликованного с опозданием в несколько дней, народные толпы во многих городах стали разбивать тюрьмы и самовольно выпускать заключенных, не только политических, но и уголовных.

Не менее нетерпеливой оказалась и печать. Не удовлетворившись заявлением Витте, что предстоит издание нового закона о печати, столичные газеты под влиянием постановлений своих рабочих стали осуществлять свободу печати самочинно и вполне игнорировать цензурные учреждения. Издатели, не желавшие подчиниться соответствующему постановлению своих рабочих, лишены были последними возможности выпускать свои издания вовсе.

Атмосфера волнений и стачек сгустилась вновь уже к ноябрю. Под руководством Совета рабочих депутатов, не перестававшего функционировать, столичные рабочие открыли борьбу за восьми-

часовой рабочий день. На фабриках и заводах настроение было столь активно, что, например, наиболее неугодных старших служащих рабочие вывозили за пределы заводов на тачках.

Эти обстоятельства послужили основанием для Витте обратиться с особым воззванием к рабочим.

«Братцы-рабочие, — говорилось в воззвании, — бросьте смуту и станьте на работу... Дайте время, и все возможное будет для вас сделано. Послушайтесь совета человека, к вам расположенного и желающего вам добра».

Неудачное обращение «братцы» дискредитировало, однако, содержание всего воззвания. Оно послужило не на пользу, а во вред делу умиротворения, дав материал для очень злых насмешек...

Серьезная волна народного движения, осложненного наболевшим национальным вопросом, прокатилась по губерниям Царства Польского, где власть была вынуждена принять очень жестокие меры к ее подавлению.

Продолжались почти до 1908 г. и крестьянские волнения, то потухавшие, то разгоравшиеся. Красный петух не переставал гулять по помещичьим усадьбам и наиболее культурным экономиям всей необъятной Руси.

Чтобы успокоить население и выяснить на месте причины беспорядков, в некоторые губернии, наиболее охваченные волнениями, были командированы по высочайшему повелению особо доверенные генерал-адъютанты государя. Один из них, бывший военный министр генерал-адъютант Сахаров²⁹, человек вполне гуманный и положительный, пал жертвою террористического акта в Саратове, где губернатором был известный впоследствии П.А. Столыпин.

Но особое упорство при подавлении беспорядков правительство встретило у населения Прибалтики, где местные крестьяне и рабочие, соединившись вместе, подняли общее восстание, принявшее характер жестокой партизанской войны. Нигде усадебные иллюминации не приняли таких размеров, как в Курляндии и Лифляндии.

Объясняется это тем, что в Прибалтийском крае кроме вражды классовой существовала еще внутренняя непримиримая вражда между верхним слоем населения, остзейскими баронами, и остальной массой населения, латышами.

Бурлила также и Финляндия, в которой привычный уклад жизни был резко нарушен административною властью в годы, предшествовавшие русско-японской войне.

Со всеми этими волнениями и беспорядками правительство боролось назначением временных генерал-губернаторов, расширением прав губернаторов и градоначальников, объявлением местностей на военном положении, посылкой карательных экспедиций и введением крайне сурового положения о военно-полевых судах.

Граф Витте, отговариваясь своею неподготовленностью и незнанием дел департамента полиции, поставил во главе министерства внутренних дел известного П.Н. Дурново³⁰, который и принял на себя весь одиум работы по борьбе с беспорядками. Обстановка была такова, что применение крутых мер, в связи с неопределенностью октябрьского манифеста, недоверием к обещаниям власти вообще, вызывали многочисленные нарекания и давали обильную пищу для упреков правительства в неискренности и агитации против него.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В АРМИИ И НА ФЛОТЕ. ГРАЖДАНИН ШМИДТ — «КОМАНДУЮЩИЙ ЧЕРНОМОРСКИМ ФЛОТОМ»

В связи с применением репрессивных мер увеличились вновь наряды войск в помощь полиции и местным властям для восстановления порядка, войска выбивались из сил.

Поддержание внутренней дисциплины становилось при таких условиях все труднее, и начиная с конца 1905 г. довольно серьезные волнения обошли почти все крупные войсковые гарнизоны России.

Революционными настроениями были объаты и маньчжурские армии, в которых недовольство обнаруживалось с особою силою с началом обратной отправки войск в Европейскую Россию, каковая вследствие недостатка железнодорожной связи происходила не с желательной быстротой. К тому же время от времени эта перевозка нарушалась забастовками.

Вспоминается один мелкий, но очень характерный случай, относящийся к февралю 1906 г. Я ехал с женою из Петербурга на несколько дней на юг, чтобы повидать своего племянника — мичмана флота. Он только что вернулся из японского плена, попав туда в результате потопления под Цусимой его корабля, принадлежавшего к трагической эскадре адмирала Рожественского.

На станции Барановичи, той самой, вблизи которой через восемь с половиной лет в течение первого года мировой войны был расположен центральный орган русской действующей армии — ее

Ставка, я увидел довольно большую толпу людей рабочего типа, окруживших офицера и недружелюбно на него наседавших.

Офицер, увидев меня, обратился ко мне с просьбой о защите.

— Господин полковник... помилуйте... — взволнованным голосом говорил он, непрерывно перебиваемый репликами из толпы. — Я вот по долгу службы сделал замечание... за неотдачу чести вот этому солдату-железнодорожнику, — указал он на подошедшего вместе с ним рядового железнодорожных войск. — А они на меня набросились, называя душегубом за то, что будто я к нему придираюсь!.. Скажите им, что это была моя обязанность... и что все это дело их не касается...

Я не припомню, какими словами мне удалось убедить собравшихся в правильности поведения офицера и уговорить их разойтись, но факт этот ясно говорил о подрыве офицерского авторитета и вообще о тех нездоровых настроениях, кои сложились у населения по отношению к командному составу армии.

И действительно, офицер, делавший замечание солдату, всегда рисковал враждебным к себе отношением прохожих. Во всех случаях в глазах народа офицер — угнетатель, солдат — угнетенный. Это он, по сложившемуся в народе убеждению, «заставлял» солдата — крестьянина или рабочего — стрелять по своим же...

Выше уже было мной отмечено, что в смысле склонности к волнениям флот шел всегда впереди сухопутной армии. Недаром Троцкий³¹ назвал позднее матросов «красой и гордостью русской революции»!

В конце 1905 г. флот дал новую весьма резкую вспышку в Севастополе. Матросы Черноморского флота не переставали волноваться. Они стали почти открыто ходить на митинги, стремились соблазнять к тому же соседних с их казармами пехотных солдат, устраивали демонстративные шествия по городу и всячески пытались вызвать беспорядки.

Попытки командного состава подействовать на них умиротворяюще не удавались, и многие офицеры платились жизнью или насилием над ними за желание внести успокоение. Гроза неизменно приближалась.

14 ноября 1905 г. на крейсере «Очаков» среди революционно возбужденной команды появился вдруг отставной лейтенант Шмидт³², проживавший в Севастополе, который и принял на себя роль высшего руководителя матросским восстанием.

Оповестив сигналом стоявшую на рейде эскадру о своем «вступлении в командование флотом», лейтенант Шмидт обошел

на мятежном «Очакове» всю эскадру кругом, приглашая ее присоединиться к восстанию³³. Со многих судов революционизированные команды отвечали ему сочувствием. Не довольствуясь этим успехом, «командующий флотом гражданин Шмидт» — так именовал он себя — отправил телеграмму на имя государя, требуя немедленного созыва Учредительного собрания и смены министров.

Однако временная потеря сознания долга прошла на судах на сей раз довольно быстро под влиянием уговоров офицеров и более уравновешенной части судовых команд.

При вторичной попытке «Очакова» к объезду эскадры по нему был открыт огонь с судов и из орудий крепостной артиллерии. «Очаков» отвечал своими орудиями, но вскоре принужден был к молчанию. На корабле начался пожар, а через некоторое время над ним взвился и белый флаг сдачи. Главный виновник события лейтенант Шмидт пытался бежать, переодевшись в матросское платье, но был задержан, затем судим и расстрелян.

Мятеж, оставшись без руководителя, весьма скоро был потушен...

ПОЛОЖЕНИЕ В СТОЛИЦАХ

В Петербурге власть реагировала на беспорядки тем, что 26 ноября в помещении исполнительного комитета Совета рабочих депутатов был наконец арестован председатель этого Совета некто Хрусталева-Носарь³⁴. Это был еще молодой человек, если не ошибаюсь, помощник присяжного поверенного социал-демократических настроений, приобретший в то время большую популярность в столичной революционной среде. Арест председателя имел то значение, что им дискредитировался авторитет всего Совета; вместе с тем вносилось известное расстройство в его организационную деятельность, широко разросшуюся, и фактически свидетельствовалось о наличии у правительства еще достаточной силы и энергии.

В ответ на этот арест исполнительный комитет Совета выпустил особый финансовый манифест, коим населению предлагались меры, долженствовавшие, по мнению Совета, довести государство до финансового банкротства.

Манифест этот не получил, однако, ни широкого распространения, ни осуществления; деятельность же самого Совета рабочих депутатов после задержания его председателя значительно сократилась и закончилась произведенными в начале декабря арестами, а затем преданием суду всех членов того же Совета.

Не так дело обстояло в Москве. Там, подобно Петербургу, образовался свой Совет рабочих депутатов, который вместе с союзами Железнодорожным и Телеграфным взял на себя инициативу проведения политической забастовки в Первопрестольной. Работой этих организаций нормальный ход жизни в Москве стал нарушаться все более и более.

Городская атмосфера в этот период времени была накалена в той мере, что, например, известный русский талант — артист Ф.И. Шаляпин на парадном концерте, происходившем в Императорском театре, по требованию верхов театра спел известную народную песню «Дубинушка», в которой некоторые строфы, по мнению придирчивой цензуры того времени, имели революционный характер.

Значительная часть публики шумно аплодировала певцу и в хоровых местах песни подпевала ему, что придало всей сцене характер явной демонстрации и вызвало впоследствии большое раздражение в придворных кругах.

К началу декабря частичные забастовки в Москве стали принимать более общий и активный характер, вылившийся затем в форму весьма серьезного вооруженного восстания.

Ядро восставших образовали «дружинники», выставленные различными революционными организациями. С отчаянной решимостью вступили они в кровавую бойню с полицией и войсками, направленными властью против них. Поддерживаемые уличной толпой, они руководили постройкой баррикад, предназначенных для преграждения свободного сообщения по городу; сами же действовали вне этих баррикад по преимуществу вразброд, становясь таким образом почти неуязвимыми для власти. В критические минуты они беспрепятственно уходили, пользуясь проходными дворами и лабиринтами зданий. У них, словом, была своя тактика, умело приспособленная к условиям боя в черте большого города.

Водворение порядка в Москве было делом крайне трудным, ибо местные войска сами подпали под влияние революционной пропаганды, самое же восстание поддерживалось многочисленными рабочими. Особое упорство проявила рабочая Пресня, для усмирения которой пришлось прибегнуть даже к силе артиллерийского огня.

Руководивший подавлением беспорядков московский генерал-губернатор адмирал Дубасов³⁵ настойчиво требовал присылки в Москву подкреплений из Петербурга. Но откуда же их было взять, когда сама столица нуждалась для обеспечения в ней порядка в сильном и надежном гарнизоне!

Только с большим трудом петербургским военным властям удалось перебросить в Москву Семеновский гвардейский полк и в дополнение к нему послать подкрепление из Варшавы. С прибытием их московские власти стали постепенно хозяевами положения, и дело водворения порядка пошло успешнее.

Восстание, начавшееся 9 декабря, было окончательно потушено 17—18 декабря. Оно доставило много волнений и забот центральной и местной властям. В результате его — сотни убитых и раненых.

Уличные столкновения имели место и в некоторых других городах России, но нигде они не доходили до размеров московских.

ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА. ВЫБОРГСКОЕ ВОЗЗВАНИЕ

Если не ошибаюсь, 23 апреля 1906 г. был назначен торжественный прием в Зимнем дворце членов обеих законодательных палат: обновленного выборными членами Государственного совета и впервые собиравшейся Государственной думы.

Стоял редкий для нашей северной столицы теплый, солнечный весенний день. Все в природе пело о жизни и ее радостях.

Этому настроению природы, несомненно, вторили сердца всех русских людей, понимавших важность и торжественность встречи монарха с людьми, избранными его народом.

Я прошел в Зимний дворец в одном мундире из своей казенной квартиры, находившейся в здании Главного штаба и выходявшей окнами на Дворцовую площадь, залитую солнцем и кипевшую оживлением.

Ко дворцу подъезжали экипажи, от самых роскошных до простых «ванек». Последние подвозили народных избранников, на коих главным образом и останавливалось внимание шумевшей толпы.

По широким лестницам поднимались они наверх в простых темных одеждах, еще не виданные теми коридорами и золочеными залами, в кои эти люди вливались. Они устанавливались по указаниям блестящих своими мундирами и интонирующих своими жезлами церемониймейстеров.

По другим лестницам залы дворца наполнялись военными и гражданскими чинами, сверкавшими золотом и серебром своих мундиров и орденов.

В определенный час началось шествие. Члены Государственного совета и Государственной думы должны были собраться в большом зале, куда к ним намеревался выйти государь.

Чинно, по двое, проходили мимо нас народные избранники. Мы жадно вглядывались в их лица, ловили обрывки их фраз, стремясь разгадать, с какими мыслями и заданиями с мест съехались они сюда из различных уголков нашей обширной Родины для законодательной работы.

— Кто намечается председателем Думы? — спросил кто-то из нас.

— Муромцев Сергей Андреевич³⁶, из Москвы, — ответили ему из проходивших рядов.

— Кто такой Муромцев?

— Известный в Москве профессор-юрист, адвокат и общественный деятель...

Многие слышали эту фамилию впервые, но уже одно то, что председателем Думы намечается лицо из Первопрестольной, да к тому же из профессоров Московского университета, служило в наших глазах признаком хорошо обдуманного выбора. Патриотический характер будущей Думы являлся, по-видимому, обеспеченным.

Я не был в зале, куда император Николай в сопровождении большой и блестящей свиты вышел для встречи членов обеих палат.

Но бывшие передавали, что речь государя была им произнесена с большою торжественностью, спокойно и уверенно.

В этой характеристике царских слов передававшие хотели найти уверенность, что раз взятое верховной властью направление изменено не будет.

Государственная дума первого созыва, собранная по закону 12 декабря 1905 г., была открыта 27 апреля 1906 г. Знаменательная дата! Отказ от самодержавия и вступление России на новый путь представительного строя! Начало осуществления надежд либеральных кругов России и обещаний Манифеста 17 октября! Тесная совместная работа правительства и народных избранников!

Увы! Ни то, ни другое, ни третье...

«Государственная дума — собрание революционеров, которое необходимо разогнать возможно скорее» — так думало правительство, и в таком духе высказывались отдельные его члены.

«Мы не подготовлены к конституционному правлению. Это вина Н. (Николая Николаевича) и Витте, что вообще существует Дума», — писала императрица, правда, много позднее, но слова эти выражали точно ее неизменно недоброжелательное отношение к Думе.

В свою очередь, и члены Думы, едва съехавшись в столицу, почувствовали сомнение в возможности совместной работы с правительством.

Граф Витте, по инициативе которого Дума собиралась, неожиданно ушел с поста председателя Совета министров и был заменен на этом посту Горемыкиным, тем самым Горемыкиным, который определеннее других высказался 17 октября о нецелесообразности издания манифеста.

Собравшись в Таврическом дворце, стгорая стремлением к законодательной работе, Дума не могла приступить к таковой из-за отсутствия соответственных законопроектов. Правительство, собрав Думу, встретило ее с пустыми руками; оно не приготовило ни одного законопроекта, который вытекал бы из положений, обещанных Манифестом 17 октября. По вопросам обороны была попросту прекращена всякая законодательная работа. Все эти условия не могли не способствовать уходу Думы первого созыва в сторону страстной и суровой критики существовавших порядков, производившей, в свою очередь, раздражение в правительственных сферах.

Таким образом, вместо совместной работы предстояло продолжение борьбы, только перенесенной в стены старинного Таврического дворца.

Между тем первый состав Государственной думы хотя и был настроен боевым образом к власти, но его никак нельзя было назвать революционным. Депутатов от крайних партий в нем было относительно мало, так как большинство революционных элементов выборы бойкотировало. Правда, среди членов Думы оказалось большое число представителей от крестьян, но это являлось естественным результатом составленного правительством выборного закона. Что же касается идейного руководства, то таковое в первой Думе, несомненно, принадлежало членам Партии народной свободы, от которой прошло много видных общественных деятелей с председателем Государственной думы С.А. Муровцевым во главе.

Партия эта ставила себе целью постепенное укрепление в России начал истинного парламентаризма при сохранении монархического строя.

Население возлагало на Государственную думу великие надежды, которые, как хорошо понимали руководители Думы, должны были получить свое оправдание. Канцелярия президиума была сразу же завалена всякого рода проектами и заявлениями, поступавшими в нее со всех концов России. Наиболее громкий стон шел от крестьян по жгучему вопросу о земельной нужде. Этот же вопрос ставился на ближайшую очередь также крестьянами — членами Думы. В соответствии с таким положением у президиума Думы явилась неизбежная необходимость

выдвинуть на первый план аграрную реформу, причем в пределах последней считалось возможным допустить частичное отчуждение за плату помещичьих земель. Но именно это последнее мероприятие являлось для правительства неприемлемым, так как оно встречало решительный протест со стороны помещичьего класса, на который, как мы уже знаем, опиралась власть.

Едва ли не жертвою попытки подготовить решение аграрного вопроса в духе народных пожеланий сделался и сам граф Витте, принужденный предварительно расстаться со своим сотрудником, непосредственно работавшим над данной реформой.

На том же вопросе пала и Государственная дума первого созыва. 8 июля 1906 г., после ряда бурных заседаний, состоялся высочайший указ о ее роспуске с обещанием созвать новую Думу через семь месяцев. Первая Государственная дума просуществовала, таким образом, всего около 70 дней³⁷.

На следующий день после роспуска Думы до двухсот ее членов выехали из столицы в Финляндию, на территории которой, в Выборге, в гостинице «Бельведер», состоялось совещание, где обсуждалось создавшееся положение. Совещание это закончилось 10 июля подписанием огромным большинством съехавшихся с председателем Государственной думы Муромцевым во главе особого воззвания, озаглавленного: «Народу — от народных представителей».

В этом воззвании после довольно подробного вступления, объяснявшего положение, говорилось:

«Граждане! Стойте крепко за поправные права народного представительства, стойте за Государственную думу. Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства! У нас есть способ добиться этого: правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому теперь, когда правительство распустило Государственную думу, вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег... Итак, — говорилось далее в воззвании, — до созыва народного представительства не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию...»

Очевидно, у бывших членов Думы существовали серьезные опасения, что новая Дума, созыв которой был отложен на продолжительный срок, в действительности правительством созвана не будет.

16 июля против подписавших цитированный документ, получивший наименование «Выборгское воззвание», было возбуждено уголовное преследование, причем за время производства следствия были установлены случаи устного и письменного распространения названного воззвания бывшими членами Думы.

Приговор состоялся лишь 18 декабря 1907 г. Все подписавшие воззвание, за исключением двух лиц, были признаны виновными и приговорены к заключению в тюрьму на три месяца каждый.

Таким образом, свыше 160 лиц, в большинстве случаев крупные общественные деятели, как обвиненные по суду, были вычеркнуты из дальнейшей политической жизни России...

МЕЖДУДУМЬЕ

Досрочный роспуск Государственной думы первого созыва был встречен странюю очень нервно. Снова начались в разных местах волнения и беспорядки, которые перебросились также и в войска. Революционные круги на опыте Московского восстания не могли не убедиться в том, что, пока вооруженные силы на стороне власти, до тех пор последняя будет хозяином положения. Поэтому они обратили особое внимание на распропагандирование войсковых частей. Морские экипажи и команды, как я уже отмечал, были охвачены революционным угаром уже давно и в достаточной мере; теперь очередь подошла к сухопутным войскам. Лето 1906 г. переживалось в войсках крайне нервно, даже в гвардейских частях, которые должны были охранять царскую резиденцию в Петергофе, сдерживать морской Кронштадт, висевший над столицей, положение было тревожным. Несмотря на командирование в Кронштадт надежных частей войск, в крепости в конце июля вспыхнуло довольно серьезное матросское восстание, зажженное прибывшими агитаторами. Поплатились жизнью несколько офицеров-моряков, а для подавления беспорядков по одному из фортов крепости коменданту даже пришлось открыть артиллерийский огонь.

Беспорядки имели место и в других пунктах империи, повсюду положение оставалось колеблющимся...

Почти в одно время с графом Витте ушел со своего поста и управляющий министерством внутренних дел П.Н. Дурново, встреча которого с Государственной думой из-за характера его деятельности признавалась невозможной.

Министром внутренних дел был назначен с поста саратовского губернатора П.А. Столыпин — сравнительно молодой, энергичный и спокойный администратор. Желая в аграрном вопросе поставить Государственную думу следующего созыва перед свершившимся фактом, правительство того времени взяло на себя риск использовать для этой цели временный перерыв в существовании Думы. В соответствии с таким решением оно издало 9 ноября 1906 г. закон по крестьянскому вопросу, каковым и было

положено начало будущей аграрной реформе по так называемому столыпинскому проекту.

Главная мысль этого проекта заключалась в предоставлении права крестьянам свободного выхода из общины с выделением в их собственность той земли, на которую они имели право во время подачи заявления о выходе из общины и которая состояла до тех пор лишь в их владении*. Несомненно, что это была попытка содействовать скорейшему созданию и обособлению класса крепких земельных хозяев-хуторян за счет более бедных их односельчан, предпочитавших оставаться в общине. Что касается принудительного отчуждения частновладельческих земель, на котором настаивала Дума первого созыва, то столыпинский проект решительно отвергал таковые. Оба эти условия, несомненно, создавали повод для развития недовольства среди малоземельных и безземельных крестьян. Положение таковых становилось еще труднее вследствие одновременного расширения деятельности Крестьянского банка, скупавшего имения, прежде находившиеся в аренде у крестьян, ныне же предназначенные для устройства на них отрубов и хуторов.

В мою задачу не входит критика или защита аграрного законодательства Столыпина. Это законодательство имеет и своих приверженцев, и своих врагов. Я укажу лишь на то, что им, вне сомнения, оставались без должного внимания интересы менее имущих крестьян, что по настроению умов в России трудно было рассчитывать на успех мероприятий, требовавших для своего проявления длительного времени; главное же, что самый способ проведения крайне важного и ответственного закона 9 ноября в период роспуска Государственной думы не мог быть признан отвечающим духу Манифеста 17 октября и являлся чрезвычайно выигрышным для доказательства намерений правительства не считаться с обещаниями, данными этим манифестом.

В незатухающий костер был подброшен в большом количестве новый горячий материал.

ДУМА «НАРОДНОГО ГНЕВА» И НОВЫЙ ВЫБОРНЫЙ ЗАКОН

Возбуждение, вызванное изложенным выше поведением правительства, было столь сильно, что собравшаяся 20 февраля 1907 г. Государственная дума второго созыва по своим настро-

---

* По правилам общины вся земля составляла собственность общины и периодически перераспределялась между крестьянами в соответствии с числом душ, состоявших ко времени передела в семьях.

ниям оказалась много левее первой; она явилась как бы Думою «народного гнева». По крайней мере, так ее называли.

Хотя председательское кресло в ней осталось за членом Партии народной свободы Ф.А. Головиным³⁸, но на самом деле руководство деятельностью Думы перешло в руки более левых партий, составивших правящее большинство. Революционные слои населения не игнорировали более выборов, и с первых же дней своего существования новая Дума проявила активный характер. Некоторые члены этой Думы поддерживали живую связь с заводами, собирали рабочих на сходки и доказывали в своих речах необходимость вооруженного восстания. Подвергалась жестокой критике не только на стороне, но и в пределах стен Таврического дворца царская власть, а с трибуны зала заседаний раздавались резкие слова поношения и в адрес руководителей армии, якобы превративших эту армию в орудие борьбы против народа. Под влиянием этих речей на военного министра графа Редигера подготовлялось даже покушение.

Митингование в стенах Таврического дворца, постепенно расширяясь, дошло до предела. Время уходило, а Государственная дума никак не могла подойти к деловым заседаниям. Между тем на сей раз правительство озаботилось внесением в Думу довольно значительного числа законодательных предложений. И если первая Дума имела основание жаловаться на отсутствие материала для законодательной работы, то Дума второго созыва была снабжена таковыми материалами в изобилии. Тем не менее без рассмотрения оставались срочные бюджетные вопросы и все главнейшие законы, проведенные в промежуток времени между роспуском первой Думы и созывом второй.

Наконец, после предъявления правительством обвинения социал-демократической фракции в участии ее членов в военной организации, имевшей целью ниспровержение существующего государственного строя, Дума второго созыва была высочайшим указом распущена. Она просуществовала лишь 103 дня и оказалась немногим долговечнее своей предшественницы — Государственной думы первого созыва³⁹.

Одновременно с роспуском Государственной думы был опубликован новый выборный закон (3 июня 1907 г.). Сроком созыва третьей по счету Думы было назначено 1 ноября 1907 г.

При составлении предшествовавшего выборного закона (12 декабря 1905 г.), приуроченного к Манифесту 17 октября, правительство ошиблось в своих предположениях. Оно полагало крестьян элементом более консервативным и думало найти в нем опору для царской власти. По этим соображениям представите-

лям от крестьян и было обеспечено выборным законом в первых двух Думах преобладание. Но крестьяне, как мы уже видели, потребовали в первую очередь разрешения земельного вопроса: передачу всей земли в их пользование. А так как правительство не сочло возможным пойти навстречу этому требованию, то отсюда и получился тот конфликт, который отбросил во второй Думе крестьянство в оппозицию.

При такой обстановке пришлось спешно изменить выборный закон в том смысле, чтобы гарантировать будущей Думе состав из более умеренных и податливых элементов.

Оставим в стороне вопрос, ныне ставший академическим: насколько первоначальный выборный закон (12 декабря 1905 г.) отвечал культурному развитию русского народа и его интересам? Важно для наших целей отметить лишь то, что новый закон являлся построенным на цензовом начале и потому значительно сокращал уже дарованные права; главное же было в том, что изменение закона единоличною волею монарха стало новым решительным нарушением народных прав, установленных Манифестом 17 октября.

Приблизительно в это же время правительство, следуя указаниям государя, к сожалению, стало оказывать особое покровительство образованию и развитию «Союза русского народа» — организации, откровенно придерживавшейся крайней правой ориентации. Этим покровительством как бы подчеркивалось стремление, насколько возможно, вернуть внутреннюю жизнь России в прежнюю колею.

Прочно устанавливалась та точка зрения, что Манифест 17 октября, как изданный царем-самодержцем, может быть им же изменен и даже отменен вовсе.

ВО ГЛАВЕ ПОЛКА В ПЕРИОД БРОЖЕНИЯ В АРМИИ

Душный летний вечер 1907 г. в Киевском лагере на Сырце. Мы, командиры частей и офицеры, в который уже раз предупреждены о возможном возникновении солдатского мятежа. Но сегодня, передавали нам из штаба, давно подготовляющийся взрыв произойдет непременно.

Более чем наполовину уверенный в достаточно спокойном настроении полка, который я принял в командование, я все же поскорее отправил назад в город мою семью, приехавшую навестить меня и провести на веранде командирского барака несколько вечерних часов. Жена удивлена, но тревожно подчиня-

ется моему «так надо». Мои малыши-мальчики бунтуют. Но что их бунт по сравнению с тем, что ожидается!..

Наступает время вечерней «Зори». Это самая торжественная минута в течение лагерного дня. Люди после дневной утомительной работы, умывшись и оправив на себе одежду, по сигналу выходят на переднюю линейку, обыкновенно прилегающую к учебному полю, и на этой линейке выстраиваются по обе стороны полковой святыни — Знамени, охраняемого караулом.

Перекличка, чтение приказа, отдача распоряжений на завтрашний день, и затем несколько секунд торжественного молчания в ожидании далекой сигнальной ракеты и дрожащих, часто срывающихся звуков рожка дежурного горниста, подхватываемых во всех частях обширного лагеря.

Потом стройное пение молитв, эхом перекатывающееся в окружающих лагерь лесах, и снова мгновение глубокой тишины до команды «Накройсь! Разойдись!». После этого всякий делает что хочет: кто уходит в палатку, кто закуривает солдатскую сигарку и остается покалякать с приятелями; большинство же собираются около песельников и слушают или сами подтягивают хоровую солдатскую песню.

К 10 часам вечера наступает мировая тишина. Усталые бодро уставая люди засыпают до следующего трудового утра.

Так это началось и в описываемый вечер. Любя торжественные минуты «Зори», я часто появлялся в это вечернее время на передней линейке полка, почему мое появление и в этот вечер не могло вызвать чьих-либо подозрений. Офицеры, всегда охотно следующие примеру командира части, были также в большинстве при своих ротах и командах.

После переклички наступила обычная тишина, за нею на потухающем небе отчетливо сверкнула блестящая полоска, указывавшая путь выпущенной к небу ракеты. Почти одновременно послышался и сигнальный рожок. Но вдруг последовало какое-то странное, необычное замешательство. В расположении одного из соседних полков слышны были беспорядочные одинокие выстрелы; в надвинувшихся сумерках можно было заметить отдельные силуэты перебегающих людей, а затем несколько мгновений какой-то новой зловещей, непонятной тишины...

— На молитву — шапки долой! — послышалась у меня в полку громкая команда дежурного офицера.

«Отче наш, иже еси на небесех...» — запели хором молитву люди полка, как бы этим свидетельствуя о несочувствии своем происшедшему беспорядку.

Так кончился этот давно подготавливавшийся вечер. В одном из соседних полков кучка людей, неожиданно разобрав ружья, дала несколько, по-видимому заранее условленных, выстрелов. Никем не поддержанные, эти люди были быстро схвачены и обезоружены. Порядок оказался восстановленным через несколько секунд.

Но не всегда и не везде попытки поднять войска протекали столь безрезультатно. В тот же вечер, о котором рассказано выше, на противоположном конце Киева, в саперном лагере, беспорядки приняли гораздо более серьезный характер и продолжались всю ночь. При подавлении мятежа были пострадавшие, в результате такого несколько десятков саперов предстало перед военным судом.

В один из дней суда над ними я видел на скамьях для подсудимых этих молодых, еще безусых юношей, с энергичными загорелыми лицами. И я не мог не почувствовать глубокой скорби за их молодую погубленную жизнь...

СНОВА В ПЕТЕРБУРГЕ

В конце 1908 г. я вновь был приглашен на службу в Петербург, и через несколько месяцев занял ответственный пост генерал-квартирмейстера Генерального штаба. Эту должность я занимал ровно пять лет, до войны 1914 г., с началом которой получил назначение в Ставку.

Период моего пребывания в должности генерал-квартирмейстера совпал с калейдоскопической сменой у нас начальников Генерального штаба. За шестилетний период, с 1908 по 1914 г., промелькнуло на этом исключительно важном посту шесть лиц.

В Германии, которую принято было у нас обыкновенно приводить как положительный образец систематичности и продуманности, по крайней мере в области военных мероприятий, начальники Генерального штаба оставались в своей должности по многу лет: старый Мольтке занимал этот пост 31 год; Шлиффен⁴⁰ — 14 лет, наконец «молодой» Мольтке, при котором Германия начала войну, племянник старого фельдмаршала, — 9 лет. У нас же в России, границы которой соприкасались с гораздо большим числом соседей и которая поэтому жила в военном отношении более сложную жизнь, не считались с необходимостью следовать этому примеру.

Происходило это отчасти потому, что на начальника Генерального штаба в императорской России был установлен взгляд на верхах не как на ответственного и первого работника в одной из

важнейших областей государственной деятельности, долженствующей гарантировать безопасность страны, а скорее как на парадного генерала, едва ли не главную обязанность которого составляло присутствие в свите царя на всех многочисленных празднествах и войсковых смотрах.

При таком взгляде продолжительному пребыванию одного и того же лица в упомянутой должности не придавалось особого значения, и генералы, занимавшие пост начальника Генерального штаба, менялись без опасений.

Ввиду частых смен лиц, занимавших должность начальника Генерального штаба, я, как один из ближайших помощников последнего, не раз был приглашаем на разного рода высшие заседания и совещания, в которых требовалось освещение обсуждавшихся вопросов с военной точки зрения. Приходилось мне довольно часто бывать и в Совете министров.

Так как в описываемый период времени, вплоть до осени 1911 г., во главе правительства в качестве председателя Совета министров стоял П.А. Столыпин, то мне, таким образом, удалось довольно близко присмотреться к нему... Хотелось бы в следующей главе поделиться с читателями своими впечатлениями об этом крупном государственном человеке.

П.А. СТОЛЫПИН

Один из очень умных людей сравнительно недавнего прошлого М.И. Драгомиров, известный военный педагог и тонкий психолог, говаривал:

— Это не беда, если бранят и поносят человека, занимающего видный пост. Важно, что о нем говорят, а хорошо или худо — вопрос сравнительно второстепенный. Вот если совсем ничего не говорят, тут дело плохо. Человек, значит, никчемный, — добавлял он со своей хитрой малороссийской улыбкой.

Петр Аркадьевич Столыпин не мог пожаловаться, чтобы о нем не говорили. Он имел и имеет своих горячих поклонников, но столь же страстны и его хулители. Человеком он был, безусловно, крупным, и проявлять свою государственную деятельность ему пришлось в очень сложное время.

Но он не убоился этого. Приняв в январе 1907 г. после Горемыкина пост председателя Совета министров, Столыпин оставил за собою и наиболее ответственную в то время должность министра внутренних дел. Он пожелал быть действительным кормчим того правительства, которое им возглавлялось.

В нем чувствовалась сильная воля, которая в русском человеке встречается, вообще говоря, редко, глубокий патриотизм и искренность в действиях. Вся его красивая фигура дышала энергией и мужественностью. Высокий, еще молодой, прямо державшийся, с открытым свежим лицом, обрамленным небольшой черной бородой, с пронизательным глубоким взором темных глаз, он должен был на всех производить впечатление какой-то внутренней силы и величавости.

Умение схватывать сразу сущность предмета и подкупающая прामота суждений делали доклады ему очень приятными.

П.А. Столыпин был прекрасным оратором. Обладая громким, звучным голосом, он не стеснялся выступать с речами в Государственной думе и умело бросал в разожженную страстями аудиторию слова, производившие впечатление отрезвления.

— Не запугаете! — смело выкрикнул он однажды по адресу разошедшегося левого крыла депутатов второй Думы в период острых конфликтов этой Думы с правительством.

— Вам нужны великие потрясения, — сказал он в порыве патриотизма в другой раз той же бушевавшей крайней левой, — нам же нужна великая и сильная Россия!..

Столыпин был неутомимым работником и всего себя посвящал государственной деятельности. Он не знал отдыха ни в воскресенье, ни в праздничные дни. Я хорошо, например, помню его телефонный звонок ко мне в первый день Пасхи; Столыпин желал удостовериться лично, выполнено ли одно из его распоряжений, отданных накануне.

В летнее время, находясь уже в должности председателя Совета министров, Столыпин проживал в казенном Елагином дворце на островах, примыкавших к столице. Он имел привычку приглашать к себе на заседания часам к 10 вечера, и так как обсуждение вопросов затягивалось, то приходилось нередко возвращаться домой в город довольно поздно.

Эти поздние возвращения были связаны с некоторыми неудобствами. Как хорошо петербуржцам известно, на островах было разбросано несколько увеселительных заведений, куда любила ездить наша «золотая» молодежь покутить. Там же было излюбленное место ночных попок разнузданного Гришки Распутина.

Северные петербургские летние ночи не способствовали скрытому возвращению домой, и нам нередко приходилось встречаться с любителями ночных загородных выездов.

Перегоняя нас в автомобилях и экипажах, веселившаяся молодежь, плохо верившая в возможность ночной деловой работы, нередко награждала нас саркастическими улыбками, отчетливо

передававшими их мысли: «Ага, милостивые государи, и вы от туда же, откуда катим мы!.. Шлем вам привет, тайные собутыльники!..»

Многие склонны считать Столыпина деятелем реакции, указывая на его неконституционные приемы, постепенный уклон его политической деятельности вправо и на жестокость, даже кровожадность его приемов борьбы с анархией, водворившейся в стране.

«Столыпинский галстук»⁴¹ — одно из выражений, введенных его политическими противниками в употребление для характеристики приемов этой борьбы.

Должен, однако, сказать, что на меня такого впечатления Столыпин не производил и что в нем я всегда видел человека, благожелательно настроенного ко всякому разумному движению жизни вперед. Он казался мне только несколько связанным своим воспитанием и семьей с теми устарелыми славянофильскими течениями, кои стремились вложить в идею самодержавия русского царя какое-то религиозно-мистическое понимание. Но еще отчетливей в нем просвечивала понятная осторожность ответственного лица за судьбы той страны, которой ему суждено было управлять.

«Вперед на тихом тормозе» — такова была его руководящая формула, осуществление коей было очень трудно среди тех препятствий, кои нагромождены были на пути следования ведомого им экипажа.

Препятствия выявлялись с различных сторон, и правильное суждение о деятельности Столыпина возможно только с учетом той обстановки и тех влияний, коими он был окружен с различных сторон.

Чтобы стоять у руля и управлять ходом жизни тогдашней России, Столыпину приходилось неизбежно считаться с массой разнообразно действовавших сил, и прежде всего с настроениями самого монарха и его ближайшего окружения, а затем и с разбушевавшейся народной стихией, не дававшей времени для спокойного и законченного законодательства. В столь сложной обстановке было далеко не легко найти возможную равнодействующую и еще труднее было провести таковую в жизнь. Искусство от кормчего требовалось большое, и часто государственный корабль необходимо было вести зигзагами, а не по тому пути, который при нормальных условиях мог бы почитаться кратчайшим и наиболее целесообразным.

На Столыпина давили и справа и слева. Давление справа производилось монархическими организациями, находившими

главную опору в «Объединенном дворянстве»⁴² и в «Союзе русского народа». Что касается первой организации, то таковая взяла на себя роль выразительницы мнения господствовавшего в России сословия, хотя многие из дворян далеко расходились со взглядами, проводившимися этой организацией. «Союз русского народа» постепенно вырос в очень мощную организацию, имевшую одно время свыше 3 тыс. отделов и отделений на местах. Обе эти организации пользовались большим покровительством и расположением как царствовавшего императора, так равно и придворных сфер. Голос их охотно выслушивался верховной властью, ибо он всегда звучал в унисон с сокровеннейшими настроями самого императора Николая II. Действительно, в намерения последнего едва ли когда-либо входило желание даровать стране настоящую конституцию. Акт 17 октября в его глазах являлся не более как вынужденной уступкой, данной в период крайней опасности. Поэтому все слова о незыблемости прежней царской власти, о законной возможности отобрания ею того, что уже дано, и о целесообразности Думы не законодательной, а законовещательной встречали при Дворе вполне отзывчивое отношение.

Хулителям Столыпина слева известно ли, например, что в Совете министров он всегда противодействовал попыткам некоторых министров образовать правый блок и что весной 1909 г. против него велась отчаянная борьба со стороны правых? Последние уже готовы были торжествовать победу, причем в заместители Столыпина, как бы вы думали, читатель, кого выдвигали? Б.В. Штюрмера, того самого Штюрмера, который окончательно дискредитировал власть в роковом 1916 году.

Что касается левых кругов, то их отношение к Столыпину ярко выразилось в непримиримости той борьбы, которая велась против него как министра внутренних дел в Государственной думе первых двух созывов. В деятельности нелегальных революционных кругов это отношение выразилось в ужасающем факте взрыва дачи, которую занимал Столыпин на Аптекарьском острове. Из этого покушения сам Столыпин вышел невредимым, но пострадали некоторые члены его семьи, а также случайные лица.

Между тем Столыпин, основательно знакомый по своей прежней деятельности с русской жизнью на местах, являлся убежденным сторонником совместной работы правительства с общественными силами. Он добросовестно искал почвы для сближения с этими силами. Это стремление с особой ясностью выявилось в его первоначальном отношении к Государственной думе второго созыва, которую он пытался защищать от нападков

справа и сохранить от преждевременного роспуска. Будучи, однако, в силу государственного устройства России ответствен не перед законодательными палатами, а перед верховным главой государства, Столыпин обязан был считаться с общим настроением императора Николая II, иначе он должен был бы уйти со своего поста. Несколько раз он и пытался сделать последнее, но каждый раз отставка его не принималась.

Существует взгляд, в котором, несомненно, есть доля истины, что введением 3 июня 1907 г. нового избирательного закона Столыпин спас Государственную думу как учреждение от роспуска навсегда или по крайней мере на очень продолжительный срок.

К лету 1907 г. для Столыпина вполне отчетливо выявилась невозможность наладить совместную работу Государственной думы второго созыва с правительством. Нельзя было также рассчитывать и на то, что, распустив существовавшую Думу, возможно будет по тому же избирательному закону собрать новую Думу, более приемлемую для правительства. Недавний опыт прошлого дал в этом отношении поучительный урок. Еще менее можно было думать о возможности проведения нового избирательного закона в установленном порядке, то есть через Думу. При таких условиях правительство, понуждаемое к тому же сверху не сдавать позиций, оказывалось как бы в заколдованном круге, из которого был лишь один выход — на путь «прямого действия». В результате этого действия и явился новый выборный закон 3 июня 1907 г., который позволил, однако, и впредь сохранить Государственную думу как учреждение. Таким образом, в основе столыпинского «прямого действия» лежало все же стремление из двух представлявшихся зол — полного уничтожения Думы или изменения избирательного закона — избрать меньшее.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА ТРЕТЬЕГО И ЧЕТВЕРТОГО СОЗЫВОВ

1 ноября 1907 г. собралась Государственная дума третьего созыва. Вследствие изменения выборного закона значительно видоизменился и состав Думы по сравнению с двумя ее предшественницами. Законом 3 июня Государственная дума строилась на цензовом начале, и таким образом первоначальная мысль базироваться на крестьянах была заменена ставкой на более образованные и состоятельные классы населения. Результаты получились ожидавшиеся, и общее настроение новой Думы явилось значительно более умеренным. В центре Думы оказались члены партии «17 октября», вокруг которых сплотилось работо-

способное большинство. Задача центральной партии заключалась в поддержке правительства Столыпина и укреплении среди населения положения Думы, хотя и собранной по более ограничительному закону...

Третья Дума, таким образом, явилась Думой совместной работы с властью. Может быть, она не била в глаза русскому обывателю своими выступлениями и потому не являлась столь притягательной, как ее предшественница, но в течение ее полномочий, а затем и ее наследницы — Государственной думы четвертого созыва — было проведено весьма много серьезных законодательных предположений в различных областях русской жизни.

Финансы России упорядочились и окрепли, промышленность и торговля развились. Что касается аграрного законодательства, то таковое, направленное третьей Государственной думой по руслу, намеченному Столыпиным, также двинулось быстрыми шагами с места.

Благодаря разносторонней и плодотворной деятельности Государственной думы третьего и четвертого созывов положение этого законодательного учреждения в глазах русского общества значительно укрепилось, и к работе Государственной думы были притянуты уважение и симпатии всех умеренно-либеральных кругов России. В Государственной думе хотели видеть и видели оплот новой развивающейся России.

С особой благодарностью Россия должна вспоминать о деятельности Государственной думы рассматриваемого периода времени в области поднятия отечественной военной мощи. Заслуга этого патриотического дела должна быть приписана главным образом думской фракции партии «17 октября», и особенно одному из видных ее членов — А.И. Гучкову⁴³, который был довольно долгое время председателем комиссии обороны в третьей Думе, а затем и ее председателем. Но, конечно, отдельные люди ничего не могли бы сделать, если бы не было соответственного общего настроения.

По должности генерал-квартирмейстера Генерального штаба мне приходилось, работая над различными вопросами, касавшимися боевой подготовки нашей армии, поддерживать довольно тесный контакт с комиссиями обороны Государственной думы третьего и отчасти четвертого созывов до самого начала мировой войны.

И я должен отметить в интересах справедливости, что мы, представители военного ведомства, встречали очень большое внимание названных комиссий к нашим предположениям и находили большую поддержку при проведении наших законопро-

ектов через Государственную думу. Без преувеличения скажу, что думская атмосфера того времени была нам более благоприятна, чем атмосфера «согласительных» комиссий из представителей министерства финансов и государственного контроля, через которые предварительно должны были проходить все законопроекты, связанные с отпуском новых кредитов. В комиссиях этих нас всегда старались урезать.

Отзывчивое отношение Государственной думы, несомненно, в большей мере способствовало тому, что наша армия с конца 1909 г. или, вернее, с начала 1910 г. стала быстро становиться на ноги и вновь накапливать запас живых материальных сил.

ПАДЕНИЕ ВЛИЯНИЯ СТОЛЫПИНА И ЕГО УБИЙСТВО

К сожалению, уже в период деятельности третьей Думы при Дворе стали расти и крепнуть те темные закулисные силы, которые в конце концов окружили царствовавшего императора Николая II тесным кольцом и которые вследствие особенностей его характера и склонности к обожествлению идеи самодержавия отделили его окончательно от страны и народа.

Столыпин не нашел в себе достаточно сил, чтобы дать должный отпор этим влияниям и в конце концов был вынужден начать сдачу собственных позиций одна за другой. Уступки эти не приводили, однако, ни к чему хорошему. С одной стороны, они постепенно отдаляли от Столыпина все общественно настроенные круги и создавали почву для активной агитации против него левых партий. С другой же стороны, требовательность в реакционных кругах все возрастала, и к концу деятельности Столыпина последний в глазах этих кругов, а может быть, и самого государя стал рисоваться человеком даже опасным и, во всяком случае, тормозящим возвращение России на какой-то особый путь «мистического самодержавия», «искони» предудказанный будто бы России.

И тот, кого в левых кругах уже давно считали опасным реакционером, начал постепенно признаваться столь же опасным, но в прямо противоположном смысле, в глазах действительных деятелей и проповедников реакции.

Трагична судьба крупного русского человека! При естественном ходе она должна была рано или поздно привести Столыпина к политическому небытию. Но почти накануне такового Столыпина настигла в Киеве предательская пуля убийцы, внезапно прекратившая и саму его жизнь...

В конце августа 1911 г. государь с императрицей и некоторыми министрами, включая, конечно, и председателя Совета министров Столыпина, посетил Киев.

Поездка началась очень удачно. Стояла чудная осень, и красавец Киев представился гостям во всем блеске своей несравненной красоты.

По расписанию празднеств и торжеств 1 сентября в городском театре в высочайшем присутствии давался спектакль, на котором присутствовал и Столыпин. Во время одного из антрактов, когда Столыпин стоял у театральной рампы, мирно беседуя с окружавшими его лицами, к нему быстро подошел почти вплотную какой-то молодой человек и, освободив из-под театральной афиши спрятанный браунинг, произвел из него два выстрела, ранив председателя Совета министров в руку и правый бок.

Выстрелы произвели панику, многие бросились к выходам; впечатление получилось тяжелое и ошеломляющее.

Убийца пытался скрыться, но был задержан публикой. Он назвал себя Дмитрием Богровым⁴⁴, объявил себя убежденным анархистом. Тут же выяснилось, что вместе с тем он являлся тайным агентом охраны и что в театр вошел с билетом от охраны.

Это дало повод впоследствии к разного рода обвинениям по адресу организаторов охраны. Ранение Столыпина оказалось очень опасным. Была задета печень. Из театра он спешно был перевезен в частную лечебницу, в которой 5 сентября и скончался.

ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ РОССИИ НАКАНУНЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Преемником Столыпина на посту председателя Совета министров стал тогдашний министр финансов В.Н. Коковцов⁴⁵, передававший, в свою очередь, в начале 1914 г. этот ответственный пост И.Л. Горемыкину.

Последний был вторично призван императором Николаем II стать во главе правительства, несмотря на свой престарелый возраст. Выбор едва ли был случайным. В этот период времени власть, руководимая безответственными лицами, продолжала неуклонно катиться вправо. Причем одним из первых пожеланий ее было низведение Государственной думы до уровня Думы законосовещательной. Напротив того, Государственная дума нового, четвертого созыва, поддерживаемая общественной средой, стала постепенно, хотя и робко еще, выходить на путь новой борьбы за свои права и положение.

При таких условиях во главе правительства должен был находиться «свой» человек, в верности и преданности которого не могло быть сомнений.

Такую репутацию издавна приобрел И.Л. Горемыкин.

Оппозиционное настроение Государственной думы четвертого созыва стало сказываться уже при Коковцове и с особою отчетливостью выявилось при обсуждении в Таврическом дворце печального события, известного под названием «Ленский расстрел».

Инцидент этот в свое время наделал много шума. Он заключался в том, что в далекой Сибири, в бассейне р. Лены, во время забастовки рабочих одного из золотопромышленных предприятий вследствие легкомыслия и отсутствия выдержки у местного жандармского офицера войсковая команда без крайней нужды или, во всяком случае, преждевременно открыла огонь, которым были расстреляны сотни безоружных рабочих. Правительство назначило сенаторскую ревизию, но отклонило посылку на место думской комиссии.

По этому делу в Государственной думе возникли горячие дебаты. Особенно нападали на правительство представители социал-демократической фракции, использовавшие, между прочим, крайне бестактную и вызывающую фразу тогдашнего министра внутренних дел Макарова⁴⁶. Излагая печальный факт расстрела, он сказал: «Так было, так есть и так будет!»

Упомянутое событие и думские речи, развернувшиеся вокруг него, имели, конечно, большое влияние на поднятие новой волны недовольных против царского правительства.

Вспоминая 9 января 1905 г., рабочие говорили: «Реки крови отделили царя от народа!..»

Опору центральной власти, все более и более терявшей доверие широких общественных и народных масс, составляли по-прежнему лишь дворянско-помещичьи и бюрократические круги. Но к этому времени они уже окончательно выжали из себя все то, что еще оставалось в них не «черносотенного».

При таких условиях принцип царского самодержавия стал постепенно терять характер известной государственной идеи и принимать оттенок узкоклассовый.

Вне гражданского населения власть сохранила еще твердую опору в армии. Офицерский состав ее, хотя в целом и демократический по своему происхождению, был связан общим воспитанием, крепким патриотизмом, отождествлявшимся по традиции с величием царской власти и прочною дисциплиною. Эти скрепы передавались, конечно, и в низы. Но там они давали уже заметные трещины, и революционная пропаганда, как мы уже видели, стала настойчиво проникать в казарму. Она находила себе

там пищу не только в силу общего положения в стране, но и вследствие вредного и частого противоположения армии народу в период волнений последнего. Возникали взаимное недоверие и непонимание, подтачивавшие с военной точки зрения целостность государственного организма.

С той же военной точки зрения в России накануне войны не все обстояло благополучно и в экономической области. Финансы, как я имел случай отметить, ко времени русско-японской войны значительно окрепли. Тем не менее хотя золотой запас и рос с каждым годом, но им не могли быть надолго обеспечены платежи по тем заграничным заказам, кои должна была вызвать война. Между тем при возникновении военных осложнений на западных границах наша внешняя торговля неизбежно должна была резко упасть, а следовательно, нельзя было ожидать и нового притока в Россию золота или иностранной валюты. Положение могло осложниться еще тем, что у нас с союзниками не имелось никаких прочных финансовых соглашений, кои обеспечивали бы нам открытие соответственных заграничных кредитов.

Наша промышленность, несмотря на ее рост, все же оставалась слабой и с трудом поспевала за потребностями мирного времени, кои росли весьма быстро. Но еще хуже было то, что не была продумана мобилизация промышленных сил, то есть приспособление этой промышленности к нуждам военного времени; отсюда и должно было произойти то быстрое оскудение армии материальными средствами, которое составило одну из причин наших неудач 1915 г.

Наконец, и состояние отечественного транспорта было таково, что оно должно было составить одну из заведомо слабых сторон нашего военного положения. Сравнительно с площадью России железнодорожная сеть была очень бедна и недостаточно оборудована, что затрудняло мобилизацию войск, сбор их к угрожаемым границам и обеспечение всем необходимым.

Знакомы ли вам, читатель, если вы иностранец, такие города, которые отстояли бы от ближайшей железнодорожной станции на сотни километров? Нет? А у нас в восточной половине России такие медвежьи углы были не редкость! Да и в Европейской России городами, удаленными от рельсового пути на несколько десятков километров, никого нельзя было удивить.

Значение этих расстояний возрастало еще более из-за почти полного отсутствия шоссейных дорог и невероятного состояния наших грунтовых путей, еще совсем недавно служивших единственным сообщением некоторых городов с внешним миром.

Существует характерный рассказ хотя и вымышленный, но передающий очень верно картину состояния наших грунтовых путей.

Иностраный бытописатель русской жизни, движимый любопытством, решил однажды посетить какой-то район в стороне от железной дороги. Пришлось ехать по грунтовке и пересечь один из русских уездных городков, похожий на сотни других таких же городков. Дело было к ночи, время стояло ненастное. Усталый путешественник задремал и очнулся лишь при въезде в городок от резкого толчка остановившейся повозки.

— Что случилось? — спросил он, взглянув на часы.

— Маленькая заминочка, сейчас поедem дальше, — ответил ямщик, слезая с облучка и желая, видимо, что-то поправить.

Бытописатель поклевал носом и крепко заснул. Вторично он пришелся в себя от нового толчка. Уже рассветало, видно было, что повозка выезжает из Богом спасаемого городка.

«Однако и заснул же я», — подумал он про себя и тут же под свежим впечатлением записал в свою дорожную книжку: «Один из самых больших городов в России — это город П. Он так разбросан, что для проезда с одной окраины на другую мне потребовалось несколько часов».

На самом же деле городок, о котором шла речь, имел в диаметре не больше одного-двух километров, но для спокойного проезда через лужи и топкие провалы его главной улицы нужно было действительно много времени, некоторого счастья, чтобы не сломать себе шею, и той богатырской способности ко сну, которой, несомненно, обладал наш «тонкий» наблюдатель.

Кстати, не напоминает ли вам на сей раз, русский читатель, этот рассказ про многие и многие другие наблюдения некоторых иностранцев о жизни и событиях в городах и весях нашей необъятной Родины, мало поддающиеся чужим наблюдениям?!

В очерченных выше условиях «неотстоявшейся русской жизни», глубоко взбаламученной неудачной войной 1904—1905 гг. и последовавшими за ней революционными переживаниями, подошел роковой 1914 год.

События этого года поставили Россию перед неизбежностью принять вызов, брошенный ей правительствами центральных держав Европы. Там, в Берлине и Вене, хорошо должны были понимать, что каждый лишний год мира дает России приращение в силу и новый шанс в борьбе. Ждать поэтому не приходилось. Необходимо было немедленно же вызвать эту огромную, пробуждающуюся страну на разрыв или поставить ее на колени перед всем миром, надолго лишив этим принадлежащего ей по праву престижа.

ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА!

В ночь на 19 июля 1914 г. от имени Германии был предъявлен России через германского посла в Петербурге графа Пурталеса⁴⁷ ультиматум.

Сущность последнего заключалась в требовании немедленно приступить к демобилизации нашей армии, мобилизовавшейся ввиду явно угрожаемого положения, занятого в отношении России Австро-Венгрией. Требуя от России отмены ее военных мероприятий, германское правительство не сделало, однако, никаких параллельных шагов в Вене.

Уже одно это обстоятельство делало предложение германского правительства для нас неприемлемым.

Медленно проходят часы, остающиеся до истечения срока ультиматума...

Настроение в нашей столице спокойное. Мобилизация русской армии, начатая в ночь на 18 июля, продолжает идти нормальным ходом. Народ наш оказался законопослушным, и на призыв явилось до 96 процентов всех призванных — более, чем ожидалось по расчетам мирного времени.

Министерство иностранных дел, руководимое одним из наиболее прогрессивных министров С.Д. Сазоновым, было в полном сознании, что в пределах чести и достоинства России сделано все, чтобы избежать кровавого столкновения. Окончательное слово остается за Берлином.

Слово это не заставило себя долго ждать. Уже к вечеру того же дня, 19 июля, всему столичному населению стало известно, что граф Пурталес вновь посетил здание министерства иностранных дел у Певческого моста. Но увы! Вместо слов примирения он сделал Сазонову официальное заявление в том смысле, что император Вильгельм от имени Германской империи объявляет о состоянии войны с Россией.

Граф Пурталес в сознании ответственности своего шага проявил крайнее волнение. Оно выразилось, между прочим, в том, что впопыхах он передал своему собеседнику Сазонову в руки два листка, взятые им с собой, по-видимому, для личной ориентировки, с черновыми набросками в различной редакции того заявления, которое поручено было ему сделать. Впоследствии листки эти были потребованы германским посольством обратно, но наше министерство отказало в их выдаче.

Эти немые свидетели потери германским послом душевного равновесия, по-видимому, хранятся и поныне в одном из министерских архивов...

— Что вы думаете, генерал, — обратился ко мне Сазонов в один из ближайших дней, — по поводу начавшейся войны?

— Война, несомненно, будет упорной, — ответил я. — Не надо забывать, что одно сосредоточение всех наших сил к западным границам потребует несколько месяцев. Что до конечных результатов войны, то в этом отношении большую роль суждено будет сыграть внутренним настроениям нашей Родины. Мы не должны забывать урока минувшей японской войны и последовавшего за нею 1905 года, — добавил я, намекая на то, что одною из причин, по которым тогда пришлось поспешить с миром, явилось внутреннее состояние страны...

Размеры надвинувшейся войны потребовали от России одно-временной мобилизации всех ее вооруженных сил.

Даже одна Австро-Венгрия без Германии являлась столь серьезным противником, что отделяться полумерами было невозможно. Обе же эти державы представляли из себя чрезвычайно грозную силу. Для борьбы с ними пришлось поднять миллионные массы русского народа...

Я бы не взялся утверждать, что в эти дни Россия была сплочена глубоким чувством патриотизма и энтузиазма. Люди, политически зрелые, понимали, конечно, что правительство, в лице которого германским императором Вильгельмом объявлена война русскому народу, должно быть поддержано.

Внутри этих лучших людей горело чувство оскорбления и желание отстаивать интересы своей Родины. Отсюда и тот горячий порыв, с которым одинаково и Государственный совет, и Государственная дума, и все интеллигентное общество встретили известие о войне.

Охватившие чувства и готовность к объединению на благо Родины всего ярче выразились в том рукопожатии, с которым экспансивный Пуришкевич, член Государственной думы, принадлежавший к крайнему правому крылу, бросился на торжественном заседании Думы к своему политическому противнику П.Н. Милюкову⁴⁸, лидеру Партии народной свободы.

Уличные горланы, которых везде и всегда много, рады были «выдающемуся» случаю, чтобы покричать и продемонстрировать свои чувства на улицах. В столице, мало или плохо сдерживаемые полицией, они с остервенением набросились на мрачное (из финляндского гранита), угрюмое здание немецкого посольства, озлобленно громили его и валили с его крылец огромных металлических коней с их поводьями, исполинскими тевтонами, давно, впрочем, резавших своим безвкусием глаза столичным жителям.

— Тащи прямо в воду, топи их, — редела гоготавшая толпа, удивлявшаяся почти непостижимому искусству тех, кто с крыши высокого здания спускал громоздкие, тяжелые фигуры на землю.

Но тут было мало, конечно, патриотизма и много, очень много звериного.

Крестьянство, составлявшее большинство населения, держалось в стороне от государственной жизни страны, и цели войны ему едва ли были даже известны. Поглощенное своими узкохозяйственными интересами, ограниченное небольшим горизонтом, открывавшимся с высоты его сельской колокольни, оно не могло рассуждать иначе, чем рассуждало:

— Мы вятские, тульские или пермские, до нас немец не дойдет...

И тем не менее, терпеливые и инертные по свойствам своей природы, они шли на призыв, куда звало их начальство. Шли и умирали, пока не настали великие испытания...

Но истинная оценка всех этих настроений, по-видимому, мало интересовала правительство. Оно едва ли достаточно отчетливо сознавало, что без соответственной народной психологии и без организации народных сил современные войны не могут быть ведены, а тем более выигрываемы.

Правительство оценивало лишь благоприятные настроения армии, кадровый состав которой встретил объявление войны уверенно и спокойно.

Война не казалась этой армии чем-то ужасным. Воспитанная вне политики, но в сознании долга перед Родиной и в том убеждении, что главная опасность России угрожает с запада, армейская среда мало интересовалась подробностями возникшего конфликта. Армии было достаточно того, что «отечество в опасности» и что час ее действий настал.

Родина вызывает к ее силе и жертвенности...

И она, русская армия, даст то, что от нее ожидают. Она оправдает мотив своего существования в долгие годы мира и те заботы, которые были к ней проявляемы.

«Будет ли война продолжительной?.. О! Конечно нет! — думалось строевому офицерству. — К Рождеству мы будем уже дома и, конечно, вернемся победителями! Надо поэтому в первых же боях проявить накопившуюся доблесть, не опоздать пролить свою кровь, стяжать право на заслуженную благодарность. Скорее и без оглядки в бой!..»

С таким настроением все наиболее ценные элементы, составлявшие кадровую армию, были брошены вперед...

ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ УСИЛИЯ И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ

Россия, связанная соглашением с Францией, считала себя обязанной с открытием военных действий начать быстрое наступление значительными силами против Германии в направлении Восточной Пруссии. Одновременно стремление прийти возможно скоро на помощь Сербии и выявить свои освободительные тенденции в отношении всех подвластных Австро-Венгрии славян толкнуло русские вооруженные силы к немедленному вторжению и в Галичину.

Силы позволяли, а обстановка властно требовала принятия именно такого комбинированного плана, к осуществлению которого наши войска и приступили с энтузиазмом.

Хотя русский народ, как мы видели, и не был введен в психологию начавшейся войны, но твердое настроение кадровой армии мирного времени передалось всей массе призванных, и этим создавался в армии в начале войны общий порыв.

В итоге наступательных действий русских вооруженных сил против Германии значительно облегчилось положение наших союзников на западе, которое позволило им выйти из очень трудного положения.

Правда, это стоило России «самсоновской» катастрофы⁴⁹, причины каковой, будучи очень сложными, весьма мало связаны с самой идеей наступления на Восточную Пруссию. Они все или почти все — в области «исполнения».

Что касается нашего наступления против Австро-Венгрии, то победоносные русские войска нанесли австрийцам ряд жестоких поражений, они глубоко проникли в Галичину и стали угрожать своим нашествием Венгрии. Затем последовали быстрый перенос военных действий на левый берег реки Вислы и наступление к границам Познани и Силезии — наступление, остановленное немцами с большими усилиями контрударом на Лодзь⁵⁰.

Четыре месяца сплошных наступательных усилий. Ряд блестящих подвигов, сопровождавшихся кровавыми потерями... Что же в результате их оказалось?

Враг побежден не был. Правда, ему не удался его чудовищный план. Хвастливое обещание императора Вильгельма — в Париже позавтракать, в Варшаве отобедать — явилось не более как пустым словом.

Но, отразив наступление германских армий, наши союзники на западе нашли в себе силы, оказавшиеся достаточными только для закрепления на позициях от Северного моря до границы нейтральной Швейцарии; развить же собственное контр наступление им не удалось.

Это обстоятельство позволило германцам снять часть войск с западного фронта для переброски против нас. К концу 1914 г. силы германцев на нашем фронте едва ли не утроились, но именно этим усилением и была куплена безопасность их восточных областей.

В период наступательных действий наша армия понесла весьма значительные потери в офицерах и солдатах; особенно чувствительным оказалось то, что большая часть выбывших из строя пришлась на долю кадрового состава армии — этого цвета и гордости наших войск!

К зиме некомплект в армии оказался угрожающим, пополнить же его было невозможно из-за отсутствия винтовок.

Но и те люди, которых удавалось вооружить и поставить в ряды, оказывались по качествам своим не прежними. Они получали в тылу недостаточное воспитание и обучение, а вступая в ряды войск с поредевшими кадрами, не проникались уже тою жертвенностью, которою отличался состав войсковых частей в первый период войны. Тут-то и стало резко сказываться отсутствие в народе общей подготовки к большой и трудной войне. Наша армия если и получала из тыла подкрепления, то только численные, но не материальные.

Появились уклоняющиеся в виде палечников* и легко сдававшихся в плен...

Не менее печально обстояло дело уже в этот период войны и с материальным снабжением армии.

Последняя, как мы видели, и к началу войны была бедно снабжена техническими средствами и боевыми припасами. Война же потребовала такого расхода боевого материала, какое не могло себе представить заранее даже самое смелое воображение.

К сожалению, наша отечественная промышленность не могла справиться с предъявленными ей требованиями; заказы же за границей были дороги и не обеспечены ни в сроках, ни в соответственном исполнении.

Но хуже всего было то, что в тылу не сразу поняли масштаб войны и не поверили требованиям Ставки, считая их преувеличенными. Поэтому не сразу напрягли усилия для исправления обнаруженных недочетов. Было потрачено драгоценное время.

Разница между потребностью и действительным поступлением была столь значительна, что постепенно для армии создалось почти катастрофическое положение: запасы стали иссякать, нового же притока их почти не было.

---

* Палечниками назывались люди, прострелившие себе или друг другу пальцы на руке, чтобы уклониться от дальнейшей службы.

Хотя и наши противники, равно и союзники, переживали в смысле снабжения также трудные моменты, но их более богатая промышленность удачнее справилась с кризисом, который продолжал давить нас всею тяжестью очень и очень долгое время.

Дух русских войск подвергался этим обстоятельством еще более тяжким испытаниям.

НАСТУПЛЕНИЕ НА ТЕАТРЕ ВОЙНЫ РЕАКЦИИ

Наступление тем не менее продолжалось и в следующем, 1915 году.

Стремление вызвать крушение австро-венгерской монархии, прояснить положение на Балканах и повлиять на поведение Италии и Румынии привели к возникновению плана вторжения русских войск в Венгрию.

По обледенелым скалам почти без патронов и артиллерии карабкались из последних сил наши герои через горные кряжи Карпат, продвигаясь вперед к желанным перевалам.

— Война есть состязание духа, дух же в большей мере поддерживается деятельностью.

— И если у тебя в сумке два патрона, — учил старый русский военный педагог М.И. Драгомиров, — то вспоминай, что у противника твоего, быть может, уже нет и одного...

Победа казалась нам близкой. Возможно, что так это было и в действительности: победу ведь в большинстве случаев отделяет от поражения едва уловимая грань...

Очертание нашей бывшей западной границы с глубоко вклинивавшейся между Германией и Австро-Венгрией территорией русской Польши было очень выгодно для наступательных действий против наших западных соседей. Это свойство ее мы и использовали при овладении Галичиной. Но, наоборот, для обороны наше выгнутое в сторону противника расположение представляло большой риск. Оно было растянутым и легко уязвимым в любой точке.

Особенность эта была правильно учтена германцами, которые решили прийти на помощь Австро-Венгрии, убедившись в ее катастрофическом положении.

Обстановка благоприятствовала новому плану германской главной квартиры. Положение немецких армий на Западном фронте к этому времени упрочилось. Приняв же решение держаться на этом фронте оборонительно, германцы получали новую возможность переброски части своих сил на восток против нас. Восточный фронт, таким образом, становился для них главным на весь летний период 1915 г.

Здесь, на левом берегу Вислы до подножия Бескид, сформировали они свою знаменитую ударную группу — фалангу генерала Макензена⁵¹, составленную из лучших дивизий и снабженную невиданной по силе артиллерией, прорвав расположение русских войск у Горлице⁵² по плану, подробно разработанному известным ныне в Европе генералом, а тогда полковником, фон Сектом⁵³, немцы постоянным вливанием свежих войск расширили свой прорыв до предела огромной зияющей раны...

Постольку победа покрывает собою все недочеты и слабые места победившего, поскольку поражение, даже частное, их выявляет и подчеркивает у побежденного...

Поражением у Горлице было поколеблено положение всего нашего фронта, все наши недочеты получили сразу значение решающих факторов. И постепенно новыми усилиями противника мы были вынуждены к тяжелому и длительному отступлению из Галичины и Польши.

Почти пять месяцев продолжалось это отступление. Какого народа нервы могли бы выдержать подобное испытание?

Рассчитывать на постороннюю помощь не приходилось: отсутствие единства в управлении войной было всегда наиболее уязвимым пунктом коалиции держав Согласия. Когда одному наносили удар, другие бездействовали или подготавливали контрнаступление...

Наши западные союзники — англичане и французы — пытались облегчить наше положение своим наступлением к северу от Арраса⁵⁴, но размеры такового и достигнутые результаты не смогли ни остановить, ни даже ослабить нажима германцев против нас.

Свершившееся в этот период времени выступление Италии также не оказало заметного влияния на уменьшение против нас австрийских сил.

Румыния оттягивала свое решение выступить, да и какой пользы можно было ждать от ее выступления!

Героическая Сербия? Но она сама была на краю гибели.

Хорошо помню глубоко захвативший нас своим трагизмом доклад представителя сербской армии, приехавшего в Ставку.

— Сербский народ, — говорил он, — напряг все усилия, чтобы дать своей небольшой, но крепкой армии все то последнее, что он в состоянии из себя выжать. Мы способны еще на один удар и готовы его выполнить во имя общего дела и по слову русского Верховного главнокомандующего, но этот удар будет последним... В дальнейшем Сербия явится беззащитной и умирающей...

Такая жертва русским главнокомандованием, конечно, не могла быть принята: последнее усилие сербской армии должно было принадлежать сербскому народу, и только ему.

День за днем отходили русские войска, едва отстреливаясь из-за недостатка патронов от наседавшего врага. Их редкие контрудары бывали, впрочем, всегда очень чувствительны для неприятеля.

Сначала очищена была Галичина, потом русские войска стали вытягиваться из польского мешка. Путь следования войск обозначался пожарами. Сжигали хлеб в скирдах и запасы кормов для скота, чтобы не достались врагу.

Население оставляемого района поднималось с мест, впереди армии на восток катилась всевозраставшая волна беженцев, утяжелявшая и замедлявшая передвижение войск. Приходилось прикрывать их исход.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

«Отечественная война», — пустил кто-то эти слова, быстро привившиеся.

Этим сравнением с войной 1812 г. оскорбленное самолюбие русских людей стремилось выжить в отступлении, являвшемся, по существу, вынужденным, идеей какого-то внутреннего замысла.

— Чем дальше уйдем, тем лучше: врагу труднее будет затем обратиться восвояси...

Император Николай II любил исторические параллели, и потому сравнение минувшей войны с отечественной его соблазняло давно.

Перефразируя известные слова своего прадеда императора Александра I, сказанные последним в 1812 г., верховный вожь русской армии говорил в декабре 1915 г., обращаясь после одного из своих смотров к офицерам и георгиевским кавалерам:

— Будьте вполне покойны, я не заключу мира, пока мы не выгоним последнего неприятельского воина из пределов наших...

Эти же выражения почти дословно вошли и в речь, произнесенную императором Николаем II в Зимнем дворце 20 июля 1914 г. во время торжественного молебна по случаю открытия военных действий.

Праздные речи, ибо для выполнения их требовалось не только сказать, но и суметь создать в сердцах всего народа соответствующую волю...

Да, война приняла характер отечественной в том смысле, что она была перенесена на родную территорию и что врагу уже отдана широкая полоса русской земли.

Всякое более тесное сближение переживавшегося времени с эпохой 1812 г. являлось неправильным и вредным. Вредным потому, что отдавалось пространство, которое можно было оберечь от неприятельского нашествия и обратное овладение которым требовало больших усилий. Неправильным же потому, что условия ведения войны за протекшее столетие значительно изменили ее.

Наполеон наступал по бездорожной местности, довольствуясь немногими грунтовыми путями в качестве операционных линий. Он шел узким фронтом, почему нападения на его хрупкие и уязвимые сообщения с тылом по мере их удлинения становились довольно легкими.

Нынешние массовые армии неприятеля заливали, напротив, сплошь всю русскую равнину, от моря до румынской границы. В тылу же своим противник имел возможность пользоваться целой сетью железных дорог, обеспечивавшей ему быструю и надежную службу снабжений.

При таких условиях серьезное нападение на тыл требовало предварительного широкого прорыва фронта; частичный же перерыв сообщений в одной какой-либо точке мог легко компенсироваться более кружным сообщением по соседним путям.

Не могло, таким образом, существовать той чувствительности тыла, которая и погребла наполеоновские армии в России.

ЧТО НУЖНО И ЧЕГО НЕ БЫЛО У НАС ДЛЯ ПОБЕДЫ

Чтобы в настоящее время обеспечить победный конец в войне, мало одной армии, нужны усилия всей страны, всего народа... Нужна, наконец, неодолимая воля к победе. Вот формула для современной войны, о которой должно помнить всякое правительство.

Армия и народ! Слить их в общем порыве может только умное, деятельное и объединенное правительство, пользующееся общенародным доверием. Правительство умное, чтобы вести соответствующую действительным интересам и силам государства политику, а во время войны уметь облегчать задачу стратегии. Деятельное, чтобы энергично надавить на те пружины, кои ведут к выявлению и развертыванию народных сил. Объединенное, чтобы работа не шла вразброд.

Страна для этого должна, конечно, выделить своих лучших людей. Люди эти должны быть ответственны перед страной.

Что же можно было наблюдать в России?

Во главе государства стоял монарх, упорно продолжавший отстаивать устаревший принцип самодержавия и потерявший в

бесплодной борьбе за этот принцип свой престиж в широких кругах русского народа.

Правительство, царской властью назначаемое, составленное из случайных лиц, работающее без общей программы, не ответственное перед народом и возглавляемое семидесятилетним старцем, работоспособность которого ограничивалась несколькими утренними часами!..

Жуть охватывала при виде этого утомленного жизнью человека, в бессильные руки которого была вложена на время войны судьба великой страны.

А внизу — более чем 170-миллионный народ, истинные настроения которого или неверно понимались, или недооценивались их значение.

Единственным мостом к этому народу могла служить Государственная дума. Но она после объявления войны и торжественного заседания была немедленно распущена, точно она мешала делу. Вновь созвана была она только в январе 1915 г., да и то на три дня для рассмотрения и утверждения бюджета.

ДВОЙСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Охваченные порывом первых дней войны, земские и городские деятели, составлявшие в России весьма значительную общественную группу, объединились в два мощных союза земств и городов. Эти союзы притянули к себе большие пожертвования, на которые они задались устройством во внутренних районах России лечебных заведений для раненых и больных.

Санитарное дело являлось единственным, к которому были допущены общественные силы в начале войны. Несмотря на всеми признававшуюся силу и влияние земских и городских учреждений на местах, несмотря на опытность их в административно-хозяйственных вопросах, помощь названных учреждений в работе тыла была правительством резко отстранена.

— Я сам справлюсь со всем этим делом через губернаторов, — самоуверенно заявил тогдашний министр внутренних дел Макаков⁵⁵.

Этот министр был вообще сторонником охлаждения общественных порывов, и ему приписывают инициативу той инструкции, которая была дана варшавским властям в целях успокоения национальных чувств поляков, взволнованных известным воззванием Верховного главнокомандующего. Воззвание это было, однако, издано в начале войны по соглашению все с тем же правительством.

Одною рукою что-то посулить, а другою отобрать назад вдвое — таковой была внутренняя политика тогдашнего неискреннего правительства.

Грандиозный масштаб войны привел, однако, к постепенному расширению деятельности земского и городского союзов, учреждения коих распространились не только на тыл, но и фронт армии. Правительство, оказавшееся бессильным самостоятельно справиться со всеми нуждами, вызванными войной, в конце концов было вынуждено допустить сотрудничество общественных организаций и стало само выдавать последним значительные авансы на продолжение и расширение их деятельности. С выявлением недостатка оружия и боевых припасов то же правительство в 1915 г. согласилось на образование военно-промышленных комитетов⁵⁶; последние работали также на казенные деньги над приготовлением предметов боевого снабжения.

Фактически таким отношением к общественным организациям правительство, стремившееся держать народные силы вдали от управления, не замечая того, как бы само расписывалось в несостоятельности вести единолично, без содействия общественных сил, войну.

И вот тут-то мы наталкиваемся на одно из странных противоречий, которым полна была русская жизнь описываемого периода.

Допуская работу общественных организаций и даже содействуя им, правительство тем самым подчеркивало полезность и значение таковых сил. В направлении же своих политических шагов то же правительство совершенно не желало считаться с голосом общественности и настроением ее мыслей. Оно не только игнорировало этот голос, оно всячески высказывало этой общественности свое пренебрежение и оскорбляло ее своим вызывающим противоречием.

Результаты такого положения оказались более чем печальными. Общественные организации постепенно стали впитывать в себя все недовольные элементы и незаметно, может быть, для себя стали кадрами той внутренней армии, которая ставила себе целью политическую работу против правительства, державшего себя столь бестактно.

Так в страдный период внешней войны зарождался грозный внутренний фронт.

— Чтобы довести войну до победного конца, правительство должно уступить в своей политической линии, — говорили умеренные, число коих было в начальный период войны все еще очень велико.

— Иначе это правительство в интересах выигрыша войны должно быть свергнуто насильственно, — добавляли более решительные из них.

— Ненавистная, отсталая царская власть должна пасть, во всяком случае, вне зависимости от того, как данный переворот отразится на ходе войны, — говорили третьи.

— Война для этого взрыва — благоприятный фактор, и фактор этот должен быть использован, — шептали из подполья те, которые еще не смели громко подавать свой голос.

Само же правительство ко всем этим настроениям, кои не могли ему не быть известными, относилось, по-видимому, свысока. Где-то в глубине души оно, быть может, даже таило смутную надежду, пользуясь драконовскими законами военного времени, закончить с опасною для себя многоголовою «гидрою революции».

МОСКОВСКИЙ ПОГРОМ

В последних числах мая 1915 г. в Москве, служившей всегда центром народных переживаний, произошли очень серьезные беспорядки. Печать, сдавленная военной цензурой, недостаточно полно и отчетливо отразила это событие, которое на всех в России и даже на наших западных союзников произвело потрясающее впечатление неожиданного громового удара.

Внешняя сторона событий такова.

28 мая, если мне не изменяет память, уличная толпа стала громить магазины, принадлежавшие лицам немецкого происхождения или носившие вывески с немецкими фамилиями. Полиция вначале действовала вяло и дала толпе разойтись. Погромщики начали врывать в квартиры, причем подвергались разгрому не только лица немецкого происхождения, но и иностранцы вообще. Стали наблюдаться случаи избиений и даже отдельных убийств.

Народные толпы, собиравшиеся на площадях, наряду с поношениями по адресу иностранцев у слышали вместе с тем и другие речи.

То тут, то там бросались оскорбительные слова по адресу царской фамилии. Различных членов этой семьи связывали со слухами об измене. Особенно доставалось императрице Александре Федоровне, от которой требовали удалиться в монастырь по примеру ее сестры, вдовы великого князя Сергея Александровича⁵⁷. С громкой бранью произносилось также имя прогремевшего на всю Россию «старца» Григория Распутина. Его обвиняли в том, что своим влиянием он околдовал окончательно царскую чету.

Беспорядки разрослись столь широко, что в конце концов войска вынуждены были пустить в ход оружие. Только этим

крайним средством удалось через несколько дней восстановить полный порядок в Первопрестольной...

Причины погрома, разразившегося в Москве, объяснялись различно.

Конечно, они вылились в очень упрощенную форму уличных бесчинств и грабежа, к которым малокультурная чернь столичного города всегда питает некоторую склонность. Но все же эту толпу, безразличную, может быть, ко всему, кроме буйства, кто-то поднял и ею кто-то руководил.

Какой силе принадлежала невидимая рука, направлявшая действия этой толпы именно в ту сторону, которая могла привлечь к ней симпатии, хотя и скрытые, даже наиболее экспансивной части нашего общества? Кому-то нужны были эти жертвы, разбитые магазины, квартиры и разграбленное в них имущество!

Наиболее просто было приписать причину погрома раздражению населения сердца России, накопившемуся у него против немцев. Они нас бьют на фронте, мы их — в тылу. Взрыв патриотизма, разнузданного, безобразного, быть может, но все же патриотизма!..

Это была версия московских властей.

Наши союзники взглянули на московскую вспышку народного негодования уже более серьезно. В ней увидели проявление раздражения не только против немцев — наших военных противников, но и против иностранцев вообще, не исключая и союзников.

«В последнее время, — доносил телеграммой от 12 июня наш посол в Париже, — французское правительство и военные круги озабочены известиями о неблагоприятном по отношению к Франции настроении русского общественного мнения, обвиняющего французскую армию в бездействии в минуту, когда энергичное ее наступление могло бы облегчить тяжелое положение наших сил в Галичине. Даже в недавних погромах в Москве, — продолжал А.П. Извольский⁵⁸, — здесь склонны видеть враждебное отношение русского народа не только к немцам, но и вообще к иностранцам...»

В наших русских правящих кругах на предостережение, явленное Москвою, взглянули с еще более общей точки зрения. Было вполне очевидно, что почвой для взрыва послужили наши военные неудачи и, быть может, то одиночество, которое окружало нас вовне. Но столь же очевидно было и то, что чувства эти могли найти себе столь бурное отражение лишь в обстановке и на фоне общего недовольства внутренним положением, недовольства, не обещавшего ничего доброго в условиях тяжелой войны. С этими настроениями шутить не приходилось...

Кто-то очень удачно сказал: «Ворчащий тыл что ворчащий вулкан...»

ЛУЧ НАДЕЖДЫ

Некоторые из близких к государю лиц указывали на опасность создавшегося положения и убеждали в необходимости известных уступок, чтобы, как тогда говорили, «открыть клапан сверху». Находили неизбежным пойти прежде всего на решительные перемены в составе правительства в целях удаления некоторых министров, вызывавших всеобщее возмущение. Затем считалось необходимым решить вопрос о созыве Государственной думы, и притом на продолжительный срок, о привлечении общественных сил к активной работе по исправлению недочетов снабжения. Наконец, полушепотом говорилось о желательности удаления от Двора Распутина, которому все громче приписывали вредное влияние на императрицу и вмешательство в государственные дела.

В глубине самого Совета министров уже давно происходила борьба двух течений, из коих одно, возглавлявшееся С.Д. Сазоновым, все настойчивее выдвигало необходимость опереться на общественные силы.

Московские события дали новый импульс этому течению, и А.В. Кривошеин решился на настойчивый доклад государю о необходимости правительству для доведения войны до победного конца пойти навстречу общественным желаниям. Точку зрения Кривошеина всецело поддерживала Ставка, в которую государь прибыл через некоторое время после московского погрома.

Но были и другие влияния. Так, императрица Александра Федоровна 10 июня 1915 г. писала своему царственному супругу в Барановичи:

«С тяжелым сердцем провожала я тебя сей раз — все так серьезно нынче, так тяжело, и мне хочется быть с тобой, чтобы разделить твои заботы и тревоги. Позволь мне помочь тебе. Наверное, есть какой-либо способ для женщин помогать и быть полезными».

И далее:

«Они (министры) должны выучиться дрожать перед тобой... Ты должен просто приказать, чтобы то или другое было выполнено, не спрашивая даже, возможно ли это: ты ведь никогда не потребуешь ничего нелепого или безумного... Вспомни, что ты долго царствовал и имеешь гораздо более опыта, чем они...»

На сей раз, однако, император Николай II склонился в своем решении на сторону тех советчиков, кои предлагали ему внять общественным желаниям.

Вначале намечена была более полная программа перемен в составе правительства. Программа эта предусматривала даже смену председателя Совета министров. Новыми кандидатами на этот пост являлись Кривошеин и Сазонов. Но затем настали обычные колебания, и государь не пожелал расстаться с Горемыкиным.

Последний пользовался особым покровительством императрицы, влияние коей на государственные дела все усиливалось. Старик обладал мягким, сговорчивым характером и легко мирился с вмешательством в эти дела не только властной императрицы, но и стоявшего за ее спиной безответственного и безграмотного Распутина.

«Милый старый Горемыкин, — писала императрица государю в то время. — Он сидел со мною в течение часа, и мне кажется, что мы затронули много вопросов».

«Он так откровенен с нашим Другом!» — сообщала она об отношениях Горемыкина к Распутину в другом письме.

Что касается остальных министерств, то первым должен был оставить свой пост министр внутренних дел В.А. Маклаков, замененный князем Б.Н. Щербатовым. Маклаков был человеком, несомненно, умным и искренним, но слишком правым. Много, впрочем, говорили о том, что он завоевал себе при Дворе положение умелым подражанием голосам и хваткам диких зверей. Насколько последнее верно, сказать не смею.

Затем уволен был от должности военный министр генерал В.А. Сухомлинов, обвинявшийся в бездействии, и к управлению этим министерством приглашен был генерал А.А. Поливанов.

Предстоял также уход министра юстиции И.Г. Щегловитова⁵⁹, главной опоры правого крыла Совета министров, и обер-прокурора Святейшего Синода В.К. Саблера⁶⁰, потакавшего дурным инстинктам некоторых «князей церкви». На пост Саблера намечался А.Д. Самарин.

Заместители прежних министров были не просто новые люди: они были подобраны с известным символическим значением.

Князь Щербатов был лицом, тесно связанным с земскими деятелями; генерал Поливанов — опытный военный администратор, пользовавшийся большим доверием в среде членов Государственной думы; наконец, Самарин — московский губернский предводитель дворянства, выдвигавшийся московскими общественными кругами и лучшею частью православного духовенства...

Соглашаясь на эти назначения, император Николай поступался собственными симпатиями и симпатиями императрицы. Генерала Поливанова царская чета не любила за его близость к А.И. Гучкову, про которого императрица как-то писала, что его

надо повесить за запрос в Думе по поводу Распутина и деятельности «темных сил». Что касается Самарина, с именем которого были связаны надежды на решительное оздоровление высшего православного управления и на борьбу с влиянием Распутина, то это назначение послужило темой для целого ряда предостережений императрицы Николая II.

«Самарин пойдет против нашего Друга и будет заступаться за епископов, которых мы не любим... — выражалась она в одном письме. — Враги нашего Друга — наши собственные враги... Над Россией не будет благословения, если ее повелитель допустит, чтобы человек, посланный Богом на помощь нам, подвергался преследованиям...»

Поступаясь собственными симпатиями и игнорируя опасения императрицы, государь как бы доказывал на сей раз искренность своего намерения стать на примирительную по отношению к общественным кругам позицию.

На горизонте заблестал луч надежды.

ИЮНЬСКОЕ СОВЕЩАНИЕ В СТАВКЕ

К 14 июня Совет министров в обновленном составе был приглашен в Ставку, где должно было состояться под председательством государя императора соединенное с высшими чинами Ставки совещание.

Это была первая с начала войны встреча Ставки с правительством для совместного обсуждения мероприятий, необходимых для продолжения войны. Правда, председатель Совета министров и некоторые министры в отдельности навещали изредка Ставку, но беседы с И.Л. Горемыкиным по слабости влияния последнего на Совет министров не могли существенно отражаться на общем ходе дел, а с отдельными министрами разрешались вопросы лишь частного характера.

Фронт и тыл до того времени были разъединены взаимным недоверием и печальным непониманием необходимости дружного согласования общих целей.

Наша скромная Ставка, расположенная в чудесном сосновом лесу близ станции Барановичи, приняла уже накануне праздничный вид. Необычно зашумели автомобили, развозившие по Ставке приехавших министров, которые своими белыми кителями выделялись на общем серовато-зеленом фоне.

Прибывшие министры остались в тех же вагонах, в коих они были доставлены из столицы. Это размещение вызывалось тем обстоятельством, что сама Ставка в период своего пребывания в Барановичах продолжала жить в вагонах.

От вагонов Верховного главнокомандующего и его ближайших сотрудников была сооружена ветка к казенному дому — прежнему жилищу одного из командиров войсковых частей Барановического гарнизона мирного времен. В этом небольшом доме помещалось мое управление и оперативный телеграф. Здесь же, в моем рабочем кабинете, Верховным главнокомандующим выслушивались и доклады по оперативной части. Другие отделы штаба были размещены в казармах, находившихся в некотором отдалении.

Сам великий князь жил первое время в низеньком, малоудобном вагоне, с которым у него были связаны какие-то семейные воспоминания. Лишь с наступлением зимы его удалось уговорить перейти в другой, более комфортабельный вагон. Вагон Верховного главнокомандующего стоял почти напротив домика управления генерал-квартирмейстера, между вагоном-столовой и вагоном начальника штаба, в котором и я имел свое отдельное помещение.

Для установки царского поезда в периоды довольно частых, но непродолжительных наездов императора Николая II в Ставку была устроена другая ветка, в нескольких сотнях шагов от первой. К ней проложена была и автомобильная дорога.

Зимой государь принимал приглашенных к его столу лиц в вагоне-столовой, передняя часть которого служила гостиной. Вагон этот впоследствии стал историческим, так как в нем император Николай II подписал акт о своем отречении от престола.

Летом на лесной полянке, подле царского поезда, был раскинут шатер-столовая. В нем было прохладнее по сравнению с накалившимися вагонами и, конечно, много просторнее.

В этом шатре и было назначено намечавшееся на 14 июня совещание.

Чрезвычайно трудно теперь, после пережитых разочарований, передать то радостное настроение, которым, я уверен, наполнены были сердца всех тех, кто переживали в Ставке день 14 июня 1915 г. Чувствовался прилив свежих сил, и чудился поворот к лучшему будущему.

День и по погоде выдался на славу. Солнце, ярко заблеставшее с утра, обливало всех горячими лучами и поддерживало общую бодрость.

По случаю воскресного дня наша походная церковь, устроенная в деревянном бараке и украшенная старинными иконами, из коих одна была немой свидетельницей Бородина, наполнилась утром приезжими гостями. Вдохновенно служил протопресвитер военного и морского духовенства отец Георгий Шавельский в со-

служении нескольких военных священников и монахов. Глубоко трогательно пел небольшой, но хорошо слаженный хор певчих.

Император Николай II и рядом с ним Верховный главнокомандующий русской действующей армией — оба фанатично религиозные — занимали свои обычные места на левом клиросе, и из церкви их почти не было видно. Их силуэты заметны были только в короткие периоды коленопреклонения, педантично ими выполнявшегося.

Вся середина церкви была занята белой группой министров, окруженных чинами Ставки в своих серых походных кителях. У всех торжественные, серьезные лица, отвечавшие внутреннему настроению...

После завтрака, в два часа дня, началось совещание. Оно было открыто императором Николаем II.

Первым докладывал приглашенный в Ставку главноначальствовавший в Москве граф Сумароков-Эльстон⁶¹ о недавних событиях в Первопрестольной. Доклад этот послужил основанием для обсуждения внутреннего состояния России. Затем совещание перешло к обсуждению вопроса о необходимости коренного обновления нашей армии, и прежде всего о подготовке соответственных укомплектований и улучшений условий ее снабжения. Ввиду истощения младших возрастов запаса и ополчения 1-го разряда военное министерство намечало осуществление весьма непопулярного в населении призыва на службу в войска ратников ополчения 2-го разряда, составленного из людей, пользовавшихся в мирное время особыми льготами или признанных в свое время не вполне годными для военной службы. Чтобы не возбуждать неудовольствия, взамен такового призыва было решено поспешить с досрочным призывом очередного класса новобранцев. Что касается улучшений условий снабжения армии, то было признано необходимым сотрудничество с властью общественных элементов. Решительно высказалось совещание также в пользу скорейшего созыва Государственной думы. Наконец, был затронут и польский вопрос, причем для установления основ будущей автономии Польши намечено было образование особой комиссии.

В заключение императору Николаю были доложены соображения о желательности его обращения к народу с призывом совместно с правительством работать для доведения войны до благополучного конца.

Обращение это рисовалось совещанию в виде особого высочайшего рескрипта на имя председателя Совета министров, заблаговременно подготовленного и теперь прочитанного Кривошеиным. Мысль о рескрипте была государем одобрена.

По окончании совещания участники такового получили приглашение к торжественному высочайшему обеду, до начала которого члены нового Совета министров были сфотографированы в общей группе с государем в центре.

Затем вечером, по окончании обеда, часть министров с Кривошеиным во главе прошла в мой рабочий кабинет, чтобы выслушать доклад о положении дел на фронте. И хотя я не мог порадоваться их какими-либо утешительными данными, а, напротив, считал необходимым предупредить о вероятном оставлении нами Варшавы, тем не менее в налаживавшемся общении Ставки с правительством все мы почувствовали нечто свежее и бодрящее...

В дни описанного выше совещания, 14 июня 1915 г., императором Николаем II был подписан высочайший рескрипт на имя председателя Совета министров статс-секретаря Горемыкина.

В этом рескрипте государь подчеркивал, что со всех концов России к нему доходят обращения о горячем стремлении русских людей приложить свои силы к делу помощи армии. Затянувшаяся война, говорилось далее, и в самом деле требует нового напряжения.

«Враг должен быть сломлен, до того не может быть мира».

Ввиду этого царь ожидает от правительства и общественных учреждений, от русской промышленности и от всех верных сынов России без различия взглядов и положений сплоченной, дружной работы для нужд армии. Образовав по вопросам снабжения армии особое совещание с участием членов законодательных учреждений и представителей промышленности, заканчивал государь свой рескрипт, он признает необходимым приблизить и время созыва законодательных учреждений, дабы выслушать голос земли русской. Предрешив поэтому возобновление занятий Государственного совета и Государственной думы не позднее августа сего года, он поручает Совету министров разработать по его указаниям законопроекты, вызванные потребностями военного времени...

НОВЫЕ «СУМЕРКИ»

Не вливают, однако, в старые мехи новое вино...

Немощный и окаменелый в своих воззрениях, Горемыкин был, конечно, не тем лицом, которое могло бы осуществить программу 14 июня и вступить в борьбу с теми силами, кои немедленно стали работать против нее. Оставление его на высоком ответственном посту подрывало доверие к прочности нового курса.

Но еще более сильное недоверие к искренности царского призыва вызвал слишком неопределенный и, главное, отдаленный срок созыва Государственной думы, указанный в рескрипте. Переговоры по этому поводу лидеров думских фракций с председателем Совета министров лишь закрепили это недоверие. Горемыкин явно стремился оттянуть срок созыва Думы возможно далее и определенно высказывался против длительной сессии.

Таково же было настроение и в дворцовых кругах.

«Я слышала, — писала 25 июня императрица государю, — что этот отвратительный Родзянко и другие были у Горемыкина с просьбой о созыве Думы. Пожалуйста, не надо!.. Россия, слава Богу, не конституционное государство...»

Лишь после долгих препирательств день открытия Государственной думы был установлен на 19 июля, то есть в день годовщины объявления нам войны.

Церемония открытия Государственной думы, по рассказам очевидцев, произвела малободрящее впечатление. Заседание, продолжавшееся до позднего вечера, было заполнено речами представителей правительства и ответами на них.

Первое слово было за председателем Совета министров.

Речь «умирающего» Горемыкина была произнесена вялым, тихим голосом и отозвалась гнетуще в сердцах всех слушателей, хотя в ней и говорилось о необходимости общих усилий для доведения войны до победного конца. В целях подтверждения своих намерений в этом смысле правительство сочло необходимым внести в Думу особый законопроект о расширении состава путем привлечения различных общественных сил и компетенции существовавшего уже особого совещания для объединения мероприятий по снабжению армии.

В числе других министров выступал также и новый управляющий военным министерством генерал Поливанов, в лице которого Дума приветствовала идею обновления армии. Генерал Поливанов нарисовал потрясающую картину положения наших войск в смысле снабжения и для успокоения общественного мнения через несколько дней сообщил о согласии государя на привлечение бывшего военного министра генерала Сухомлинова к расследованию причин неудовлетворительного снабжения армии.

Это было началом той цепи событий, которая привела генерала Сухомлинова к преданию суду и осуждению, состоявшемуся, однако, только в 1917 г., уже при Временном правительстве.

Так как можно было ожидать со стороны Государственной думы выпадов по адресу Распутина, то обстановку постарались смягчить отправкой этого вредного временщика на родину, в Си-

бирь. Удаление Распутина приписывалось энергии и влиянию нового обер-прокурора Святейшего Синода Самарина.

Но перемены, происшедшие в составе правительства, и те небольшие политические уступки, которые были одновременно сделаны, не удовлетворили общественное мнение. Уже первые заседания Государственной думы должны были убедить правительство в том, что она готова оказать поддержку и содействовать власти лишь при условии дальнейшего выполнения ею властью известных политических требований, признававшихся необходимыми для доведения войны до благополучного конца. На основе поддержки этих требований сошло большинство центральных фракций Думы, составивших впоследствии думский «прогрессивный блок»⁶². Самым главным требованием этого блока явилось составление правительства, «пользующегося доверием страны». Столь расширенная формула данного требования была принята в результате желания учредителей блока дать возможность войти в него всем тем, кто не признавал возможным или еще не решался требовать ответственного перед Государственной думой правительства.

Вокруг прогрессивного блока сгруппировались почти все думские партии, за исключением крайне правых и крайне левых, оставшихся в стороне. К блоку примкнули также и некоторые члены Государственного совета; равным образом он пользовался поддержкой и некоторых более прогрессивных министров во главе с А.В. Кривошеиным. Таким образом, блок составил мощную силу, с которой нельзя было не считаться. Внешним выражением стремлений блока сотрудничать с властью явилось вхождение его лидеров в Особое совещание по обороне, о коем мною упоминалось уже выше.

Очевидно, что, опираясь на это прочное думское большинство, власть, если бы захотела, могла вызвать к жизни новые народные силы и получить позднее существенную помощь в борьбе с революционными течениями.

Но принять требование «министерства доверия» — значит прежде всего устранить себя. Так должен был оценивать положение И.Л. Горемыкин.

Перемена председателя Совета министров и политики, им осуществляемой, не могла быть приемлема и для царя, и для царицы, мечтавших, более чем когда-либо, о восстановлении в чистом виде самодержавия. Среди правых акт 17 октября стал уже громко называться «потерянной грамотой».

Как раз в этот период времени в царской семье с тайного благословения удалившегося к себе на родину Друга — «старца» Григория Распутина — разрешался также вопрос о возложении

государем на себя обязанностей Верховного главнокомандующего действующими войсками. Мы видели, что это также делалось отчасти во имя торжества принципа самодержавия. Когда престол и отечество в опасности, место самодержавного царя во главе войск. Предоставить это место другому — значит нарушить волю Божию...

При таких условиях, чтобы ослабить значение прогрессивного блока, Горемыкин пытался беседами с отдельными лицами, входившими в этот блок, расколоть его на части и в противовес ему образовать блок правых. Когда же это не удалось, то председателем Совета министров уже в середине августа был испрошен роспуск Государственной думы, намечавшийся к исполнению на 3 сентября.

Добиться роспуска Думы было нетрудно ввиду упомянутого выше настроения императора Николая и того обстоятельства, что в прогрессивном блоке решение государя вступить в командование армиями было очень непопулярно.

В дальнейшем обратный перелом во внутренней политике правительства пошел все усиливающимся темпом.

В конце августа стало известно, что в столицу вернулся Распутин и снова ласково был принят императрицей. Несколько раньше этого внезапно был уволен товарищ министра внутренних дел генерал Джунковский — лицо очень близкое к царю, навлекшее на себя недовольство за попытку раскрыть глаза государю на безобразное поведение Распутина в ночных притонах.

Вслед за тем началось постепенное увольнение министров, призванных к власти в кратковременный период стремления к сближению ее с общественностью, затем очередь настала и для тех министров, кои в августе 1915 г. подписали письмо государю с выражением сомнения в полезности смены Верховного главнокомандования.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ ВТОРОЙ

В год вступления в Верховное главнокомандование действующей армией императору Николаю II исполнилось всего 47 лет. Он был в расцвете сил и здоровья.

Большинство фотографий дают довольно верное представление о внешности и фигуре последнего русского монарха; они не передают только особенностей выражения его глаз и загадочности той полуулыбки, которая почти всегда блуждала на его губах.

Государь был невысокого роста, плотного сложения, с несколько непропорционально развитою верхнею половиною туловища. Довольно полная шея придавала ему не вполне поворотливый

вид, и вся его фигура при движении подавалась как-то особенно, правым плечом вперед.

Император Николай II носил небольшую светлую овальную бороду, отливавшую рыжеватым цветом, и имел серо-зеленые спокойные глаза, отличавшиеся какой-то особой непроницаемостью, которая внутренне всегда отделяла его от собеседника. Может быть, это впечатление являлось результатом того, что император никогда не смотрел продолжительно в глаза собеседнику, с которым говорил. Его взгляд или устремлялся куда-то вдаль через плечо собеседника, или медленно скользил по всей фигуре последнего, ни на чем особенно не задерживаясь.

Все жесты и движения императора Николая были очень размеренны, даже медленны. Эта особенность была ему присуща, и люди, близко знавшие его, говорили, что государь никогда не спешил, но никогда и не опаздывал.

Император Николай II встречал лиц, являвшихся к нему, хотя и сдержанно, но очень приветливо. Он говорил не спеша, негромким, приятным грудным голосом, обдумывая каждую свою фразу, отчего иногда получались неловкие паузы, которые можно было даже понять как отсутствие дальнейших тем для продолжения разговора. Впрочем, эти паузы могли находить себе объяснение и в некоторой застенчивости и внутренней неуверенности в себе. Эти черты государя выявлялись и наружно нервным подергиванием плеч, потиранием рук и излишне частым покашливанием, сопровождавшимся затем безотчетным разглаживанием рукою бороды и усов. В речи императора Николая слышался едва уловимый иностранный акцент, становившийся более заметным при произношении им слов с русской буквой «ять».

В общем государь был человеком среднего масштаба, которого, несомненно, должны были тяготить государственные дела и те сложные события, которыми полно было его царствование. Безответственное и беспечное жительство, мне думается, должно было бы более отвечать его внутреннему складу. Простой в жизни и в обращении с людьми, безупречный семьянин, очень религиозный, любивший не слишком серьезное чтение, преимущественно исторического содержания, император Николай, безусловно, хотя и по-своему, любил Россию, жаждал ее величия и мистически верил в крепость своей царской связи с народом. Идея незыблемости самодержавного строя в России пронизывала всю его натуру насквозь, и наблюдавшиеся в период его царствования отклонения от этой идеи в сторону уступок общественности, на мой взгляд, могут быть объясняемы только приступами слабости и податливости его натуры. Под чужим давлением он лишь сгибался, чтобы потом немедленно сделать попытку к выпрямлению.

Впрочем, это была очень сложная натура, разгадать и описать которую еще никому не удалось. К пониманию характера императора Николая II, мне думается, легче подойти путем знакомства с отдельными фактами и эпизодами из его жизни, столь трагически закончившейся. Не претендуя на полноту, я и постараюсь на дальнейших страницах набросать несколько сцен из собственных наблюдений.

Осенью и зимою 1904 г. мне по должности начальника оперативного отделения Главного штаба пришлось участвовать в царских объездах войсковых частей — государь лично напутствовал своим словом и благословлял образом.

Было жуткое время. Подошли последние дни перед падением Порт-Артура. В царском поезде получали шифрованные донесения о безнадежности положения в осажденной крепости, где находился запертым почти весь наш Тихоокеанский флот. Комендант крепости генерал Стессель⁶³ слал истерические телеграммы, взывая к «молитвам обеих императриц». Кругом в России уже чувствовалось дыхание революционного зверя..

В царском поезде большинство было удручено событиями, сознавая их важность и тяжесть. Но император Николай II почти один хранил холодное, каменное спокойствие. Он по-прежнему интересовался общим количеством верст, сделанных им в разъездах по России, вспоминал эпизоды из разного рода охот, подмечал неловкость встречавших его лиц и т. д.

— Что это? — спрашивал я себя. — Огромная, почти невероятная выдержка, достигнутая воспитанием, вера в божественную предопределенность событий или недостаточная сознательность?

Свидетелем того же ледяного спокойствия царя мне пришлось быть и позднее: в 1915 г., в трудный период отхода наших войск из Галичины, в следующем году, когда назревал окончательный разрыв царя с общественными кругами, и в мартовские дни отречения в Пскове в 1917 г.

В начале своего царствования император Николай II, свято чтивший память своего отца, проявил тем не менее особое стремление как можно скорее расстаться с его сотрудниками, как бы опасаясь их влияния и давления на свою волю и решения.

Равным образом у него установились довольно холодные отношения с императрицей-матерью, которая могла импонировать ему именем Александра III.

Боязнь чужого влияния можно объяснить и то охлаждение, которое неизбежно наступало в отношениях императора Николая к тем министрам, кои выделялись своими дарованиями, знаниями или независимостью взглядов. Напротив того, люди внешне вкрадчивые и обаятельные, легко приспособившиеся

к любым требованиям или лукаво не мудрствовавшие, были лично ему очень приятны.

Не потому ли престарелый министр Двора граф Фредерикс, человек хотя и почтенный, но крайне недалекий, мягкий и проявлявший свою настойчивость лишь в хорошо знакомых ему вопросах придворного этикета, и был тем почти единственным лицом, которое оставалось близ особы царя от первого до последнего дня его царствования!

Уверяют, что одной из фамильных черт, наблюдавшихся у многих членов бывшей императорской семьи, являлась та легкость и холодность, с которыми они расставались с людьми, связанными с ними чем-либо в прошлом. Не приходится поэтому удивляться тому, что эта черта отразилась и в характере отношений к своим сотрудникам императора Николая II.

Но, как часто бывает с людьми слабовольными, показывая себя упорными и упрямыми перед теми, кто стоит от них на известном расстоянии, они легко сдают перед теми, кто им близок. Так было и с императором Николаем, на которого влияние его супруги императрицы Александры Федоровны росло с каждым годом.

Остается только под вопросом: было ли это влияние результатом более сильной воли императрицы или же, как думают некоторые, влияние это должно быть объяснено мягкостью и уступчивостью императора Николая во внимание к болезненному состоянию его супруги?

Лично для меня несомненно первое, что доказывается хотя бы тем, что влияние императрицы особенно выросло в последний период царствования императора Николая, когда он, находясь в Ставке, не ощущал на себе непосредственно результатов болезненного состояния императрицы. Но несомненно, что в основе их взаимоотношений существовало и совпадение взглядов на коренные вопросы управления государством, при котором и не могло возникать никаких расхождений по существу.

«Милого всегда нужно подтолкнуть», — писала императрица в Ставку Николаю II о нем же самом.

Император Николай был настолько слабохарактерным, что далеко не всегда мог сдерживать членов своей многочисленной царской фамилии, среди которых возникало немало интриг и неоправданных домогательств.

Вынужденный обстановкой к встрече в упор с более сильной волей, император Николай не имел в себе силы устоять против влияния этой воли. В этих случаях он предпочитал уклониться от немедленного ответа. Но иногда обстановка вынуждала его к

решениям, в коих впоследствии он раскаивался, от коих стремился при первой возможности отступить.

Одним из очень ярких примеров сказанного может служить известное свидание русского императора с Вильгельмом II в Бьерке 11 июля 1905 года.

В этот день император Николай II, верный друг и союзник Франции, унаследовавший эти чувства от своего отца, поддавшись уговорам германского императора Вильгельма II, подписал много потом на шумевший договор об оборонительном союзе России и Германии⁶⁴.

Русская императорская яхта «Полярная звезда» в яркий, солнечный день тихо покачивалась на просторном Бьеркском рейде, окруженном цепью зеленых островов, сливавшихся на горизонте с зеленью финляндских берегов. Россия, утомленная войной, вела в Вашингтоне через своих представителей переговоры о мире со своим недавним военным противником — Японией. Государь отдыхал и был мирно настроен; вблизи него не находилось никого другого, кроме морского министра адмирала Бирилева⁶⁵, не пользовавшегося влиянием на дела общегосударственного порядка.

В такой идиллической и интимной обстановке должно было свершиться частное свидание двух соседних императоров, из коих один еще недавно оказал услугу другому невмешательством в дальневосточные дела, невмешательством, купленным, однако, ценою очень невыгодного для России торгового договора.

Германский император прибыл к месту свидания на яхте «Гогенцоллерн», и первая встреча обоих императоров произошла накануне упомянутого события 10 июля. Уже в этот день между ними произошел частный обмен мнениями по поводу политики Англии, казавшейся обоим собеседникам опасной.

На следующий день на «Полярной звезде» должен был состояться интимный завтрак. По окончании такового император Вильгельм продолжил вчерашнюю беседу, в течение которой и сделал предложение о заключении между Россией и Германией оборонительного договора с привлечением к таковому впоследствии усилиями России Франции. Поддавшись внушениям своего собеседника и поверивши в то, что этим путем мир на Европейском материке может быть упрочен, Николай II согласился на подписание предложенного ему договора, который и был привезен императором Вильгельмом в виде проекта. Подписав этот документ, император Николай пригласил находившегося на яхте адмирала Бирилева, который тут же скрепил договор своей подписью, едва ли даже ознакомившись с его содержанием.

Так выявилась в данном случае слабость воли императора Николая II, поддавшегося внушениям своего коварного гостя

Вильгельма. Когда же этот договор стал известен в нашем министерстве иностранных дел, то руководителям этого ведомства, графу Ламсдорфу⁶⁶, а затем Извольскому, стоило много труда и дипломатического искусства, чтобы аннулировать его значение и убедить правительство Франции в том, что данное соглашение явилось в результате не двоедущия монарха, а его предположения о возможности привлечения к этому договору впоследствии Франции. Как уже следует из предыдущего, по существу, острие договора было направлено против Англии, которая в период русско-японской войны находилась в стане наших противников и начало сближения с которой следует отнести лишь к 1907 г.

Однако с неблагоприятным впечатлением, произведенным на Францию этим договором, русскому правительству пришлось вновь встретиться в 1917 г., уже после отречения императора Николая II от престола. В мае этого года появились сначала в русской, а затем и в заграничной печати нескромные разоблачения по этому поводу. Это было время, когда в результате русской революции среди французов была поколеблена вера в устойчивость русской политики. Нашему послу в Париже Извольскому пришлось иметь с представителями французского правительства продолжительную беседу, убеждая их в том, что ответственные руководители русской внешней политики оставались всегда лояльными по отношению к принятым ими на себя обязательствам и что самый договор, о котором шла речь, никогда не мог считаться вошедшим в силу, ибо осуществление его было поставлено в зависимость от присоединения к нему французского правительства.

Словам тем не менее верили плохо, и для убеждения в стремлении России продолжать войну с союзниками требовались более реальные доказательства в виде перехода русских войск в наступление, которое могло быть организовано только в середине лета.

Во главе морского министерства при императоре Николае довольно долго стоял адмирал Григорович. Это был умный и очень тонкий министр, которого одно время даже прочили на пост премьера. Усилия его были сосредоточены на скорейшем воссоздании флота, погибшего в период японской войны.

В 1912 г. адмиралом Григоровичем была внесена в законодательные учреждения морская программа, существенной частью которой являлась постройка судов линейного флота. Наш Генеральный штаб, как и некоторые группы морских офицеров, не разделял мнения о пользе срочной постройки линейных судов и усматривал в испрашивавшемся отпуске многомиллионных ассигнований на эту постройку серьезный тормоз для развития более необходимого подводного флота и сухопутной армии.

Инспирируемый нами, генерал Сухомлинов, никогда не умевший, впрочем, быть настойчивым в вопросах, которые могли поколебать его личное положение, пытался, однако, несколько раз докладывать государю о несвоевременности выдвигавшейся морским министром программы, но напрасно. Государь, питавший к морскому делу и к морякам личное расположение, упорно держался взглядов адмирала Григоровича и не сдавался.

— Я ничего не могу сделать, — сказал нам однажды В.А. Сухомлинов. — В последний раз государь, случайно бывший в морской форме, сухо возразил мне: «Предоставьте, Владимир Александрович, более авторитетно судить о военно-морских вопросах нам, морякам».

Так решительно император Николай пресекал доклады своих министров, имевшие целью повлиять на изменение раз принятого им решения, и особенно в тех случаях, когда вопросы выходили за пределы их непосредственного ведения.

Император, видимо, усматривал в этом вмешательстве покушение на свою самодержавную власть; в действительности же при отсутствии объединенного министерства и единой программы это вмешательство, может быть и ненормальное, было единственным средством доводить до верховной власти о наличии разномыслия в мероприятиях, предложенных к осуществлению различными министрами.

Государь император Николай Александрович был глубоко верующим человеком. В его вагоне находилась целая молельня из образов, образков и всяких предметов, имевших отношение к религиозному культу. При объезде в 1904 г. войск, отправлявшихся на Дальний Восток, он накануне смотров долго молился перед очередной иконой, которой затем благословлял уходящую часть.

Будучи в Ставке, государь не пропускал ни одной церковной службы. Стоя впереди, он часто крестился широким крестом и в конце службы неизменно подходил под благословение протопресвитера отца Шавельского. Как-то особенно, по-церковному, они быстро обнимают друг друга и наклоняются каждый к руке другого.

Вера государя, несомненно, поддерживалась и укреплялась привитым с детства понятием, что русский царь — помазанник Божий. Ослабление религиозного чувства, таким образом, было бы равносильно развенчанию собственного положения.

Не рассчитывая на свои силы и привыкнув недоверчиво относиться к окружающим его людям, император Николай II искал поддержки себе в молитве и чутко прислушивался ко всяким приметам и явлениям, кои могли казаться ниспосылаемыми ему свыше. Отсюда его суеверность, увлечение одно время спиритиз-

мом и склонность к мистицизму, подготовившими богатую почву для разного рода безответственных влияний на него со стороны.

И действительно, в период царствования этого государя при Дворе не раз появлялись ловкие авантюристы и проходимцы, приобретавшие силу и влияние.

Достаточно вспомнить о «предтече» Распутина — знаменитом Филиппе, игравшем при Дворе в свое время столь видную роль.

Рядом с религиозностью, суеверием и мистикой в натуре императора Николая II уживался и какой-то особый, восточный фатализм, присущий, однако, и всему русскому народу. Чувство это отчетливо выразилось в народной поговорке «От судьбы не уйдешь».

Эта покорность судьбе, несомненно, была одною из причин того спокойствия и выдержки, с которыми государь и его семья встретили тяжелые испытания, впоследствии выпавшие на их личную долю.

Довольно распространено мнение, что император Николай II злоупотреблял спиртными напитками. Я категорически отрицаю это на основании довольно долгих личных наблюдений. Еще в 1904 г., во время частых железнодорожных путешествий государя по России, равно как и в различные периоды мировой войны, мне приходилось много раз быть приглашаемым к царскому столу, за которым картина была всегда одинаковой. Не существовало, конечно, того «сухого» режима, о котором мы часто читали в рассказах о современной жизни в США, но не приходилось также встречаться и с тем, что так легко разносилось досужею людскою сплетнею.

Государь подходил к закусочному столу, стоя выпивал по русскому обычаю с наиболее почетным гостем одну или две чарки обыкновенного размера особой водки «Сливовица», накоротке закусывал и после первой же чарки приглашал всех остальных гостей следовать его примеру. Дав время всем присутствовавшим закусить, император Николай II переходил к обеденному столу и садился посередине такового, имея неизменно против себя министра Двора, по наружному виду чопорного и накрахмаленного графа Фредерикса. Остальные приглашенные усаживались по особым указаниям гофмаршала. Обносимые блюда не были многочисленны, не отличались замысловатостью, но бывали прекрасно приготовлены. Запивались они обыкновенным столовым вином или яблочным квасом, по вкусу каждого из гостей.

Государь за столом ничего не пил и только к концу обеда отливал себе в особую походную серебряную чарку один-два глотка какого-то особого хереса или портвейна из единственной бутылки, стоявшей на столе вблизи его прибора. Ту же бутылку он пе-

редавал наиболее редким и почетным гостям, предлагал отве­даться из нее. Никаких ликеров к кофе не подавалось.

К концу обеда государь вынимал из портсигара папиросу, затем доставал из-за пазухи своей серой походной рубахи пень­ковый коленчатого вида мундштук, медленно и методично встав­лял в него папиросу, закуривал ее и затем предлагал курить всем. Сигар не курили, так как государь не переносил их запаха.

Я никогда не видел, чтобы государь предлагал свои папиросы другим лицам. Он, как большой курильщик, видимо, очень доро­жил своим запасом табака, который ему доставлялся из турец­ких владений в виде подарка от султана. Так как мы были в войне с Турцией, то, очевидно, приходилось экономить.

— Я очень рад, — говорил шутя император Николай, — что новый запас табака был мне привезен в Крым от султана неза­долго до начала войны. И таким образом я оказался в этом отно­шении в довольно благоприятных условиях.

Период курения после еды был очень длителен и утомителен для некурящих, так как государь не спеша выкуривал за столом не менее двух-трех довольно больших и толстых папирос. Затем государь медленно поднимался и давал возможность пройти всем своим гостям вперед в соседнее помещение, где они становились в ряд по новым указаниям гофмаршала. Император обходил вы­строившихся и с каждым говорил еще некоторое время. Иногда эта беседа затягивалась довольно долго, и я, в бытность свою в Ставке в должности генерал-квартирмейстера, очень дорожил данным мне раз и навсегда разрешением уходить к себе в рабо­чий кабинет немедленно после вставания из-за стола.

Я совершенно уверен, что рассказы о царских излишествах являлись плодом фантазии недобросовестных рассказчиков, и полагаю, что в основе этих сплетен лежал, по-видимому, факт посещения от времени до времени государем во время прожива­ния его в Царском Селе офицерских собраний некоторых гвардей­ских частей. Но ведь, казалось бы, каждый, несущий известный труд, имеет право на отдых среди именно тех людей, общество коих доставляет ему удовольствие. Император Николай любил изредка посидеть в полковой среде, и весьма возможно, что это сидение могло быть когда-либо и более длительным, чем это разре­шалось понятиями злонамеренных рассказчиков.

Император Николай II был вообще человеком очень скромных привычек и, насколько я мог наблюдать, чувствовал себя наибо­лее свободно и уверенно именно в офицерской среде. Происходило это, весьма вероятно, потому, что из-за преждевременной смерти своего отца он, в бытность наследником, не имел возможности достаточно расширить круг своей деятельности, которая почти

не выходила за пределы военной службы. Но даже и в этой специальной отрасли служения государству он достиг лишь скромного положения полковника одного из гвардейских полков. Соответствующие этому чину погоны император Николай II и носил в продолжение всего своего царствования.

Государь очень любил физический труд на свежем воздухе, рубил для моциона дрова и много работал у себя в Царском Селе в парке. Верховой езды он не любил, но зато много и неумоимо ходил, приводя этой своей способностью в отчаяние своих флигель-адъютантов, не всегда своим сложением подходивших для столь длинных и утомительных прогулок.

В простой суконной рубахе с мягким воротником, в высоких шагреновых сапогах, подпоясанный кожаным ремнем, император Николай II, в бытность свою в Ставке, подавал пример скромности и простоты среди всех тех, кто окружал его или приходил с ним в более близкое соприкосновение.

Я глубоко уверен, что если бы безжалостная судьба не поставила императора Николая во главе огромного и сложного государства и не вселила бы в него ложного убеждения, что благополучие этого государства в сохранении принципа самодержавия, то о нем сохранилась бы память как о симпатичном, простодушном и приятном в общении человеке.

Во время довольно частых приездов в Барановичи император Николай II и его немногочисленная свита, как мною уже рассказано, продолжали жить в поезде. Ни императрица, ни наследник во время пребывания в должности Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича Ставки не посещали.

Царский поезд по прибытии в Барановичи устанавливался на специальной ветке в том же лесу, в котором находился поезд Верховного, и неподалеку от него. Чтобы не подавать никаких поводов для невыгодных сравнений, место вокруг стоянки царского поезда поддерживалось усилиями комендатуры Ставки весьма тщательно: кругом были расчищены дорожки, поставлены скамейки, посажены цветы.

В центре царского поезда находился вагон-столовая, в меньшей половине которого была устроена небольшая гостиная с зеленою шелковой мебелью и такими же шелком обтянутыми стенами; о ней я уже упоминал в одном из своих предыдущих очерков. Рядом — узкая прихожая, в которой входившие оставляли верхнее платье. У входа в этот вагон снаружи в застывших, вытянутых позах дежурили два казака из царского конвоя — хорошо подобранные красавцы в своих характерных черкесках и папахах, лихо надетых набекрень, с молодыми энергичными ли-

цами, обрамленными черными как смоль волосами небольшой, вьющейся бороды и усов.

В холодные дни, когда завтрак или обед накрывался не в лесу, в шатре, а в вагоне, приглашенные собирались в гостиной, где стоял и закусочный стол. Стол этот с переходом приглашенных в столовую быстро убирался, так как в той же гостиной по окончании трапезы вновь выстраивались гости для заключительного обхода их государем.

Личное помещение государя находилось в соседнем вагоне, примыкавшем вплотную к прихожей и гостиной вагона-столовой. Помещение это было едва ли очень покойным, так как через боковой коридор, уменьшавший к тому же жилую площадь собственно его величества вагона, должны были проходить все лица свиты к себе.

Я не имею возможности описать собственный вагон государя в подробностях, так как только дважды был в одном из отделений его — рабочем кабинете государя, да и то вечером при несколько затемненном помещении. Кабинет этот был устроен в небольшом отделении, по-видимому, в два окна, передний угол которого был заботливо уставлен иконами и образками.

Так как двум людям в этом отделении трудно было повернуться, то ежедневные оперативные доклады в периоды пребывания государя в Ставке происходили, как и в обыкновенное время, в моем кабинете, куда император Николай и приходил к 10 часам утра. Вечерние доклады, если таковые вызывались ходом действий, делались мною в гостиной описанного выше вагона после обеда и ухода оттуда приглашенных и лиц свиты.

Случаи, которые привели меня в собственный его величества вагон, связаны: один — с награждением меня орденом Святого Георгия 4-й степени и другой — со срочным докладом о сдаче австрийцами нам Перемышля 9 марта 1915 г.

В нескольких словах остановлюсь лишь на первом. Великий князь Николай Николаевич, получивший за Варшавскую наступательную операцию, выполненную нашими войсками осенью 1914 г., Георгиевский крест 3-й степени, с большим достоинством и с особым ударением доложил государю, что идеей этой операции и ее разработкой он чувствует себя обязанным мне. Мысль о целесообразности переброски части войск из Галичины на Среднюю Вислу и о сосредоточении всех свободных сил к Варшаве действительно была высказана мною на одном из докладов Верховному главнокомандующему. Но, конечно, принять или отвергнуть эту мысль было всецело во власти Верховного главнокомандующего, который и нес бы на себе всю тяжесть ответственности в случае всегда возможной неудачи. Государь признал,

однако, справедливым удостоить и меня награждением Георгиевским крестом, который высоко чтился в прежней русской армии.

В день награждения тем же крестом, но более высокой степени, великого князя я после обычного обеда у государя получил приглашение императора Николая пройти вслед за ним в его вагон. Войдя в уже описанное отделение, служившее кабинетом, государь взял с полки из-под образов лежавший там футляр. Вынув оттуда заветный для каждого русского военного белый эмалированный крестик, он благословил им меня и сказал при этом по моему адресу несколько теплых слов. Растроганный, я принял крест из рук царя и тут же приложил его к своим губам, но затем принужден был вложить его обратно в футляр, так как на моем кителе не имелось соответствующей петлички, чтобы надеть только что пожалованный крест. Но когда я вернулся в соседний вагон-столовую, великий князь, по-видимому, знавший о том, для чего государь звал меня к себе, быстро и радостно направился мне навстречу с приветствием и тут же дрожащими руками стал мне булавкой прикалывать на грудь полученную высокую награду.

Генерал Янушкевич, находившийся при этой сцене и награжденный еще до обеда тем же крестом, что и я, пожимая мне руку, громко сказал:

— Теперь и я свой крест буду носить спокойно!

Набрасывая предыдущие строки, я припомнил одну пустую, но очень характерную сценку, ярко подчеркивающую степень завистливости и недоброжелательности, которой были окружены люди, самоотверженно работавшие в Ставке.

В начале 1915 г. совершенно неожиданно генерал Янушкевич и я были произведены не в очередь в чин генерала от инфантерии.

По поводу этого одна дама, семью которой я с молодых лет хорошо и давно знал, не постеснялась прошептать в присутствии моей жены:

— Война, я думаю, окончится быстро, так как скоро не будет наград, которыми возможно будет награждать чинов Ставки!..

Как далеко было непонимание ею наших действительных настроений.

Этой даме пришлось, однако, утешиться. Война затянулась надолго, и ее мужу была предоставлена возможность достигнуть тех же степеней отличия, каких достиг и я...

АЛИСА ГЕССЕНСКАЯ — ИМПЕРАТРИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ И ЦЕСАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ

Император Николай II был женат на принцессе Алисе Гессенской, родившейся позднее его всего на четыре года.

Приезд ее в Россию в качестве невесты наследника совпал с серьезною болезнью императора Александра III, преждевременно сведшей его в могилу. Можно встретиться с различной оценкой этого монарха и его внутренней политики, но нельзя не признать, что период его царствования совпал с временем необыкновенного подъема сил и могущества России в глазах всего мира. Фигура колосса — монарха — являлась импонирующей и внутри страны, и к ней невольно тянулись сердца многих и многих русских людей.

Наступивший со смертью императора Александра III траур покрыл собою день свадьбы молодого императора Николая II, и в унылое осеннее время взойшла на российский престол вместе с супругом его молодая жена императрица Александра Федоровна. Но и дальнейшее пребывание последней в России страшно связалось с рядом таких печальных событий, которые в глазах суеверных людей могли создать впечатление накликаемых несчастий, приведенных в Россию немецкой принцессой. Ходынская катастрофа⁶⁷, погубившая в дни празднования коронации несколько тысяч народа; долгое ожидание появления на свет наследника, которому предшествовало рождение четырех дочерей; унижения японской войны; народные волнения, последовавшие за этой войной; неизлечимая болезнь все того же единственного сына, цесаревича Алексея, о которой я скажу несколько слов дальше, и, наконец, общеевропейский кризис, вылившийся в мировую войну, в течение которой на долю России выпало также немало тяжелых испытаний...

Даже в период этой войны ее имя приносило несчастье. Так, один из Сибирских полков, шефом которого состояла императрица, понес исключительно тяжелые потери во время одной из первых газовых атак германцев.

Принцесса Алиса хотя и происходила по крови из немецкой фамилии, но, будучи внучкой королевы Виктории, получила английское воспитание, во всяком случае доминировавшее над ее происхождением. Поэтому настойчивое причисление ее к типу «захудалых немецких принцесс», причисление, носившее в себе нечто даже пренебрежительное, должно было очень обижать гордую и в глубине души властную натуру императрицы.

Быть может, под влиянием именно этих чувств она замкнулась в себе, и та, едва заметная вначале, грань недоверия, которая легла со дня ее приезда в Россию между нею и русским обществом, с течением времени не затухала, а обозначилась все резче и сильнее.

Императрицу Александру Федоровну в России определенно невзлюбили, и она навсегда осталась чуждой русскому сердцу.

Это сердце не отозвалось ни на ее внешнюю царственную красоту, ни на ее попытки ближе подойти к народным нуждам путем принятия под свое покровительство разного рода благотворительных, лечебных и учебных организаций.

Внушенное ею недоверие навсегда ограничило тот круг лиц, с которыми ей приходилось встречаться потом. Люди независимые ее избегали, и на ее приемы шли далеко не все из числа даже тех, кто на это имел право. В силу такой обстановки она чувствовала себя свободно и хорошо лишь в своей собственной семье и небольшом кружке близких людей; при этом все ее мысли постепенно сосредоточивались на муже-императоре и сыне-цесаревиче. Только через призму их личного благополучия она приучилась смотреть на жизнь великого государства, носившего имя «Россия». Вступая на русскую землю, принцесса Алиса едва ли имела много сведений о новой родине и ее историческом прошлом. Стремясь пополнить эти пробелы в своих знаниях, она жадно и прочно впитала в себя все то, что в тесном царском окружении почиталось «исконно русским» и потому непререкаемым.

Преклонение перед самодержавием и вера в какую-то «неземную» связь русского царя с его народом стали ее религией и направили все силы ее ума и воли на поддержание в муже решимости до конца бороться с возраставшим народным самосознанием против тех уступок, кои на самом деле диктовались жизнью.

Будучи по природе властолюбивой, сознавая безволие и нерешительность своего царственного мужа, императрица Александра Федоровна стала с годами все более и более входить в государственные дела, рассматривая их, впрочем, лишь с точки зрения охранения прерогатив царской власти. С отъездом императора в Ставку она стала приглашать к себе министров, требовать представления ей докладов и всемерно толкала своего мужа на проявление им самодержавной власти.

«Помни больше всего, что ты — самодержец» — этой фразой переполнены все ее письма в Ставку к царю.

Вместо попытки более реального сближения монарха с его народом путем привлечения последнего к управлению государством была создана бездна, которая в конечном результате поглотила династию...

Параллельно с чувством какой-то обидной отчужденности от русского общества в жизни императрицы Александры Федоровны назревала едва ли еще не более глубокая трагедия, лишавшая молодую царицу как личного счастья, так и всякой надежды когда-либо восторжествовать над тем холодным отношением, коим она была окружена на своей новой родине.

Судьба в течение ряда лет не посылала ей сына; когда же наконец в июле 1904 г. родился цесаревич Алексей, то он оказался пораженным неизлечимой болезнью, имевшей свои корни в роковой наследственности матери. Болезнь, которою от рождения стал страдать наследник, известна в медицинской науке под названием «гемофилия»; она характеризуется крайнею непрочностью сосудов и отсутствием в крови больного нормальных свойств свертывания. При таких условиях даже ничтожный ушиб способен был вызвать обильное кровотечение, которое могло привести к смертельному исходу.

Сама императрица, как и ее дочери, этой болезнью не страдали, отличительное же свойство ее — передаваться лишь в мужском поколении. Но с тем большею силою поразила эта болезнь единственного сына императрицы — наследника русского престола.

Никакие медицинские силы не способны были обеспечить здоровья цесаревичу Алексею, и его жизни, таким образом, угрожала постоянная опасность. В этой обстановке несчастная мать, проявлявшая всегда склонность к религиозному экстазу, обратилась к помощи церкви. Но одинаково бессильными оказались как ее собственные молитвы, так и представительство перед небом тех духовных лиц, на высшую силу коих она рассчитывала. Императрице оставался лишь один неиспытанный еще путь — путь таинственного мистицизма.

В период напряженной борьбы с общественными течениями за сохранение принципа самодержавия и одновременного переживания царской семьей факта болезненного состояния цесаревича Алексея в столице появился человек, которому суждено было сыграть исключительно роковую роль в жизни России и ее последнего монарха.

Имя ему — Григорий Ефимович Распутин.

Это был ловкий сибирский мужик, много видевший на своем веку и, главное, привыкший играть на религиозно-мистических струнах людей. Пользуясь расслабленностью тогдашнего столичного общества, Распутин сумел, переходя из одного кружка к другому, добраться до придворных сфер и добиться сначала на нейтральной почве встречи с царем и царицей.

По свидетельству близко стоявших ко Двору лиц, встреча эта произвела на царя и особенно на царицу незабываемое впечатление.

Видя холодное, а частью даже враждебное отношение к себе и своему супругу интеллигентных кругов, императрица Александра Федоровна давно уже жаждала ближе подойти к простому народу. Она рассчитывала из этой среды услышать то слово, которое укрепило бы ее веру в любовь и преданность к царской семье простых русских людей.

И вдруг это слово было сказано. Льстивым и ложноискренним тоном хитрый мужик вливал в душу императрицы бальзам, составленный из слов, которых давно ожидало ее исстрадавшееся сердце.

Но совсем заворожил Распутин императрицу тогда, когда в заключение своей беседы убежденно произнес: «Сын твой будет жить, и, вообще, пока я с вами, не будет вам ничего худого. Поверьте только в меня».

И она поверила. С тех пор, чем больше было на Распутина наговоров и доносов, тем крепче закаливалась вера в него царицы, а за ней и ее царственного супруга...

Распутин часто призывался во дворец к постели больного мальчика, и ему, по-видимому, удавалось облегчить страдания маленького цесаревича.

Человек этот, несомненно, должен был обладать большою силою внушения, которою в таких случаях и пользовался. При этом внешние приемы его влияния были всегда немудренны, и рассказывают, что однажды ему удалось приостановить развитие болезни, укрыв цесаревича своим старым, изодранным полушубком, которым он пользовался в более ранний период своей жизни.

Перед императрицей блеснул, таким образом, луч надежды на исцеление ее единственного сына — наследника престола великой страны.

Но почему ограничивать сферу влияния «посланного ей Богом человека» одним наследником? Почему не распространить эту высшую силу и на столь же дорогого ей мужа-императора, который так нуждается в поддержке и добрых советах?

Была переступлена и эта грань. Вера императрицы в «святого старца» начала крепнуть и шириться. Вскоре эта вера стала слепой, глубоко наивной, почти безумной...

В своих письмах государю, относящихся к 1915 г., Александра Федоровна советует ему почаще и, конечно, перед всяким трудным разговором и решением причесываться маленькой грёбенкой, принадлежавшей ранее Распутину.

Столь же полезным она считает держание время от времени в руках палки, которую тот же Распутин привез царю с Нового Афона как особое благословение...

С радостью сообщает также она в третьем письме, что Распутин подарил ей образ с колокольчиком, чтобы предупреждать насчет тех, кто не праведен, и чтобы не дать им приблизиться к царице.

«Я буду его чувствовать и таким образом охраню от них тебя», — добавляет императрица...

Гнусная людская клевета тесно сплела личное имя императрицы Александры Федоровны с именем Распутина, далеко не отличавшегося чистотой своих нравов.

Но эта клевета достаточно раскрыта и опровергнута, почему на ней уже не приходится останавливаться.

Слишком далеки были настроения и психология императрицы от грязи распутинского жития, и этот человек мог сохранить свое влияние на царицу, лишь тщательно скрывая свое настоящее лицо.

«Святой черт» — так охарактеризовал его двуличие один из достойных его противников — беглый монах Илиодор (он же Труфанов)⁶⁸.

Несколько больше внимания придется уделить другой клевете, которую императрица в период мировой войны обвинялась в государственной измене и в стремлении довести Россию до сепаратного мира с Германией. Эта клевета столь же категорически опровергается опубликованной ныне перепиской между царской четой, каковая определенно рисует императрицу пылкой патриоткой, горячо стремившейся обеспечить России возможность успеха в грандиозной войне.

Пищу же для злостных для нее выпадов, вероятно, давали те сношения личного характера, которые она не прекратила со своими родственниками в период войны.

Но сгустившиеся около имени императрицы слухи об измене поучительны в том смысле, что ими хорошо характеризуются те настроения, кои царили в этот период времени в самых различных кругах русского общества.

Слово «измена» стало с особою охотой подхватываться с началом наших военных неудач 1915 г. Изменников и предателей искали повсюду весьма усердно, особенно же среди инородческого населения всех местностей, составлявших театр военных действий. Некоторые недобросовестные деятели того времени создавали себе на этом карьере, и их преступная работа глубоко отражалась на ни в чем не повинном населении.

— Для меня, — говорил в период нашего отступления один из таких «искоренителей» измены, — всякий инородец, которого я обнаружу идущим или стоящим лицом к противнику, — предатель, заслуживающий самых жестоких репрессий.

Шпиономания не щадила никого, и самые нелепые и гнусные обвинения возводились на людей с безупречными именами. Особенно доставалось военачальникам и деятелям разных ступеней, имевшим немецкие фамилии; их называли «внутренними немцами», и положение их иногда становилось настолько невыно-

симым, что они должны были себе искать защиты в просьбах об изменении выдававших их происхождение имен и фамилий.

Покровителем этих «внутренних» или, правильнее, русских немцев при Дворе считали министра Двора графа Фредерикса. Но едва ли это правильно. Граф Фредерикс более всего покровительствовал своим прежним однополчанам — офицерам лейб-гвардии конного полка, которые и занимали в подведомственном ему учреждении разного рода посты. Что же касается русских немцев, то, насколько мне известно, их служба Родине была в массе всегда лояльной и вполне безупречной. Так как необоснованные обвинения вносили в армию и население большую смуту, то понадобился даже особый приказ великого князя Верховного главнокомандующего Николая Николаевича, требовавший прекращения этого вредного явления.

К сожалению, и Государственная дума, к мнению которой общество в этот период времени очень чутко прислушивалось, поддалась общему настроению. Она не только не стала бороться с этой опасной заразой, но и потакала ей включением слова «измена» в ответственные речи своих членов и даже в общие резолюции. «Роковое слово «измена», — говорилось в одной из таких резолюций, — ходит из уст в уста».

И слово «измена» стало действительно ходить из уст в уста, смело заглянув также в царские хоромы...

В чем величайший вред от прикосновения к имени императрицы этого зловещего слова «измена»: личной — по отношению к мужу, императору, и государственной — в отношении к России?

А в том, что слух этот, докатившись до царя, по уродливости, бездоказательности и своей злостности должен был повлиять на него в смысле укрепления в нем полного доверия к императрице, после чего никакие разумные предостережения против ее вредного влияния не могли более на него действовать.

Государь сам, своим внутренним «я» стал вводить известные коррективы в непрестанные советы своей жены. Им отмечалось лишь то небольшое, что противоречило его собственной психологии и пониманию вещей; напротив, все то, что подтверждало его мысли, принималось как доказанное вдвойне; четкими буквами отпечатывалось оно в его памяти и ярко отражалось в его действиях. Отсюда его, человека несильного, упорство в борьбе с общественными течениями.

Он стал верить только ее советам и себе. Она — та единственная, которая приобрела и сохранила до конца власть над ним, последним монархом прежней России.

Все попытки посторонних лиц предупредить об опасности усвоенного им пути и о возможности катастрофы разбивались о его каменное спокойствие.

— Таковы ваши сведения? Вы так полагаете? — устало говорил он, давая этим понять о желательности прекращения дальнейших разговоров.

ЗЛОЙ ГЕНИЙ ЦАРСКОЙ РОССИИ РАСПУТИН

Григорий Распутин! С какой ненавистью и озлоблением проносит это роковое имя каждый русский человек!

Кто он? Откуда явился, каков его внутренний и внешний облик? И в чем таилась сила его влияния?

На эти вопросы частично мною уже дан ответ. Испытывая к Распутину чувство крайней брезгливости, я лично не знал и никогда не имел желания видеть этого человека. Приходится поэтому говорить с чужих слов.

Однако образ Распутина, явившегося в качестве последней крупной капли, переполнившей чашу унижений России, до такой степени выстрадан всеми его современниками, что каждому из нас, хотя лично его и не знавших, есть что сказать о нем и о его влиянии на ход событий, предшествовавших падению великой монархии.

В качестве автора настоящих очерков воспользуюсь этим обстоятельством и я.

Простой крестьянин села Покровского Тобольской губернии. Подучившийся письму и чтению только в Петербурге, имея свыше тридцати лет от роду. Оставшийся тем не менее глубоко безграмотным до конца своих дней. Его записки царице и министрам — нечто граничащее с позором для лиц, их получавших и принимавших к сведению и исполнению. Религиозный начетчик, в доме которого уже на родине собирались люди для каких-то таинственных «бдений». Недоказанный последователь секты «хлыстов». Пьяница и развратник, окутавший свои развратные инстинкты флером божественного происхождения.

— Не сумлевайся, — говорил он понравившейся ему даме, — не сумлевайся! Все чувства от Бога! Без греха ведь нет и покаяния, столь угодного Вседержителю...

Фотографии, которые мне пришлось видеть, изображают его высоким, довольно стройным мужиком лет 40—45, с темной бородой клином, длинными, спутанными волосами на голове и узкими неприятными глазами, от которых хочется уйти поскорее. На других фотографиях он изображен с опущенной головой, скрывающей выражение его глаз, и в этом виде он производит уже менее отталкивающее впечатление. Обычный туалет его — национальный костюм русского крестьянина, но рубаха на нем

всегда шелковая — очередной подарок какой-либо из довольно многочисленных его поклонниц.

Григорий Распутин, он же Григорий Новый. Так подписывался он под своими телеграммами к царской чете.

Откуда это прозвище?

Рассказывают, что словом «Новый» назвал Распутина цесаревич Алексей. Привыкнув видеть лишь окружающих его лиц, и притом в форменном платье, он удивился появлению во дворце человека неизвестного и в не виданном им костюме.

— Новый! Новый пришел! — закричал он, желая предупредить своих родителей о прибытии во дворец Распутина.

Отсюда и пошло — Григорий Новый.

Настоящую фамилию «Распутин» его родственники объясняли происхождением от слова «распутие», близ которого якобы стоял дом его отца в далекой Сибири на реке Турии. Но ближе к натуре носившего эту фамилию было производить ее от слова «распутство». Несомненно, что это маловыгодное созвучие и вынудило Распутина присвоить себе дополнительную кличку — Григорий Новый.

Околдованная же им императрица дала ему более почетное звание — «наш первый Друг».

Ее дочери о нем писали не иначе как тремя большими буквами: «ОНЪ».

Распутин любил пображничать, и в час разгула все границы перед ним падали. Его поклонники и поклонницы приглашали его к себе наперебой; кормили, поили до отвала и всячески старались ему угождать. Наиболее экзальтированные доходили до кликушества: целовали его руки, одежду и даже бросались перед ним на колени... Все эти знаки явной истерии или прямой распущенности он принимал как должное. Однажды он высказал:

— Вот вы все меня не любите, а она (знак в сторону наиболее неистовавшей), она умрет за меня!

Ловкий мужик брал каким-то внутренним чувством, где и как себя держать. Во дворец он являлся смиренным «старцем», молитвенником перед престолом Всевышнего за царскую семью и Россию, человеком, сосредоточившим в себе мудрость народа и его чаяния. В грешном же миру, сохраняя на себе всю ту же загадность, он далеко не прочь был спускаться и до греха.

Но и в этом мире он никогда не льнул к людям твердым и независимым. Он хорошо знал, что его сила лишь в среде больных, расслабленных людей и ловких карьеристов, которых, к сожалению, было немало в высшем столичном обществе перед мировую войною.

Такие люди, как Распутин, всегда находятся, когда на них обнаруживается спрос. Напротив, в здоровой атмосфере они быстро потухают. Охотно вокруг них лепятся разного вида и образа авантюристы, цель у коих «ловить рыбу в мутной воде». И хроника столичной жизни перед войною, к сожалению, полна была именами таковых.

Илиодоры, андронниковы, бадмаевы, симановичи, манасевичи и другие, коих я здесь не перечислю, — ведь это целая плеяда отвратительных дельцов, отравлявшая и заражавшая атмосферу жизни... Они без зазрения совести пользовались влиянием Распутина, чтобы проводить наверх нужных им людей и обделывать свои личные дела.

Главный же ужас «распутинского» времени был в том, что влиянием на дела этих людей окончательно расшатывался авторитет центральной власти и венчавшего ее монарха.

Люди чисто плотные и независимые, искренно и бескорыстно служившие Родине, постепенно падали или сами отходили от власти. На место же их приходили угодники и льстецы, ставившие выше всего свою личную карьеру. Ради этой цели ими делалось все в угоду безответственному и невежественному «старцу» и его приспешникам.

Этим путем власть и докатилась до края пропасти.

Распутин ни разу не был в Ставке. В период нахождения во главе армии великого князя Николая Николаевича об этом, конечно, не могло быть и речи. Бывший Верховный главнокомандующий был к этому времени уже прекрасно осведомлен о вредной деятельности «старца» и его порочных наклонностях.

Но с принятием обязанностей Верховного главнокомандующего императором Николаем II этот вопрос легко мог получить и другое направление.

Хотя Распутин и должен был предпочитать оказывать свое безответственное влияние не непосредственно, а через более экспансивную и отзывчивую императрицу, но последняя считала полезным личное присутствие «старца» в Ставке.

Наличие «запретного» для всемогущего Распутина места, несомненно, должно было раздражать и его самого; в глазах же императрицы этот запрет не вязался с ее большим представлением о Распутине как об источнике Божьей благодати и залоге всякого успеха.

Уже через самое короткое время после водворения в Ставке государь дал понять своему начальнику штаба генералу Алексею, что императрица, живо интересующаяся жизнью страны и Ставки, ставит вопрос о приезде Распутина в Могилев.

Появление «старца» в Ставке удалось отклонить, но Алексею пришлось по этому поводу выдержать очень щекотливое объяснение с императрицей Александрой Федоровной.

— Скажите, — обратилась она однажды к нему, — что имеете вы против нашего Друга и почему противитесь его приезду сюда? Он так облегчил и поддержал бы здесь государя!

— Ваше величество, — отвечал Михаил Васильевич, — я лично Распутина не знаю и никогда не видел, но о нем так много говорят дурного, что...

— Я знаю, — с горечью перебила она своего собеседника, — вы все здесь его не любите. Но вы не знаете нашего Друга: это чистый и Богу угодный человек. С просьбой о молитвах за наследника я ведь не сразу обратилась к нему! Но до Бога, видимо, не доходят молитвы наших иерархов как неугодные. Эти люди слишком поглощены делами мирскими. И только обращение к Богу этого простого человека, на котором почивает Божья благодать, облегчает страдания моего больного мальчика... — С этими словами, вся взволнованная, императрица удалилась, не дав генералу Алексею ответить на ее слова.

Конечно, результаты распутинского влияния на власть сказались не вдруг. Но уже за несколько лет до 1914 г. участие Распутина в направлении государственных дел может быть установлено с несомненностью.

Это видно хотя бы из того, что конфликт, приведший к мировой войне, застаёт Распутина хотя и на родине, но прикованным к постели ножевой раной в живот, полученной им в результате покушения на его жизнь. Близкими к Распутину лицами покушение это приписано мести и интригам другого русского авантюриста того времени, монаха Илиодора, но для общества это дело осталось затуманенным, и женщина, покушавшаяся на жизнь Распутина, была признана невменяемой. Несмотря на пребывание в Сибири и свою болезнь, Распутин не считает, однако, для себя возможным не откликнуться на развертывавшиеся события. Он пишет царю письмо, в котором советует послать в Берлин доверенное лицо с поручением добиться от императора Вильгельма сохранения мира.

Предложение остается невыполненным. Война началась.

В сентябре 1914 г. Распутин уже в Петербурге, и с этого времени влияние его не перестает расти. Это он, между прочим, в согласии с императрицей Александрой Федоровной осенью 1915 г. оказывает решающее влияние на государя стать во главе войск, утверждая, что факт этот должен поднять их настроение.

Напрасно многие министры высказываются против мысли об отъезде государя в армию.

— Мое решение, — отвечает им Николай, — непреклонно, и уже на днях я уезжаю в Ставку.

ЗВЕЗДЫ МЕНЬШЕЙ ВЕЛИЧИНЫ

Говоря о Распутине, приходится для полноты характеристики коснуться и того круга лиц, которые плотною стеною окружили «святого старца», ожидая от него или через него получения высоких и богатых милостей. Одни из членов этого окружения, одержимые явно выраженными признаками истерии и кликушества, верили искренно в божественную силу этого человека; другие не прочь были попросту «пораспутничать» с ним, привлекаемые его бездонной порочностью; третьи же цинично стремились извлечь из знакомства и дружбы с ним материальные или служебные для себя выгоды. Таковых было большинство.

Описание всей этой плеяды людей того времени отняло бы много времени и потребовало бы сотен страниц. Я вкратце остановлюсь поэтому на изображении только нескольких лиц, кажущихся мне наиболее характерными.

А.А. Вырубова⁶⁹ — знаменитая Аннушка, как звал ее Распутин. Дочь крупного и уважаемого сановника, несчастная в замужестве и в личной жизни. Была приближена ко Двору, причем всею своей неудовлетворенною душой привязалась к императрице и к царской семье. В свои отношения к ним вложила весь мистицизм, который был свойствен ее натуре.

Познакомившись с Распутиным, она обожествила его, особенно после случая, когда, будучи искалеченной во время железнодорожной катастрофы, была приведена в сознание его голосом, в который Распутин постарался вложить все свое магнетическое влияние.

В лице Вырубовой Распутин приобрел безгранично преданного ему человека, которым он широко пользовался для проведения при Дворе своих желаний и планов.

Императрица, Вырубова и Распутин образовали без предварительного между собою сговора тесный, неразрывный триумvirат, в котором главную роль злого гения играл Распутин. Вырубова исполняла роль граммофонной пластинки, императрица же — резонатора, неотразимо действовавшего на безвольного императора.

Главная опасность созданного положения заключалась в том, что названные три лица хотя из разных побуждений, но подходили к каждому делу, попадавшему в луч их зрения, только со стороны частных, а не государственных побуждений. Распутин заботился лишь о ссхранении и укреплении собственного поло-

жения; Вырубова, верившая в божественное призвание явленного «старца», ставила себе целью охранение его жизни и влияния для счастья и благополучия обожаемой ею царской семьи, а императрица, отождествлявшая благоденствие России с идеей самодержавия, заботилась более всего об укреплении власти своего мужа, должностовавшей впоследствии перейти к ее сыну.

Для достижения этих целей все три члена названного рокового триумvirата сошлись в довольно элементарном средстве, заключавшемся в том, чтобы на все сколько-нибудь ответственные посты в государстве ставить своих людей.

Можно представить себе, кто именно взбирался наверх под лозунгом «своего человека»...

Одною из типичных фигур, служивших для связи упомянутого триумvirата с «миром», являлся известный авантюрист того времени князь Андронников, называвший себя почему-то адъютантом Господа Бога. По-видимому, этим он хотел подчеркнуть свою якобы независимость от «сильных мира сего».

Маленький, шарообразный сырой человечек, на семянцах, коротеньких ножках, с вечным портфелем под мышкой, в котором, говорили сведущие люди, лежали только старые газеты. Такова была внешность этой знаменитости. Его можно было встретить в приемных всех министров и других высокопоставленных лиц требующим внеочередного доклада о себе, хотя сам он занимал очень скромное место чиновника особых поручений то в том, то в другом министерстве. И хотя в глубине души Андронникова глубоко презирали, но самые глухие двери обычно перед ним раскрывались.

При невидимом его содействии свергались не подходящие к обстановке лица и проводились к власти новые люди. Лично у меня в служебном кабинете Андронников был только один раз, чтобы предупредить о предстоящем удалении от должности начальника Генерального штаба генерала Мышлаевского⁷⁰, мирно лечившегося в это время в Виши. Зачем я был посвящен в эту тайну, мне так и осталось неизвестным.

Будучи человеком без средств, он, по рассказам, жил, однако, ни в чем себе не отказывая. Восходившим светилам он подносил дорогие иконы, а их женам — цветы и конфеты. Занимал хорошую квартиру, служившую местом для нечаянных якобы встреч, особенно с Распутиным и другими нужными людьми.

По Петербургу ходил рассказ, что в его кабинете висело два телефонных аппарата, из коих один без соединения с сетью. Ведя в непринужденных тонах мнимые беседы с «власть имущими» по этому недействовавшему на самом деле аппарату, он успешно мистифицировал тех, кто искал у него помощи по разным делам.

Вызвать по этому аппарату и продемонстрировать душевную беседу с любым министром было для него делом одной минуты.

Но в делах он нередко достигал и положительных результатов. Бюрократические сферы его опасались, и, пользуясь этим, он успевал проводить свои по большей части довольно темные делишки. Отказы были редки, ибо за ними наступало жестокое мщение из-за угла. Прекращение посещений Андронникова было почти всегда довольно верным признаком скорого падения того лица, которого стал обходить этот юркий человек.

Несколько строк я уделю еще третьему безответственному лицу — капитану 2 ранга в отставке Боткину. Этот господин стал прочно на ноги лишь к концу 1916 г. и потому не успел развернуться в заметную величину. Но задатки у него были большие.

Упомянуть о нем меня заставляет опасение, как бы личность эта, не приобретшая широкой известности, не затерялась и не исчезла вовсе из воспоминаний современников о тяжелом прошлом.

Впервые я увидел его в Ставке в 1914 г. Очень скромно одетый, в статском костюме, с тихой поступью и заискивающим видом, он всегда неожиданно появлялся у нас за завтраком или обедом и потом столь же незаметно исчезал. В пользу его мне говорила лишь фамилия, которую он носил и которая напоминала о его знаменитом родственнике, кажется, даже отце, известном профессоре С.П. Боткине⁷¹. Я лично относился к молодому Боткину с большим предубеждением, но его принимали и с ним вели отдельные беседы как Верховный главнокомандующий, так и начальник штаба... Так как лицо это владело где-то в Финляндии дачей, то у меня сложилось мнение, не знаю, правильное или нет, что он являлся негласным осведомителем о финляндских и шведских настроениях.

Прошло два года. В конце 1916 г. я в роли начальника штаба Северного флота снова встретился с тем же Боткиным. Он приехал в Псков к генералу Рузскому, тогдашнему главнокомандующему войсками этого фронта, с именованным высочайшим повелением легализовать его положение путем особого приказа по войскам фронта в какой-то особой роли защитника и покровителя русских интересов в Финляндии, где, однако, существовали и действовали все законные военные и гражданские власти. Хорошо помню, что ему присваивалась особая форма одежды и какая-то печать.

Положение генерала Рузского было очень трудным. С одной стороны, именованное высочайшее повеление, с другой — полная нелепость создавшегося положения.

Молодой Боткин оказался на этот раз очень настойчивым и покинул Псков лишь тогда, когда получил на руки один экземпляр приказа с перепечаткой высочайшего повеления Верховного

главнокомандующего. Другой экземпляр такого же приказа был отправлен для сведения старшему войсковому начальству в Финляндии.

Проявилась ли еще в чем-либо деятельность упомянутого лица — неизвестно, но факт получения от государя, минуя начальника его штаба, столь странного, чтобы не сказать больше, документа заслуживает того, чтобы быть отмеченным. Этим фактом хорошо рисуется то влияние, которое могли проявлять в данный период времени безответственные лица, минуя всех и вся...

ВСЮДУ «ИЗМЕНА»

Распростившись со Ставкой, я приехал в Петроград, чтобы провести предоставленный мне короткий отпуск в своей семье.

По долгу службы и в силу моих личных отношений я посетил среди других лиц военного министра генерала А.А. Поливанова и М.А. Беляева⁷², исполнявшего обязанности начальника Генерального штаба в военном министерстве.

Поливанова я знал очень давно: еще по совместной службе в Главном штабе в период японской войны. Несмотря на некоторую неискренность его характера, я высоко ценил этого человека: его ум, способность организовать и вести работу. Мне казалось поэтому, что назначение его на должность военного министра в период войны, когда от занимающего этот пост лица требуется развитие исключительно административно-хозяйственной деятельности, являлось вполне соответственным. В войсках генерал Поливанов давно уже не служил, и поэтому вопросы современного обучения, воспитания и быта войск ему были знакомы мало.

Поливанов встретил меня очень деловито: он долго и внимательно расспрашивал о положении армии, ее нуждах и вероятных перспективах ближайшего будущего. Он поинтересовался также моим мнением о предполагавшемся назначении бывшего главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала Жилянского на пост нашего военного представителя при французской армии. Я ответил, что так как наступление в Восточную Пруссию, несмотря на происшедшую у нас катастрофу, значительно облегчило положение наших западных союзников, то в предполагаемом назначении с точки зрения Франции, по-видимому, нельзя найти ничего не соответственного. Тогда же я узнал, что генерал Жилянский считал меня главным виновником своего отчисления от командования войсками фронта, что на самом деле было неверно, ибо мысль об освобождении генерала Жилянского от за-

нимаемой им должности была впервые выражена государем в телеграмме Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу. Правдой было только то, что в моем распоряжении не имелось данных, кои я мог бы предъявить в объяснение той бездеятельности, которая, несомненно, была проявлена руководящим органом управления армиями Северо-Западного фронта в начальный период войны.

М.А. Беляев, мой школьный товарищ, при встрече со мной по свойственной ему привычке говорил долго сам, изображая тяжелое положение фронта (будто оно могло быть мне неизвестно!) и причины его необеспеченности снабжением.

— Ну что делать? — добавил он, пожимая мне на прощание руку. — Против исторического хода событий не пойдешь, и мне жаль, что тебе несправедливо приходится нести бремя судьбы, вытекавшей в 1812 г. на долю Барклая⁷³.

Я долго не мог постигнуть до конца смысла этих слов. Что существует и культивируется неудачная попытка проведения параллели между событиями 1915 г. и Отечественной войной 1812 г., я знал хорошо. Мне неясно было только, в ком надеются обрести нового Кутузова и где будет найдено новое Тарутино?

Но при чем же тут сближение моей судьбы с судьбой Барклая?!

Только шесть лет спустя, уже в Париже, в обстановке эмигрантской жизни, я вполне неожиданно для себя натолкнулся на разгадку уже забытой мною фразы Беляева.

Перелистывая свежий, только что выпущенный номер одного из французских журналов, я остановил свое внимание на приведенных в этом журнале письмах императрицы Александры Федоровны к ее мужу, императору Николаю.

Среди бесчисленных наговоров на бывшего Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и Ставку я нашел также упоминание моего имени в связи с гнуснейшими сплетнями об измене, якобы свившей себе гнездо в Ставке. Слухи эти исходили, по-видимому, из очень темных, едва ли не из распутинских кругов.

Известно, что подобная же клевета в 1812 г. коснулась и безупречного имени Барклая.

Беляев был заражен идеями исторических сближений и, как доказано впоследствии печатью, близок к распутинским кругам, поэтому произнесенная им фраза легко поддалась моему расшифрованию. Но в тот период времени, когда она была сказана, я не мог понять ее смысла, не будучи осведомленным о всей той нехитрой, но злобной клевете, которою опутывалась Ставка.

Тяжкое, кошмарное время переживали мы тогда. Люди, коим вверялись наиболее ответственные посты и работа коих была у всех на виду, могли заподозриваться без всяких к тому данных в тяжчайших государственных преступлениях...

Но еще характернее было то, что, передавая в письме к своему царственному супругу эту злостную сплетню и рекомендуя за мной установить тайное наблюдение, императрица советовала держать намечавшиеся в отношении меня меры в тайне от Верховного главнокомандующего, через которого вся возведенная на меня клевета могла быть вскрыта.

Дальше этого идти уже некуда...

Думаю, что рекомендованные царицей в отношении меня меры приняты, однако, не были. Уж слишком груба и чудовищна была пущенная сплетня!.. По крайней мере, вспоминая прошлое, могу сказать, что ничего похожего на наблюдение за мною я не замечал. Впрочем, я был очень далек мыслями от самой возможности установления за мною слежки, да и некогда мне было ее подмечать!..

Большую часть своего отпуска я провел с семьей в Финляндии в известном санатории «Раухи». Поэтому я очень мало мог наблюдать сам столичную жизнь. Но то, что все же пришлось мне видеть и слышать о ней, создавало у меня впечатление определенной отчужденности тыла от фронта.

Жизнь в Ставке была серьезной, деловой; в столице же пошлые сплетни, легкомысленная критика и пустые развлечения.

Раздумывая об этом своем впечатлении, я как-то случайно набрел на глупейшее двустигшие, вырезанное на одной из скамеек довольно унылого осеннего парка, окружавшего наш санаторий:

Любовь — солома, сердце — жар;
Одна минута — и пожар.

Да, подумалось мне, там, на фронте, — страдания и смерть, здесь, в тылу, — только свои, мирные переживания...

Не заразится ли, однако, при этих условиях и фронт этой жаждой мирного жития?.. Тогда конец войне.

ВСТУПЛЕНИЕ МОЕ В КОМАНДОВАНИЕ КОРПУСОМ

Быстро промелькнули дни отпуска, подходило время моего отъезда на фронт.

В этот период времени германцы упорно, последним усилием рвали наш фронт в районе Ново-Свенцяи. Продвинувшейся вперед неприятельской кавалерии удалось глубоко проникнуть в

тыл и прорвать железнодорожную линию Полоцк — Вилейка, и отдельным отрядам этой кавалерии — дойти до Борисова; этим создавалась угроза последней железнодорожной связи наших войск с их тылом к северу от Полесья.

При таких условиях мой путь на Минск становился небезопасным.

Однако ко времени окончания моего отпуска положение на фронте наших армий значительно улучшилось, и я получил возможность благополучно доехать до головной станции 4-й армии, в состав которой входил мой корпус; дальнейший путь должен был быть совершен мною в автомобиле.

Было раннее утро, когда я вышел из вагона. В прозрачном воздухе над станцией парило несколько неприятельских аэропланов. Они чувствовали себя хозяевами положения, так как из-за недостатка авиационных средств и отсутствия противоаэропланной артиллерии мы не могли ничего противопоставить их полетам над зоной нашего расположения.

Таким образом, одним из первых моих впечатлений по прибытии на фронт было досадное чувство явного технического превосходства над нами наших противников.

Со станции я проехал в штаб армии, расположившийся в одной из помещичьих усадеб недалеко от железной дороги. Путь туда отчетливо обозначался шестами полевого телеграфа, сбегавшегося с разных сторон к штабу армии как естественному своему центру на известном участке фронта.

Командующий армией А.Ф. Рагоза⁷⁴ — бодрый и жизнерадостный генерал — бегло очертил предо мною положение на фронте его армии, познакомил со своими ближайшими сотрудниками и, гостеприимно накормив обедом, отпустил меня в дальнейшую дорогу — к штабу корпуса.

Рагоза в период Гражданской войны и нахождения во главе Украины гетмана Скоропадского⁷⁵ был военным министром украинского правительства. Впоследствии в Одессе он попал в руки большевиков и, насколько мне известно, был ими расстрелян.

Путь к штабу корпуса остался мне очень памятен по обозам беженцев, кои длинными вереницами тянулись мне навстречу, направляясь в тыл.

Тощие лошаденки, впряженные в возы, на которых сидели дети и был нагроможден домашний скерб; бледные, изможденные лица мужчин и женщин, шедших по обочинам дороги; их лихорадочные глаза, коими они вопросительно вглядывались в нас, проезжавших им навстречу, — все это ярко свидетельствовало о лишениях и страданиях того населения, которое принуж-

дено было покинуть родные места и двинуться в неизвестность. Еще отчетливее говорили о тех же страданиях деревянные могильные кресты, сиротливо разбросанные по пути следования этих несчастных людей.

Душу щемило, и сердце наполнялось тяжелой скорбью от мысли, что нашим войскам не удалось оградить пограничное население от ужасов неприятельской нашествия...

Однако по мере приближения к штабу корпуса приходилось перестраивать свои мысли на иной лад. Отрешившись от тяжелого «вчера», надлежало искать бодрящих нот в настоящем и будущем, чтобы питать ими не только себя, но и других.

Уже под вечер я въехал в обширный, хотя и запущенный барский двор, обставленный прочными каменными постройками, где временно был расположен штаб корпуса. В тот же вечер я отдал приказ о моем вступлении в командование корпусом, во главе коего я оставался почти год — до конца лета 1916 г.

Принятый мною в командование корпус требовал во всех отношениях притока к нему из тыла живых и материальных сил.

Вместо положенных в корпусе 28 тыс. штыков он имел в строю своей пехоты всего лишь около 8 тыс. вооруженных людей. Столь же велик и еще более чувствителен был в нем некомплект офицеров, потери среди коих были вообще во всех русских войсках в процентном отношении вдвое выше потерь в солдатах. Пулеметы и орудия состояли во многих частях и батареях не полностью. Патроны ружейные и особенно пушечные были также на счету, и приходилось вести точный учет, разрешая расходование таковых лишь в крайности.

Люди имели переутомленный вид. Их одежда и снаряжение поизносились, особенно пострадала обувь.

Техническое снабжение корпуса было из рук вон плохо, ощущался, например, крайний недостаток в ножницах для резки проволоки. Между тем части корпуса почти накануне моего прибытия посылались в контратаку на проволочные заграждения противника, у которых люди, естественно, и гибли сотнями.

Лазареты корпуса еще полны были ранеными, с эвакуации коих и началась моя деятельность корпусного командира...

Я не имею никаких оснований думать, что корпус, поступивший в мое командование, мог своею численностью или снабжением существенно отличаться в невыгодную сторону от остальных корпусов русской армии. Некомплект и серьезные недостатки в материальном снабжении были явлением общим для всей русской армии того времени.

При таких условиях думать о каких-либо наступательных действиях, по крайней мере в ближайшее время, не приходилось.

Духовное, численное и материальное возрождение армии должно было составить ближайшую и главнейшую задачу русского Верховного главнокомандования.

1916 ГОД. НА ФРОНТЕ

К сожалению, предоставление времени для возрождения русской армии было не во власти России.

События продолжали идти своим чередом. Военные противники проявляли свою волю, а вхождение наше в коалицию держав Согласия к чему-то обязывало..

Уже в конце декабря 1915 г. на Юго-Западном фронте разыгралась с нашей стороны крупная наступательная операция, обошедшаяся вновь русскому народу в 50 тыс. человек.

Цель ее заключалась в отвлечении части неприятельских сил от умирающей Сербии.

В ту же зиму 1915/16 г. во Франции, в Шантильи, была собрана междусоюзная конференция, которая, предприняв на 1916 г. француско-английское наступление вдоль реки Соммы, выразила мысль о желательности предварительного наступления русских армий. Целью такового наступления должно было быть отвлечение возможно большего количества германских войск с французского фронта.

Однако немцы вырвали из рук держав Согласия инициативу действий, предупредив их собственным наступлением.

В первой половине февраля они бросили большие силы на Верден, и с этого времени у названного пункта разгорелась невиданно жестокая борьба, постепенно приобретающая характер как бы состязания двух борющихся сторон в доблести и настойчивости.

Положение наших союзников вначале было очень трудным, и русское Верховное главнокомандование решило прийти им на помощь.

В начале марта на стыке между нашими Северным и Западным фронтами, в районе Видзы, озеро Нарочь, началось наступление наших войск. Оно развивалось в ужасающих условиях весенней распутицы, «в болоте и крови», как в свое время выражался об этом наступлении наш противник...

Еще 100 тыс. человек было вырвано из рядов наших войск.

Наконец с середины апреля началась подготовка всей русской армии к широкому летнему наступлению, предусмотренному конференцией в Шантильи.

Операция эта планировалась на начало июня и должна была на две недели предшествовать наступлению французских и английских войск вдоль Соммы.

Главный удар решено было наносить войсками нашего Западного фронта; армии остальных двух фронтов — Северного и Юго-Западного — должны были развить демонстрации.

Но кризис, внезапно надвинувшийся на итальянскую армию, спутал все расчеты. Этот кризис выразился в том, что новая австрийская армия, закончив свое сосредоточение в Трентино, быстро сползла в самом начале мая с гор между реками Brentой и Адиджем и этим наступлением поставила в тяжелое положение итальянцев, безуспешно долбивших находившихся перед ними австрийцев.

Приступив в целях прикрытия своего обнаженного тыла к перегруппировке войск, главнокомандующий итальянскими войсками генерал Кадорин счел необходимым обратиться к русскому Верховному главнокомандованию с просьбой о помощи.

Для оказания таковой необходимо было, во-первых, ускорить начало нашего наступления вообще и, во-вторых, перенести центр операции на Юго-Западный фронт как ближайший к итальянскому театру и имевший против себя того же противника — австрийцев, кои наседали на итальянцев.

Наступление войск Юго-Западного фронта началось в последней трети мая. Австрийцы сдали по всему фронту, и Брусиловский прорыв превратился сразу в крупный успех.

Но тут-то и сказался импровизированный характер русского наступления. Для развития достигнутого успеха не оказалось на месте необходимых резервов, а противники наши — германцы и австрийцы — успели подтянуть необходимые им подкрепления с театров французского и итальянского...

В летний период 1916 г. были проявлены боевые усилия и на остальных наших фронтах, причем на Западном фронте 25-му корпусу, во главе коего я имел высокую честь стоять в это время, удалось прорвать стык между германскими и австрийскими войсками севернее Барановичей, у Карчева. Но это был лишь частичный успех...

В общем же на протяжении всего русского фронта снова десятки и сотни тысяч убитых и искалеченных людей, притом конца этим последовательным бойням не было видно.

Наступает осень... В середине августа на стороне держав Союзия — новый союзник в лице Румынии. Ее армия безрассудно бросается в Трансильванию, но уже к концу года она наголову разбита, и на ответственность русского главнокомандования ложится крайне тяжелая и ответственная задача по прикрытию дополнительного участка фронта в несколько сот километров вдоль западной границы Молдавии до Черного моря.

Эта задача поглощает до четверти всех вооруженных сил России и окончательно лишает ее армию свободы дальнейших действий.

Такова фактическая сторона событий 1916 г. на русском фронте...

Масса жертв и никаких видимых результатов!..

Число призванных в армию перевалило уже за 13 миллионов. Воинские части переменили свой состав до четырех — шести раз...

Только верхи в армии сознавали, что наши военные противники уже ранены смертельно, что в агонии они способны еще нанести один-два удара, но возможность закончить войну победой для них миновала безвозвратно.

Недаром в конце того же года Германия делала ряд серьезнейших попыток к прекращению войны и заключению мира!

Лишь бы додержаться еще и еще некоторое время, и тогда Россия вместе со своими союзниками выйдет победительницей из этой ужасающей кровавой бойни!..

Но как было достигнуть этого при огромном напоре обстоятельств, подрывавших дух армии и разложивших ее?!

«ПОРАЖЕНЦЫ» И БРАТАНИЕ

С наступлением для Германии трудных времен правительство императора Вильгельма озаботилось созданием в различных пунктах страны особых отделений для пропаганды идей, способных облегчить германскому народу продолжение и благополучное окончание войны. Деятельность этих отделений не была, однако, достаточно объединена, и потому летом 1916 г., как отмечает генерал Людендорф в своих воспоминаниях о войне, германское верховное командование обратилось к правительству с требованием создать из этих отделений более стройную организацию.

Новая организация должна была развить широкую активную деятельность с тем, однако, чтобы работа ее шла бесшумно и по возможности незаметно.

Во главе дела был поставлен полковник фон Гирген, которому постепенно удалось и наладить, и развить порученное ему дело.

Пропаганда распространялась всевозможными путями, но особое значение придавалось словесной передаче из уст в уста обработанных в известном смысле сведений.

— Мысль существует, — говорит генерал Людендорф по поводу этого способа, — а откуда она взялась — неизвестно.

Само собой разумеется, что пропаганда в соответственных направлениях велась не только внутри страны, не только в союзных и нейтральных странах, но и направлялась еще более

широкой волной в государства, находившиеся с Германией в войне. Шла она туда двумя путями — с фронта и через тыл, но имела одну цель: угасить в народах и войсках этих государств дух войны и подорвать в них внутреннюю дисциплину...

Для России с непрочной государственностью, темной массой и правительством, не пользовавшимся общественным доверием, пропаганда эта оказалась смертельным ядом.

Пораженческие идеи в наших левых кругах зародились еще в период несчастной японской войны, они не переставали бродить весь промежуток времени, отделявший эту войну от рокового 1914 года.

Как было мною изложено, уже в самом начале войны, вновь вспыхнувшей в этом последнем году на наших западных границах, во время торжественного заседания Государственной думы, созванной, дабы продемонстрировать ее настроения, с левых скамей поднялся депутат социал-демократической фракции Чхеидзе⁷⁶. Он стал выкрикивать фразы, пораженческий смысл которых заставил председателя Государственной думы Родзянко лишить его слова.

Но вот Государственная дума распущена, депутаты разъехались по своим местам. Ну что же, все ли они работают над созданием того «пафоса», который нужен для обеспечения успеха? Все ли они говорят о необходимости крайних усилий и выработки в народе железной воли к победе? О нет, уже в октябре 1914 г. некоторые из левых депутатов, принадлежавшие к социалистическим партиям, арестованы, судимы и сосланы на каторжные работы за разработку плана устройства забастовок и пропаганды в запасных войсках.

Вспомним затем середину февраля 1915 г. в Лондоне. Конференция социалистов союзных стран Тройственного согласия. Съехалось до 50 делегатов, в числе их несколько русских. Ленин отсутствует, его заменяет Литвинов⁷⁷. Последний горячо протестует вообще против социал-патриотической конференции...

— Победа Франции, Англии и Бельгии, — формулирует другой русский делегат свои взгляды, — не значит ли это, что победительницей будет и Россия? Управляемая царизмом, не закрепостит ли она еще больше не только свою страну, но и вновь приобретенные ею земли, до этого относительно свободные?!

Под очевидным влиянием все тех же русских делегатов конференция принимает резолюцию протеста против ареста членов Государственной думы, о коем я упомянул несколько выше.

Таким образом, идеи пораженчества уже давно свили себе гнездо в среде некоторых наших социалистических кругов. Сначала они проявлялись на поверхности робко, но затем, с развити-

ем военных затруднений и утяжелений войны, голос пораженцев стал раздаваться все громче. Их растлевающие идеи стали приобретать распространение в армии и среди населения...

Неприятельская пропаганда и работа пораженцев не замедлили дать свои плоды.

Участок русского фронта... Противники сближены на несколько десятков шагов. Их разделяют две невысокие насыпи окопов с проделанными в них бойницами да впереди окопов несколько рядов перепутанной проволоки. Посередине описываемой полосы как бы нейтральный промежуток, немедленно, однако, при попытке к наступлению одной из сторон превращаемый в поле смерти и страданий...

Но это лишь в относительно редких случаях боевых действий. В обыкновенное время пространство между проволокою — своею и чужою — пусто и безмолвно. Изредка щелкают пули, неизвестно кем и куда выпускаемые. Скучно, хотя бы какое-нибудь развлечение!..

И вдруг из немецкого окопа высовывается на штыке или палке белый платок или полотенец.

— Гляди-ка! — перешептываются между собою очередные наблюдатели. — Чтой-то он хочет нам сказать?! Поглядим, что будет дальше...

За одним белым флагом появляется другой, третий, затем из неприятельского окопа выскакивают отдельные смельчаки; они усиленно дымят своими папиросами, жестами подчеркивают, что вышли без оружия, и приглашают наших приблизиться.

Офицер в своей землянке: настроение от долгого сидения в окопе вялое, воевать прискучило... Берет любопытство, а если тут же окажется уже тронутый пропагандой, то дело братания налаживается быстро.

— Стреляем друг в друга уже третий год, пора бы и прикончить.

На нейтральной полосе между окопами завязывается оригинальное знакомство. Сблизившиеся люди пожимают друг другу руки, обмениваются непонятными словами, газетами, папиросами, а иногда и бутылкою спирта или другого напитка. С нашей стороны наиболее смелые, влекомые все тем же любопытством, заглядывают в чужие окопы и рассказывают потом чудеса о житье-бытье немецких солдат.

— Не то что у нас... — говорят они.

— Назад, прикажу стрелять... — с волнением кричит запыхавшийся офицер из окопа.

И кучки быстро разбегаются в разные стороны... Снова мертвая тишина, будто ничего и не было. Только нарастает накипь

раздражения против офицера, прервавшего занимательную встречу...

Так это дело братания повелось у нас на фронте уже с Пасхи 1916 г. Потом шло все усиливаясь.

Сначала разбегались от окрика своего офицера. Затем приходилось пускаться в направлении братаящихся один-два выстрела с соседней батареи, а под конец стало уже так, что хозяином положения на фронте оказалась солдатская пехотная масса; сохранившая же дисциплину артиллерия должна была во избежание нападения отгораживаться даже проволокой от своей же пехоты. Но это было уже позднее, в 1917 г.

— Долой войну, — соблазнительно шептали «пораженцы» в ухо солдату, истомленному долгим, безнадежным сидением в окопах.

— Довольно слушать генералов, довольно вам служить империалистам, капиталистам и помещикам! Идите домой брать землю, иначе расхватают ее без вас!..

Это магическое слово «земля» и грозное предупреждение «расхватают без вас» могли смутить хоть кого из солдат нашей почти крестьянской армии.

«Земля» и «мир» — вот две затаенные мечты, прожигавшие, подобно каленому железу, все существо солдата-крестьянина... Мир, и притом мир немедленный.

— На что мне земля, если меня убьют? — эгоистически рассуждали они между собою. И эта шкурная философия, несомненно, заставляла солдатскую массу избегать всего того, что было сопряжено с боевой опасностью.

Развилось дезертирство с фронта и по пути на фронт, из рот пополнения.

Эти дезертиры являлись в деревне лучшими проводниками идей пораженчества, так как надо же было дома прикрыть свое преступление какими-то идейными мотивами. С другой стороны, их лукавым словам никто не противодействовал, ибо правительство очень мало заботилось о внедрении правильных понятий в народе о необходимости доведения начатой войны до благополучного конца.

Дезертирство развилось в столь значительных размерах, что бывали случаи исчезновения всего перевозившегося состава; к месту назначения прибывали только начальствующие лица разбежавшегося эшелона. Так помимо боевых потерь таяли ряды наших войск и укомплектования...

Таким образом, с двух сторон — со стороны фронта и тыла — на русского солдата надвигалась волна разложения.

В его представлении враг переместился: это уже не выглядывавший из окопа немец или австриец, это — собственное правите-

льство и свои же рядом умирающие офицеры, не желающие мира и ему противящиеся... За мир надо бороться с ними, врагами внутренними, они опаснее тех, коих именуют врагами внешними.

И уже в декабре 1916 г. на совещании главнокомандующих генерал Рузский с горечью заявлял:

— Рига и Двинск — несчастье Северного фронта, особенно Рига. Это два распропагандированных гнезда!..

— Да, да, — подтверждал генерал Брусиллов. — Корпус прибыл ко мне из Рижского района совершенно небоеспособным. Люди отказывались идти в атаку, были случаи возмущения... Одного ротного командира подняли на штыки. Пришлось принять крутые меры — расстрелять несколько человек, переменить начальствующих лиц!..

В конце ноября 1916 г. в одном из полков вверенного мне корпуса произошел печальный случай, заставивший меня прийти к заключению, что тяжелая атмосфера начавшегося в армии разложения стала проникать даже в ряды тех частей, кои по справедливости имели право гордиться своею твердостью.

Случай этот заключался в следующем... Заслуженный боевой командир батальона одного из старых полков русской армии, проходя мимо, заметил случайно часового, который вместо несения своей службы углубился в чтение принесенной им с собой на пост книжки. Подойдя вплотную к читавшему, упомянутый штаб-офицер, не сдержавшись, выхватил у часового книгу, которой и ударил виновного по плечу.

Тяжелая провинность с обеих сторон: один должен был понести наказание за нарушение обязанностей караульной службы, другой — за превышение власти и оскорбление часового. Суд сумел бы справедливо покарать обоих...

Но дело повернулось иначе. Часовой, дав отойти офицеру, выстрелил последнему в спину и смертельно ранил его. На суде выяснилось, что стрелявший — из матросов, недавно переведенный в пехоту за какие-то провинности на корабле.

Случай этот произвел в частях корпуса угнетающее впечатление. Больно было переживать глубокую ошибочность поступка старого боевого офицера, погибшего столь трагически из-за своей несдержанности, но столь же болезненно отзывался в душе каждого и тот прием, в котором пожелал найти себе удовлетворение выстреливший в офицера солдат-матрос!..

ОТКУДА ПОШЕЛ ПЕРЕЛОМ В НАСТРОЕНИИ

— Так, значит, перелом в настроении произошел на фронте русской армии? — спрашивают те, кто еще не вполне овладел

мыслью, что современную войну ведут не изолированные вооруженные силы, а целые нации. Тысячью невидимых нитей связывается в этих условиях фронт с тылом, и одними настроениями в конечном результате питаются и живут эти две части одного и того же организма.

Ответить поэтому на поставленный вопрос очень трудно. Но несомненно одно — пропаганда имела и в тылу свои очень серьезные очаги. Я уже указывал много раньше, что тыл жил нездоровой жизнью, далеко не соответствовавшей условиям грандиозной народной войны. На этом общем фоне особенно удобными местами для распропагандирования людей, подлежащих отправлению на фронт, являлись пункты расположения запасных войск и железные линии. Как в частях запасных войск, так и на железнодорожных линиях не могло быть такого наблюдения, как на фронте, а между тем в первых скоплялись, а во вторых перевозились десятки и сотни тысяч людей.

Усиленная потребность в укомплектованиях, ощущавшаяся на фронте, вынудила правительство распространить призыв на действительную службу с последующим назначением в действующие части на огромную массу людей (ратников ополчения 2-го разряда), кои в мирное время в силу различных условий не проходили через ряды войск и, получив «белые билеты», чувствовали себя свободными от военных обязательств. Сам факт их призыва на службу был очень непопулярен среди населения и мог уже сам по себе создать почву для злонамеренной агитации и возбуждения внутреннего недовольства. Но недовольство не могло не усиливаться еще более вследствие нераспорядительности военного министерства, забившего людьми запасные части сверх всякой меры и не имевшего в то же время возможности обеспечить эти части соответственным числом учителей, винтовок и учебных пособий. Были, например, батальоны, числившие в себе до 19 тыс. призванных. Праздная толпа, тесно размещенная в казармах и не видевшая оправдания своему призыву, естественно, представляла из себя крайне благоприятную среду для противоправительственной и пораженческой пропаганды. В бунтарстве эти люди могли даже видеть для себя средство если не совсем избавиться от отправления на фронт, то, во всяком случае, оттянуть наступление для них этого решительного момента.

Но понятно, что фронт был тою полоскою местности, где новые настроения должны были выявиться с наибольшею отчетливостью. Здесь солдат приходил в боевое соприкосновение с неприятелем, и здесь же он вплотную встречался с неослабевшею волею русского офицерства, полагавшего по-прежнему своею честью и достоинством доведение страны до победного конца...

В России, ведшей изнурительную войну, не было введено трудовой повинности. Вследствие этого с призывом всех военнообязанных в войска и запасные части и с превращением войны в позиционную явилась острая нужда в рабочих руках для возведения тыловых позиций, устройства военных дорог и заготовки дров и лесных материалов. Из массы военнопленных лишь небольшая часть была привлечена к работам этого рода, большинство же было занято сельскохозяйственными и другими работами внутри империи.

В таких условиях в 1916 г. возник вопрос о формировании на особых основаниях рабочих отрядов и дружин из русских инородцев, освобожденных от военной службы, и из вольнонаемных китайцев.

Мера эта не дала удовлетворительных результатов. Названные люди оказались малоприспособленными для той работы, на которую они были поставлены, и ею тяготились. С другой же стороны, наличие этих малодисциплинированных элементов в ближайшем войсковом тылу доставляло много хлопот армейскому начальству. Привычка к особой пище и особенности инородческого быта вызывали необходимость отдельной заботы об этих частях; незнание же людьми, входившими в состав таковых отрядов, русского языка создавало почву для их эксплуатации низшими агентами.

В результате наличие упомянутых отрядов и дружин на фронте увеличило число недовольных и количество поводов к волнениям. Что же касается рабочих-китайцев, то они, вероятно, составили кадры для сформирования впоследствии большевиками китайских карательных отрядов, столь прославившихся своею жестокостью.

БОРЬБА НА «ИСТОЩЕНИЕ» И «ОСКУДЕНИЕ» РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Боевые действия, как уже отмечалось, постепенно выродились на сухопутье в форму позиционного сидения, охватившего сплошную стеною все европейские фронты от моря до моря или до границ нейтральных государств.

Что касается морских пространств, то и здесь державы Соглашения, обладавшие более сильным флотом и занимавшие внешнее положение, тесно блокировали центральные державы, прервав или до крайности затруднив их сообщение с внешним миром.

В свою очередь, Германия ответила на эту блокаду жестокой подводной войной, в которой гибла масса судов, доставлявших в Европу разного рода товары и продукты.

Таким образом, мировая война приняла невиданный до того времени характер борьбы народов на «истощение». Очевидно, что этот характер ее должен был явиться особенно неблагоприятным именно для России, как страны, хуже других организованной экономически и социально да к тому же почти отрезанной от своих более сильных в экономическом отношении западных союзников.

Я упоминал уже, что наша отечественная промышленность, как общая, так и специально военная, была развита недостаточно и не могла удовлетворить даже обыкновенные потребности государства в мирное время. С наступлением военной обстановки пришлось часть общей промышленности перевести на изготовление предметов военного снабжения, и тем не менее свыше двух лет мы продолжали чувствовать крайнее стеснение в оружии, огнестрельных припасах и других предметах военного снабжения.

Но что же оставалось для удовлетворения общих нужд страны после выделения значительной части фабрично-заводских производительных сил на усиление средств специальной военной промышленности?

Ответ получался неутешительный. Государство и население должны были мириться с невозможностью удовлетворять свои потребности, что отражалось, конечно, очень невыгодно на многих сторонах народной жизни...

Одним из прямых последствий этой обстановки явилась крайне неудовлетворительная работа железных дорог.

Недостаток рельс и шпал, усиленная «заболеваемость» паровозов и вагонов, уменьшение добычи угля, равно как и ухудшение его качества, и многие другие обстоятельства привели к тому, что уже в середине 1916 г. развал транспорта был у нас налицо.

Из-за нарушений правильного железнодорожного подвоза начали останавливаться некоторые заводы, затруднялось обеспечение армии и населения продовольственными продуктами и хлебом.

Постепенно стал существенно страдать солдатский желудок. С большими затруднениями связано было раздобывание для войск сахара и белой муки — этих единственных лакомств ежедневного солдатского пайка. Затем стали встречаться серьезные препятствия в обеспечении солдат свежим мясом и овощами. Приходилось довольствоваться рыбой, консервами и сушеной зеленью.

При общей скуке и утомительном однообразии окопной жизни продовольственные лишения были весьма ощутимы и не способствовали, конечно, поднятию настроения.

Разумеется, и население, особенно городское, не избегло тех же продовольственных затруднений. Жизнь бешено вздоржала,

перед хлебными и съестными лавками стали постепенно образовываться по утрам длинные хвосты, в коих люди простаивали часами в ожидании очереди для текущих закупок.

Между тем вера в прочность и обилие сельскохозяйственных богатств России была у нас столь сильна, что в начале войны никому из правительства не приходили в голову мысли о необходимости заблаговременного принятия каких-либо мер к облегчению рабочего вопроса в деревне и к установлению правильного учета и расходования сельскохозяйственных продуктов.

Известие о введении в Германии хлебных карточек и об учреждении там продовольственного диктата вызвали у нас лишь иронические рассуждения на тему о надвигавшемся на нашего военного противника голоде. Мы льстили себя надеждой, что этот последний явится могущественным помощником нашим в деле скорейшего одоления врага.

На самом же деле отлив рабочих рук, явившийся в результате усиленных призывов, равно как и невозможность обновления и заведения вновь сельскохозяйственного инвентаря вследствие прекращения ввоза и сокращения отечественного производства, не могли не отразиться самым глубоким образом на производительности деревни.

На эту опасность, впрочем, указывала правительству группа членов Государственного совета в 1916 г. В особой записке, данной ему, между прочим, говорилось: «Уже теперь свеклосахарные заводы не в состоянии выкопать и свезти весь урожай свеклы...»

Но было уже поздно: беда была налицо.

Я не берусь выяснить по имеющимся в моем распоряжении материалам вопрос, в какой мере продовольственные затруднения явились результатом действительного «оскудения» русской земли и в какой мере они находили себе объяснение в разрезе транспорта.

Для целей настоящих очерков это и неважно, важно констатирование факта, что по мере приближения к 1917 г. в экономической жизни России наступало положение, близкое к параличу.

Дальнейшее выкачивание из страны сил и средств для ведения войны являлось почти невыполнимым...

У ВЛАСТИ СТАВЛЕННИК РАСПУТИНЦЕВ Б.В. ШТЮРМЕР

На фоне столь безотрадной обстановки на фронте и в тылу с особо стремительностью стал падать авторитет центральной власти, при которой великая страна дошла до состояния почти

полного бессилия. Но с окончательным выяснением характера этой власти, все более подпадавшей под невежественное влияние злого гения тогдашней России «старца» Распутина, чувства населения стали приобретать еще более угрожающие формы прямого негодования.

В возможности капитуляции власти перед безответственными влияниями и заключалась одна из худших сторон русского самодавия.

Во второй половине января 1916 г. император Николай решил наконец расстаться с И.Л. Горемыкиным.

Но причины, по которым принято было подобное решение, не знаменовали каких-либо перемен во внутренней политике. Они заключались в том, что предстоял новый созыв Государственной думы и появление Горемыкина в залах Таврического дворца являлось весьма рискованным.

Горемыкин был предупрежден о враждебном отношении к нему Государственной думы и предполагал противопоставить этому настроению краткосрочность намечавшейся к созыву сессии, должествовавшей ограничиться одним лишь утверждением бюджета. Однако из переговоров с лидерами думских фракций для него с очевидностью должно было выясниться, что подобный прием невозможен и что он не устранит неприятных для власти запросов о внутреннем положении страны и безответственных влияниях.

Чтобы найти из положения выход, государь и решил расстаться с тем, кого считал столь преданным себе и своим взглядам. Об уходе дряхлого Горемыкина жалеть, конечно, не приходилось, но заместителем его был назначен член Государственного совета Б.В. Штурмер — государственный деятель, еще менее приемлемый для общественных кругов, чем его предшественник.

В самом деле, и Горемыкин, и Штурмер по политическим воззрениям принадлежали к одной и той же категории людей крайне правого направления, которые вследствие этого являлись органическими противниками всяких прогрессивных течений.

Но если старика Горемыкина можно было обвинять в попустительстве росту влияния на дела молодой императрицы и ее кружка, то столь же устарелый Штурмер являлся уже прямою креатурою Распутина и его присных. Этим назначением, таким образом, как бы окончательно закреплялось роковое влияние на власть всесильного «старца».

По рассказам людей, близко знавших Штурмера, это был человек малоспособный, несамостоятельный и беспринципный. Но государь составил себе о Штурмере мнение превратное по преж-

ней службе последнего в Ярославле в должности губернатора, на каковом посту он рекламировал себя немало.

Подойдя вновь к власти, к которой он давно не переставал тянуться, не гнушаясь в целях достижения ее никакими путями, Штюрмер окружил себя людьми, способствовавшими новому его возвышению. Люди эти, имевшие за собою весьма дурную репутацию, всецело овладели им и превратили его в послушное орудие своих целей.

Даже Распутин как-то однажды, разгневавшись на Штюрмера, в сердцах сказал о нем: «Старикашка на веревочке!..»

Штюрмер был настолько непопулярен, что многие из наиболее независимых министров не пожелали связывать свою деятельность с его именем и стали постепенно уходить из состава Совета министров. Заместителями их являлись в большинстве случаев ничтожные, мелкие честолюбцы или угодники, ставившие свои карьерные цели превыше всего.

Устанавливался, таким образом, режим личного сервизма. Интересы России отходили на задний план...

Новое открытие сессии Государственной думы было назначено на 9 февраля.

Чтобы сгладить впечатление, произведенное ускоренным роспуском законодательных учреждений в минувшем году, и примирить членов Думы с назначением Штюрмера, император Николай решил лично посетить Думу в день ее открытия. С этим посещением связывалось немало надежд у тех, кто еще верил или хотел верить в возможность сближения власти с общественностью. Но радость надежд отравлялась другим слухом, будто царское посещение Думы было подсказано Распутиным, чтобы зажать рот думским ораторам в выражении наполнявшего их негодования.

Государь император был встречен членами Государственной думы с большим энтузиазмом. Как я сказал уже, от царя ожидали обнадеживающего слова, которое могло бы послужить залогом будущего вступления России на путь народовластия. Быть может, это слово, произнесенное в торжественной обстановке, и создало бы почву, необходимую для примирения и дальнейшей совместной работы. Кто знает?..

С большим волнением поэтому все присутствовавшие следили за каждым движением приехавшего императора. Обойдя залы Таврического дворца и выслушав молебен, император Николай действительно обратился к членам Думы с краткою речью, но столь желанное новое слово произнесено им не было.

Напротив, в последовавшей затем речи председателя Совета министров, прочитанной им с думской трибуны, было подчерк-

нито вновь и значение «исторических устоев», и неизменность принципов самодержавия.

Цветы надежд, не успев распуститься, завяли... Двери доверия плотно закрылись...

Общественное мнение после посещения императором Николаем II Государственной думы круто отвернулось от власти.

Уже весною того же 1916 г. в обеих столицах состоялся ряд съездов, которые имели определенно оппозиционный характер и на коих ярко подчеркивалась глубина недовольства внутренним политическим положением страны.

На всех этих съездах произносились горячие речи, отмечавшие, что Родина в опасности. Общество призывалось к сплочению сил для окончательной борьбы с властью в интересах создания правительства, ответственного перед страной и законодательными учреждениями.

Печать, насколько позволяла цензура, охотно вторила этим мыслям...

В марте того же года Штюрмер принял на себя сверх обязанностей председателя Совета министров еще обязанности министра внутренних дел, которые и нес в течение нескольких месяцев. В период совмещения обеих должностей ярко вырисовалось столь же недружелюбное и недоверчивое отношение названного лица к Государственной думе, как и его предшественника Горемыкина. Изыскивая способы прибрать Думу к рукам, Штюрмер, по его собственному признанию, имел в виду действовать на нее угрозами роспуска, при котором члены законодательных палат должны были лишиться содержания, а не достигшие известного возраста отправиться для службы на фронт. Чтобы эта угроза могла быть действительной в любой момент, Штюрмер, следуя примеру своих предшественников, не постеснялся запастись подписанными наперед государем бланками о роспуске или перерыве занятий Государственной думы, смотря по обстановке, и испросил себе право проставления в этих бланках даты по его собственному усмотрению. Таким образом, право роспуска законодательных учреждений, принадлежавшее одному императору, передавалось в руки председателя Совета министров, и этот последний становился в данном отношении полным хозяином положения.

Находивший себе могучую поддержку в распутинском кружке, Штюрмер настолько вообще укрепил к себе доверие царя и особенно царицы, которую часто посещал с докладами о государственных делах, что одно время ему имелось в виду вверить особые права по согласованию работ различных совещаний и министерств в вопросах, имеющих отношение к войне. Таким об-

разом, Штюрмер должен был явиться как бы в роли диктатора. И дабы облегчить его новые обязанности, он даже в конце июня был освобожден от должности министра внутренних дел.

С уходом же С.Д. Сазонова Штюрмер занял пост министра иностранных дел, каковая должность, по его мнению, должна была при исполнении новых обязанностей, о коих я упомянул выше, менее обременять его, чем портфель министра внутренних дел.

Немецкая фамилия в связи с общею непопулярностью много вредила Штюрмеру в глазах общества и сразу, с момента появления у власти, навела на него подозрения, вылившиеся впоследствии в слухи о предательстве и даже измене. Эти обвинения особенно сгустились, когда Штюрмер принял на себя руководство нашей внешней политикой. С этого времени в обществе стали определенно говорить о том, что власть настойчиво ведет Россию к сепаратному миру с ее противниками. К кругу подозревавшихся в этом смысле лиц стали упорно причислять всех распутинцев вообще, а равно императрицу Александру Федоровну, иностранное происхождение которой никто не хотел забыть.

Равным образом и за границей Штюрмера сразу причислили к разряду ярых германофилов. Это звание упрочилось за ним с особою силою после того, как выяснилось, что значительная часть германской печати отнеслась с некоторыми надеждами к совершившейся перемене у Певческого моста. Напротив того, в Париже, отчасти в Риме и особенно в Лондоне водворение Штюрмера в кабинет министров иностранных дел произвело удручающее впечатление. Его политике не верили, и тесные узы, связывавшие дипломатов стран держав Согласия, подверглись сильнейшим испытаниям. Особенно жаловался на перемену к себе наш посол в Лондоне граф Бенкендорф.

ВЫЗОВ В СТАВКУ И НАЗНАЧЕНИЕ МОЕ НАЧАЛЬНИКОМ ШТАБА АРМИЙ СЕВЕРНОГО ФРОНТА

В конце лета 1916 г. в моем служебном положении произошла новая перемена.

Перед вечером 28 июля дежурный по штабу корпуса доложил мне, что в Ставке у прямого провода находится генерал-квартирмейстер генерал Пустовойтенко⁷⁸ и что он просит меня подойти к аппарату для спешного разговора.

Уже в этом факте можно было почувствовать нечто необыкновенное, так как прямых сношений Ставка с корпусами не поддерживала.

«Здравствуйте, Юрий Никифорович, — выстукивал телеграф слова генерала Пустовойтенко. — Начальник штаба по повеле-

нию государя просит вас прибыть экстренно в Ставку. Хорошо было бы, если бы вы успели приехать к завтрашнему дню до полудня, чтобы государь мог вас принять до завтрака».

«Соображу, как мне ехать, и постараюсь прибыть к сроку, — ответил я своему собеседнику. — А вы знаете, Михаил Саввич, по какому поводу я вызываюсь? Хотелось бы ориентироваться в обстановке и подготовить ответы на вопросы, которые мне могут быть заданы».

«К сожалению, я не уполномочен дать вам исчерпывающий ответ. Могу сказать только, что вас собираются оторвать от корпуса, что дело экстренное и что отсюда просьба — поторопиться с приездом».

Так как в это время шли усиленные слухи о предстоящем выступлении Румынии, то я счел свой вызов связанным с этим выступлением.

«Если предстоит формирование какого-либо отряда для совместных действий с румынами и рассчитывают использовать меня в качестве начальника этого отряда, то я непременно буду настаивать на переброске со мною и командуемого мною корпуса, с которым я сжился и в боевой силе которого уверен», — подумал я про себя...

Штаб корпуса в это время находился близ Слуцкого шоссе, и корпус был почти накануне передвижения походным порядком на юг. Там он должен был войти в состав войск Юго-Западного фронта, армии которого вели в это время наступление в районе Луцка.

Вследствие расположения корпуса в районе шоссе я мог проехать в Ставку на автомобиле, для чего, однако, приходилось сделать около 300 верст.

Приказав снарядить свой «пакар» и взять запас бензина, я с адъютантом выехал из штаба корпуса уже совсем под вечер.

К полуночи мы доехали до Бобруйска, где я решил переночевать, чтобы избежать слишком раннего приезда в Могилев. Не зная расположения города и предчувствуя, что все гостиницы набиты битком тыловым офицерством и чиновничеством, я приказал своему шоферу везти нас на вокзал, рассчитывая перебыть несколько ночных часов в каком-нибудь пустом вагоне.

Мои соображения оказались удачными. Комендант станции отвел мне пустой классный вагон, в котором я со своим спутником — адъютантом — и поместились. Закусив провизией, взятой из штаба, мы расположились на ночлег и вскоре крепко уснули...

— Что, Бобров? — спросил я на рассвете шофера, состоявшего при автомобиле корпусного командира со времени выступления

штаба корпуса из Москвы. — Хватит у нас горючего, не признавать ли где-нибудь здесь бензина, чтобы доехать без задержки?

— Докатим со своим, — получил я уверенный ответ, потом оказавшийся слишком беспечным.

И мы двинулись дальше... Оставалось около ста верст. Сначала сильная и послушная машина катилась легко и свободно, но затем, как мне показалось, стала капризничать. Мой Бобров, опытный и отличный шофер, употребляя какие-то ему одному ведомые приемы, гордо, почти победоносно чувствовал себя лишь при спусках, когда машина шла самотеком. Наконец он должен был сознаться, что бензин на исходе и что мы принуждены будем остановиться через несколько верст.

Крепкие слова, пущенные мною по адресу не столько лично Боброва, сколько по поводу общей беспечности русского человека, делу нисколько не помогли, и мой шофер ответил на них лишь усиленным почесыванием затылка... Но делать было нечего. Приходилось придумывать способ, как выйти из создавшегося положения.

Было 9 часов утра, оставалось до Могилева 15 верст. Как бы, черт возьми, поспеть вовремя?!

Развернув карту, мы увидели, что где-то здесь недалеко шоссе, на котором мы остановились, должно пересекаться железной дорогой из Гомеля.

«Тут же, очевидно, — соображали мы дальше, — должен быть и ближайший к Могилеву полустанок. При нем — телеграф, а может быть, даже телефон...»

Решили так: Бобров остается при машине, я же с ручным чемоданчиком и мой спутник — адъютант — идем пешком на полустанок. Оттуда будем телеграфировать или телефонировать, чтобы из Могилева выслали автомобиль или в крайнем случае паровоз. При таких условиях я, может быть, и поспею к сроку!

Так и сделали. Счастливый случай пришел мне на помощь, так как на полустанке, как бы по заказу, стоял паровоз, долженствовавший отправиться через полчаса в Могилев. На нем я спокойно и доехал до станции назначения, уже оттуда просил выслать за Бобровым автомобиль с запасом бензина.

Бобров был наказан тем, что пропустил в Могилеве обед. Поделом ему за «авось» да «небось»...

По прибытии в Ставку я немедленно прошел к генералу Алексееву, который объяснил мне, что вместо генерала Куропаткина, отъезжавшего в Туркестан, главнокомандующим Северным фронтом назначается только что оправившийся от болезни генерал Рузский; по представлению же последнего государь остановил свой выбор на мне как на начальнике штаба названного фронта.

— Генерал Рузский здесь, в Ставке, и желает повидаться с вами, — добавил Алексеев.

— Я очень польщен этим предложением, — ответил я генералу Алексееву не без некоторого огорчения. — Но если мне позволено будет высказаться, то я просил бы оставить меня в должности строевого начальника. Хотя я давно и хорошо знаю Рузского и рад служить с ним, тем не менее должность начальника штаба мне не улыбается. Я очень сжился с корпусом и хотел бы избежать другого назначения.

— Николай Владимирович Рузский по состоянию своего здоровья нуждается в опытном начальнике штаба и сам просил о вашем назначении. Государь считает вас очень полезным на предполагаемом посту, и поэтому я думаю, что этими соображениями должна быть для вас исключена возможность отказа. Впрочем, вы те же слова услышите сейчас от государя, — сказал мне Алексеев, вставая и собираясь в губернаторский дом на завтрак.

У дверей кабинета начальника штаба, где происходил приведенный разговор, меня действительно уже поджидала знакомая фигура гофкурьера, передавшего мне приглашение к царскому завтраку.

— Я надеюсь, что вы не откажетесь помочь генералу Рузскому, который призывается мною на должность главнокомандующего армиями Северного фронта, — сказал мне государь при обходе приглашенных. — Как вы видите, он здесь, и поэтому вам нетрудно будет с ним теперь же сговориться. Завтра мы переговорим с вами поподробнее...

Я молча поклонился и подошел условиться о предстоящей беседе к Рузскому, встреча с которым была очень сердечной.

После завтрака мы быстро условились с генералом Рузским о времени прибытия в Псков, где располагался штаб Северного фронта, и о характере предстоящей нам работы.

На Северном фронте в августе намечалась очень интересная десантная операция в районе Рижского залива, которая требовала тщательной подготовки. К сожалению, она по ходатайству моряков была отменена Ставкой почти накануне ее исполнения.

Из всех впечатлений, охвативших меня в день прибытия в Могилев, наиболее ярким было впечатление грандиозно разросшегося штаба Верховного главнокомандующего.

Названный город был переполнен разного рода управлениями и отделами этого штаба. Ставка потеряла свой прежний походный характер и превратилась в крупный бюрократический центр.

Офицеры и чиновники штаба жили в Могилеве семьями, с женами и детьми. Многие, которых я по своей прежней с ними

службе звал холостыми, нашли время жениться. Жили, словом, по-мирному. Стабилизировался фронт, с ним вместе осели прочно на месте и органы управления. Какая разница, думалось мне, по сравнению с жизнью той первой Ставки, которая состояла всего лишь из нескольких десятков офицеров и помещалась едва ли не вся в двух поездах, тонувших среди беспредельного барановичского леса...

Следующий день моего пребывания в Ставке являлся праздничным: на 30 июля приходилось рождение наследника престола цесаревича Алексея. Генерал Рузский и я еще накануне получили от имени государя приглашение к завтраку и поэтому должны были продолжить свое пребывание в Могилеве.

В Ставке находился наследник и его мать — императрица Александра Федоровна. Утром шла торжественная церковная служба, затем в саду губернаторского дома был сервирован в шатре парадный завтрак, к которому получили приглашение лица императорского дома, находившиеся в Ставке, старшие чины штаба, царская свита и представители союзных армий. Погода благоприятствовала торжеству: день был яркий и жаркий. Генерал Рузский сидел за столом около императрицы, я — по другую сторону стола, несколько наискось, имея таким образом возможность очень близко видеть государыню. Она сидела с опущенными глазами, почти не разговаривала со своими соседями и не дотрагивалась до кушаний, отдельно для нее приготовленных. Императрице, по-видимому, нездоровилось. Наблюдая за ней, можно было сделать предположение, что какие-то особые, навязчивые мысли владеют ею. Лишь время от времени, как бы отделяваясь от этих мыслей, она тревожно поднимала глаза в сторону наследника, который, очевидно, тяготился долгим сидением за столом и довольно рельефно проявлял признаки своего детского нетерпения. То вскакивал он от стола, то снова садился на свое место, громко двигая при этом стулом.

После завтрака, когда все встали, государыне на дорожке поставили садовое кресло, и она одиноко села. К ней подошел Рузский, с которым она устало стала беседовать. Через несколько минут беседа окончилась, и государыня, стараясь быть незаметной, ушла в комнаты. Наследник тоже куда-то исчез. Государь остался в саду один, обходил присутствовавших и, подойдя ко мне, довольно длительно беседовал.

Прохаживаясь по дорожкам и продолжая говорить со мной, он отвел меня в глубину сада, желая, по-видимому, этой уединенной беседой, происходившей у всех на виду, подчеркнуть особое ко мне благоволение.

— Я очень рад, — сказал он, — что вы уже сговорились с Николаем Владимировичем о времени вашего прибытия в Псков.

На Северном фронте намечается операция, с которой надо спешить, чтобы немцы о ней не успели догадаться...

Затем государь стал подробно расспрашивать меня о жизни войск корпуса и деталях незадолго перед тем совершенного корпуса прорыва неприятельского фронта; как всегда, его гораздо более интересовали мелкие подробности и отдельные эпизоды, чем общий замысел операции и характер ее исполнения.

Император Николай своей продолжительной и отдельной беседой со мной, видимо, желал изгладить впечатление, которое могло у меня остаться об обстоятельствах моего отъезда из Ставки почти ровно год тому назад...

СОВМЕСТНАЯ СЛУЖБА С ГЕНЕРАЛОМ Н.В. РУЗКИМ В ПСКОВЕ

Николая Владимировича Рузского я знал хорошо, и с давних времен. Молодым офицером Генерального штаба, только что выпущенным из академии, я в девяностых годах довольно долго прослужил в Киевском военном округе, где его имя было уже в то время окружено известным ореолом. Будучи всего только полковником и начальником штаба одной из пограничных дивизий, он был намечен на военное время бывшим в то время командующим войсками округа, ныне же покойным, генералом Драгомировым на должность начальника штаба особой конной группы войск, на которую в период войны должна была выпасть очень ответственная задача. Мы с уважением и некоторою долей любопытства смотрели на этого спокойного и рассудительного человека, в золотых очках, с тонкой, сухощавой фигурой, мало говорившего, но сумевшего заслужить особое доверие нашего грозного командующего, перед авторитетом которого все склонялись. Впоследствии Рузский занимал ряд ответственных должностей в том же Киевском округе до помощника командующего войсками включительно, с каковой он с началом войны и перешел на пост командующего 3-й армией.

Бои на Золочевских высотах, в Золотой и Гнилой Липах, занятие Львова и победа у Равы-Русской, решившая успех наших войск в наиболее ответственных боях на реке Веремнице, окружили имя генерала Рузского особым почетом и уважением не только в действующей армии, но и во всей России.

Государь отличил его почетным званием генерал-адъютанта и охотно согласилсяверить ему главнокомандование армиями Северо-Западного фронта в сентябре 1914 г., после оставления этого поста генералом Жилинским в результате неудачного выполнения Восточно-Прусской операции.

Слабое здоровье заставило, однако, генерала Рузского уже в марте 1915 г. просить об увольнении от должности, дабы приобрести возможность воспользоваться лечением на Кавказских Минеральных Водах. Несколько раз он вновь возвращался на фронт для несения ответственных должностей. И наконец, в конце лета 1916 г., как читатель уже знает, был назначен на пост главнокомандующего армиями Северного фронта.

Прямой, простой, хотя и несколько суховатый в обращении, в глубине души доброжелательный, очень рассудительный, умевший схватывать сущность вопроса и не останавливавшийся на мелочах, не терявшийся в трудной обстановке, с твердой по природе волей, хотя и несколько надорванной постоянным недомоганием, — таковым был в общих чертах генерал Рузский, несомненно заслуживший право на звание одного из лучших генералов дореволюционной русской армии.

Мог ли я предположить, подъезжая в первых числах августа 1916 г. к Пскову, что здесь, в этом пункте, я буду свидетелем отречения императора Николая II от всероссийского престола и невольным участником многих отдельных эпизодов, сопровождавших это событие громадной важности для дальнейшего течения русской жизни!

Вот он, старый русский Псков, стоящий на могучей до сих пор реке Великой, с белокаменной «Троицей», высящейся над всем городом, и с десятком других церквей, удивительный по простоте и соразмерности линий архитектуры. Псков — младший брат великого Новгорода, вместе с ним заложивший фундамент русской государственности, вместе с ним самоотверженно несший на себе обязанности оплота русского народа от нашествия с севера и запада чужеземных врагов и вместе с ним трагически погибший от властной руки самодержавной Москвы...

С твоим, о Псков, именем суждено связаться новой главе русской истории, которая началась хотя и злым безвременьем, но хочется верить, что кончится расцветом сил молодого талантливого народа!..

Жизнь в Пскове и условия моей службы на Северном фронте были очень приятны по внешним формам, но крайне трудны и ответственны по существу.

Главнокомандующий и я проживали в одном довольно просторном доме директора местной гимназии. Дом этот стоял на высоком, крутом берегу широкой, многоводной Великой. Кругом дома был довольно обширный сад с несколькими десятками вековых деревьев. В редкие минуты отдыха в саду этом можно было свободно гулять и любоваться видом на луговую сторону, откуда в былое время шел осаждать Псков Стефан Баторий⁷⁹, позднее же шведский король Густав Адольф⁸⁰.

Рузский довольно часто хворал, и мы, его ближайшие сотрудники: я и главный начальник снабжений генерал Саввич⁸¹, оберегали его силы, как могли, докладывая ему лишь о самом существенном.

В район фронта до января входил, между прочим, и Петроград. Каждый день столица все более и более нас беспокоила своими настроениями. Во избежание продовольственных затруднений приходилось не раз выделять для нее запасы из тех скудных средств, коими обеспечивалось довольствие армий. Главнокомандующий, насколько мог часто, навещал Петроград, собирал там совещания, ездил лично по заводам, беседовал с рабочими, но всегда возвращался к нам в Псков очень сумрачно настроенным.

— Плохо, очень плохо в тылу, — говорил он. — В столице зреют тяжелые события, и какой оборот они примут — трудно сказать!

Невесело было в это время и на фронте. Подготавливавшаяся в августе десантная операция в Рижском заливе, имевшая целью высадку нашего отряда в тылу немцев с одновременною атакою германцев со стороны рижского плацдарма, была почти накануне исполнения отменена. Зимняя Митавская наступательная операция хотя и была начата, но так и не доведена до конца из-за нежелания Ставки нас поддержать⁸². Не стоило ее и начинать при таких условиях!..

Настроение войск все более сдавало, а Рига и Двинск, лежавший почти на фронте, как читатель уже знает, постепенно превращались в опасные гнезда революционной пропаганды.

К сожалению, именно в этот период был задуман Ставкой переход армии к трехбатальонным полкам в пехоте с соответственным увеличением числа полков и дивизий.

С точки зрения боевого использования войск потребность в такой реорганизации ощущалась давно, и Ставка еще при мне, в 1915 г., обдумывала способы осуществления этой серьезной реформы. Однако на пути ее разрешения лежали многие затруднения, и в числе их на первом месте крайне ослабленный кадровый состав офицеров в войсковых частях. При этом условии являлось опасение, что, хотя намечавшаяся реформа и должна была увеличить число полков и дивизий почти на 25 процентов, качественно состав всех войск должен был от этого реформирования сильно пострадать. Так это и случилось в действительности. В результате проведенной реформы армия вышла из нее внутренне ослабленной, и ее сопротивляемость разного рода разлагающим началам, конечно, уменьшилась еще более.

Впечатление было таково, что, предпринимая данную реформу, в Ставке как будто не чувствовали кризиса, надвигавшегося с очевидною неизбежностью на армию и Россию...

ВНИЗ ПО НАКЛОННОЙ ПЛОСКОСТИ

Слухи о предательстве и измене, якобы внедрившихся в верхах, получили дальнейшее обоснование в неожиданном для всех назначении министром внутренних дел А.Д. Протопопова. Это назначение состоялось в середине сентября. Протопопова обвиняли в том, что, будучи председателем думской делегации, посетившей в июне 1916 г. различные государства Западной Европы, он вел в Стокгольме слишком смелые разговоры о мире с немецким финансовым деятелем Варбургом, имевшим якобы какие-то полномочия от германского посланника в Швеции фон Люциуса... Говорили, что эта беседа открыла Протопопову двери в царские покои...

А.Д. Протопопов, видный член Государственной думы, принадлежавший к партии октябристов, дважды избирался Думой на пост товарища председателя. Он же, как сказано выше, председатель думской делегации, объездивший летом этого года союзные страны для пропагандирования более тесной связи между правительствами и парламентами, докладчик в Думе по некоторым крупным вопросам, в том числе по законопроекту 1912 г. о воинской повинности.

Избрание его на крайне ответственный пост по тому времени — пост министра внутренних дел — воспринималось как акт доверия государя к Государственной думе и знак желания приблизить ее к трону. Тем более что некоторыми думскими кругами Протопопов, как лицо, близко стоявшее к суконной промышленности, довольно настойчиво проводился одно время на пост министра торговли и промышленности.

Так, однако, можно было думать лишь со стороны.

В действительности же Протопопов выдвигался наверх все тем же кружком распутинцев, а особенно был пропагандируемым «тибетским» доктором Бадмаевым — одним из многочисленных авантюристов того печального времени. Будучи большим честолюбцем, Протопопов всеми путями добивался подхода к власти, причем с назначением на пост министра он легко изменил своим прежним политическим взглядам, круто повернув направо. Для более наблюдательных уже через несколько дней после назначения было совершенно ясно, что новый министр против течения не пойдет и что правительственная политика нашла в лице его себе нового верного адепта.

Не приходится поэтому удивляться, что, будучи приглашен на собеседование с членами Думы для обмена мнениями, Протопопов счел уместным явиться на собрание в мундире, присвоенном министру внутренних дел как шефу жандармов. Этим он дал

ясно понять, что с пригласившими его лицами может говорить лишь на языке, приличествующем надетому на нем мундиру.

Рассказывают, что впоследствии Протопопов стал относиться с такой нетерпимостью ко всякого рода прогрессивным начинаниям, что убрал со своего письменного стола даже все красные карандаши, чтобы его резолюции случайно не окрасились в этот цвет, признававшийся им столь опасным.

Протопопов был, таким образом, именно тем лицом, коим удобнее всего было сыграть на две стороны: и Думу, по выражению Распутина, уважить, и ввести вместе с тем в состав правительства человека верного и, главное, своего.

«Пожалуйста, возьми Протопопова министром внутренних дел, — писала 9 сентября 1916 г. молодая императрица государю в Ставку. — Он из членов Думы; это у них произведет большой эффект и заставит многих замолчать...»

— Ведь это ваш, думский! — язвительно указывали на Протопопова из правого лагеря общественным деятелям прогрессивного толка.

«Милой, дорогой, устрой бедного, тебе Бог поможет», — нагло писал русскому министру Протопопову «старец» Распутин, обильно уснащая косые строчки своего послания грубейшими грамматическими ошибками.

НОЯБРЬСКАЯ ДУМА И ОТСТАВКА Б.В. ШТЮРМЕРА

1 ноября вновь собралась Государственная дума. Настроение ее было таково, что оно должно было вылиться в очень резкие формы по адресу правительства. Протопопов к тому времени еще не для всех выявился в окончательном виде, и это, по-видимому, было причиной, что центром думских нападок явился Штюрмер с его германофильством и потаканием темным силам. Думскими кругами решено было настойчиво добиваться ухода Штюрмера и образования ответственного перед народом правительства.

Тяжелые намеки были сделаны и по адресу тех лиц, в тесном круге коих замкнулась молодая императрица. В виде доказательства приводились выдержки из немецких газет, якобы свидетельствовавшие, что о германофильских настроениях этого кружка имеются сведения за границей.

Выразителем всех этих тревожных мыслей явился видный член Думы от Партии народной свободы П.Н. Милюков, который построил на них свою исключительную по яркости речь, произнесенную им в день открытия Думы.

— Что это? Глупость или измена? — спрашивал он, обращаясь после каждого отдельно сформулированного обвинения в сторону министерских скамей.

Но на эту речь с министерских мест ответа не последовало. Члены правительства отсутствовали, и их скамьи были пусты...

Речь Милюкова, запрещенная для печати, разошлась по рукам в огромном числе списков. Она обошла всю Россию, везде читалась, всюду обсуждалась...

— Измена! Измена! — кричали на все лады вне стен Таврического дворца, и это обвинение бросалось не только в сторону министров и Распутина; оно падало и к подножию царского престола.

Было ясно, что так дальше продолжаться не может...

Но как же быть?

Все настойчивее и настойчивее ползли слухи о зарождении какого-то заговора, ставившего себе целью выполнение дворцового переворота. Под величайшим секретом назывались даже имена участников этого заговора. Носились слухи, не знаю, насколько справедливые, что о цели заговора были осведомлены даже начальник штаба государя генерал Алексеев и генерал Брусилов. К ним будто бы приезжали представители каких-то организаций, принимавшие участие в заговоре.

К этим слухам примешивалось и имя генерала Рузского, бывшего в то время главнокомандующим Северным фронтом. Но я, как бывший начальник штаба этого фронта, живший в одном доме с главнокомандующим и пользовавшийся его полным доверием, категорически заявляю, что никакие осведомители по части заговора к нам в Псков не приезжали.

Где проходила, однако, грань между правдой и вымыслом — никому точно не было известно.

Одни говорили, что имеется в виду предложить государыне удалиться в монастырь или насильно увезти ее на военном корабле в Англию. Другие добавляли, что с нею вместе должен уехать и государь. Различно распоряжались в разговорах также судьбою наследника...

По особому секрету передавали также о возможном аресте государя в Могилеве или на пути в Царское, а также о других проектах дворцового переворота.

Вывод из всех этих слухов был один — император Николай II, который не сумел оградить себя от безответственных влияний и от которого невозможно было ожидать проведения насущных реформ, должен отойти от власти. Этого требуют интересы России. Выход этот менее болезненный и менее кровавый, чем путь неизбежно надвигавшейся революции...

В течение ряда дней после думской речи депутата Милюкова власть колебалась, как реагировать на выпады общественности против главы правительства. Распутин вместе с государыней на-

ходили, что для успокоения умов достаточно, если Штюмер скажется больным и уедет в трехнедельный отпуск. Затем вопрос этот был перерешен, и 10 ноября Штюмер ушел в отставку. На посту председателя Совета министров он был заменен Д.Ф. Треповым.

Возведенные на Штюмера обвинения не были, таким образом, опровергнуты и продолжали поэтому висеть в воздухе.

Уход председателя Совета министров под давлением настроений Таврического дворца был, несомненно, крупным успехом для Государственной думы. Некоторые отдельные члены последней связывали даже с именем преемника Штюмера кое-какие надежды, но большинство встретило нового премьера с возрастающим недоверием. Со стороны левых ему был оказан в Думе неблагоприятный прием, доказавший, что Дума имеет намерение продолжать ожесточенную борьбу с властью.

Борьба эта шла вплоть до нового перерыва сессии, имевшей место 16 декабря.

УБИЙСТВО РАСПУТИНА

В ноябре 1916 г. в тылу фронта наших западных союзников, в Шантильи, собралась междусоюзническая конференция для обсуждения вопроса о характере военных действий на 1917 г. Принято было решение начать общее наступление на всех союзных фронтах раннею весною, чтобы не выпустить из рук инициативы, и вести его возможно большими силами.

В результате этой общей мысли нашей Ставкой было предложено главнокомандующим армиями разработать их собственные предположения. Предположения эти должны были в течение декабря доложить государю как Верховному главнокомандующему для постановки им уже окончательного решения.

По общим указаниям генерала Рузского мною было составлено соображение о комбинированном наступлении армий Северного и Западного фронтов. Северный фронт должен был наносить удар со стороны рижского левобережного плацдарма на Митаву и Шавли, войска же Западного фронта — вдоль течения реки Вилии.

На избранном для наступательной операции участке общего фронта неприятельское расположение представляло вогнутую в нашу сторону дугу, почему давление на оконечности этой дуги представляло известные стратегические выгоды.

Намечавшийся удар был направлен против германцев, которые являлись, конечно, важнейшим противником на нашем фронте; удар этот приходился в направлении Восточно-Прусско-

го театра, к которому немецкое командование, как мы уже знаем, относилось с особою чуткостью и нервозностью.

Совещание в Ставке было назначено на 17 декабря, к каковому сроку генерал Рузский и я прибыли в Могилев.

Начавшись с утра, оно шло под председательством государя и в присутствии генерала Гурко, замещавшего начальника штаба генерала Алексева. Однако после перерыва для завтрака в среде совещающихся почувствовалось какое-то замешательство. Стали передавать шепотом слух о получении из Царского Села какой-то важной телеграммы, требовавшей спешного отъезда государя из Ставки в столицу. Совещание было скомкано. Оно шло довольно беспорядочно, прерывалось какими-то дополнительными сведениями, получавшимися из Царского Села и остававшимися для нас секретными, и наконец в четыре часа пополудни государь действительно спешно выехал из Могилева.

Стало при этом известно, что в ночь на этот день в Петрограде был убит Распутин и что, потрясенная таким событием, императрица вызвала к себе императора.

С отъездом председательствовавшего в совещании государя суждения собравшихся были сведены к менее серьезным текущим вопросам. Генерал Гурко, очевидно, не мог взять на себя самостоятельное решение вопроса о характере будущих действий, и, таким образом, наш съезд закончился без определенных выводов. Мы вернулись домой, смущенные перерывом столь важного совещания из-за гибели Распутина и не ориентированные, в каком направлении вести боевую подготовку армий на 1917 г.

Уже много лет лучшие русские люди глубоко страдали от унижительного сознания, что правительственная власть попала в плен к цепкому фатальному «старцу» Григорию Распутину. Последний со своими приспешниками, как мы видели, всячески деморализовал эту власть, утилизируя ее в интересах собственного положения и тщеславия.

Император и особенно императрица беззаветно верили в его бескорыстие и беспрекословно слушались его безграмотных советов. Ни мольбы великих князей, ни предупреждения близко стоявших к царю и царице людей, ни даже угрозы гибелью династии не убеждали императорскую чету в необходимости покончить с развращающим влиянием Распутина и принять решительные меры к возвращению власти доверия страны. Все честные слова, доходившие до государя и его супруги, принимались ими как злостные наговоры и клеветнические выпады против «святого старца».

При таких условиях, чтобы не случилось чего-либо худшего, должны были найтись люди, которые из чувства любви к Родине

приняли бы на себя тяжелый крест насильственного устранения вредного «старца» с пути жизни великого русского народа.

И люди такие нашлись...

Наверху понимали, что жизнь Распутина не в безопасности, и по приказу оттуда его охраняли тройною сетью агентов.

— С утра до вечера и с вечера до утра мы только этим и занимаемся, — признался однажды один из министров внутренних дел, намекая своими словами на бдительность и строгость упомянутой охраны.

Сам Распутин отдавал также себе отчет в возможности покушения на его жизнь. В последние перед смертью годы он стал очень подозрителен и остерегался выезжать к незнакомым людям. Но совладать со своими слабостями он не всегда мог...

Под предлогом свидания с особой, которая почему-то заинтересовала Распутина, молодой князь Ю. уговорил беспутного «старца» посетить его дом. Заехав в ночь на 17 декабря за Распутиным, он привез его к себе, где уже находились его четыре сообщника.

В ожидании прибытия интересовавшей Распутина особы, которой в действительности не было даже в столице, его свели в кабинет хозяина, где угостили вином и пирожными, отравленными цианистым калием. Когда же яд не подействовал, то в Распутина было выпущено несколько револьверных пуль, коими он и был тяжело ранен.

Живучий «старец», собравшись, однако, с последними силами, бросился через двери во двор, окружавший дом, и, убегая от своих преследователей, стал искать выход на улицу. Но здесь он был настигнут вновь одним из заговорщиков, которым окончательно и дострелен.

В ту же ночь труп Распутина был сброшен в прорубь одного из каналов, омывающих берега петроградских островов.

«Я не могу и не хочу верить, что он убит. Бог да смилостивится над нами», — записала императрица свои ощущения после первого известия о том, что Распутин «исчез».

Преступная кровь была пролита, но она не спасла Россию от неизбежно надвигавшихся на нее несчастий.

Люди, решившиеся на убийство Распутина и мечтавшие этим путем спасти монархию, не рассчитали, что зло пустило слишком глубокие корни.

Авторитет царя к этому времени был подорван окончательно, и огромное большинство сознательной части русского народа пришло к твердому убеждению, что оздоровление страны невозможно при условии сохранения власти в руках императора Николая и при наличии поддерживавшегося им самодержавного строя.

Совсем другое внушала императору Николаю его супруга.

«Мы возведены Богом на престол, — писала она 14 декабря 1916 г., — и мы должны твердо охранять этот престол, чтобы передать его неприкосновенным нашему сыну. Если ты будешь об этом помнить, то не забудешь быть государем. И насколько это легче для самодержавного государя, чем для того, кто присягнул конституции!..»

«МИНИСТЕРСКАЯ ЧЕХАРДА»

После убийства Распутина и перед возобновлением занятий Государственной думы с поста председателя Совета министров ушел Д.Ф. Трепов, и на его место в самых последних числах декабря был назначен почти никому не ведомый князь Н.Д. Голицын⁸³.

«Министерская чехарда» — прозвал эту безумную смену министров известный своими остроумными словечками член Государственной думы Пуришкевич.

Обстановка появления князя Голицына у власти до того удивительна, что могла бы показаться невероятною, если бы она не была рассказана им самим.

Князь Голицын был самым обыкновенным членом правого крыла Государственного совета, но в период войны он занял место председателя одного из бесчисленных комитетов военного времени, находившегося под покровительством императрицы Александры Федоровны. По этой должности императрица его хорошо узнала и нередко вызывала к себе по делам комитета.

Однажды, в первый день праздника Рождества 1916 г., князь Голицын был вызван в Царское Село. Он очень удивился, когда вместо императрицы его принял государь.

— Мне нужен энергичный председатель Совета министров, и по совету императрицы мой выбор остановился на вас, — сказал император Николай II растерявшемуся от неожиданности князю.

— Ваше величество, я старый и больной человек. Я ничего для себя не ищу, не подготовлен и совсем не подхожу для такого ответственного поста. Года мои к тому же таковы, что не позволяют рассчитывать справиться с теми обязанностями, кои вы на меня предполагаете возложить. Прошу вас уволить меня от намечаемой миссии.

Государь не возражал и перешел на другие темы, так что Голицын, по его собственному признанию, получил уверенность в том, что чаша сия минует его.

Однако через два дня состоялся указ о назначении того же князя Голицына председателем Совета министров.

Назначение нового председателя Совета министров явилось, таким образом, несомненным результатом влияния на государя императрицы Александры Федоровны, но очевидно, что кандидатура эта была предварительно обсуждена и одобрена лицами, составлявшими ближайшее окружение царицы.

Почти одновременно с Голицыным на должность председателя Государственного совета, избиравшегося ежегодно государем из членов этого совета, был назначен бывший министр юстиции И.Г. Щегловитов — человек крайне правого направления. При этом с явную целью усиления правого крыла этого совета, игравшего у нас роль высшей законодательной палаты, в его состав было введено 18 новых членов, соответственно, конечно, подобранных.

Эти меры, ярко свидетельствовавшие об усилении безответственных влияний и о новой концентрации правых сил, заставили очень насторожиться Государственную думу, особенно после того, когда выяснилось, что сроки ее созыва все отдаляются. Вначале предполагалось созвать Думу в середине января, затем этот срок был перенесен на конец того же месяца и в конце концов решено было открыть заседание Думы лишь 14 февраля 1917 г.

Князь Голицын, по собственному его признанию, имел в виду воспользоваться отсрочкой заседания Государственной думы, чтобы провести ряд изменений в составе Совета министров. Но первое состоявшееся при нем назначение военным министром генерала М.А. Беляева не свидетельствовало ни об умении нового председателя Совета министров выбирать людей, ни о его независимости.

Генерал Беляев, назначенный на пост военного министра в самом начале января 1917 г., являлся, несомненно, избранником все того же кружка безответственных лиц, во главе коих стояла императрица Александра Федоровна.

Беляева я хорошо знал. Вся его служба прошла на моих глазах. Кроме того, он был моим сокурсником по Академии Генерального штаба. Кто мог бы предугадать тогда, что ему суждено занять столь ответственный пост, да еще в исключительно тяжелое время войны.

Забившийся в полутемные углы, вечно съезженный, точно ему холодно, юноша Беляев вызывал к себе то насмешливое, то жалкое отношение.

Необычайной усидчивостью, крайней деловой добросовестностью и знанием канцелярских навыков Беляев впоследствии приобрел в Главном штабе прочное положение и стал довольно быстро продвигаться по военно-бюрократической лестнице.

В войсках Беляев почти не служил и командного опыта не имел никакого. Не было у него ни размаха мысли, ни инициативы, ни духа творчества.

«Мертвая Голова» — так прозвали его за издали бросавшуюся в глаза голову с огромным лбом и глубоко посаженными глазами и еще за давящую мертвую мысль, эту голову характеризовавшую.

Однако служебные успехи постепенно развили в Беляеве некоторую самоуверенность и опасную привычку много говорить самому и мало слушать других.

— В России нет людей, — обычно жаловался он в конце своей длинной вступительной речи, которой встречал каждого из приходивших к нему посетителей.

— Да и как же вам их найти, — остроумно ответил однажды один из его собеседников. — Ведь вот я просидел у вас более получаса, но так и не мог изложить свое дело, — добавил он с досадой, вставая.

Война застала генерала Беляева в должности одного из начальников отделов Главного управления Генерального штаба. На фронте ему места не нашлось, и он был оставлен в тылу для заведования текущими делами названного управления. Путем знакомства с кружком Распутина ему, однако, удалось упрочить свое положение, и неожиданно для всех Беляев был назначен на должность начальника Генерального штаба...

При одном из военных министров Беляеву не повезло: он вынужден был расстаться со своим положением и смириться с относительно скромными обязанностями военного представителя России в Румынии, так как ни о каком строевом назначении думать ему не приходилось.

Не удалось ему, однако, удержаться и при главной квартире румынского короля; приходилось уже задумываться над вопросом: как быть дальше?

Но в этот тяжелый для него период времени экстренная телеграмма уже вызывала его в Петроград, в пути же он получил дополнительное указание немедленно и непосредственно явиться к императрице. От нее им и было получено предложение занять освободившийся после генерала Шуваева⁸⁴ пост военного министра...

Одним из чрезвычайно неудачных мероприятий, осуществленных при генерале Беляеве, была передача в ведение военного министра Петроградского военного округа, состоявшего раньше в подчинении главнокомандующего армиями Северного фронта.

Непосредственное начальствование над всеми войсками этого округа, состоявшими из запасных частей, было сосредоточено в

руках генерала Хабалова — человека теоретического направления, нерешительного и не обладавшего достаточным военным авторитетом. В условиях нормальной жизни генерал Хабалов, вероятно, мог бы считаться на месте, но в той исключительной обстановке, которая сгустилась вокруг столицы, он оказался лишенным необходимой воли и непригодным для самостоятельных решений.

Почти одновременно с передачей Петроградского военного округа в ведение военного министра Кронштадтская крепость, прикрывавшая морские подступы к столице, была передана в руки флота, в котором, более чем где-либо, свила себе гнездо революционная пропаганда.

Отметить оба эти обстоятельства необходимо, так как ими в известной мере характеризуется то положение, в котором оказалась столица в начале 1917 г. в смысле обеспечения ее от возможных беспорядков.

СУДЬБА РОССИИ В БЕЗУМНЫХ РУКАХ А.Д. ПРОТОПОПОВА

«Убедившись в несоответствии А.Д. Протопопова на посту министра внутренних дел и зная, что государь находится под большим влиянием императрицы Александры Федоровны, — рассказывает князь Голицын в своих показаниях следственной комиссии Временного правительства, — я обратился сначала к государыне, указывая ей на необходимость удаления Протопопова. Императрица выслушала меня очень внимательно, но моя мысль, по-видимому, ей не понравилась».

Через два дня князь Голицын нашел необходимым доложить тот же вопрос императору Николаю. Государь, видимо, был предупрежден о вероятности такого доклада, но, по обыкновению своему, не дал сразу определенного ответа. Лишь во время следующего доклада председателя Совета министров он твердым голосом произнес:

— Я долго думал о Протопопове и решил пока воздержаться от его увольнения.

Таким образом, Голицын, не имевший смелости прямо поставить вопрос о замене названного, принужден был мириться с наличием в Совете министров на ответственной должности министра внутренних дел человека, которому он не доверял и деятельность которого считал вредной.

Пользуясь столь сильной поддержкой наверху, Протопопов постепенно оттеснил слабовольного Голицына на задний план и стал захватывать в свои руки направление всей внутренней политики в стране.

Каковы же были эти руки?

Мною уже отмечено, что с назначением на пост министра внутренних дел Протопопов в своих политических воззрениях круто повернул вправо. Он совершенно разошелся с Государственной думой и проводил мысль о допустимости неоднократных ее роспусков и даже подготовки к новым выборам.

В Совете министров по более крупным вопросам Протопопов защищал всегда какую-то обособленную позицию; он, видимо, вел свою самостоятельную закулисную линию, не до конца вскрытую до сих пор, несмотря на обилие печатных материалов, относящихся к тому времени. С вызывающей дерзостью Протопопов стал на путь запрещения всякого рода съездов, оказывал давление на органы печати, кои опять зарябили «белыми местами», свидетельствовавшими о строгостях цензуры, и стремился к ограничению деятельности общественных организаций. Всюду он усматривал одни заговоры, в центре коих ему мерещилась рука думского прогрессивного блока.

Протопопов, по общим отзывам, был совсем не знаком с делами своего обширного ведомства и мало ими занимался, представляя их на усмотрение своих помощников. Сам же он взял на себя роль как бы блюстителя существовавшего режима, причем в интересах охранения такового не считал необходимым ограничивать себя никакими ведомственными рамками. Он мечтал о сосредоточении у себя в руках руководства всей внутренней жизнью страны, причем особенно привлекало его дело продовольствия, в котором он мнил себя весьма компетентным. Вопрос этот находился в начале войны в ведомстве земледелия, и Протопопов вел настойчивую кампанию в пользу передачи его в министерство внутренних дел.

Не довольствуясь наблюдением за настроениями мирного населения, Протопопов в своих докладах касался и жизни армии. Он настраивал государя против тех великих князей, которые пытались раскрывать царю глаза на катастрофическое положение России, и считал своею обязанностью предостеречь его же в отношении тех генералов, которые почему-то казались ему опасными. Говорят, что и выделение Петроградского военного округа из района Северного фронта было подготовлено у государя докладом Протопопова. Сосредоточивая в своих руках власть и распространяя свое влияние на армию, Протопопов, видимо, считал, что при благоприятной обстановке ему удастся сразу и целиком вырвать нарастающую гидру недовольства. Вся его деятельность клонилась именно в эту сторону.

Создавалось впечатление, что Протопопов страстно мечтал занять еще более высокое положение и для этого искал случая отличиться перед царем и царицей. Он проводил в жизнь только их

точку зрения, мало заботясь о благе России. По-собственному его признанию, честолюбие в то время «бегало и прыгало в нем».

Хотя и не доказано, но есть серьезные намеки на то, что Протопопов планомерно работал над подготовкой превращения Государственной думы в орган законосовещательный и не прочь был вызвать вспышку беспорядков, чтобы иметь возможность задать ее вооруженной рукой.

Отсюда слухи о провокационной деятельности его агентов в рабочих кругах и легенда о вооруженной пулеметами полиции.

Лица, близко наблюдавшие Протопопова в этот период его жизни, говорят о безусловном нарушении у него нервной системы и даже психического равновесия. Другие рисуют его человеком совершенно безвольным, поддающимся обстановке, в которой ему приходилось действовать, и легко впитывающим в себя черты и взгляды лиц, его окружавших. Во всяком случае, Протопопов был полон всякого рода суеверных предрассудков и выказывал большую склонность к мистицизму, коим была заражена и вся царская семья.

Известно, например, что он вел какую-то мало выясненную переписку с неким господином по фамилии Перрен.

Этот Перрен — личность, о которой стоит сказать несколько слов для характеристики описываемого времени и его деятелей. По профессии — хиромант, он перед войной появился в Петербурге, где в кругу пустых и праздных людей стал вскоре весьма популярен. Среди посетителей этого ловкого авантюриста оказался и Протопопов, тогдашний товарищ председателя Государственной думы. Перрен предсказал ему «большую будущность».

В период войны Перрен неожиданно исчез со столичного горизонта и в 1916 г. объявился в Стокгольме. Когда Протопопов стал во главе министерства внутренних дел, он вспомнил о польстившем ему предсказателе и завел с ним переписку; его стремлением было узнать, достиг ли он уже предела прежнего предсказания и не свершится ли «еще большее». Охваченный этим желанием, министр Протопопов, несмотря на свое ответственное положение, стал хлопотать о разрешении приехать Перрену в Петроград. Но хлопоты его не увенчались успехом. Военное ведомство решительно воспротивилось этому, считая Перрена личностью весьма и весьма подозрительной.

Кто знает, какова была бы судьба этого Перрена, если бы он сумел проникнуть в Петроград и обосноваться в сферах, столь жадно и доверчиво тянувшихся ко всему таинственному...

НАКАНУНЕ ГРОЗНЫХ СОБЫТИЙ

При таких условиях 14 февраля открылась наконец давно откладывавшаяся сессия Государственной думы.

От правительства выступил министр земледелия Риттих⁸⁵ с обширными разъяснениями по вопросу продовольствия. На это разъяснение последовало несколько ответов, свидетельствовавших о наличии прежнего непримиримого настроения Думы к правительству.

В дальнейшем, однако, законодательная сессия тянулась вяло и бесцветно. Всем становилось очевидно, что настоящая жизнь уже вышла за пределы Таврического дворца и где-то на стороне организуются силы для борьбы.

Последняя попытка образумить верховную власть не дала результатов. Незадолго до открытия Думы председатель ее М.В. Родзянко представил на высочайшее имя доклад, полный горьких мыслей.

«У большинства наших союзников, — говорилось в этом докладе, — власть во время войны перестроилась согласно требованиям времени, и тем было достигнуто объединение в мероприятиях, вызываемых войною. Что же делается у нас? Правительство не сумело сплотиться само, а единение страны вселило в него даже страх... Под подозрение поставлена вся Россия! Неужели при таких условиях можно довести страну до благополучного окончания войны? — так ставил вопрос Родзянко. — Все дела, связанные с войной, правительство берется разрешать само. Думу же оно стремится занять законопроектами, имеющими отдаленное значение для грядущего мирного времени...»

В дополнение к этому письменному докладу Родзянко почти накануне открытия Думы в личной беседе с государем широко развернул картину общественных и народных настроений. Он стремился своими словами убедить императора Николая в необходимости уступок, которые, по мнению Родзянко, еще могли внести успокоение.

— Я сделаю так, как Бог положит на душу, — мистически ответил царь.

И едва ли не в тот самый день император Николай обратился к одному из своих прежних министров, числившемуся в рядах членов «Союза русского народа», с поручением написать по приглашению с Протопоповым проект манифеста о роспуске еще не собравшейся Думы.

«Как удар соборного колокола, — писал министр В.А. Маклаков императору Николаю в ответ на поручение последнего, — намечаемый взмах царской воли заставит перекреститься всю верную Россию и собраться на молитву и службу Родине... Да благословит Господь вашу решимость, государь...»

Очевидно, подходило время для решительной схватки двух течений: одного, руководимого прогрессивными общественными

элементами, требовавшими во что бы то ни стало уступок, и другого, возглавлявшегося царской четой и решившегося с neodолжимым упрямством противодействовать этим «опасным» домогательствам.

Между молотом и наковальней оказалось же измученное тело России...

Особое негодование в столичной среде вызвал арест членов рабочей группы, организованной при Центральном военно-промышленном комитете. Арест этот имел место в десятых числах февраля и был осуществлен по указаниям министра Протопопова. Он вызвал ряд протестов в прессе и в среде членов тогдашнего правительства.

Особенно негодовали рабочие, среди которых нашлись агитировавшие за уличное выступление. Так как в этих агитаторах можно было предполагать провокаторов и пропагандируемое ими выступление должно было во всяком случае вызвать кровопролитие, П.Н. Милюков в качестве одного из видных членов Думы обратился к рабочим с письмом, предупреждавшим их об опасности намечавшегося выступления. Пропагандируемая уличная демонстрация не состоялась, но пламя оппозиции, питавшееся общим недовольством властью, утомлением войною, необычайно возросшею дороговизною жизни и недостатком продуктов первой необходимости, разгоралось все ярче...

Население стало открыто выражать свое негодование: фабрики и заводы частично бастовали, рабочие усиленно митинговали, а общественные организации приступили к сговору о том, что делать при возникновении непредвиденных событий. Тогда-то и были названы некоторые имена из тех, кто впоследствии вошел в первый состав Временного правительства.

Характеризуя то тревожное время, можно сказать: грозные тучи сгустились, уже доносились первые раскаты грома...

НАЧАЛО СМУТНЫХ ДНЕЙ В СТОЛИЦЕ

Император Николай, вызванный императрицей из Ставки по случаю убийства в столице Распутина, выехал обратно в Могилев лишь 23 февраля.

Он уехал один. Цесаревич Алексей остался при матери и лежал в кори. Эта же болезнь поочередно уложила в постель и царских дочерей. Императрица Александра Федоровна посвятила себя уходу за своими детьми.

Всюду в России стояла очень снежная зима. Она весьма затрудняла и без того расстроенный транспорт.

Подвоз хлеба в столицу стал ненадежным. Хотя городские запасы муки достигали еще 500 тыс. пудов, что при экономном расходовании могло обеспечить столичное население недели на полторы и даже больше, тем не менее затруднения в подвозе крайне нервировали власти и население. Вопрос о недостатке хлеба горячо дебатировался в Государственной и городской думах, в разного рода продовольственных совещаниях, острее же всего — населением на улицах и в очередях.

Уже в день отъезда императора в Могилев недовольство по поводу дороговизны продуктов и недостатка хлеба стало выливаться в уличные волнения. Слух о введении хлебных карточек и об ограничении до одного фунта количества продаваемого хлеба в сутки на человека взволновал городских жителей, которые не были приучены к лишениям и лишь впоследствии, при владычестве большевиков, познали настоящую горечь сидения на восьмушке какого-то темного месива вместо хлеба и половине селедки. Население бросилось к хлебным и продовольственным лавкам, чтобы сделать для себя на будущее время запасы, но этим оно только взвинтило цены на продукты и подчеркнуло более рельефно их недостаточность.

В первый день возникновения волнений они ограничились лишь скоплением на улицах и у хлебных лавок народных масс, из рядов коих раздавались настойчивые требования хлеба.

Так как толпа не проявляла никаких активных действий, то командующий войсками Петроградского военного округа генерал Хабалов приказал начальнику над войсками, вызванными из казарм для охраны столицы, во избежание кровопролития в случае невыполнения требований расходиться огня не открывать, а рассеивать скопища конными частями.

Вместе с тем генерал Хабалов поставил себе целью принятие мер к увеличению суточной выпечки хлеба. Однако размеры войсковых запасов муки не позволили ему существенно прийти на помощь населению; собранные же владельцы пекарен объявили, что увеличить выпечку не могут из-за отсутствия достаточного количества хлебопек, взятых в войска. Таким образом, народное требование не могло быть немедленно удовлетворено. Да и не в нем, впрочем, лежал корень развертывавшихся событий. Недостаток хлеба был лишь предлогом, но не причиной этих событий.

В следующие дни характер уличных скопищ стал весьма быстро видоизменяться. Волнения широко охватили заводы, и на улицу начали выходить рабочие. Среди них появились агитаторы. Из народных толп стали уже выкрикивать: «Долой самодержавие, долой войну!» Появились красные флаги, носившие аналогичные надписи, и отдельные кучки людей пытались распевать революционные песни.

В ночь на 25 февраля в столице были произведены многочисленные аресты, подлившие еще больше масла в огонь. Особое негодование вызвал арест членов рабочей группы, организованной при Центральном военно-промышленном комитете. Рабочие повсюду заволновались, и, по сообщению генерала Хабалова в Ставку, число бастовавших исчислялось уже 25 февраля 250 тыс. человек.

Улицы стали вести себя вызывающе. В пунктах наибольшего скопления народа имели место столкновения с полицией. Из толпы летели бутылки... Взрывались петарды и даже ручные гранаты. Появились не только избитые, но и раненые, а в отдельных случаях и убитые. В общем, демонстранты свирепо расправлялись с полицейскими, делались попытки и к нападению на войска. Это вызвало со стороны последних в отдельных случаях ответные действия. Наблюдалось, впрочем, и обратное отношение к войскам, то есть стремление толпы привлечь солдат на свою сторону.

25 февраля революционными кругами в столице было намечено образование Совета рабочих депутатов по примеру и подобию такого же органа в 1905 г.

Характер движения, таким образом, к этому дню определился с достаточной очевидностью.

МЯТЕЖ РАЗРАСТАЕТСЯ И ОХВАТЫВАЕТ СТОЛИЧНЫЙ ГАРНИЗОН

Вечером 25 февраля генерал Хабалов получил из Ставки от государя телеграмму следующего содержания: «Повелеваю завтра же прекратить беспорядки в столице, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай».

«Прекратить беспорядки... Какими мерами возможно этого достигнуть? — спрашивал себя генерал Хабалов. — Когда требуют хлеба, нужно его дать, но когда раздаются крики: «Долой самодержавие!» — и этим крикам не хотят внять... Что делать тогда?!»

В тот же вечер генерал Хабалов собрал у себя начальников участков охраны и, объявив им содержание высочайшей телеграммы, рекомендовал: если толпа мирная, пользоваться для рассеяния ее конницей; если же толпа агрессивная и с революционными флагами — действовать по уставу, то есть троекратное предупреждение, а затем... огонь!

Распоряжение это было выполнено, и на следующий день, 26 февраля, войска в разных местах столицы стреляли по возбужденным народным толпам. Но эти тяжелые факты создали

обратную реакцию в войсках. Уж слишком часто в последние годы, как мы знаем, власть привыкла прибегать к содействию войск для поддержания того режима, который уже давно осужден был народом. Это — с одной стороны. С другой же стороны — весь пехотный гарнизон столицы состоял из запасных частей, переполненных малодисциплинированными и наполовину распропагандированными людьми, едва ли охотно думавшими о предстоящем им отправлении на фронт и, наоборот, более склонными ко всяким вообще брожениям, в результате коих могла бы быть избегнута или отсрочена названная выше опасность.

Люди запасных частей стали собираться в казарменных дворах, стрелять вверх, требовать возвращения рот, вызванных для водворения порядка; одновременно они отказывались сдавать имевшиеся у них на руках винтовки.

Ночью и на следующий день волнения в войсках приняли еще более массовый характер. Обнаружились тяжелые случаи сопротивления офицерам, насилий над ними и даже убийства их. Весь этот день вокруг казарм была слышна перестрелка, причем свидетели этих событий не могли дать себе отчета, откуда и кем именно производятся выстрелы.

Ободренные отсутствием мер воздействия и подстрекаемые вожаками, солдатские массы стали выносить разного рода требования, в числе коих очень характерное: не выводить на фронт части столичного гарнизона.

Генерал Хабалов уже 26 февраля доносил в Ставку, что не рассчитывает более на свои войска, которые выходят из его повиновения, почему просил о присылке в его распоряжение частей с фронта. Что касается военного министра, то его донесения в Ставку являлись вначале более успокоительными. Он доносил государю, что волнения в войсках подавляются «твердо и энергично», выражал уверенность в скором наступлении спокойствия, для достижения которого принимаются «беспощадные меры». Но с течением времени стали значительно более тревожными и донесения генерала Беляева. Военный мятеж, доносил он, погасить не удастся, и войсковые части постепенно отпадают от правительства.

В таких условиях восставшим толпам рабочих нетрудно было разгромить столичный арсенал и овладеть находившимся там оружием. Пользуясь им, рабочие стали вооружаться и формировать части «красной гвардии».

Все это происходило 27 февраля, каковое число и оказалось переломным в деле захвата фактической власти в столице революционными элементами.

Говорят, что в этот день императрица, осведомленная о происшедших в столице событиях, телеграфировала в Ставку государю, что уступки необходимы.

Но было уже поздно. К тому же государь все еще держался противоположного мнения и как раз в этот день намечал ряд мер для подавления революционного движения.

КАК РЕАГИРУЮТ НА ВОЛНЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВО И СТАВКА

Интересно проследить, какие же меры принимались центральным правительством в связи с развертывавшимися событиями и какие распоряжения исходили из Ставки, где находился император Николай?

Правительство показало себя совсем неподготовленным к борьбе с беспорядками; по мере разрастания таковых оно все более теряло почву под ногами и проявило признаки полной растерянности.

«Сначала думали, — признается князь Голицын, — что это просто уличные беспорядки, которые могут сами собою прекратиться. Но затем, когда пришлось употребить оружие, я увидел, что дело является более серьезным...»

Только 25 февраля, поздно вечером, на квартире у председателя Совета министров было собрано совещание, посвященное текущим событиям и затянувшееся до поздней ночи. На этом совещании министры делились своими впечатлениями и сведениями, но более всего их внимание было привлечено оценкой думских настроений. При этом создалось такое впечатление, что, какими бы достоинствами правительственные законопроекты ни обладали, Государственная дума, дабы не стать в противоречие с общим отрицанием существовавшего правительства, принуждена будет их отклонять. Из этого заключения родилось предположение о желательности роспуска Думы или перерыва ее занятий.

Князь Голицын присоединился к тем, кто высказался за последнюю форму прекращения деятельности Государственной думы и наметил воспользоваться для этого теми бланками, заранее подписанными государем, кои, как читатель уже знает, с некоторого времени принято хранить наготове у председателя Совета министров.

Большую часть следующего дня, приходившегося на воскресенье, министры просидели растерянными в Мариинском дворце; они лишь осведомлялись о событиях и все более и более теряли веру в возможность взять их в свои руки. В этот день в Мариинский дворец заезжал находившийся случайно в столице брат государя великий князь Михаил Александрович⁸⁶, которого князь Голицын и председатель Государственной думы М.В. Родзянко уговаривали принять на себя регентство в столице.

Великий князь не решался, однако, на этот ответственный шаг, не переговорив о нем предварительно с императором. Так как государь не одобрил этого предложения, имея в виду лично прибыть в столицу, и так как положение с каждой минутой становилось все более грозным, то Советом министров 27 февраля, под вечер, было решено послать императору телеграмму с ходатайством о коллективной отставке и с просьбою о срочном назначении в столицу особого лица, наделенного широкими полномочиями и пользующегося доверием как государя, так и широких слоев населения. Центральная власть, таким образом, 27 февраля капитулировала перед событиями...

В ожидании ответа на посланную царю отставку князь Голицын, желая внести какое-либо успокоение в умы столичного населения, предложил наиболее одиозному из министров Протопопову сказатьсь больным и заявить, что он оставляет пост министра внутренних дел.

— Мне остается теперь только застрелиться! — ответил Протопопов, оставляя Совет.

Но что значила ныне эта уступка, более похожая на судорогу агонии? Ее, вероятно, никто и не заметил!..

Что касается царской Ставки, то в ней уже давно уживалось два течения, из коих одно склонялось к мысли о необходимости уступок обществу, и расхождение могло проявляться лишь в объеме этих уступок; лица же, принадлежавшие к другому течению, более слепо оценивали обстановку; они отрицали возможность и целесообразность каких-либо реформ в военное время и упорно стояли на точке зрения сохранения традиций самодержавия, находя необходимым бороться до конца с проявлениями даже самого умеренного либерализма. Этой же точки зрения держался и сам император Николай, несомненно находившийся под влиянием советов и записок тех кругов крайне правого направления, из коих в конце 1916 и начале 1917 г. упорно взывали к царю, убеждая его взять более «твердый курс», в особенности по отношению к Государственной думе.

Первые три-четыре дня после возникновения в столице волнений жизнь в Ставке протекала обычным порядком. 17 февраля к своему посту начальника штаба прибыл довольно продолжительно болевший М.В. Алексеев, и замещавший его генерал Гурко отправился обратно на фронт.

Противоречивые сведения о разыгравшихся событиях в столице, особенно успокоительные телеграммы военного министра, выражавшего уверенность в быстром подавлении возникшего восстания собственными силами, в известной степени усыпили бдительность Ставки.

Только к 27 февраля, когда, в сущности, положение в столице становилось уже безнадежным в смысле подавления разыгравшегося мятежа, император Николай решил вмешаться в ход событий.

В этот день он получил тревожные вести от князя Голицына и председателя Государственной думы Родзянко. Последний телеграфировал:

«Положение все ухудшается. Надо принимать меры немедленно; завтра будет уже поздно. Пробил последний час, решительный для судеб страны и династии».

Обеспокоенный этими сообщениями, император Николай отдал повеление о назначении вместо генерала Хабалова главнокомандующим войсками Петроградского военного округа генерала Н.И. Иванова, находившегося тут же в Ставке и состоявшего «при особе его величества».

Любопытно отметить, что в конце длительной беседы, которую император вел с названным выше генералом, отпуская его в путь, государь в несколько туманной форме добавил, что генерала Иванова должны «беспрекословно слушать все министры».

Таким образом, посылаемое в столицу лицо хотя и не было названо, но должно было явиться там в роли того диктатора, на которого намекал в своей телеграмме от 27 февраля князь Голицын, подавший вместе со всем Советом министров в этот день в отставку.

Одновременно с командированием генерала Иванова в Петроград государь объявил в Ставке о своем отъезде той же ночью в Царское Село...

ПОСЛЕДНИЙ ОПЛОТ В СТОЛИЦЕ

Получив эти сведения, военный министр генерал Беляев сообщил под вечер 27 февраля генералу Хабалову о предстоящей замене последнего на посту командующего войсками Петроградского военного округа генералом Ивановым, с которым ожидалось в столицу и свежие войска. При таких условиях очередная задача столичной военной власти должна была свестись к тому, чтобы додержаться с оставшеюся горстью войск, сохранивших верность правительству, до прибытия обещанных подкреплений. Нельзя было уже думать о каких-либо активных действиях. Вся столица находилась во власти восставших, а число частей и ряды войск, на которых еще можно было опираться, таяли с каждым днем и даже часом. Приходилось поэтому ограничиться организацией обороны на каком-либо небольшом пространстве или даже в пределах отдельного здания. Так как во главе дела не ока-

залось сильного, волевого человека, то пошли колебания и явилась масса советчиков: кто стоял за оборону Зимнего дворца, кто высказывался за занятие здания Адмиралтейства, из которого открывался «лучший обстрел» в направлении нескольких улиц.

На этом последнем здании окончательно и остановились, причем в него и был введен остаток столичного гарнизона, примерно 1,5—2 тыс. человек. Командование этим отрядом к тому времени перешло по приказанию генерала Беляева в руки третьего лица, сам же военный министр и генерал Хабалов оставались при отряде без определенных функций.

Образовавшееся многоголовие ни к чему полезному, конечно, не привело... Отряд оказался почти без патронов и равно без продовольственных и фуражных запасов.

Около полудня 28 февраля к руководителям отряда поступила просьба морского министра освободить здание ввиду угрозы мятежников в случае отказа начать обстрел его со стороны Петропавловской крепости.

Вследствие отсутствия у отряда боевых и продовольственных припасов, а у его руководителей надежды пробиться через город с одним холодным оружием в руках решено было сдать хозяевам здания имевшееся в отряде оружие на сохранение; отряд же, разбившись на небольшие кучки, должен был выйти из здания и разойтись.

Так печально закончилась мысль об удержании остатками правительственных войск в своих руках последнего оплота прежней власти в столице.

Генерал Хабалов продолжал оставаться в Адмиралтействе и там был арестован ворвавшейся в здание толпой.

В ЧЕМ ВЫРАЗИЛАСЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В СМУТНЫЕ ДНИ

В понедельник 27 февраля в Петрограде стал известен выпущенный накануне председателем Совета министров указ о прекращении сессии Государственной думы.

Таким образом, у нас правительство систематически поступало обратно тому, что было принято в практике западноевропейской государственности. Там в тяжелые минуты жизни государства искали поддержку у народных избранников. У нас же существовало явное стремление как можно скорее отделаться от таковых, точно эти избранники являлись врагами своей Родины!

Роспуск Государственной думы глубоко взволновал все столичное население, в большинстве верившее в то, что в данных условиях только Дума может спасти положение и внести в умы успокоение.

Вследствие этого роспуск Государственной думы возымел обратное действие, и прямым результатом указа о прекращении ее занятий явился быстрый рост авторитета Государственной думы и усиленная агитация в пользу сосредоточения в ней всей полностью государственной власти.

Одно время казалось, что названная Дума и есть именно то государственное учреждение, которое призвано и способно стать правящим центром страны.

Возможно, что, если бы Государственная дума нашла в себе силы объявить себя Учредительным собранием, Россия могла бы быть спасена, но события в действительности потекли по другому руслу.

Государственная дума оказалась также неподготовленной к тому, чтобы в решительную минуту стать в центре ответственных событий. Председатель ее М.В. Родзянко, который принадлежал к вполне лояльной партии «17 октября», осведомившись о роспуске Думы, не взял на себя лично никаких решений и лишь наскоро собрал в своем кабинете представителей большинства парламентских фракций. Перед собравшимися был поставлен вопрос: «Как быть дальше при наличии созданных условий и может ли Государственная дума не подчиниться царскому указу и этим стать на революционный путь?»

Ответ на вопрос, сформулированный подобным образом, получился отрицательный. Участники совещания признали Государственную думу распущенной, но членам этой Думы от имени председателя предложено было из столицы не уезжать. Вместе с тем решено было немедленно собраться членам Думы в частное совещание. На этом совещании частный характер очень подчеркивался, было, однако, принято весьма важное решение, как будто противоречившее основной позиции Думы: считать себя распущенною, образовать из наиболее популярных членов Думы... Временный комитет членов Государственной думы. Комитет этот был составлен из 12 лиц, принадлежавших к главнейшим думским фракциям, и после некоторых колебаний он принял на себя задачу по «восстановлению государственного и общественного порядка».

Решение это, несомненно, обуславливалось бездеятельностью правительства, которое не подавало никаких признаков жизни и, как мы уже знаем, в этот же день, 27 февраля, признало себя даже вправе ходатайствовать перед царем о выходе в отставку...

Наэлектризованные событиями, народные толпы, исчислявшиеся многими тысячами людей, полились в этот же день из разных концов города к Таврическому дворцу, чтобы найти здесь точку опоры для своих неорганизованных действий.

Найдись сильная воля, и, возможно, человек, ею обладавший и ее проявивший в надлежащем направлении, мог бы повести толпу за собою.

Но такого человека в Думе не оказалось. Наиболее видной фигурой в эти дни являлся, несомненно, М.В. Родзянко, занимавший пост председателя Государственной думы. На него и были обращены взоры как со стороны примкнувших к движению, так и со стороны правительства. «Надо сговориться с Родзянко» — так говорили в лагере обеих сторон. И действительно, человек этот искренно болел за Россию и понимал ее скорбь. Родзянко импонировал своим положением и своею внешностью; он умел громко и смело говорить слова, гордо звучащие и приличествовавшие его сану как председателя высокого собрания народных избранников. Но, к сожалению, человек этот не обладал ни необходимым характером, ни, как мне думается, должной широтой ума, чтобы решиться взять в свои руки то движение, которое в первые дни революции тянулось к нему. Его природное благоразумие выразилось лишь в том, что, не чувствуя необходимых в себе данных, он постепенно отошел в сторону.

Но этим он способствовал устранению и Думы, и возглавлявшегося им Временного комитета от того умеряющего влияния на события, которое эти учреждения, несомненно, могли бы проявить в то тяжелое время при другом, более смелом и сильном лице во главе.

Толпа народная в стадном поиске за лицом, которое могло бы подчинить ее себе, запрудила двор Таврического дворца, проникла во внутренность здания и, не встречая нигде запрета, разлилась по многочисленным залам и покоям его, постепенно теряя уважение к учреждению, этот дворец занимавшему. Люди, составлявшие этот гудевший поток, с шапками на головах, с сигарками в зубах, сразу заплевали то единственное святилище, над коим сохранялся еще ореол недосягаемости. Государственная дума как авторитетное собрание народных избранников перестала постепенно существовать...

СОВЕТ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ. ЕГО ПРЕЗИДИУМ

В течение 27 февраля помещение бюджетной комиссии Государственной думы было занято исполнительным органом наметившегося Совета рабочих депутатов. Своим внедрением в Таврический дворец это революционное учреждение как бы подчеркивало стремление занять в будущем место умиравшей Государственной думы.

Исполнительным комитетом было немедленно выпущено воззвание о выборе в названный комитет особых депутатов от войск столичного гарнизона и заводов. Депутатам этим указывалось собраться, если не ошибаюсь, в тот же день вечером в Таврическом дворце.

Заседание Совета, получившего впоследствии название «Совет рабочих и солдатских депутатов», открылось около 9 часов вечера, и здесь председательствовавшим в собрании Н.С. Чхеидзе впервые были громко провозглашены никем не слыханные слова: «Да здравствует революция!»

В ту же ночь было составлено воззвание, в котором население столицы приглашалось сплотиться вокруг Совета для совместной борьбы с целью устранения старого правительства и будущего созыва Учредительного собрания.

Этим возванием, оставившим в стороне Государственную думу, и было положено начало закреплению власти за новым учреждением, возникшим вполне явочным порядком.

Председателем Совета рабочих и солдатских депутатов был избран Чхеидзе, товарищами председателя — А.Ф. Керенский и М.И. Скобелев⁸⁷. Все три лица — члены Государственной думы и лидеры левых фракций.

Н.С. Чхеидзе — лидер думской социал-демократической партии. Это тот самый депутат, который 26 июля 1914 г. во время торжественного заседания Государственной думы по случаю объявления нам Германией войны пытался произнести речь поразительного содержания, за что и был остановлен председателем Государственной думы Родзянко.

Грузин по происхождению, обладатель непривлекательной внешности, он не мог отделаться в своих речах от слишком резко звучащего восточного акцента и излишней жестикуляции, над которыми его противники всегда очень издевались. В Государственной думе ему почти не давали говорить, и потому никогда не удавалось ему не только развить, но даже изложить свои мысли и предложения. Для меня, совсем не знавшего Чхеидзе лично, всегда представлялось загадкой, как этот тусклый человек, ничего не говоривший русскому сердцу и только злобно сверкавший своими глазами, мог играть столь видную роль в левых кругах и являться кандидатом на все наиболее ответственные посты революционного времени?

А.Ф. Керенский, напротив, фигура очень яркая и красочная. Лицо, игравшее в истории России после мартовского периода настолько большую роль, что о нем нет возможности говорить сколько-нибудь объемлюще в пределах настоящих очерков. В Государственной думе, насколько помню, он принадлежал к чле-

нам трудовой группы; в описываемые же дни, особенно по мере обезличивания Родзянко, он стал тем единственным лицом, которому удалось приобрести и сохранить хотя бы видимость какого-либо авторитета над бушевавшей революционной стихией. И надо отдать ему справедливость, свое влияние Керенский использовал не для разжигания страстей, а в целях их сдерживания.

Живой как ртуть, весь импульсивный, горевший каким-то особым внутренним огнем, Керенский, пользуясь своим положением в думских кругах и в Совете депутатов, беспрерывно переносился из одних комнат Таврического дворца в другие, неутомимо уговаривая то тех, то других. Не будь его, связь между двумя названными учреждениями порвалась бы в первые часы революции. И кто знает, не вызвало ли бы это разъединение уже тогда острой гражданской розни...

— Государственная дума не проливает крови! — этими словами, смело брошенными в разъяренную толпу, Керенский спас многих видных людей прежнего режима от народного самосуда.

По изложенным уже основаниям я не собираюсь давать здесь сколько-нибудь полной характеристики деятельности Керенского на протяжении всего революционного времени. Роль его расценивается весьма различно. Мое краткое мнение таково, что он слишком поверил в революцию и не сумел или не смог вовремя отделить посеянные ею новые семена от вредных плевел, заслуживавших беспощадной с ними борьбы. Многие в России возлагали на него немалые надежды, и, чем больше были эти надежды, тем страстнее теперь его судьба...

О третьем лице, М.И. Скобелеве, говорить много нечего. В Государственной думе он выступал от имени рабочих масс, затем, после октября 1917 г., открыто перешел на сторону большевиков и одно время состоял в должности представителя большевистского «Аркаса»⁸⁸ в Париже.

В июле 1917 г. он приезжал ко мне в командуемую мною 5-ю армию перед началом намечавшегося наступления против германцев, чтобы вызвать в солдатах соответствующее настроение. Он говорил перед собранными в зале Двинского железнодорожного театра солдатскими комитетами, но его речь мне показалась бледной, без темперамента, и в ней он не обнаружил особенно широких горизонтов. Ему, впрочем, горячо аплодировали как приехавшему из революционной столицы «гастролеру»...

ОЦЕНКА СОБЫТИЙ ГЕНЕРАЛОМ Н.В. РУЗСКИМ

В Пскове, в штабе Северного фронта, первые тревожные вести из столицы были получены 27 февраля. До этого дня ни команду-

ющий армиями этого фронта генерал Рузский, ни я, занимавший, как это читатель уже знает, должность начальника штаба этого фронта, не были осведомлены о столичных событиях. Мы находились в полном неведении о происходящем.

В телеграмме, полученной генералом Рузским в тот день от председателя Государственной думы Родзянко, сообщалось, что на почве недостатка хлеба в столичном населении возникло недоверие к власти, которое постепенно разрослось в волнения стихийного характера. Обрисовывая положение во всей России, Родзянко добавлял: «Считаю необходимым в качестве единственного выхода из создавшегося положения безотлагательное призвание лица, которому может верить вся страна и которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения...»

В заключение Родзянко обращался к Рузскому с просьбой поддержать его мнение перед государем.

В этот же день, вечером, в штабе Северного фронта была получена копия телеграммы военного министра на имя начальника штаба армий генерала Алексева. Из этой телеграммы мы могли узнать, что волнения перебросились в войска и что генерал Беляев сомневается в возможности погасить беспорядки теми частями, кои пока еще не присоединились к восставшим. Ввиду этого военный министр признавал необходимым прибытие в столицу «действительно надежных частей» и «в достаточном количестве».

Передавая в Ставку для государя содержание телеграммы Родзянко, генерал Рузский добавлял от себя:

«Хотя армия остается проникнутой сознанием долга и желает довести войну до победного конца, тем не менее на ней непосредственно начинают отражаться последствия продовольственной и железнодорожной неурядицы, и доходящие до фронта сведения о тяжелом кризисе, переживаемом населением, и о волнениях в Петрограде могут в будущем создать условия весьма благоприятные. Ныне армия заключает в своих рядах представителей всех классов, профессий и убеждений. Почему она не может не отразить в себе настроение страны?..»

Ввиду этого генерал Рузский находил крайне необходимым «принятие срочных мер, которые могли бы успокоить население, вселить в него доверие и бодрость духа, веру в себя и в свое будущее».

«Позволяю себе думать, — заканчивал генерал Рузский свою телеграмму на имя государя, — что при существующих условиях репрессии могут скорее обострить положение, чем дать необходимое длительное успокоение».

На эту телеграмму генерал Рузский прямого ответа не получил. Но вечером того же 27 февраля я был уведомлен генералом

Алексеевым о состоявшемся назначении главнокомандующим войсками Петроградского военного округа генерала Иванова и о том, что вместе с ним в столицу отправляется находившийся при Ставке Георгиевский батальон. Батальон этот был сформирован для охраны в Могилеве царской резиденции исключительно из раненых георгиевских кавалеров. В силу особого отбора офицеров и солдат батальон имел репутацию безукоризненной части.

Сообщая об этом, Алексеев добавлял, что в распоряжение генерала Иванова должны быть немедленно командированы опытные отряды от войск всех фронтов, исключая Румынский.

«Минута грозная, — говорил мне по аппарату генерал Алексеев, — и нужно сделать все для ускорения прибытия в столицу прочных войск. В этом заключается вопрос нашего дальнейшего будущего».

Таким образом, в Ставке стали именно на тот путь, об опасности которого предостерегал генерал Рузский.

ГЕНЕРАЛ Н.И. ИВАНОВ И ЕГО МИССИЯ

Генерал Николай Иудович Иванов, которому ныне вверялось серьезное дело водворения порядка в столице, выдвинулся на верхи военно-иерархической лестницы из народной среды. В своей речи он до конца своих дней сохранил оттенки, присущие народной великорусской среде. Отец генерала Иванова служил при Дворе великого князя Михаила Николаевича⁸⁹, дяди императора Александра II, долго состоявшего в почетной должности генерал-фельдцейхмейстера всей русской артиллерии. В силу такого положения отца Иванов, который уже смолоду проявлял большую любознательность к военному делу, сумел попасть в военное училище, откуда вышел в артиллерию; в ней он и провел значительную часть своей службы. Его издавна знали в придворных сферах как очень трудолюбивого офицера, исключительно преданного царской семье.

В русско-японскую войну, благодаря личному знакомству с генералом Куропаткиным, который с ним много работал в период своей службы в Главном штабе, генерал Иванов получил в командование сначала особый отряд, а потом корпус, которым вполне доблестно командовал. Затем, после войны, когда явилось естественное стремление продвигать участников ее вперед, генерал Иванов быстро прошел еще несколько иерархических ступеней в Петербургском военном округе и за несколько лет до войны оказался в должности командующего войсками Киевского военного округа. С этой должности он после объявления войны и перешел естественным порядком на должность главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта.

При Дворе, повторяю, генерала Иванова всегда выделяли, уважая его за преданность престолу и прямоту, которую считали основной чертой характера едва ли не каждого простого русского человека.

Внешность генерала Иванова, может быть, и отвечала установившемуся о нем мнению как о простодушном и незлобивом человеке. Он был небольшого роста, носил длинную окладистую бороду лопатю и обладал скромной походкой, характеризовавшейся наклоненной несколько набок головой и потупленным вниз взором, скрывавшим небольшие, но очень быстрые глаза. В действительности же под этой простой оболочкой скрывалась гораздо более сложная натура.

Основными чертами характера генерала Иванова были мелкое честолюбие, недоверие и узкое упрямство в достижении раз поставленной перед собой цели. Первая черта постепенно превратила генерала Иванова в льстивого, малоискреннего царедворца. Она же была причиною того, что он никогда не желал рисковать ради общего дела, и его истинные намерения всегда оставались непроницаемыми для других. При этом недостаток образования, общего и военного, а также отсутствие способностей охватывать обстановку в целом неизменно ограничивали его поле зрения до весьма узких размеров, далеко не соответствовавших тем должностям, кои он в последнее время занимал. Мне думается, что по своему кругозору генерал Иванов мог быть только хорошим командиром корпуса, а не выше.

Сознавая, видимо, свои слабые стороны, генерал Иванов тщательно избегал высказываться и предпочитал проводить свои планы не в открытую, а тайком и по частям. Вследствие этого работа с ним была чрезвычайно трудна, ибо цели, к которым он шел, никогда и не перед кем не были им открываемы.

В 1916 г. генерал Иванов, очень не ладивший с генералом Алексеевым, прежним начальником его штаба, а впоследствии начальником штаба государя, был освобожден от должности главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта и вынужден был довольствоваться вполне безличным, хотя наружно и почетным, местом лица, состоявшего в Ставке при особе государя.

Это положение, конечно, не могло удовлетворить тщеславие Иванова, и он где мог подчеркивал свою обиду обойденного человека.

Теперь о нем снова вспомнили. Он призван был подавить мятеж в столице, что требовало воли, решительности и авторитета. Таких черт генерал Иванов проявить не мог. Их у него попросту и не было...

28 февраля в Петрограде наступило полное спокойствие. Войска примкнули к вновь образовавшемуся Временному правитель-

ству в полном составе и приводили себя в порядок. Воззвание к населению, выпущенное этим правительством, говорило о необходимости монархического начала в России. Ждали с нетерпением приезда его величества, чтобы представить ему все изложенное и просьбу принять пожелания народа.

Если эти сведения верны, то изменяются способы военных действий: переговоры приведут к умиротворению, дабы избежать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу.

Затем в ночь на 2 марта государем была послана генералу Иванову новая телеграмма, в которой говорилось: «Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не принимать».

Независимо от этого генерал Иванов должен был учитывать и то обстоятельство, что ко времени его возможного прибытия в столицу в последней могло не оказаться вовсе верных правительству войск и что его собственный отряд, как и части, направленные к нему в подкрепление, легко могут поддаться действию всемогущей агитации.

В такой обстановке действия генерала Иванова вылились в чрезвычайно нерешительные формы. Следуя вместе с эшелоном Георгиевского батальона, он вследствие нарушенного железнодорожного сообщения и ставившихся ему преград продвигался на север очень медленно, и лишь к вечеру 1 марта его поезд подошел к станции Царское Село.

Генерал Иванов посетил императрицу и имел с нею продолжительную беседу; в Царском же он получил телеграмму генерала Алексеева, содержание коей приведено было выше.

Сориентировавшись в обстановке, генерал Иванов убедился, что в случае остановки в Царском Селе ему придется вступить в бой с мятежным гарнизоном, занимавшим город, к которому спешили подкрепления из столицы.

Желая, по-видимому, собрать предварительно направленные к нему силы, генерал Иванов решил оттянуть свой эшелон на одну из ближайших к Царскому Селу станций — Вырицу. Оставаясь на ней, генерал Иванов весь следующий день пытался установить связь с выехавшим из Ставки императором и с теми отрядами, кои должны были подойти к нему в подкрепление из состава войск фронтов.

Рассчитывать, однако, на своевременное прибытие этих отрядов генерал Иванов не мог. Высылка войск с Западного и Юго-Западного фронтов задержалась, а отряд, отправленный с Северного фронта, как выяснилось впоследствии, войдя головным эшелоном в соприкосновение с восставшими войсками Лужского гарнизона, проявил признаки собственного разложения,

почему и был временно задержан, не доезжая Луги, дабы не увеличивать сил мятежников.

Продолжая оставаться в Вырице, генерал Иванов получил дополнительно сначала телеграмму от государя с повелением не принимать временно никаких мер, посланную ему из Пскова в ночь на 2 марта, а затем и извещение о состоявшемся отречении императора, после которого задача генерала Иванова должна была считаться отпавшей.

И действительно, вскоре из Ставки последовало новое указание генералу Иванову вернуться в Могилев. Одновременно была отменена и посылка на север отрядов из состава фронтов.

Этим, собственно, и закончилась миссия генерала Иванова, имевшая вначале широкое задание.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ ВТОРОЙ ПРИБЫВАЕТ В ПСКОВ

1 марта после полудня от дворцового коменданта генерала Воейкова была получена в штабе Северного фронта из Старой Руссы совершенно неожиданно поразившая всех нас телеграмма с сообщением, что через Дно в Псков следует государь. Ни о цели поездки, ни о порядке следования царского поезда никаких сведений в телеграмме не имелось, и штаб Северного фронта путем отдельных запросов по линии вынужден был установить вероятное время прибытия названного поезда в Псков.

Правда, накануне генерал Алексеев сообщил о том, что в ночь на 28 февраля государь отбывает из Ставки в Царское Село. Но оставалось совершенно неясным, как государь мог оказаться в Старой Руссе, лежавшей в стороне от пути на Царское, и почему он в такой трудной обстановке предпочел следовать в Псков, а не в Ставку. Неизвестен был также и дальнейший маршрут царского поезда.

С большими усилиями удалось выяснить, что государь может прибыть в Псков не раньше 6—7 часов вечера, вернее же — еще позднее. Ввиду такой неопределенности часа прибытия царского поезда генерал Рузский и я решили в ожидании последнего временно переехать на вокзал, где мы и поместились в стоявшем там на запасном пути вагоне. В штабе же для связи с нами оставался мой ближайший помощник генерал-квартирмейстер штаба фронта генерал В.Г. Болдырев⁹⁰. Это тот самый генерал, который впоследствии в Сибири в период белого движения до переворота, совершенного адмиралом Колчаком, входил в состав Директории и членов Учредительного собрания и, будучи членом всероссийского Временного правительства, являлся главнокомандующим вооруженными силами этого правительства.

Обстановка к этому времени складывалась далеко не спокойная. Еще днем были получены из столицы телеграммы, в одной из которых председатель Государственной думы Родзянко сообщал генералу Рузскому, что ввиду устранения от управления всего состава бывшего Совета министров правительственная власть перешла в руки Временного комитета членов Государственной думы, сформировавшегося самочинно.

Затем из Ставки были получены данные о том, что в Москве началось восстание и гарнизон ее переходит на сторону мятежников, что беспорядки перекинулись в Кронштадт и что командующий Балтийским флотом нашел возможным протестовать против признания флотом названного выше Временного комитета Государственной думы.

Все эти данные генерал Рузский должен был доложить государю по прибытии его в Псков.

Императорский поезд подошел к названному пункту около 8 часов вечера. Часом раньше прибыл на ту же станцию свитский поезд.

Оба поезда носили литерные названия: «А» и «Б». Во время царских переездов они шли друг за другом на некотором расстоянии. В пути порядок их обычно менялся, и вперед для достижения большей безопасности шел по указаниям дворцового коменданта то собственный его величества поезд (лит. «А»), то свитский (лит. «Б»).

Ко времени подхода царского поезда вокзал был оцеплен, и в его помещения никого не пускали. На платформе было поэтому безлюдно. Почетный караул выставлен не был, так как в Пскове строевых частей не имелось; приезд же государя явился вполне неожиданным, почему вызов соответствующей части с фронта был невыполним.

Генерал Рузский и я при приближении царского поезда вышли из своего вагона на дебаркадер.

Впечатление, охватившее меня, было таково, точно в подходе везли тяжело заболевшего в пути императора...

В вечерней темноте едва можно было заметить очертание вагонов роскошного царского поезда, медленно и бесшумно подкатившего к платформе с изредка пыхтевшим впереди паровозом. Окна вагонов были завешены непроницаемыми шторами, сквозь щели коих пробивались только узкие полоски света, бросавшие на дебаркадер длинные, расширяющиеся вдаль отблески.

Крутом тишина и какое-то зловещее отсутствие жизни, особенно рельефно подчеркивавшееся темными фигурами нескольких служащих, бесшумно вышедших встретить поезд и почтительно замерших на месте. В пустоте и тишине гулко

отдавались только наши шаги по мере приближения к месту остановки поезда. Вдруг кто-то торопливо выскочил из едва остановившегося поезда, за ним показались еще два-три силуэта. Это были дежурный флигель-адъютант и очередные лейб-казаки. Из числа последних двое отделились и по обыкновению стали по бокам дверей, ведших в вагон государя; оттуда же открыли освещенную дверь и спустили на платформу подвижную, обитую ковриком лестницу для удобного входа в вагон.

Дежурный флигель-адъютант, соскочивший на дебаркадер, вопросительно обратился к подошедшему коменданту и затем быстро направился в нашу сторону.

— Ваше высокопревосходительство, — сказал он генералу Рузскому, беря руку под козырек, — не откажите предварительно пройти к министру Двора.

Мы направились в вагон, соседний с государевым. Из поезда тянуло теплом, и впечатление привезенного больного, охватившее меня, усилилось еще более. Встревоженные лица, сдержанные рукопожатия, разговоры вполголоса...

— Государь вас ждет в салоне, — сказал, обращаясь к нам, всегда изысканно любезный министр Двора граф Фредерикс. — Я пройду предупредить его величество о вашем прибытии...

Через несколько секунд нас пригласили пройти через коридор помещения, занимавшегося лично государем, в хорошо знакомый мне зеленоватый салон, составлявший вместе со столовой центральный вагон всего царского поезда.

Там уже находился государь. С большим волнением проходил я через небольшую прихожую, примыкавшую к салону. Впереди шел Рузский, волнение которого, как всегда, выражалось только в еще большей, чем обычно, размеренности движений и окаменелости лица. Государь, в темно-серой черкеске, составившей форму кавказских пластунских батальонов, встретил нас с очень большим наружным спокойствием. Он рассказал нам обычным голосом о том, что его поезд на пути в Царское Село был задержан на станции Малая Вишера известием о занятии станции Любань отрядом мятежных войск с орудиями и пулеметами и что поэтому он решил повернуть поезд на Псков, имея намерение сделать попытку пробиться отсюда в Царское Село — к цели своего путешествия.

Выслушав затем краткий доклад о положении дел на фронте, император Николай II добавил, что ждет приезда в Псков председателя Государственной думы Родзянко, чтобы получить от него прямые и подробные сведения о том, что происходит в столице. Когда же генерал Рузский добавил, что имеет и со своей стороны некоторые данные, относящиеся к тому же вопросу, которые им

получены из Ставки для доклада, то государь ответил, что готов его выслушать сегодня же около 9 часов вечера.

Перед оставлением царского поезда генерал Рузский и я получили обычное приглашение к обеду. Так как было почти время собираться к таковому, то мы прошли лишь на несколько минут в вагон главнокомандующего, чтобы просмотреть донесения, кои за протекшее время были доставлены нам генералом Болдыревым из штаба.

Обед носил очень тягостный характер. Государь был хотя и молчалив, но наружно спокоен. Всем, однако, было не по себе. Хотелось поскорее остаться наедине, чтобы разобраться в своих впечатлениях; разговор поэтому не клеился. О главном, лежавшем камнем на душе у каждого, никто, разумеется, не говорил, а вещи обыкновенные не шли на язык. Я думаю, что все почувствовали большое облегчение, когда подошло наконец время встать из-за стола и явилась возможность для каждого вернуться к себе и к своему делу.

ПЕРВАЯ БЕСЕДА ГОСУДАРЯ С Н.В. РУЗСКИМ

До 9 часов вечера я пробыл с главнокомандующим на вокзале и, только проводив его до царского поезда для доклада, уехал в город, где меня ждали в штабе многочисленные дела и срочные распоряжения.

Во время разбора накопившихся бумаг и беседы со своими сотрудниками мне подали телеграмму из Ставки на имя государя, в которой генерал Алексеев ходатайствовал о даровании стране ответственного министерства с М.В. Родзянко во главе.

Ходатайство это мотивировалось необходимостью избежать анархии в стране для продолжения войны. Вместе с телеграммой из Ставки был передан проект соответственного манифеста.

Часовая стрелка приближалась к 10 часам вечера. Так как генерал Рузский все еще находился на докладе у государя, то я приказал спешно подать себе автомобиль, чтобы лично отвезти на вокзал полученную телеграмму, которую считал особо важной и срочной. Обратившись к кому-то из приближенных к государю лиц с просьбою о вызове главнокомандующего, я стал поджидать Рузского в свитском вагоне, где меня кольцом обступили с расспросами лица государевой свиты. Объяснив им в пределах допустимого сложившуюся обстановку, я в ответ на их беспокойные вопросы: «Что же делать дальше?» — отвечал в соответствии с содержанием только что полученной телеграммы генерала Алексеева.

— К сожалению, — говорил я, — дело зашло слишком далеко, и, вероятно, нужны будут уступки для успокоения взволнованных умов.

Передав вышедшему ко мне главнокомандующему телеграмму на имя государя и получив от него просьбу выяснить время для разговора по прямому проводу с председателем Государственной думы, я возвратился к себе в штаб.

Около полуночи я в третий раз уехал на вокзал, чтобы дожидаться там выхода главнокомандующего от государя. Я получил к этому времени очень тревожные известия о том, что гарнизон Лути перешел на сторону восставших. Это обстоятельство делало уже невозможным направление царских поездов на север и осложняло продвижение в том направлении эшелонов того отряда, который, как читатель уже знает, подлежал высылке от Северного фронта на станцию Александровская в распоряжение генерала Иванова.

Головные эшелоны этого отряда, который был отобран командующим 5-й армией из состава наиболее надежных частей, по нашим расчетам, должны были подойти к Петрограду еще утром 1 марта. Затем они были временно задержаны в пути для свободного пропуска литерных поездов. И где они находились в данное время — нам оставалось неизвестным.

Генерал Рузский вышел от государя очень утомленным и расстроенным. Он коротко поделился со мной своими впечатлениями.

— Государь, — сказал он, — первоначально наметал ограничиться предложением Родзянко составить министерство, ответственное перед верховной властью, но затем, взвесив обстановку и приняв во внимание телеграмму Алексева, остановился окончательно на решении дать стране то же министерство Родзянко, но ответственное перед законодательными учреждениями. Я надеюсь, что это удовлетворит восставших и даст нам возможность довести войну до конца. Обо всем этом, — добавил Рузский, — государь будет сам телеграфировать Алексееву, меня же он уполномочил переговорить с Родзянко...

На мой доклад о тех затруднениях, кои могут возникнуть в связи с переходом Лужского гарнизона на сторону восставших, генерал Рузский ответил, что государь предусматривает мирный исход возникших событий, почему, между прочим, и разрешил теперь же возвратить обратно в Двинск отряд, высланный на север из состава 5-й армии.

Содержание этого ответа очень интересно сопоставить с показанием, данным чрезвычайной следственной комиссии генералом Дубенским⁹¹, лицом, назначение коего заключалось в ведении записей царских действий в период пребывания государя на театре военных действий. Этот генерал, находившийся в описываемое время в составе государевой свиты, свидетельствует, что уже в ночь на 1 марта в царских поездах не существовало

настроения «борьбы» и в ближайшем к царю окружении только и говорили о необходимости «сговориться» с Петроградом и выработать условия соглашения. Это соглашательское настроение особенно упрочилось после получения царем известия, что в Псков на свидание с ним предполагает выехать Родзянко.

Зная, что Рузскому предстоит ночью длинная и ответственная беседа с Родзянко, я не стал расспрашивать его о подробностях доклада.

Недоброжелатели генерала Рузского впоследствии стали распространять слухи, будто он держал себя во время своей продолжительной беседы с императором Николаем II резко и даже грубовато, позволяя себе громкие выкрики и неосторожные выражения. По этому поводу я должен прежде всего отметить, что данная беседа с государем происходила без свидетелей, с глазу на глаз, что поэтому никто, кроме самого государя, не мог дать правильной оценки поведения генерала Рузского в течение их разговора. Лучшим же ответом на вопрос о том впечатлении, которое оставила эта беседа у государя, служит то неизменно предупредительное и доверчивое отношение, которое сохранил император Николай II к главнокомандующему Северным фронтом до последней минуты расставания.

Генерал Рузский всегда и со всеми держал себя непринужденно и просто. Его медленная, почти ворчливая по интонации речь, состоявшая из коротких фраз и соединенная с суровым выражением его глаз, смотревших из-под очков, производила всегда несколько суховатое впечатление, но эта манера говорить хорошо была известна государю и была одинаковой со всеми и при всякой обстановке. Спокойствия и выдержки у генерала Рузского было очень много, и я не могу допустить, чтобы в обстановке беседы с государем, проявлявшим к генералу Рузскому всегда много доверия, у последнего могли бы сдать нервы...

Вернее думать, что людская клевета и недоброжелательность пожелали превратить честного и прямолинейного генерала Рузского в недостойную фигуру распоясавшегося предателя.

Свою жизнь генерал Рузский запечатлел мужественной смертью в Пятигорске, где он был изрублен шашками большевистских палачей в одну из жутких по описаниям ночей конца 1917 года.

Да будет стыдно его клеветникам!..

НОЧЬ В ПЕРЕГОВОРАХ С ПЕТРОГРАДОМ

В половине четвертого утра 2 марта началась телеграфная беседа главнокомандующего армиями Северного фронта с председателем Государственной думы; беседа эта затянулась до 7 часов утра.

Рузский чувствовал себя настолько нехорошо, что сидел у телеграфного аппарата в глубоком кресле и лишь намечал главные вехи того разговора, который от его имени вел я. Навертывавшаяся лента по мере хода разговора передавалась частями через моего секретаря генералу Болдыреву для немедленной передачи ее содержания генералу Алексееву в Ставку.

Ох этот ужасный «Юз», характерное выстукивание коего за время войны настолько глубоко врезалось мне в душу и память, что еще и теперь мне иногда по ночам чудятся напоминающие его стук и в тревоге думается о том, что сейчас принесут его мучительные ленты...

Прежде всего требовалось выяснить причины, по которым Родзянко, как стало нам к этому времени известно, уклонился от первоначального решения лично прибыть в Псков. Таковых причин, по заявлению собеседника генерала Рузского, оказалось две. Во-первых, переход Лужского гарнизона на сторону восставших и решение, якобы вынесенное им, никого не пропускать в Псков и обратно.

«Вторая причина, — пояснил Родзянко, — полученные сведения, что мой приезд может повлечь за собою нежелательные последствия; невозможно, кроме того, оставить разбушевавшиеся народные страсти без личного присутствия, так как до сих пор верят только мне и исполняют только мои приказания».

Несомненно, как мы теперь знаем, в этом заключении краски были очень сгущены и степень влияния председателя Государственной думы на события, как это и можно было усмотреть даже из дальнейшего разговора, являлась в значительной степени преувеличенной.

Но в то время подобной самооценке хотелось верить, ибо она давала нам большую надежду на то, что предложение государя об образовании М.В. Родзянко ответственного перед законодательными палатами министерства будет последним принято и успокоит возникновение волнений.

«Государь, — говорил Рузский, — уполномочил меня довести его предложения до вашего сведения и осведомиться, найдет ли желание его величества в вас отклик?»

«Очевидно, — отвечал Родзянко, — его величество и вы не отдаете себе отчета в том, что происходит в столице. Настала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так легко... Перерыв занятий законодательных учреждений подлил масла в огонь, и мало-помалу наступила такая анархия, что Государственной думе вообще и мне в частности оставалось только попытаться взять в свои руки движение и стать во главе для того, чтобы предупредить возможность гибели государства. К со-

жалению, — сознавался председатель Государственной думы, — мне это далеко не удалось, и народные страсти так разгорелись, что сдержать их вряд ли будет возможно. Войска окончательно деморализованы, и дело доходит до убийства офицеров. Ненависть к императрице дошла до крайних пределов. Вынужден был во избежание кровопролития арестовать всех министров и заключить в Петропавловскую крепость. Очень опасаясь, что такая же участь постигнет и меня, так как агитация направлена на все, что более умеренно. Считаю нужным вас осведомить, что то, что предполагается вами, теперь уже недостаточно и династический вопрос поставлен ребром. Сомневаюсь, чтобы с этим вопросом можно было справиться».

«Но ведь надо найти средство, — отвечал генерал Рузский, — для умиротворения страны и доведения войны до конца, соответствующего нашей великой Родине. Не можете ли вы сказать, в каком виде у вас намечается разрешение династического вопроса».

«С болью в сердце буду отвечать вам, — говорил председатель Государственной думы. — Ненависть к династии дошла до крайних пределов, но весь народ, с кем бы я ни говорил, выходя к толпам и войскам, решил твердо довести войну до победного конца. К Государственной думе примкнул весь Петроградский и Царскосельский гарнизоны; то же самое повторяется во всех городах, нигде нет разногласий; везде войска становятся на сторону Думы и народа. Грозные требования отречения в пользу сына при регентстве Михаила Александровича становятся вполне определенными... Присылка генерала Иванова с Георгиевским батальоном, — закончил свою речь Родзянко, — привела только к междоусобному сражению, так как сдержать войска, не слушающиеся своих офицеров, нет возможности. Кровью обливается сердце при виде того, что происходит. Прекратите присылку войск, так как они действовать против народа не будут; пример — ваш отряд, головной эшелон которого присоединился к восставшему гарнизону города Луги. Остановите ненужные жертвы...»

«Войска в направлении Петрограда, — отвечал генерал Рузский, — высланы по общей директиве Ставки. Теперь этот вопрос ликвидируется, и генералу Иванову послано указание не предпринимать ничего до предполагавшегося свидания его с государем в столице. Необходимо, однако, Михаил Владимирович, найти такой выход, который дал бы стране немедленное умиротворение. Войска на фронте с томительной тревогой и тоской оглядываются на то, что делается в тылу, а начальники лишены возможности сказать им свое авторитетное слово. Государь идет навстречу желаниям народа, и было бы в интересах Родины, ве-

душей ответственную войну, чтобы почин императора нашел бы отзыв в сердцах тех, кто может остановить пожар».

«Вы, Николай Владимирович, — выстукивал аппарат слова Родзянко, — истерзали вконец мое и так растерзанное сердце. Но повторяю вам: я сам вишу на волоске, и власть ускользает у меня из рук. Анархия достигает таких размеров, что я вынужден был сегодня ночью назначить Временное правительство. Проектируемая вами мера запоздала. Время упущено, и возврата нет. Народные страсти разгорелись в области ненависти и негодования. Хотелось бы верить, что хватит сил удержаться в пределах теперешнего расстройтва умов, мыслей и чувств, но боюсь, как бы не было еще хуже... Желаю всего хорошего... Родзянко».

«Михаил Владимирович, еще несколько слов. Имейте в виду, что всякий насильственный переворот не может пройти бесследно, и если анархия перекинется в армию и начальники потеряют авторитет власти, подумайте, что будет тогда с Родиной нашей?..»

«Николай Владимирович, не забудьте, что переворот может быть добровольный и вполне для всех безболезненный, тогда все кончится в несколько дней...»

Этими словами, по-видимому, намекавшими на неизбежность добровольного отречения государя от престола, разговор закончился...

Ими ответственность за грядущие события перекладывалась как бы на плечи Рузского, который в течение всего того времени мучительно искал наилучшего выхода из создавшегося положения для возможности продолжения войны...

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ФЕВРАЛЯ И 1 МАРТА В РЕВОЛЮЦИОННОМ ПЕТРОГРАДЕ

Возбуждение в войсках усиливается... Ходят слухи о том, что весь Петроградский гарнизон присоединился к восставшим. Прежняя власть распалась окончательно. Генералы Беляев и Хабалов с жалкими остатками войск пытаются обосноваться в здании Адмиралтейства, но вынуждены оставить таковое под угрозой обстрела здания артиллерийским огнем. Оба они впоследствии арестованы. Разрастаются эксцессы, направленные против офицеров. С них срывают погоны. Люди в серых шинелях громят гостиницу «Астория», которая была отведена для офицеров, прибывших временно с фронта. Причиной этого разгрома выставляют вздорный слух, будто из гостиницы стреляли по улице. Под предлогом обысков и обнаружения полиции какие-то люди, разнообразно одетые, сопровождаемые вооруженными команда-

ми, врываются в квартиры, грабят их, шарят по чердакам, лестницам и подвалам. Разыскивают «протопоповские» пулеметы, коими будто бы по распоряжению непопулярного министра внутренних дел была вооружена полиция, якобы стрелявшая по толпе с балконов и чердаков... За полицейскими устраивают целые облавы и охоты, их ловят и толпами под конвоем куда-то увозят... По улицам бешено несутся из стороны в сторону броневики и автомобили, унизанные вооруженными солдатами, частью стоящими на подножках, частью лежащими на крыльях с уставленными вперед, по направлению движения, штыками... В них везут арестованных сановников прежнего режима в Государственную думу. Некоторые из этих сановников являются туда сами искать убежища от грозящих им насилий...

«Железнодорожники! — телеграфирует по всей железнодорожной сети империи председатель Государственной думы 28 февраля. — Старая власть, создавшая разруху всех отраслей государственного управления, оказалась бессильной. Государственная дума взяла в свои руки создание новой власти. Обращаюсь к вам...»

Так спешит оповестить всю Россию Родзянко о событиях, совершившихся в столице. И весть эта подхватывается на местах; ее приветствуют, ибо недовольство накопилось и в провинции. Во главе же движения, судя по сообщениям, стала Государственная дума, которой безгранично верят и за которой готовы идти.

В столице пульс жизни по-прежнему в Таврическом дворце. Народная гуща не только в залах дворца, она заполнила собою двор и прилегающие улицы... Друг за другом к этому дворцу тянутся нестройными рядами солдатские массы — это части новой, революционной армии. Они спешат засвидетельствовать свою верность... Кому? Не все ли равно, только не старому!.. Вот и гвардейский экипаж... С ним его командир — великий князь Кирилл Владимирович.

— Адмирал Романов, — рекомендуется он Родзянко, вышедшему к матросам с приветственным словом.

— Не дадимся в руки такому-сякому немцу, — восклицает председатель Государственной думы, выходя к каждому скопищу людей, одетых в серые солдатские шинели. — Постоим за матушку-Россию!..

Громкое «ура», ответные крики: «Постоим, постоим!» — и нестройные звуки какой-то непривычной для русского уха мелодии. «Что это? — спрашивают друг друга. — Должно быть, «Марсельеза»!..»

— А спроси-ка его, — дьявольски нашептывает между тем какой-то агитатор охрипшим голосом, указывая на грузную, хоро-

шо упитанную фигуру Родзянко, — спросите, сколько у него десятинок в такой-то губернии и сколько заплатил он за свои высокие лаковые сапоги?..

— Долой Родзянко! — сначала робко, а потом и смелее стали выкрикивать отдельные люди из разных концов окружавшей оратора толпы.

Впечатление первого «всеобщего пафоса» исчезало, оставался привкус какой-то фальши, недоговоренности.

Внутри Таврического дворца как будто все то же: давка, суета, спертый воздух, галдеж... Но есть и что-то новое.

«В разных комнатах, — рассказывал один из видных членов бывшей Думы В.В. Шульгин⁹², — на дверях бумажки с надписями... Какие-то бюро, учреждения с дикими названиями... Очевидно, они прочно оседают... Они завоевывают Таврический дворец шаг за шагом. Под их напором Временный комитет Государственной думы перешел в другое помещение... Две крохотные комнатки в конце коридора, против библиотеки, где у нас самые какие-то неведомые канцелярии... Вот откуда будут управлять отныне Россией...»

Не по силам, однако, оказалась эта задача Временному комитету, и уже 1 марта началось формирование Временного правительства с князем Львовым⁹³ в качестве премьера. Все члены этого правительства принадлежали к буржуазным партиям, и только один Керенский, занявший пост министра юстиции, являлся в данном кабинете представителем социалистических течений.

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ЕГО ПРЕМЬЕР КНЯЗЬ ЛЬВОВ

По довольно туманным разъяснениям, данным главнокомандующему Северным фронтом председателем Государственной думы, под Временным правительством надлежало понимать Совет выдвинутых названными учреждениями министров. Совет этот должен был являться исполнительным органом под высшим, однако, контролем Временного комитета Государственной думы.

Кроме исполнительной власти Временное правительство должно было носить в себе отчасти и задатки законодательной власти по соглашению с Временным комитетом Государственной думы.

Председатель Временного правительства — князь Георгий Евгеньевич Львов. Член Партии народной свободы. Очень уважаемый общественный и земский деятель. Лицо, уже много лет тому назад неизменно намечавшееся названными кругами на дол-

жность председателя прогрессивного кабинета, если бы такой сконструировался. Хотя князь Львов стоял в период войны во главе земского союза, много работавшего в армии и ее тылу, но лично он до марта 1917 г. был войскам мало известен.

К государственной деятельности, и особенно в столь ответственный период русской жизни, князь Львов оказался, однако, далеко не подготовленным. Его положение затруднялось еще тем, что в своих руках он принужден был удерживать самое сложное в то время министерство внутренних дел. Не обладая волей, не имея, по всей вероятности, определенной программы и не успев приобрести среди своих сотрудников по кабинету необходимого авторитета, он держался по отношению ко всем делам и событиям пассивно, не сделав ничего, чтобы укрепить врученную ему власть, расшатанную революционным временем.

Приписываемое князю Львову выражение «утрается» стало ходким словом, коим вполне характеризовалось его отношение ко всему, что происходило вокруг него и возглавлявшейся им власти.

Между тем все заметнее росло и крепло влияние Совета рабочих и солдатских депутатов. Его исполнительный комитет вел планомерную атаку на вновь установленную власть и в конце концов свел Временное правительство на положение органа, который в вопросах принципиальных был поставлен в полную зависимость от названного Совета, окрашенного к тому же в ярко социалистические цвета. При такой аномалии реальная сила не могла долго оставаться в руках буржуазного Временного правительства, тем более что Временный комитет членов Государственной думы, являвшийся родоначальником создавшейся власти, весьма быстро перестал подавать какие бы то ни было признаки жизни.

Малопонятная схема, начертанная Родзянко в его телеграфном разговоре с Рузским, не получила, таким образом, своего осуществления в жизни.

Временное правительство... Невольно припоминается одно из заседаний этого правительства, на котором мне пришлось присутствовать.

В двадцатых числа апреля 1917 г. по просьбе главнокомандующего Северным фронтом генерала Рузского, лежавшего больным с воспалением легких, я приехал из Пскова в Петроград, чтобы поставить в известность тогдашнего военного министра А.И. Гучкова о тяжелых моральных настроениях в армиях названного выше фронта.

В столице в это время было неспокойно. Волнения происходили на почве толкования только что обнаруженной ноты минист-

ра иностранных дел П.Н. Милюкова, трактовавшей вопрос о целях войны. Нота эта, подтверждавшая стремление России продолжать войну, вызвала сильное возбуждение среди наших левых кругов, которые использовали ее как предлог для довольно серьезных демонстраций, враждебных Временному правительству.

Явившись в дом военного министра на Мойке, я получил предложение от Гучкова, вышедшего ко мне в приемную из своего кабинета, сделать доклад по вопросу, вызвавшему мой приезд в столицу, в заседании Временного правительства. Гучков в этот период времени хворал и не выходил из дому. Он по нездоровью встретил меня в домашней куртке и мягких сапогах. Извинившись за свой внешний вид, Гучков предупредил меня, что заседание Временного правительства будет проходить у него на квартире и что часть членов уже собралась у него в кабинете.

— Там же, — добавил он, — и генерал Алексеев, только что прибывший из Ставки.

Войдя в кабинет, я сделал общий поклон и отдельно поздоровался с М.В. Алексеевым, подошедшим ко мне. Вслед за ним подошли и другие, из числа коих некоторых я не знал совсем. Я сразу был засыпан вопросами о том, что делается на фронте.

Члены Временного правительства собирались медленно, и, беседуя с ними, я никак не мог уловить момента, когда частные разговоры перешли в стадию официального заседания. Беседа шла все время кружками. Несколько лиц из числа присутствовавших поместились за довольно длинным продолговатым столом, на котором лежали листы белой бумаги и карандаши. По-видимому, этот стол и был приготовлен для заседания. Тут же находился и князь Львов, но не в центре стола, а как-то сбоку, точно случайно подсел к нему. Кому нужно было — уходил, а кое-кто приходил вновь.

Все участники имели измученный вид и явились на заседание в простых, довольно помятых костюмах. Должно ли это было свидетельствовать о демократических настроениях собравшихся или просто об отсутствии у них необходимого досуга — сказать не берусь, но особенно мне бросился в глаза поминутно мелькавший силуэт одного из членов собрания, нервно шагавшего из угла в угол обширного кабинета. На нем была однобортная темная тужурка с мягким воротником. Его порывистые манеры, бритое лицо, прищуренные глаза с часто закрывавшимися веками и правая рука, висевшая на черной перевязи, невольно оставляли на себе внимание.

«Керенский», — подумал я, вспоминая, что от матросских рукопожатий в Ревеле ему пришлось несколько времени держать утомленную руку на перевязи.

Это и в самом деле был он: официально — министр юстиции Временного правительства, неофициально — кумир революционной толпы и ее доверенный в буржуазном сонме министров.

Любопытно бы знать, не Керенскому ли на самом деле принадлежал рекорд рукопожатий, приписываемый газетами английскому премьеру Болвину, который якобы недавно на приеме в одном из Лондонских народных домов пожал руки 2000 рабочим, принадлежащим к английской консервативной партии? Во всяком случае, что-то не слышно, чтобы почтенному английскому премьеру пришлось после этого усилия держать руку на перевязи. Или, быть может, ответные русские «матросские» рукопожатия были уж очень экспансивны?!

— Александр Федорович, вы как думаете? Александр Федорович, ваше мнение каково? — неслись к Керенскому вопросы из разных углов той обширной комнаты, в которой происходило описываемое мною беспорядочное заседание. Видно было, что без Александра Федоровича тут ничего не может быть решено!..

Перейдя к столу, я закончил свой доклад о печальном положении армий Северного фронта в смысле их настроений и боеспособности.

— Александр Федорович, — обратился кто-то из слушавших меня к тому же Керенскому с вопросом, — нет ли у вас людей, чтобы послать успокоить войска фронта? Хорошо, если бы эти люди поговорили в одном, другом месте и урезонили войска, — пояснил этот кто-то свою мысль.

Я не расслышал ответа, так как он не мог меня интересовать из-за безнадёжности предлагавшейся меры.

«Какая вера в силу и значение слова!.. Новые бесконечные разговоры на убийственно разлагающих митингах вместо серьезных, хорошо продуманных мер строгости», — печально подумал я.

Рядом со мной, поникнув седой головой, слушал мой грустный доклад Верховный главнокомандующий русской армией генерал Алексеев. К нему подошел один из министров.

— Михаил Васильевич, — сказал он, — меня гложет мысль о необходимости использования в интересах России обещаний наших западных союзников в отношении Константинополя и проливов. Ведь весь смысл войны и принесенных жертв в том, чтобы приблизиться к разрешению этой важнейшей для нашей Родины внешней проблемы. Нельзя ли выделить для этой задачи два-три корпуса войск?

Мне осталось не совсем ясно, как предполагалось использовать эти корпуса. Но какой оптимизм и какое незнакомство с действительным положением на фронте звучало в словах этого министра!

— Вы слышали только что доклад о состоянии армий Северного фронта! — ответил М.В. Алексеев. — В таком же положении находятся войска и на остальных фронтах. Что касается Черноморского флота, то он сохранился немногим больше, чем Балтийский. При этих условиях ни о каких десантных операциях думать не приходится. Нам быть бы только живу, — закончил генерал Алексеев свои слова, переходя по просьбе хозяина кабинета к отдельному круглому столу, стоявшему в некотором отдалении. Приглашение присесть к этому столу получил и я.

Там сидели уже откуда-то появившийся генерал Поливанов, бывший одно время, как читатель уже знает, военным министром, капитан 1 ранга или адмирал Кедров⁹⁴, помощник Гучкова по морской части, и несколько мне незнакомых лиц. Прислушавшись, я успел понять, что читается доклад комиссии генерала Поливанова, пытавшейся создать особое положение о «революционной» дисциплине.

Генерал Алексеев молча, но с внутренней болью старого солдата выслушивал скользкие новшества, предлагавшиеся докладчиком. Я же нашел бесполезным оспаривать их, исходя, может быть, из иной точки зрения. К этому времени, как я хорошо знал, революционирование солдатских масс ушло далеко вперед по сравнению с нормами проектировавшегося положения. И таким образом, это положение не способно было уже обновить быстро мчавшегося вперед потока разложения.

В виде протеста против нового проекта положения с генералом Алексеевым мы почти одновременно встали и отошли от стола. Откланявшись, чтобы ехать в Псков, я подошел к Гучкову, простился, но последний пожелал побеседовать со мной отдельно еще по некоторым вопросам. Мы перешли с ним в соседнюю комнату.

— Неужели, Александр Иванович, — сказал я ему на прощание, — у вас нет сил, чтобы установить порядок сначала в столице, а за нею и во всем тылу?

— Вы видели, — сказал безнадежно Гучков, махнув рукой по направлению соседней комнаты. — В ком я там могу найти решимость поддержать меня?

Да, подумал я, хаос, неосведомленность, безволие и бессилие. Такая власть, которая подменяет дело словами, обречена на падение...

«ПРИКАЗ № 1»

1 марта Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов самочинно был выпущен пресловутый «приказ № 1», обращенный от имени совета к «солдатам гарнизона Петроградского

округа — для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда — для сведения».

Главнейшими пунктами этого демагогического приказа предписывалось:

1) Во всех частях выбрать представителей от солдат; таковых же представителей избрать в Совет рабочих депутатов;

2) Во всех своих политических выступлениях воинским частям подчиняться только Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам;

3) Принимать к исполнению только такие приказы существовавшей одновременно военной комиссии Государственной думы, которые не находились бы в противоречии с приказами и постановлениями Совета рабочих и солдатских депутатов;

4) Передать оружие в воинских частях в распоряжение и под контроль комитетов и ни в коем случае не выдавать таковое офицерам даже по их требованию;

5) О всех недоразумениях между офицерами и солдатами сим последним доводить до сведения ротных комитетов.

Приведенным приказом воинские части вводились в круги политических страстей, и в них окончательно расшатывался авторитет начальников.

Размноженный в огромном количестве, приказ этот быстро распространился не только во всем тылу, но и на фронте и получил повсюду в солдатских массах значение сакраментального для всех документа. Между тем изданный в столице, не входившей в театр военных действий, и обращенный лишь к солдатам Петроградского округа, приказ этот даже с формальной стороны не должен был иметь никакого касательства к войскам остальных внутренних военных округов, а тем более к действующим армиям.

Таким образом, стремление солдат к «приятию» его, не справляясь с отношением к данному документу Временного правительства и главнокомандования действующей армии, — лучшая иллюстрация того, где была уже в то время реальная сила над этой распропагандированной массой.

УТРО 2 МАРТА В ШТАБЕ СЕВЕРНОГО ФРОНТА

По окончании описанной выше беседы с Родзянко генерал Рузский ушел к себе отдыхать, я же всю ночь оставался без сна, подавленный быстрым течением развертывавшихся событий.

Я очень опасался, что при хорошо мне известном нерешительном и колеблющемся характере императора Николая все решения

его могут оказаться запоздалыми и потому не разрешающими надвигавшегося кризиса.

Около 9 часов утра я был вызван генерал-квартирмейстером Ставки к телеграфному аппарату. Генерал Лукомский передал мне просьбу генерала Алексеева немедленно довести до сведения государя содержание разговора Рузского с Родзянко.

«А теперь, — добавил он, — прошу тебя доложить от меня генералу Рузскому, что, по моему глубокому убеждению, выбора нет и отречение государя должно состояться. Это требуют интересы России и династии...»

Опыт войны научил меня в серьезной обстановке избегать больше всего суеты и дорожить отдыхом окружающих, так как неизвестно, насколько придется форсировать их силы в будущем. Зная, что генерал Рузский только недавно прилег и что он вскоре должен будет подняться, чтобы ехать на вокзал к государю, который, вероятно, также еще отдыхает, я ответил, что разговор генерала Рузского с председателем Государственной думы будет доложен своевременно.

Что касается последних слов генерала Лукомского, то из них я не мог не вынести того заключения, что в Ставке наиболее ответственные лица присоединялись к мысли Родзянко о неизбежности отречения императора Николая II от престола. Я счел, однако, необходимым предупредить Ставку о трудности немедленного получения от государя определенного решения по сему поводу.

И действительно, как я предвидел, не обошлось без колебаний. Приехав к 10 часам утра на вокзал и войдя в вагон к государю, рассказывал впоследствии генерал Рузский, главнокомандующий просил императора Николая ознакомиться с содержанием своего ночного разговора с Родзянко путем прочтения соответствующей телеграфной ленты. Государь взял листки с наклеенной на них лентой и внимательно прочел их. Затем он поднялся, подошел к окну вагона, в которое стал пристально всматриваться. Генерал Рузский также привстал со своего кресла. После нескольких очень тягостных секунд молчания государь повернулся к главнокомандующему и стал сравнительно спокойным голосом обсуждать создавшееся положение, указывая на те трудности, кои препятствуют ему пойти навстречу предлагаемому решению.

Но в это время генералу Рузскому подали конверт с дополнительно присланной ему телеграммой от генерала Алексеева на имя главнокомандующих всеми фронтами. Телеграмма эта была отправлена из Ставки в 10 часов 15 минут утра.

В этой телеграмме излагалась общая обстановка, как она была обрисована Родзянко в разговоре с генералом Рузским, и приво-

дилось мнение председателя Государственной думы о том, что спокойствие в стране, а следовательно, и возможность продолжения войны могут быть достигнуты только при условии отречения императора Николая II от престола в пользу его сына при регентстве великого князя Михаила Александровича.

«Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения, — добавил от себя генерал Алексеев. — Необходимо спасти действующую армию от развала, продолжить до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России и судьбу династии. Это нужно поставить на первом плане хотя бы ценою дорогих уступок. Если вы разделяете этот взгляд, — обращался далее начальник штаба Верховного главнокомандующего ко всем главнокомандующим фронтами, — то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу его величеству, известив меня?»

Данной телеграммой генерал Алексеев привлекал к обсуждению вопроса о необходимости отречения императора Николая II от престола всех главнокомандующих фронтами. Каждому из них предстояло, отбросив все личные ощущения, серьезно взвесить, возможно ли рассчитывать на доведение до благополучного конца внешней войны при условии отрицательного отношения к мысли об отречении и вероятного возникновения в этом случае кровавой междоусобицы внутри государства, а может быть, и на фронте...

Ввиду такого направления вопроса государь по совету Рузского согласился прежде принятия окончательного решения выждать получения соответственных ответов.

В течение утренних часов в штабе Северного фронта одновременно получен был ряд весьма серьезных сообщений. Поступило извещение о том, что собственный его величества конвой, оставшийся в Петрограде, явился, подобно другим частям, в полном составе в Государственную думу и через своих уполномоченных просил разрешить арестовывать тех офицеров, кои отказывались принимать участие в восстании.

Почти всех людей этого конвоя государь и вся царская семья знали поименно, очень баловали их, почему переход этой части на сторону восставших должен был быть особо показательным в смысле оценки настроений; самый же факт перехода являлся, очевидно, весьма тягостным для государя лично.

Также получено было сведение, что оставшийся в Петрограде великий князь Кирилл Владимирович, как значилось в соответствовавшей телеграмме, выразил якобы желание «вступить в переговоры с исполнительным комитетом».

Наконец, получена была на имя государя от генерала Алексеева телеграмма, долженствовавшая иметь решающее значение. В ней

текстуально передавалось содержание ответных ходатайств на высочайшее имя главнокомандующих: Кавказским фронтом — великого князя Николая Николаевича, Юго-Западным фронтом — генерала Брусилова и Западным фронтом — генерала Эверта⁹⁵. В разных выражениях все три упомянутые лица просили императора Николая II принять решение, высказанное председателем Государственной думы, признавая его единственным могущим спасти Россию, династию и армию, необходимую для доведения войны до благополучного конца.

Передавая эти телеграммы, начальник штаба государя и со своей стороны обращался к императору Николаю II с горячей просьбой принять решение об отречении, которое, как выражался генерал Алексеев, «может дать мирный и благополучный исход из создавшегося более чем тяжкого положения».

Несколько позднее получены были телеграммы от главнокомандующего Румынским фронтом генерала Сахарова⁹⁶ и командующего Балтийским флотом вице-адмирала Непенина.

Генерал Сахаров после короткого и малодостойного по редакции лирического вступления, которое он назвал «движением сердца и души», оказался все же вынужденным обратиться, как он выразился, «к логике разума». Считаясь с последней, он также признавал, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом является решение об отречении, «дабы промедление не дало пищу к предъявлению дальнейших гнуснейших притязаний».

Вице-адмирал Непенин, присоединившись к ходатайствам главнокомандующих, добавлял: «С огромным трудом удерживаю в повиновении флот и вверенные мне войска... Если решение не будет принято в течение ближайших же часов, то это повлечет за собой катастрофу с неисчислимыми бедствиями для нашей Родины».

Таким образом, все запрошенные лица высказались за необходимость отречения императора Николая II от престола, причем доминирующим мотивом служило стремление обеспечить возможность доведения войны до победного конца...

ОТРЕЧЕНИЕ

За ранним обедом в доме главнокомандующего генерал Рузский обратился ко мне и к генералу С.С. Саввичу, главному начальнику снабжения армий фронта, с просьбой быть вместе с ним на послеобеденном докладе у государя императора:

— Ваши мнения как ближайших моих сотрудников будут очень ценными как подкрепление к моим доводам. Государь уже осведомлен о том, что я приеду к нему с вами...

Император Николай ждал нашего прибытия в хорошо известном уже читателю зеленом салоне вагона-столовой. Наружно он казался спокойным, но выглядел бледнее обыкновенного, и на лице его между глазами легли две глубокие складки, свидетельствующие о бессонной ночи и переживаемых им тревогах. Государь был одет все в тот же темно-серый бешмет с погонами Кавказского пластунского батальона его имени, перепоясан тонким черным ремешком с серебряными пряжками; на этом поясе спереди висел кинжал в ножнах, оправленный также серебром.

Приветливо встретив нас, государь попросил всех сесть и курить, но я и генерал Саввич невольно продолжали стоять под давлением крайней ответственности предстоящей беседы. Сам государь и утомленный всем предыдущим главнокомандующий сели за стол друг против друга. Генерал Рузский стал медленно и отчетливо докладывать о всех полученных за последние часы сведениях. Когда очередь дошла до телеграммы генерала Алексеева с заключениями главнокомандующих, то генерал Рузский положил телеграфные листки на стол перед государем и просил прочесть их лично.

Дав время государю для внимательного ознакомления с содержанием телеграммы, генерал Рузский высказал твердо и определенно свое мнение, заключавшееся в невозможности для государя при данных условиях принять какое-либо иное решение, кроме того, которое вытекало из советов всех запрошенных лиц.

— Но ведь что скажет Юг? — возразил государь, вспоминая о своей поездке с императрицей по южным городам, где, как нам передавали, царскую чету встречали с энтузиазмом. — Как, наконец, отнесется к этому акту казачество?.. — Голос его стал вибрировать, по-видимому, от горького воспоминания о только что прочитанном ему донесении, касавшемся казаков его конвоя.

— Ваше величество, — сказал генерал Рузский, вставая, — я вас прошу еще выслушать мнение моих помощников, — указал он на нас. — Они самостоятельные и прямые люди, глубоко любящие Россию, притом по своей службе они прикасаются к большему кругу лиц, чем я, их мнение об общей оценке положения полезно.

— Хорошо, — сказал государь, — но только прошу высказываться вполне откровенно.

Мы все очень волновались. Государь обратился ко мне первому.

— Ваше императорское величество, — сказал я, — мне хорошо известна сила вашей любви к Родине. И я уверен, что ради нее, ради спасения династии и возможности доведения войны до благополучного конца вы принесете ту жертву, которую от вас требует обстановка. Я не вижу другого выхода из положения, по-

мимо намеченного председателем Государственной думы и поддерживаемого старшими начальниками действующей армии...

— А вы какого мнения? — обратился государь к моему соседу генералу Саввичу, который, видимо, с трудом сдерживал душившее его волнение.

— Я... я... человек прямой, о котором вы, ваше величество, вероятно, слышали от генерала Дедюлина*, пользовавшегося вашим исключительным доверием... Я в полной мере присоединяюсь к тому, что доложил вашему величеству генерал Данилов!..

Наступило гробовое молчание.

Государь подошел к столу и несколько раз, по-видимому не отдавая себе отчета, взглянул в прикрытое занавеской окно. Его лицо, обыкновенно малоподвижное, непроизвольно перекаслось каким-то никогда мною раньше не наблюдавшимся движением губ в сторону. Видно было, что в душе его зреет какое-то решение, дорого ему стоящее.

Наступившая тишина никем не нарушалась. Двери и окна были плотно прикрыты. Скорей бы, скорее кончиться этому ужасному молчанию!..

Резким движением император Николай вдруг повернулся к нам и твердым голосом произнес:

— Я решился... Я решил отказаться от престола в пользу своего сына Алексея... — При этом он перекрестился широким крестом. Перекрестились и мы. — Благодарю вас всех за доблестную и верную службу. Надеюсь, что она будет продолжаться и при моем сыне...

Минута была глубоко торжественная.

Обняв генерала Рузского и тепло пожав нам руки, император медленным, задерживающимся шагом прошел в своей вагон.

Мы, присутствовавшие при всей этой сцене, невольно преклонились перед той выдержкой, которая была проявлена только что отрешившимся императором Николаем в эти тяжелые и ответственные минуты...

Как это часто бывает после долгого напряжения, нервы как-то сразу сдали... Я, как в тумане, помню, что вслед за уходом государя кто-то вошел к нам и о чем-то зашел разговор. По-видимому, это были ближайшие к царю лица. Все были готовы говорить о чем угодно, только не о том, что являлось самым важным и самым главным в данную минуту. Впрочем, дряхлый граф Фредерикс, кажется, пытался сформулировать свои личные ощущения. Говорил еще кто-то и еще кто-то... Их почти не слушали.

---

* Бывший дворцовый комендант, личный друг генерала С.С. Саввича. (Примеч. авт.)

Вдруг вошел сам государь. Он держался в руках два телеграфных бланка, которые передал генералу Рузскому с просьбой об их отправке.

Листки эти главнокомандующим были переданы мне для исполнения.

«Нет той жертвы, которой я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родимой матушки-России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына с тем, чтобы он оставался при мне до совершеннолетия при регентстве брата моего Михаила Александровича» — такими словами, обращенными к председателю Государственной думы, выражал император Николай II принятое им решение.

«Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно», — осведомлял он о том же своего начальника штаба телеграммой в Ставку.

«Какие красивые порывы, — подумал я, — заложены в душе этого человека, все горе и несчастье которого в том, что он был дурно окружен!..»

НОВЫЕ КОЛЕБАНИЯ И ЗАДЕРЖКИ

Было около 4 часов дня, когда мы выходили из вагона. На дебаркадере генералу Рузскому была подана присланная из штаба телеграмма о совершенно неожиданном для нас приезде в тот же день, вечером, из Петрограда двух видных членов законодательных палат: члена Государственного совета А.И. Гучкова и члена Государственной думы В.В. Шульгина. С какой миссией едут они к нам в Псков? Мысль об этом осложняла обстановку, и нам казалось, что, прежде чем на что-либо решиться бесповоротно, осторожнее было выждать прибытия упомянутых лиц.

Под влиянием таких соображений генерал Рузский вернулся в вагон к государю, который, одобрив сделанный ему доклад, повелел задержать отправку по назначению заготовленных телеграмм.

В ожидании прибытия депутатов из столицы я возвратился к себе в штаб, главнокомандующий же решил остаться в своем вагоне на вокзале.

В штабе меня буквально разрывали на части: поминутно вызывали к аппарату из Ставки, где, видимо, очень тревожились неполучением определенного решения.

В этот период времени из Могилева от генерала Алексеева был получен проект манифеста на случай, если бы государь принял решение о своем отречении в пользу цесаревича Алексея. Проект

этого манифеста был составлен директором дипломатической канцелярии при Верховном главнокомандующем Н.А. Базили по общим указаниям генерала Алексеева.

По получении проекта манифеста я немедленно отправил таковой генералу Рузскому в его вагон.

Около 10 часов вечера я получил известие о скором прибытии поезда с ехавшими к нам депутатами и потому отправился снова на вокзал.

Я нашел генерала Рузского в его вагоне выслушивавшим доклад коменданта города Пскова. Последний только что получил сообщение, впоследствии оказавшееся ложным, о движении со стороны Луги по шоссе на Псков броневых автомобилей с солдатами, принадлежавшими к Лужскому гарнизону.

Надо сказать, что разного рода тревожным слухам в то время не было конца, почему к ним надлежало относиться с большой осторожностью. Тем не менее вышеупомянутое сведение ввиду перехода Луги на сторону восставших и нахождения на станции Псков императорского поезда очень взволновало всегда спокойного главнокомандующего, и он тут же отдал ряд распоряжений об остановке этих автомобилей силою, не допуская до Пскова.

Покончив с этим делом, генерал Рузский сообщил мне, что им отдано распоряжение о передаче ожидаемым депутатам просьбы пройти к нему в вагон прежде представления императору, дабы предварительно осведомиться, с чем приехали, затем он рассказал мне все то, что произошло в мое отсутствие.

— Обдумывая наедине положение, — сказал мне Рузский, — и принимая во внимание, что снова едет В.В. Шульгин, коего считают убежденным и лояльным монархистом, я подумал, а не повернулись ли дела в столице таким образом, что отречение государя явится ненужным и что страна окажется удовлетворенной созданием ответственного министерства?

— Это прежде всего доказывает правильность вашего совета государю — не отправлять телеграммы об отречении до беседы с ожидаемыми депутатами, — ответил я.

— Да, но мне думается, что в царском поезде происходят какие-то колебания в этом отношении. Я вижу это из того, что государь присылал ко мне флигель-адъютанта Нарышкина взять назад отданные мне временно на хранение телеграммы.

— Как же поступили вы, Николай Владимирович? — спросил я.

— Я сказал Нарышкину, что буду по этому поводу с личным докладом у государя, и затем действительно прошел в вагон к его величеству. Государь объяснил мне свое требование о возвращении телеграмм его настоящим желанием не отправлять таковые впредь до нового распоряжения. Я успокоил его в этом

отношении, и телеграммы остались у меня. Но в этом, — добавил генерал Рузский, — я усмотрел в царском вагоне наличие каких-то новых колебаний...

Только впоследствии мне пришлось узнать, что государь в этот период дня долгое время совещался с лейб-хирургом профессором С.П. Федоровым⁹⁷ о здоровье своего сына.

Получив новое подтверждение о неизлечимой болезни цесаревича Алексея, государь император, видимо, тогда же решил изменить характер своего отречения и отказаться от престола не только за себя, но и за сына; генералу Рузскому он, однако, о своем новом решении не сказал ни слова...

КАК ПОНИМАЛСЯ ВОПРОС ОБ ОТРЕЧЕНИИ ОТ ПРЕСТОЛА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ВТОРОГО

Чрезвычайно живо описывается в некоторых воспоминаниях тот, скажу, «подсознательный», процесс, который в конце концов вылился в определенную мысль о неизбежности немедленно го отречения от престола императора Николая.

Однако авторы этих воспоминаний ошибаются, когда говорят, что мысль эта была впервые оформлена не в столице, а в Ставке, и при этом называют в целях обвинения имя генерала Алексеева.

Из приведенного выше моего рассказа видно, что уже в ночь на 2 марта председатель Государственной думы во время своей беседы с Рузским определенно затронул династический вопрос. Что же касается генерала Алексеева, то последний лишь присоединился к мысли, высказанной Родзянко, и передал ее на заключение главнокомандующих фронтами в телеграмме того же 2 марта, но отправленной из Ставки, как мною уже отмечалось, лишь утром названного числа.

Я не думаю, чтобы почин в вопросе об отречении мог иметь какое-либо решающее значение, ибо мысль о неизбежности такового зарождалась у массы людей, и притом у части их задолго даже до возникновения сейчас описываемых событий. Вытекала же она из оценки ими реальной обстановки того времени. И если я счел необходимым остановить на данном обстоятельстве внимание моих читателей, то лишь в интересах исторической точности хода событий.

Важно отметить, что уже к ночи 2 марта эта мысль созрела окончательно и что она стала обсуждаться громко не в качестве принудительного, революционного действия, а как лояльный акт, долженствовавший исходить сверху и казавшийся наиболее безболезненным выходом из создавшегося тупика.

В такой постановке вопрос подвергся обсуждению и во Временном комитете членов Государственной думы, причем этот ко-

митет пришел к выводу о желательности доведения его заключения до сведения государя. Так точно поступили и начальник штаба Верховного главнокомандующего, главнокомандующие всеми фронтами, представившие честно и откровенно свои мнения на высочайшее воззрение. Здесь не было потому ни «измены», ни тем более «предательства».

Эти слова, найденные впоследствии в дневнике отрекшегося императора, должны были быть отнесены, конечно, не к тем, кто брал на себя решимость высказываться в столь трудное время о возможных выходах, но скорее к тем, кто, горой стоя за устаревшие формы самодержавия в дни силы последнего, исчез с лица земли в решительную минуту и оставил царя как жертву и искупление за упрямое безумие его прежних советников.

Для выполнения ответственной задачи по осведомлению императора Николая II о том, что комитет Государственной думы находит единственный выход из создавшегося положения в его отречении в пользу сына, и для доставления в случае согласия государя с этим мнением соответствующего манифеста выехать в Псков добровольно вызвались А.И. Гучков и В.В. Шульгин. Оба эти лица, принадлежа к монархическим партиям, насколько мне известно, полагали, что передача акта об отречении императора Николая II в пользу его сына через них не будет знаменовать окончательного крушения в России монархии вообще и династии в частности. Правда, Гучков был из числа тех общественных деятелей, коих особенно не любили при Дворе, считая их лидерами оппозиции и врагами «святого старца», но там простодушно полагали, что всякая оппозиция вообще вредна и непременно несет в себе зародыши революционности. Во всяком случае, совсем иначе могло быть представлено дело отречения, если бы в поездке к царю приняли участие представители левых партий, как об этом одно время шли разговоры в Таврическом дворце.

«Я отлично понимаю, почему еду, — говорил в своих воспоминаниях Шульгин. — Я чувствовал, что невозможно поставить государя лицом к лицу с Чхеидзе. Отречение должно быть передано в руки монархистов и ради спасения монархии!..»

Так ставился вопрос в то время лояльными кругами...

А.И. ГУЧКОВ И В.В. ШУЛЬГИН У ИМПЕРАТОРА

Около 10 часов вечера к концу длинной платформы станции Псков подошел поезд, доставивший из столицы депутатов. Поезд, собственно, состоял из паровоза и только одного вагона. Половину последнего, как доложил впоследствии комендант станции, занимал салон; другая же половина была подразделена

на несколько отделений с длинными поперечными диванами в каждом из них.

Генерал Рузский и я, думая, что приехавшие согласно переданной им просьбе зайдут предварительно к нам, стали дожидаться депутатов в вагоне главнокомандующего. Но прошло несколько минут, и никто не появлялся. Я вышел тогда на платформу узнать, в чем дело, и издали увидел в темноте прихрамывающую фигуру Гучкова в теплой шапке и пальто с барашковым воротником; рядом с ним шел Шульгин. Оба они были окружены, словно конвоем, несколькими железнодорожниками, вышедшими по обязанности службы встречать столичных гостей; впереди двигавшейся к царскому поезду группы шел дежурный флигель-адъютант, кажется полковник Мордвинов или герцог Лейхтенбергский.

Я понял, что из царского поезда последовало депутатам приглашение проследовать непосредственно к государю; поэтому, пропустив мимо себя шедших, я вернулся в вагон и поделился своим выводом с генералом Рузским.

— Ну что же, — сказал последний, — у нас нет никаких тайных соображений, чтобы пытаться изменить установленный сверху порядок встречи. Я думаю, что для дела было бы полезнее обсудить создавшуюся обстановку до приема государем Гучкова и Шульгина. Теперь же подождем здесь, пока за нами пришлют.

Через некоторое время мы, не помню теперь, через кого, получили приглашение государя пройти к нему в вагон.

В прихожей вагона на вешалке висели два мне уже знакомых штатских пальто, почему-то резким пятном они бросились мне в глаза. «Они уже там», — мелькнуло у меня в мозгу.

И действительно, в хорошо знакомом мне зеленоватом салоне за небольшим четырехугольным столом, придвинутым к стене, сидели с одной стороны государь, а по другую сторону лицом к входу Гучков и Шульгин.

Тут же, если не ошибаюсь, сидел или стоял, точно призрак в тумане, граф Фредерикс.

На государе был все тот же серый бешмет и сбоку на ремне висел длинный кинжал.

Депутаты были одеты по-дорожному, в пиджаках, и имели помятый вид. Очевидно, на них отразились предыдущие бессонные ночи, путешествие и волнения. Особенно устало выглядел Шульгин, к тому же, как казалось, менее владевший собою. Воспаленные глаза, плохо выбритые щеки, съехавший несколько на сторону галстук вокруг измятого в дороге воротничка.

Генерал Рузский и я при входе молча поклонились. Главнокомандующий присел у стола, а я поместился поодаль на угловом диване.

Вся мебель гостиной была сдвинута со своих обычных мест к стенкам вагона, и посредине образовалось довольно свободное пространство.

Заканчивал говорить Гучков. Его ровный мягкий голос произносил тихо, но отчетливо роковые слова, выражавшие мысль о неизбежности отречения государя в пользу цесаревича Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича.

«К чему эти переживания вновь?» — подумал я, упустив из виду, что депутатам неизвестно решение государя, уже принятое днем за много часов до их приезда.

В это время плавная речь Гучкова была прервана голосом государя.

— Сегодня в 3 часа дня я уже принял решение о собственном отречении, которое и остается неизменным. Вначале я полагал передать престол моему сыну Алексею, но затем, обдумав положение, переменяю свое решение и ныне отрекаюсь за себя и своего сына в пользу моего брата Михаила... Я желал бы сохранить сына при себе, и вы, конечно, поймете, — произнес он, волнуясь, — те чувства, кои мною руководят в данном желании...

Содержание последних слов было для генерала Рузского и меня полной неожиданностью. Мы переглянулись, но ни он, ни тем более я не могли вмешаться в разговор, который велся между государем и членами законодательных палат и при котором мы лишь присутствовали в качестве свидетелей.

К немалому моему удивлению, против решения, объявленному государем, не протестовал ни Гучков, ни Шульгин.

Государь, несколько помолчав, встал, намереваясь пройти в свой вагон. Поднялись со своих мест и все мы, молча и почтительно проводив императора взглядами...

Гучков и Шульгин отошли в угол вагона и стали о чем-то шепотом совещаться.

Выждав несколько, я подошел к Гучкову, которого знал довольно близко по предшествовавшей совместной работе в комиссии обороны Государственной думы. Гучков, как я уже имел случай отметить, долго был председателем этой комиссии, я же часто ее посещал в качестве представителя Главного управления Генерального штаба по различным вопросам военного характера.

— Скажите, Александр Иванович, — спросил я, — насколько решение императора Николая II отречься от престола не только за себя, но и за сына является согласованным с нашими основными законами? Не вызовет ли такое решение в будущем тяжелых последствий?

— Не думаю, — ответил мой собеседник, — но если вопрос этот вас интересует более глубоко, обратитесь с ним к Шульгину,

который у нас является специалистом по такого рода государственно-юридическим вопросам. — И тут же Гучков познакомил меня с Шульгиным, с которым я до того времени знаком не был.

— Видите ли, — сказал Шульгин, выслушав меня, — несомненно, здесь есть юридическая неправильность. Но с точки зрения практической, которая сейчас должна превалировать, я должен высказаться в пользу принятого решения. При воцарении цесаревича Алексея будет весьма трудно изолировать его от влияния отца и, главное, матери, которая столь ненавидима в России. При таких условиях останутся прежние влияния, и самый отход от власти родителей малолетнего императора станет фиктивным; едва ли таким решением удовлетворится страна. Если же отстранить отца и мать совсем от ребенка, то этим будет косвенно еще более подорвано слабое здоровье цесаревича Алексея, не говоря уже о том, что его воспитание явится ненормальным. Терновым венком страданий будут увенчаны головы всех троих!..

Возбужденный мною вопрос ныне, после трагической смерти всех лиц, о коих шла речь, потерял, конечно, всякое практическое значение. Но в то время я считал его весьма важным, могущим иметь серьезные последствия. Поэтому я чувствовал удовлетворение в том, что имел случай довести его до сведения тех, кто получил от Временного комитета Государственной думы полномочия урегулировать вопрос отречения и в случае согласия на это государь привезти в столицу соответствующий документ.

Дальнейший разговор как-то не клеился.

Граф Фредерикс пытался, кажется, узнать у депутатов подробности сожжения его дома в столице, во время которого, как говорили, была сильно напугана его больная жена.

Но видно было, что и у почтенного восьмидесятилетнего старца его личные заботы отходили на второй план и что он полон был мыслями о тех событиях, кои совершались на его глазах.

Минуты казались часами...

Но вот наконец вошел государь и принес с собою текст манифеста, отпечатанный на пишущей машинке на нескольких белых листках телеграфных бланков. Насколько помню, это и был тот набросок, который составляли в Ставке, быть может, только несколько видоизмененный.

Депутаты внимательно ознакомились с содержанием манифеста и просили о вставке в его текст лишь нескольких слов, казавшихся им необходимыми. Государь, не возражая, охотно исполнил эту просьбу тут же.

Затем государем у столика был набросан текст двух указов правительствующему сенату: один — о назначении Верховным

главнокомандующим великого князя Николая Николаевича и другой указ — о назначении председателем Совета министров князя Георгия Евгеньевича Львова.

Вопрос о передаче Верховного главнокомандования великому князю, подсказанный, насколько помню, Рузским, казался всем, очевидно, бесспорным; что же касается второго назначения, то такое было сделано в соответствии с мнением, выраженным присутствовавшими при этом депутатами.

Побеседовав еще несколько минут, государь распростился со всеми, тепло пожал всем нам руки и удалился к себе в вагон.

Я больше не видел отрекшегося императора.

Все стали выходить из вагона. Следуя сзади всех, я оглянулся, чтобы бросить последний взгляд на опустевший салон, служивший немой свидетелем столь важного события. Небольшие художественные часы на стене вагона показывали без четверти двенадцать. На красном ковре пола валялись скомканные клочки бумаги... У стен беспорядочно стояли отодвинутые стулья. Посредине же вагона с особой рельефностью зияло пустое пространство, точно его занимал только что вынесенный гроб с телом усопшего!

Почти двадцать три года император Николай находился во главе страны, занимавшей одну шестую часть земной поверхности и имевшей население свыше 170 млн человек.

Начиналась новая, неизвестная тогда еще глава в истории России!

КОНЕЦ ИСТОРИЧЕСКОГО ДНЯ

По окончании приема у отрекшегося императора главнокомандующий Северным фронтом генерал Рузский пригласил приехавших из столицы депутатов в свой вагон. Надо было дожидаться переписки набело манифеста и указов, равно как подписания их государем. Надо было также дать некоторую передышку депутатам, потрясенным пережитым, прежде отправления их в Петроград в обратный путь...

Выйдя на темноватую, плохо освещенную платформу, мы, к удивлению своему, увидели довольно обширную толпу людей, молчаливо и почтительно державшуюся в некотором отдалении от царского поезда. Как проникли эти люди на оцепленный со всех сторон вокзал? На этом вопросе не пришлось останавливаться. Да и как быть поближе к центру событий?!

К толпе подошел Гучков. Он что-то говорил им, по-видимому, трогательное, волнующее. Видно было, как люди снимали шапки, крестились, не то прощаясь с прошлым, не то обращаясь взором к неизвестному будущему. Поражало то спокойствие, почти

величавость, с которым псковичи встретили вступление России на новый путь. «Что-то ожидает их на этом пути?» — думалось мне.

Через час или полтора в вагон генерала Рузского были доставлены подписанные государем манифест об отречении в двух экземплярах и указ правительствующему сенату о назначении Верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича и председателем Совета министров князя Львова.

Все эти документы были помечены 15 часами (3 часа пополудни) 2 марта 1917 г., то есть тем временем, когда императором Николаем II в действительности было принято решение об отречении от престола.

Пометка документов именно указанным часом должна была, как казалось, отчетливо свидетельствовать в будущем о том, что решение отрекшегося императора было добровольным и вне давления на него прибывших от комитета Государственной думы депутатов.

«Высочайший Манифест от 2 марта 1917 года получили. Александр Гучков. Шульгин».

Выдачей такой расписки и закончился для нас в Пскове тяжелый своими переживаниями день отречения государя.

Около 3 часов ночи на 3 марта депутаты выехали обратно в Петроград; часом же ранее оба литерных поезда последовательно, один за другим, медленно и бесшумно отошли от станции Псков в направлении на Двинск, увозя отрекшегося императора и его свиту в Ставку...

Манифест и оба упомянутых выше указа правительствующему сенату были немедленно по телеграфу переданы текстуально в Ставку и председателю Временного правительства. За телеграфным же сообщением были отправлены по принадлежности в Петроград и подлинные указы. Один экземпляр манифеста об отречении приезжавшие депутаты взяли с собою; второй же экземпляр того же манифеста хранился у меня в штабе до мая 1917 г. Когда же генерал Рузский оставил должность главнокомандующего Северным фронтом, а я получил в командование 5-ю армию, то этот экземпляр при особом письме был отправлен главе Временного правительства князю Львову. Перед отправлением документа в Петроград я приказал снять с него фотографический снимок, хранившийся у меня до большевистского переворота.

Дальнейшая судьба этого снимка, как и многих документов моего личного архива, мне неизвестна...

ОПЯТЬ ТРЕВОГА

Вторую ночь мы без сна. Силы изменяют, а между тем обстановка столь ответственна, что приходится быть на страже, дабы невольно не сделать какой-либо оплошности в результате крайней усталости.

События не ждут. С головокружительной быстротой мчатся они вихрем, друг друга обгоняя и не давая возможности сосредоточиться на каждом из них в отдельности.

Уже в пятом часу утра 3 марта, едва я вернулся домой с вокзала после отхода царских поездов в Ставку и отбытия депутатов в столицу, последовал вызов к аппарату. Председатель Государственной думы и Временного комитета Родзянко требовал, чтобы переданный ему по телеграфу манифест об отречении императора Николая II и о передаче престола его брату великому князю Михаилу Александровичу не был объявлен.

В чем дело? Почему же депутаты, вчера присланные из столицы, не были ориентированы в тех затруднениях, кои могут возникнуть? Почему они обошли вниманием сделанные им предупреждения о юридической неправильности отречения государя, минуя сына, в пользу брата Михаила? И как вообще возможно скрыть уже отданный манифест, от которого ожидалось успокоение умов? Мысли эти невольно отразились в моем докладе генералу Рузскому, который, одоббив их, поручил мне в этом смысле передать его ответ Родзянко.

«Депутатов винить нельзя, — читали мы слова на телеграфной ленте, исходившей от Родзянко. — Дело в том, что неожиданно в столице вспыхнул такой солдатский бунт, который трудно себе представить. С регентством великого князя и воцарением наследника цесаревича, быть может, и примирились бы, но воцарение великого князя как императора абсолютно неприемлемо... В толпе, — продолжал далее Родзянко, не замечая, по-видимому, противоречий в своих словах, — только и слышно: «Земли и воли», «Долой династию!», «Долой Романовых!». После долгих переговоров с депутатами от рабочих нам удалось прийти только сейчас к некоторому соглашению, в результате которого через некоторое время должно быть созвано Учредительное собрание; это последнее и должно высказать свой окончательный взгляд на форму правления...»

«Постараюсь временно приостановить распространение манифеста, — отвечал генерал Рузский, — но не могу поручиться за успех: прошло уже много времени. Во всяком случае, приведение войск к новой присяге исполнено будет лишь по получении соответственного распоряжения из Ставки. Должен вообще по-

ставить вас в известность, что императорский поезд покинул уже Псков и что по закону в случае отсутствия Верховного главнокомандующего (великий князь Николай Николаевич находился в Тифлисе) его должность замещает начальник штаба, действующий его именем. Таким образом, ныне центр ваших дальнейших переговоров должен быть перенесен в Ставку; меня же прошу впредь лишь ориентировать в происходящем...»

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

В чьи же руки отрекшийся император передавал в столь трудное время престол всероссийский?

Великий князь Михаил Александрович был младшим сыном императора Александра III. Хотя он до рождения цесаревича 30 июля 1904 г. и являлся наследником российского престола, но никогда не играл активной роли в государственной жизни России и держался в некоторой тени. Даже в военной деятельности своей он достиг до войны лишь должности командира полка и лишь в период мировой войны был поставлен во главе сначала конной дивизии, а затем кавалерийского корпуса.

Во время царствования императора Александра III о младшем его сыне Михаиле много говорили как о любимце царя, якобы унаследовавшем натуру и даже внешность могучего отца. Но с течением времени Михаил Александрович превратился в худого длинного юношу с довольно хрупким здоровьем и вполне женскими чертами характера.

Я не сказал бы, что великий князь Михаил Александрович производил впечатление способного человека, но он проявлял любознательность, и к нему влекли необыкновенная скромность и деликатность.

Лично у меня с ним было лишь несколько мимолетных встреч. Царский поезд в 1904 году. Император Николай II объезжает войска, отправляемые на Дальний Восток на войну с японцами. Я состою при военном министре генерале Сахарове, сопровождающем государя в его поездках. 11 часов вечера. Занимаюсь в своем отделении каким-то делом. Вдруг — стук в дверь.

— Войдите, — отвечаю я изнутри.

Входит великий князь Михаил Александрович, видимо конфузясь.

— Простите, ради Бога... Я, кажется, помешал?..

— Нисколько, ваше высочество, я очень рад вас видеть у себя.

— Мне бы очень хотелось поговорить с вами, — произносит он мягким, извиняющимся голосом, спрашивая глазами, можно ли сесть. — Мне говорили, что вы специалист по мобилиза-

ционными вопросам. Не расскажете ли вы, как производится частичное укомплектование наших войск, отправляемых в Маньчжурию?

И далеко за полночь затянулась наша беседа, во время которой я очень скоро позабыл, что моим собеседником является брат императора огромной, могущественной страны.

В одну из таких же поездок, близ станции Жмеринка, в жестокий морозный день при сильном ветре должен был состояться высочайший смотр войскам 3-й бригады, отправлявшейся на войну.

Нестерпимо было сидеть неподвижно верхом на лошади. Коченели ноги, и всего охватывала дрожь. Император Николай, отличавшийся своей выносливостью, медленно и размеренно объезжал длинные ряды войск и затем, стоя на месте, пропускал их мимо себя. Но рядом с ним находившийся великий князь Михаил Александрович, не обладавший сильным здоровьем, сдал. Его, закочевшего, почти без чувств, сняли с лошади, обернули несколькими одеялами, взятыми из лазаретной линейки, и в таком виде отправили в поезд, где еле-еле отогрели...

Долго потом великий князь конфузливо улыбался, вспоминая о своих слабых силах.

В последний раз я видел великого князя Михаила Александровича в Ставке летом 1916 г. Он командовал тогда на фронте не то дивизией, не то корпусом и по какому-то случаю приехал к нам в Барановичи. После завтрака у Верховного главнокомандующего он остался как-то один в садике перед моим управлением в видимом затруднении: куда направиться? Увидев через окно его длинную фигуру в кавказском бешмете, я вышел к нему и предложил зайти ко мне в кабинет ознакомиться с последними сведениями, полученными с фронта.

Он благодарно улыбнулся и провел у меня более получаса, живо интересуясь всем тем, что я ему рассказывал.

Милый, симпатичный молодой человек. Такими словами охарактеризовал бы я его в качестве лица частного. Имеет все данные быть хорошим конституционным монархом, но только в устоявшемся государстве, с твердым и хорошо налаженным аппаратом власти. Таковым он мог казаться в качестве претендента на престол.

Его скромная и искренняя натура сказала и в его браке, соединившем его с тою, которую он избрал по влечению сердца вопреки чопорным традициям царствующих домов...

КОНЕЦ РОССИЙСКОЙ МОНАРХИИ

Ко времени обратного возвращения депутатов из Пскова настроение в столице значительно изменилось в худшую сторону. Переданный по телеграфу текст манифеста об отречении императора Николая II в пользу великого князя Михаила Александровича был встречен, как мы уже знаем из телеграмм Родзянко, левыми кругами, захватившими власть в столице, а за ними и столичным гарнизоном враждебно. Особо неприемлемым оказалось то обстоятельство, что манифест ни словом не обмолвился о созыве Учредительного собрания.

При таком настроении было достаточно ясно, что новому наследнику престола в случае решения принять верховную власть в свои руки предстояло пройти через потоки крови, чтобы достигнуть подножия ему переданного престола...

Вот почему великим князем Михаилом Александровичем в частной квартире князя Путятина⁹⁸, штаб-офицера одного из гвардейских полков, было собрано совещание. Квартира охранялась особым караулом из верных людей, и в нее пускали лишь после предварительного опроса. В совещании приняли участие члены правительства и Временного комитета Государственной Думы.

По свидетельствам некоторых участников этого совещания, за принятие великим князем престола определенно высказались только П.Н. Милюков и А.И. Гучков.

Горячее других против этой мысли возражал А.Ф. Керенский. Смысл его речи был таков, что намечаемое решение будет началом жесточайшей распри и положит, несомненно, начало гражданской войне. Война эта, составляя величайшее народное несчастье, будет грозить опасностью и для жизни великого князя.

Говорил и Шульгин. Он указывал, что большинство членов нового правительства не на стороне принятия великим князем престола.

— На кого же опереться? — спрашивал он. — Если у вашего высочества нет других людей, кои могли бы создать опору вашего трона, то как при этих условиях советовать вам принять оставленное наследие?!

Выслушав всех, великий князь удалился в соседнюю комнату, чтобы дать себе отчет в обстановке наедине. Кажется, в последнюю минуту он пригласил к себе Родзянко и князя Львова.

По прошествии получаса великий князь вышел к ожидавшим его и твердым голосом произнес:

— При создавшихся условиях я не могу принять престол...

После этих слов нервы у говорившего сдали: мотивировка решения была уже менее отчетливой. Тем не менее она дышала любовью к России и неуверенностью в своих собственных силах.

Приступили к редактированию нового отращения. Позвали юристов-специалистов: Владимира Набокова⁹⁹, кажется, Нольде¹⁰⁰, насколько помню приводившиеся рассказы, пригласили участвовать в работе и Шульгина.

Долго спорили о словах: писать ли великому князю «Я» или «Мы», «прошу» или «повелеваем» и т. д. и т. п.

Наконец уже в сумерках короткого мартовского дня сошлись на тексте и работу закончили. Наиболее существенная часть нового акта гласила: «Одушевленный единою со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если таковая будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского...»

Затем последовал короткий акт подписания.

«Николай отрекся в пользу Михаила, Михаил отрекся в пользу народа» — такими плакатами, по свидетельству В.В. Шульгина, покрывались уже через полчаса стены и заборы столицы.

Российская монархия перестала существовать...

Случилось это в пятницу 3 марта 1917 г. около четырех часов пополудни...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Алексей Андреевич Поливанов* (1855—1920) — генерал от инфантерии, окончил Николаевскую инженерную академию и Академию Генерального штаба. Участник русско-турецкой войны (1877—1878). С 1905 по 1906 г. — генерал-квартирмейстер Главного штаба; в 1906—1912 гг. — помощник военного министра; с 1912 г. — член Государственного совета; в 1915—1916 гг. — военный министр и председатель Особого совещания по обороне государства. В 1920 г. назначен членом Особого совещания при Верховном главнокомандующем Красной Армией.

² *Илларион Иванович Воронцов-Дашков* (1837—1916) — князь, генерал-адъютант, член Государственного совета, в 1881 г. — министр Двора, с 1905 г. — кавказский наместник.

³ *Николай Николаевич Романов-старший* (1831—1896) — великий князь, генерал-фельдмаршал, брат Александра II. Командующий Дунайской армией в русско-турецкой войне (1877—1878).

⁴ *Иван Логинович Горемыкин* (1839—1917) — сенатор, член Государственного совета; в 1895—1899 гг. — министр внутренних дел; с апреля по июнь 1906 г. и с января 1914 г. по январь 1916 г. — председатель Совета министров.

⁵ *Гораций Герберт Китченер* (1850—1916) — фельдмаршал Великобритании. В 1914—1916 гг. — военный министр Англии. Погиб на крейсере, который направлялся в Россию и был потоплен германской подводной лодкой.

⁶ *Жозеф Жак Сезер Жоффри* (1852—1931) — маршал Франции. В 1911—1914 гг. — начальник генерального штаба; в 1914—1916 гг. — главнокомандующий французской армией.

⁷ Речь идет об отражении русскими войсками наступления германских войск на Свенцяны. Германцам удалось прорвать русские войска, которые отошли на Вильно. К 12 октября 1915 г. подошедшими резервами русское командование локализовало прорыв на линии озеро Дрисвяты, озеро Нарочь, Сморгонь.

⁸ Имеется в виду статья в официальном органе военного министерства «Русский инвалид», появившаяся в связи с острым русско-германским конфликтом, вызванным назначением немецкого генерала Лимана фон Сандерса начальником гарнизона Константинополя и 1-го корпуса турецкой армии, что было шагом в установлении Германией контроля над вооруженными силами Турции.

⁹ Речь идет о так называемой «большой программе» по усилению армии, одобренной 22 октября (4 ноября) 1913 г. Николаем II и окончательно утвержденной им после рассмотрения ее Государственной думой 24 июня (7 июля) 1914 г. Стоимость ее должна была составить 433 млн рублей одновременно, не считая обычных ежегодных ассигнований на военные нужды. Численность штатного состава сухопутной армии увеличивалась на 11 592 офицера и 466 178 солдат. Выполне-

ние намеченных мероприятий существенно увеличивало боевую мощь русской армии, однако полностью «большая программа» могла быть выполнена только к осени 1917 г. Война же началась через несколько недель после ее принятия.

¹⁰ Газета «Освобождение» являлась органом земско-либерального движения, ставившего своей задачей борьбу за политическое освобождение России. Ее главным редактором стал известный легальный марксист П.Б. Струве.

¹¹ Конституционно-демократическая партия — крупнейшая российская либеральная партия. Возникла в октябре 1905 г. в результате объединения представителей «Союза освобождения» и левого крыла «Союза земцев-конституционалистов». После октября 1917 г. кадеты безуспешно пытались организовать сопротивление большевистскому режиму, в годы Гражданской войны активно участвовали в организации белого движения. После занятия Крыма Красной Армией (1920) деятельность партии на территории России фактически прекратилась.

¹² Основными документами, возмещавшими отмену крепостного права в России, стали Манифест и «Положения» 19 февраля 1861 г. «Положения» в совокупности составили 19 законодательных актов. Они распространялись на 45 губерний Европейской России, исключая Прибалтику. Процесс ликвидации феодально-крепостнических отношений растянулся на десятки лет.

¹³ *Александр Васильевич Кривошеин* (1858—1923) — русский государственный деятель, один из ближайших сотрудников П.А. Столыпина по осуществлению аграрной реформы, член Государственного совета. В 1905—1906 гг. — товарищ главного управляющего, а с 1908 по 1915 г. — главноуправляющий землеустройством и земледелием. После Октябрьской революции был одним из руководителей и организаторов контрреволюционного «правого центра», в 1920 г. в Крыму возглавлял правительство Юга России при П.Н. Врангеле, после разгрома которого эмигрировал.

¹⁴ Имеется в виду ответ Николая II на приветственные адреса некоторых губернских земских собраний в 1894—1895 гг. по случаю его восшествия на престол, где в самых верноподданнических выражениях говорилось о необходимости единения царя с народом.

¹⁵ *Петр Дмитриевич Святополк-Мирский* (1857—1914) — генерал-адъютант, министр внутренних дел с августа 1904 г. по январь 1908 г. С его именем связана так называемая эпоха «политической весны»; либеральная пресса называла его министром «общественного доверия».

¹⁶ *Алексей Сергеевич Суворин* (1834—1912) — известный русский журналист и издатель. Как общественный деятель, он был председателем Литературно-художественного общества.

¹⁷ *Георгий Гапон* (1870—1906) — священник, инициатор создания рабочей организации «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга». 9 января 1905 г. организовал народное шествие к царю, закончившееся расстрелом его участников. После Кровавого воскресенья Гапон эмигрировал, но в 1906 г. вернулся в Россию. За связь с охранкой и использование ее средств для рабочего движения был приговорен эсерами-боевиками к смерти через повешение. Приговор был приведен в исполнение 28 марта 1906 г.

¹⁸ Массовая организация крестьян в деревне, возникшая во время революции 1905—1907 гг. Образована на нелегальном Учредительном съезде 31 июля — 1 августа 1905 г. в Москве. В программном заявлении «Всероссийского крестьянского союза» говорилось, что «вся земля должна считаться общей собственностью

народа». Съезд в своей резолюции потребовал созвать Учредительное собрание, но отказался от требования демократической республики.

¹⁹ Объединение профессиональных организаций интеллигенции либерального толка — ученых, писателей, инженеров, учителей, адвокатов, врачей, агрономов, статистиков и др. «Союз союзов» образован на Учредительном съезде 8—9 мая 1905 г. в Москве; на нем присутствовали делегаты от 14 союзов.

²⁰ Германский линейный крейсер «Гебен» раньше входил в состав турецкого флота под названием «Султан Селим». «Гебен» превосходил все русские линейные корабли Черноморского флота по скорости хода и скорострельности орудий. Здесь имеется в виду бы четырех русских линейных кораблей и «Гебена» 5(18) ноября неподалеку от мыса Сарыч.

²¹ *Сергей Николаевич Трубецкой* (1862—1905) — князь, религиозный философ, публицист и общественный деятель. С 1905 г. — профессор Московского университета, в 1905 г. избран его ректором.

²² В Положении о Государственной думе было сказано, что ее функции ограничиваются «предварительной разработкой и обсуждением законодательных предположений и рассмотрением российских государственных доходов и расходов». Свое название «Булыгинская дума» она получила по имени министра внутренних дел А.Г. Булыгина, которому Николай II объявил 18 февраля 1905 г. в рескрипте о своем желании «отныне... привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений... при непременно сохранении неизбытности основных законов империи». Созывая Думу, царское правительство намеревалось, используя монархические иллюзии части населения, в первую очередь крестьян, ослабить революцию. Однако активный бойкот Думы блоком левых сил не позволил ее собрать.

²³ *Дмитрий Федорович Трепов* (1855—1906) — генерал-майор свиты, один из приближенных Николая II. С октября 1905 г. по 1906 г. — петергофский дворцовый комендант, градоначальник столицы. Убит эсером-террористом.

²⁴ *Сергей Юльевич Витте* (1849—1915) — граф, член Государственного совета, в 1892—1915 гг. — российский министр финансов.

²⁵ *Алексей Николаевич Куропаткин* (1848—1925) — генерал от инфантерии, участник русско-турецкой войны (1877—1878) и присоединения Средней Азии к России, в 1898—1904 гг. — военный министр. В русско-японскую войну (1904—1905) — главнокомандующий русскими армиями в Маньчжурии, затем 1-й армией. В Первую мировую войну — командир корпуса, командующий 5-й армией и Северным фронтом. В 1916—1917 гг. — туркестанский генерал-губернатор. После Октябрьской революции проживал в бывшем своем имении: с. Шешурино Псковской губернии. Занимался общественной и преподавательской деятельностью.

²⁶ Революция 1905—1907 гг. подтвердила непримиримость интересов помещиков и крестьян. В этих условиях царское правительство сделало ставку на крепкого мужика, который явится преградой для развития революционного движения. Суть новой крестьянской политики заключалась в переходе от общинного землевладения крестьян к насильственному разрушению общины и насаждению личной собственности на землю. Юридически эта политика была оформлена Указом от 9 ноября 1906 г., который устанавливал, что каждый домохозяин, владеющий землей на общинном праве, может требовать выделения в свою личную собственность причитающейся ему части наделной земли. К 1916 г. число об-

щинников, перешедших к личному владению землей, составило 22% всех крестьянских хозяйств России. В результате крестьянской реформы П.А. Столыпина в выигрыше оказалось зажиточное крестьянство, что до крайности обострило положение в стране. Подавляющая масса крестьянства встретила аграрную политику Столыпина враждебно. Особенно сильно крестьяне сопротивлялись административному нажиму и насильственному методу проведения реформы. В итоге аграрная политика Столыпина привела к обострению политической обстановки, усилила противоречия в деревне и привела к сплочению демократического блока рабочих и крестьян, который в феврале 1917 г. смел самодержавие.

²⁷ Ю.Н. Данилов имел в виду быстрое падение бельгийских крепостей Льеж, Намюр и др. под воздействием огня германской тяжелой артиллерии. В результате для германской армии открылась дорога через Бельгию на Париж.

²⁸ Решение о создании Совета государственной обороны (СГО) было принято после жестоких поражений русских войск в войне с Японией в феврале 1905 г. Указ о его создании последовал 8(21) июня 1906 г. Это был коллегиальный орган, в состав которого входили: военный и морской министры, начальник Генерального штаба, начальник Главного и Главного морского штабов, а также генерал-инспектора родов войск. Председатель СГО имел право личного доклада императору. В его задачу входило объединять деятельность военного и морского управлений и согласовывать их деятельность с другими ведомствами. В нем обсуждались важнейшие вопросы, связанные со строительством и подготовкой вооруженных сил. За время своего существования Совет государственной обороны разработал программу военного строительства, сыграв определенную роль в деле укрепления военного могущества России. Вместе с тем надо отметить, что СГО стал новой инстанцией между верховной властью и военным и морским министерствами. Кроме того, в 1905 г. из состава военного министерства было выделено самостоятельное Главное управление Генерального штаба (ГУГШ). В результате высшее военное управление было децентрализовано, что сказывалось на качестве управления войсками. Поэтому уже в 1908 г. СГО был упразднен, а ГУГШ подчинено военному министру.

²⁹ *Виктор Викторович Сахаров* (1848—1905) — генерал-адъютант, окончил Академию Генерального штаба. В 1904—1905 гг. — военный министр. Убит при подавлении крестьянских волнений в Саратовской губернии.

³⁰ *Петр Николаевич Дурново* (1845—1915) — государственный деятель России. В 1884—1893 гг. — директор департамента полиции, с 1900 по 1905 г. — товарищ (заместитель) министра внутренних дел, с октября 1905 г. по апрель 1906 г. — министр внутренних дел, член Государственного совета, сенатор.

³¹ *Лев Давидович Троцкий (Бронштейн)* (1879—1940) — видный политический деятель СССР. Член РКП(б) в 1917—1927 гг. Один из ближайших соратников В.И. Ленина в дни Октябрьской революции и в годы Гражданской войны.

³² *Петр Петрович Шмидт* (1867—1906) — лейтенант флота, окончил Морское училище в Петербурге. В 1905 г. командовал миноносцем Черноморского флота. Во время Севастопольского восстания в ноябре 1905 г. стал его военным руководителем. На крейсере «Очаков» поднял сигнал «Командую флотом» и призвал остальные корабли, находившиеся в Севастопольской бухте, присоединиться к восстанию. После его подавления арестован и осужден к смертной казни. 6 марта 1906 г. расстрелян на острове Березань.

³³ Ю.Н. Данилов здесь ошибается. П.П. Шмидт обходил эскадру не на «Очакове», а на миноносце «Свирепый».

³⁴ *Петр Алексеевич Хрусталеv* (Носарь Георгий Степанович) (1877—1918) — помощник присяжного поверенного, председатель Петербургского совета рабочих депутатов в 1905 г. В 1906 г. осужден за революционную деятельность и сослан в Сибирь, откуда бежал за границу. В 1909 г. вышел из РСДРП и отошел от политической деятельности. После Октябрьской революции расстрелян за «контрреволюционную деятельность».

³⁵ *Федор Васильевич Дубасов* (1845—1912) — генерал-адъютант, адмирал. В 1905 г. возглавил карательную экспедицию по подавлению крестьянских волнений в Черниговской, Полтавской и Курской губерниях. С ноября 1905 г. — московский генерал-губернатор, руководил разгромом Декабрьского вооруженного восстания в Москве. Член Государственного совета.

³⁶ *Сергей Андреевич Муромцев* (1850—1910) — профессор гражданского права в Московском университете, публицист, участник земских съездов 1904—1905 гг. Один из основателей и лидеров конституционно-демократической партии, председатель первой Государственной думы.

³⁷ Формальным предлогом к роспуску первой Государственной думы царский манифест объявил то обстоятельство, что она не успокаивала народ, а разжигала среди него «смуту». Однако после разгона Думы царское правительство все же не рискнуло изменить избирательный закон.

³⁸ *Федор Александрович Головин* (1867—?) — один из основателей и член ЦК партии кадетов. В 1904—1906 гг. — председатель Московской губернской земской управы.

³⁹ Вторая Государственная дума была создана в обстановке спада революции, однако оказалась левее первой. Она открылась 20 февраля 1907 г. На ней острая борьба развернулась между кадетами и крестьянскими депутатами по земельному вопросу. Попытки кадетов примирить крестьян с помещиками не удалось. Воспользовавшись этим, Столыпин 1 июня 1907 г. потребовал отстранения от участия в заседаниях Думы 55 социал-демократических депутатов, а для некоторых из них лишения депутатской неприкосновенности по обвинению в подготовке «военного заговора». 3 июня был опубликован манифест о роспуске второй Думы и изменении системы выборов. Это означало, что произошел государственный переворот, поскольку был нарушен Манифест 17 октября 1905 г., по которому никакой новый закон не мог последовать без одобрения Думы.

⁴⁰ *Альфред фон Шлиффен* (1833—1913) — граф, генерал-фельдмаршал. Участник франко-прусской войны (1870—1871). Начальник генерального штаба в 1891—1905 гг. Разработал план войны против Франции и России, основная идея которого заключалась в поочередном разгроме вооруженных сил противников.

⁴¹ Выражение «столыпинский галстук», означавшее виселицу, принадлежит кадету Ф.И. Родичеву.

⁴² «Объединенное дворянство» — политическая организация помещиков, оформившаяся в мае 1906 г. на первом съезде уполномоченных губернских дворянских обществ и существовавшая до октября 1917 г.

⁴³ *Александр Иванович Гучков* (1862—1936) — политический лидер правого крыла русской буржуазии, крупный московский домовладелец и промышленник, член Государственного совета, гласный Московской городской думы и член управы. В 1902 г. сражался с бунтами против англичан в Южной Африке. В 1903 г. ездил в Македонию во время восстания против турок. В русско-японскую войну (1904—1905) — уполномоченный Красного Креста на театре военных действий. Основатель «Союза 17 октября» — партии крупной буржуазии. В марте 1910 г.

был избран председателем Государственной думы третьего созыва. Во время Первой мировой войны — председатель Центрального военно-промышленного комитета и член Особого совещания по обороне. После Февральской революции — военный и морской министр первого состава Временного правительства. В августе 1917 г. участвовал в организации корниловского мятежа. После Октябрьской революции активно боролся против советской власти, с 1918 г. — в эмиграции.

⁴⁴ *Дмитрий Григорьевич Богров* (1887—1911) — помощник присяжного поверенного, член партии эсеров и одновременно агент охранного отделения. Убийца П.А. Столыпина. Повешен.

⁴⁵ *Владимир Николаевич Коковцов* (1857—1943) — граф, статс-секретарь, член Государственного совета. С 1904 по 1905 г. и с 1906 по 1914 г. — министр финансов России, с 1911 по 1914 г. — председатель Совета министров.

⁴⁶ *Александр Андреевич Макаров* (1857—1919) — юрист, окончил Петербургский университет. В 1894—1899 гг. — прокурор Нижегородского и Московского окружного суда, в 1899—1901 гг. — председатель Киевского окружного суда, в 1901—1906 гг. — прокурор Саратовской судебной палаты, в 1906 г. — председатель Харьковской судебной палаты, а затем — товарищ министра внутренних дел и директор департамента полиции. С 1909 по 1911 г. — государственный секретарь, в 1911—1912 гг. — министр внутренних дел и шеф корпуса жандармов, в 1916 г. — министр юстиции.

⁴⁷ *Фридрих Пурталес* (1853—1928) — граф, германский дипломат, посол Германии в России до начала Первой мировой войны.

⁴⁸ *Павел Николаевич Миллюков* (1859—1943) — историк, окончил Московский университет. Член Государственной думы третьего и четвертого созывов от г. Петербурга, основатель и лидер партии кадетов, редактор газеты «Речь». Был одним из идеологов русского либерализма. В вопросах внешней политики ориентировался на соглашение с Англией. В дни Февральской революции 1917 г. пытался сохранить монархию путем передачи власти Михаилу Романову. В первом составе Временного правительства занимал пост министра иностранных дел. После Октябрьской революции стал одним из организаторов военной интервенции против Советской России. С 1920 г. — в эмиграции.

⁴⁹ Речь идет о поражении 2-й армии генерала А.В. Самсонова в ходе Восточно-Прусской операции в 1914 г.

⁵⁰ Имеется в виду Лодзинская операция в ноябре 1914 г., в ходе которой германское командование пыталось окружить и разгромить 2-ю и 5-ю русские армии Северо-Западного фронта. Однако русские войска сорвали германский контрудар, наносимый 9-й армией, часть сил которой попала в окружение. Этой операцией закончилась кампания 1914 г. на русском фронте.

⁵¹ *Август Макензен* (1849—1945) — генерал-фельдмаршал, участник франко-прусской войны (1870—1871). В Первую мировую войну командовал германскими армиями на восточном фронте и в Сербии. В 1917 г. — командующий оккупационными войсками в Румынии.

⁵² Автор имеет здесь в виду прорыв австро-германских войск в районе Горлице (юго-западнее Сандомира) под командованием генерала Макензена, осуществленный на фронте 35 км при двойном превосходстве в пехоте и подавляющем в артиллерии. Прорыв вынудил русские войска оставить Галицию, что поставило под угрозу окружения силы, находившиеся в Польше.

⁵³ *Ганс Сект* (1866—1936) — генерал-полковник. В 1914—1915 гг. — начальник штаба 4-й германской армии, а в 1915—1916 гг. — 11-й армии; в

1920—1926 гг. — командующий рейхсвером. Несмотря на запрещение Версальского договора иметь в Германии генеральный штаб, тайно его воссоздал. В 1923 г. во время обострения внутреннего положения подавил революционное движение в Германии.

⁵⁴ Имеется в виду осеннее наступление союзников в Артуа и Шампани в сентябре — октябре 1915 г. Несмотря на то что наступление велось крупными силами, англо-французам не удалось прорвать германскую оборону. Причинами тому были затягивание сроков операции, недооценка сил противника и отсутствие теории прорыва обороны в условиях позиционной войны. В ходе союзнического наступления германцы не сняли с русского фронта ни одной дивизии.

⁵⁵ *Василий Алексеевич Маклаков* (1870—1957) — известный адвокат, окончил Московский университет. С 1906 г. — член ЦК кадетской партии, депутат второй, третьей и четвертой Государственной думы от Москвы. В феврале 1917 г. — член Временного исполнительного комитета Государственной думы. С июля 1917 г. — посол России во Франции.

⁵⁶ Военно-промышленные комитеты (ВПК) — организации буржуазии в России, созданные во время Первой мировой войны в целях мобилизации русской промышленности для производства вооружения, боеприпасов в снаряжения, а также для политического давления на правительство. Объединяли около 1300 промышленных предприятий. Центральный ВПК возглавлял лидер партии «Союз 17 октября» А.И. Гучков. ВПК требовали создания правительства общественного доверия, подотчетного Государственной думе. ВПК удалось получить от правительства военные заказы на сумму 400 млн рублей, однако выполнены они были меньше чем наполовину.

⁵⁷ *Сергей Александрович Романов* (1857—1905) — генерал-адъютант, четвертый сын Александра II. В 1896—1905 гг. — московский генерал-губернатор и командующий войсками Московского военного округа. Убит эсером Каляевым 4 февраля 1905 г.

⁵⁸ *Александр Петрович Извольский* (1865—1923) — русский дипломат, член Государственного совета. В 1894—1897 гг. — министр-резидент в Ватикане, в 1897 г. — посланник в Белграде, в 1897—1899 гг. — в Мюнхене при правительстве Баварии, в 1899—1903 гг. — в Токио, в 1903—1906 гг. — в Копенгагене. В 1906—1910 гг. был министром иностранных дел, в 1910—1917 гг. — послом в Париже.

⁵⁹ *Иван Григорьевич Щегловитов* (1861—1918) — статс-секретарь, сенатор, член Государственного совета. С 1906 по 1915 г. — министр юстиции, в начале 1917 г. — председатель Государственного совета. В 1918 г. расстрелян по постановлению Совета народных комиссаров.

⁶⁰ *Владимир Карлович Саблер* (1845—1918) — сенатор, член Государственного совета, в 1911—1915 гг. — обер-прокурор Святейшего Синода.

⁶¹ *Феликс Феликсович Юсупов (Сумароков-Эльстон)* (1867—1967) — граф, один из организаторов и участников убийства Г.Е. Распутина.

⁶² Целью создания «прогрессивного блока» было путем давления на правительство потребовать формирования правительства доверия, которое смогло бы путем либеральных реформ довести войну до победного конца и предотвратить надвигающуюся революцию.

⁶³ *Анатолий Михайлович Стессель* (1848—1915) — генерал-лейтенант, окончил Павловское военное училище, участник русско-турецкой войны (1877—1878). С августа 1903 г. — комендант Порт-Артура, а с января 1904 г. — и

командир 3-го Сибирского корпуса. В ходе русско-японской войны (1904—1905) — начальник Квантунского укрепленного района во время осады крепости Порт-Артур. В декабре 1904 г., не исчерпав всех возможностей для сопротивления и не учтя мнения военного совета, он сдал крепость японцам, чем осложнил действия русских войск в Маньчжурии, куда японцы немедленно перебросили свою освободившуюся 100-тысячную армию.

⁶⁴ Со стороны Германии бьеркское свидание было попыткой оторвать Россию от Франции и заключить русско-германский союз. Однако он противоречил объективным интересам русских помещиков и буржуазии. Поэтому руководство русско-го министерства иностранных дел сделало все возможное, чтобы дезавуировать подписанное соглашение.

⁶⁵ *Алексей Алексеевич Бирилёв* (1844—1915) — адмирал, в 1905—1907 гг. — морской министр. Под его руководством началось проведение морских реформ 1905—1914 гг.

⁶⁶ *Владимир Николаевич Ламсдорф* (1844—1907) — известный русский дипломат, окончил Пажеский корпус. На дипломатической службе с 1866 г., в 1900—1906 гг. — министр иностранных дел России.

⁶⁷ Ходынская катастрофа произошла 26 мая 1896 г. на Ходынском поле в Москве, где предполагалось народное гулянье в честь коронации Николая II. В результате давки и паники, возникшей среди скопившегося народа, тысячи людей были раздавлены и искалечены.

⁶⁸ *Илиодор (Труфанов Сергей Васильевич)* — иеромонах, окончил Петербургскую духовную академию. Сначала дружил с Распутиным, но затем начал против него обличительную кампанию. Автор книги «Святой черт».

⁶⁹ *Анна Александровна Вырубова* (1884—1964) — урожденная Танеева, фрейлина и ближайшая подруга императрицы Александры Федоровны, преданная поклонница Г.Е. Распутина. Арестована после Февральской революции Временным правительством в марте 1917 г., а затем освобождена. В 1920 г. бежала в Финляндию, где приняла тайный постриг под именем Мария и вела крайне замкнутую жизнь. Написала книгу воспоминаний «Фрейлина императрицы».

⁷⁰ *Александр Захарьевич Мышлаевский* (1856—1920) — генерал от инфантерии, окончил Академию Генерального штаба. С 1898 г. — профессор Академии Генерального штаба на кафедре истории военного искусства, в 1908—1909 гг. — начальник Генерального штаба. В Первую мировую войну был помощником главнокомандующего Кавказской армией, с 1917 г. командовал войсками Казанского военного округа.

⁷¹ *Сергей Петрович Боткин* (1832—1889) — один из основоположников научной клинической медицины, лейб-медик Александра III.

⁷² *Михаил Алексеевич Беляев* (1863—1918) — генерал от инфантерии, окончил Академию Генерального штаба. Участник русско-японской войны (1904—1905). В Первую мировую войну — начальник Генерального штаба, с 1915 г. — помощник военного министра, с января 1917 г. — военный министр.

⁷³ *Михаил Богданович Барклай де Толли* (1761—1818) — генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русской армией, военный министр. Герой Отечественной войны 1812 г.

⁷⁴ *Александр Францевич Рагоза* — генерал-лейтенант, командующий 4-й армией в Первую мировую войну. В 1918 г. — украинский военный министр.

⁷⁵ *Павел Петрович Скоропадский* (1873—1945) — генерал-лейтенант, окончил Академию Генерального штаба. В годы Первой мировой войны — командир дивизии, корпуса. В октябре 1917 г. возглавил военные формирования Центральной украинской рады. С 29 апреля по 14 декабря 1917 г. — гетман «Украинской державы». После свержения восставшим народом бежал в Германию, где продолжал антисоветскую деятельность. Позднее сотрудничал с гитлеровцами.

⁷⁶ *Николай Семенович Чхеидзе* (1864—1926) — один из лидеров русских меньшевиков, депутат третьей и четвертой Государственной думы. В феврале—августе 1917 г. — председатель Петроградского совета, после Октябрьской революции — председатель Учредительного собрания Грузии.

⁷⁷ *Максим Максимович Литвинов* (*Валлах Макс*) (1877—1951) — профессиональный революционер. В январе 1918 г. — полпред РСФСР в Великобритании, с мая 1922 г. работает в Наркомате иностранных дел. В 1930—1939 гг. — нарком, а в 1941—1943 гг. — заместитель наркома иностранных дел.

⁷⁸ *Михаил Саввич Пустовойтенко* (1865—?) — генерал-лейтенант, окончил Академию Генерального штаба. В 1915—1917 гг. — генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего, а затем командир 46-го армейского корпуса.

⁷⁹ *Стефан Баторий* (1533—1586) — польский король. Во время Ливонской войны (1558—1583) командовал польской армией, осаждавшей Псков.

⁸⁰ *Адольф Густав II* (1594—1632) — шведский король, полководец и военный реформатор. Создатель шведской регулярной армии.

⁸¹ *Сергей Сергеевич Саввич* (1863—?) — генерал от инфантерии. В Первую мировую войну — главный начальник снабжений армий Северного фронта.

⁸² Действительными причинами неудачи Митавской операции, проводившейся силами 12-й армии Северного фронта 23—29 декабря 1916 г. (5 января—11 января 1917 г.), был ряд серьезных упущений русского командования при ее подготовке и ведении. К этому надо добавить плохую организацию управления войсками после прорыва обороны противника, ввод резервов в бой по частям, отсутствие должного взаимодействия артиллерии с пехотой, антивоенные настроения солдатских масс.

⁸³ *Николай Дмитриевич Голицын* (1850—1925) — князь, занимал посты архангельского, калужского и тверского губернаторов. С 1903 г. — сенатор, в 1915 г. назначен председателем комиссии по оказанию помощи русским военнопленным. Входил в кружок императрицы Александры Федоровны. С декабря 1916 г. — председатель Совета министров.

⁸⁴ *Дмитрий Савельевич Шуваев* (1854—1937) — генерал от инфантерии, окончил Академию Генерального штаба. В 1909—1915 гг. — начальник Главного интендантского управления и главный интендант, в 1915—1916 гг. — главный полевой интендант. С марта 1916 г. по январь 1917 г. — военный министр. После Октябрьской революции вступил в Красную Армию, в 1918—1920 гг. — преподаватель на курсах командного состава, в 1922 г. — преподаватель тактики на курсах «Выстрел».

⁸⁵ *Александр Александрович Риттих* (1868—?) — гофмейстер, директор департамента государственных земельных имуществ, управляющий делами комитета по землеустроительным делам.

⁸⁶ *Михаил Александрович Романов* (1873—1918) — великий князь, генерал-майор, член Государственного совета, младший брат Николая II. До рождения цесаревича Алексея (30 июля 1904 г.) считался наследником престола.

⁸⁷ *Матвей Иванович Скобелев* (1885—1938) — депутат четвертой Государственной думы, меньшевик. В дни Февральской революции избран заместителем председателя Петроградского совета, а затем и ВЦИК Советов. В мае 1917 г. вошел в состав Временного правительства в качестве министра труда, но в дни корниловского мятежа вышел из его состава. После Октябрьской революции работал в советских учреждениях. С 1922 г. — член РКП(б).

⁸⁸ «Аркос» — английское акционерное общество, учрежденное советской кооперативной делегацией, возглавлявшейся наркомом внешней торговли Л.Б. Красиным.

⁸⁹ *Михаил Николаевич Романов* (1832—1909) — великий князь, генерал-фельдмаршал, сын Николая I. В 1862—1865 гг. — заместитель Кавказа и командующий Кавказской армией, а затем и войсками Кавказского военного округа. В русско-турецкую войну (1877—1878) — главнокомандующий Кавказской армией. Председатель Государственного совета.

⁹⁰ *Василий Георгиевич Болдырев* (1875—1932) — генерал-лейтенант, окончил Академию Генерального штаба. В Первую мировую войну командовал дивизией, корпусом. С сентября 1917 г. — командующий 5-й армией. В 1918 г. — главнокомандующий войсками Уфимской директории. С 1920 г. последовательно занимал должности командующего сухопутными и морскими силами Временного правительства Приморской областной земской управы.

⁹¹ *Дмитрий Николаевич Дубенский* (1858—?) — генерал-майор, военный писатель и издатель популярной военной литературы. В годы Первой мировой войны — официальный историограф Николая II.

⁹² *Василий Витальевич Шульгин* (1878—1976) — член Государственной думы нескольких созывов от Волынской губернии. По своим политическим взглядам крайний монархист. В дни Февральской революции вместе с А.И. Гучковым предъявил требование Временного комитета Государственной думы об отречении Николая II от престола. Сторонник продолжения войны «до победного конца». После Октябрьской революции стал одним из организаторов и идеологов «белого дела». Участник создания Добровольческой армии. С 1920 г. — в эмиграции. В 1944 г., после вступления Советской Армии в Югославию, арестован и осужден. В 1956 г. освобожден из тюремного заключения. Умер в г. Владимире.

⁹³ *Георгий Евгеньевич Львов* (1861—1925) — князь, крупный землевладелец, депутат первой Государственной думы, первый глава Временного правительства. После Октябрьской революции — в эмиграции.

⁹⁴ *Михаил Алексеевич Кедров* (1878—?) — вице-адмирал, флигель-адъютант. В Первую мировую войну — командир линейного корабля «Гангут», председатель комиссии по выработке правил и инструкций по тактической и организационной части судовой артиллерии. После Февральской революции — начальник Морского генерального штаба. В годы Гражданской войны — в Добровольческой армии, с 1920 г. — в эмиграции.

⁹⁵ *Алексей Ермолаевич Эверт* (1857—1918) — генерал от инфантерии, окончил Академию Генерального штаба. Участник русско-турецкой (1877—1878) и русско-японской (1904—1905) войн. В Первую мировую войну последовательно занимал должности командующего 4-й армией, главнокомандующего Западным фронтом. Как военачальник, он проявлял чрезмерную осторожность и не-

решительность. После Февральской революции уволен в отставку. Убит солдатами в результате самосуда.

⁹⁶ *Владимир Викторович Сахаров* (1853—1920) — генерал от инфантерии, окончил Академию Генерального штаба. Участник русско-японской войны (1904—1905). В Первую мировую войну командовал 2-м армейским корпусом, 11-й армией. С 1916 г. — помощник главнокомандующего Румынским фронтом, после Февральской революции уволен Временным правительством в отставку. Расстрелян в Крыму.

⁹⁷ *Сергей Петрович Федоров* (1869—1936) — выдающийся русский хирург, выпускник медицинского факультета Московского университета, профессор Военно-медицинской академии (1903—1936).

⁹⁸ *Михаил Сергеевич Путятин* (1861—?) — князь, генерал, штаб-офицер для поручений при управлении гофмаршальской частью министерства императорского Двора (1900—1911), затем начальник дворцового управления.

⁹⁹ *Владимир Дмитриевич Набоков* (1869—1922) — профессор уголовного права, видный деятель земского движения, один из основателей и лидеров кадетской партии. Был редактором-издателем ее центрального органа «Вестник Партии народной свободы», член первой Государственной думы, в 1917 г. — управляющий делами Временного правительства.

¹⁰⁰ *Борис Эммануилович Нольде* — юрист, управляющий инспекторским отделом собственной императорской канцелярии, позднее — управляющий делами Совета министров.

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Черкашин. Предисловие

3

А.Д. Бубнов. В ЦАРСКОЙ СТАВКЕ

9

Ю.Н. Данилов. НА ПУТИ К КРУШЕНИЮ

195

КОНЕЦ РОССИЙСКОЙ МОНАРХИИ

Александр Дмитриевич Бубнов

В ЦАРСКОЙ СТАВКЕ

Юрий Никифорович Данилов

НА ПУТИ К КРУШЕНИЮ

Редактор *Н.Л. Коршунова*
Художественный редактор *Е.В. Поляков*
Технический редактор *А.А. Перескокова*
Корректор *Г.В. Казнина*
Компьютерная верстка *Е.Е. Мемрук*

Лицензия ЛР № 020872 от 8 июля 1999 г.

Сдано в набор 30.01.02. Подписано в печать 9.08.02.
Формат 60×88/16. Бумага офсетная. Гарнитура Школьная.
Печать офсетная. Печ. л. 26+2 вкл. — 2 печ. л.
Усл. печ. л. 27,44. Уч.-изд. л. 25,23.
Тираж 5000 экз. Изд. № С/01/401. Зак. 9441

Воениздат, 123308, Москва, ул. Зорге, д. 1
Отпечатано с готовых диапозитивов на Книжной фабрике № 1 МПТР России
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25

Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Она уже претерпела бурю, когда все обрушилось. Все жертвы уже были принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача уже была выполнена...

В людях талантливых и смелых, людях честолюбивых и гордых духом, отважных и властных — недостатка не было. Но никто не сумел ответить на те несколько простых вопросов, от которых зависела жизнь и слава России. Держа победу уже в руках, она пала на землю заживо, как древле Ирод, пожираемая червями.

Из книги Уинстона Черчилля
«Мировой кризис 1916—1918»

КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА
РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА
РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА

